

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

Александр

67

92

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6-7/92

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б)
1937 года. Продолжение 3

СТАТЬИ

В. Н. Костылев — Выбор Льва Тихомирова 30

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

С. А. Есиков, Л. Г. Протасов — «Антоновщина»: новые
подходы 47

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Л. Г. Захарова — Александр II 58

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Продолжение . . 80

ИЗ АРХИВА ИСТОРИКА

А. А. Зимин «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги).
(Вступительная статья А. А. Формозова) 96

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А. Г. Авторханов — Технология власти. Продолжение . 116

Выходит
с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал А. И. Деникин** — Очерки русской смуты. Продолжение 143

ПУБЛИКАЦИИ

- Секретная советско-югославская переписка 1948 года. Продолжение 158

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А. Н. Акиншин** — Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х годов) 173

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Г. Д. Алексеева, А. В. Манькин** — Партия социалистов-революционеров после Октября 1917 года . . . 179
- И. Д. Гусева** — **К. С. Гаджиев.** Американская нация: национальное самосознание и культура 185
- И. Е. Задорожнюк** — **М. Шатц.** Ян Вацлав Махайский. Радикальный критик русской интеллигенции и социализма 188

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- П. В. Акульшин** — «Проблема Грибоедова» (к вопросу о дворянской революционности и просветительстве) 190

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

24 февраля 1937 г. Вечернее заседание.

М о л о т о в. Разрешите заседание пленума объявить открытым. Слово имеет тов. Бухарин.

Б у х а р и н. Я, товарищи, имею сообщить вам очень краткое заявление такого порядка. Приношу пленуму Центрального Комитета свои извинения за необдуманный и политически вредный акт объявления мною голодовки.

С т а л и н. Мало, мало!

Б у х а р и н. Я могу мотивировать. Я прошу пленум Центрального Комитета принять эти мои извинения, потому что действительно получилось так, что я поставил пленум ЦК перед своего рода ультиматумом и этот ультиматум был закреплен мною в виде этого необычайного шага.

К а г а н о в и ч. Антисоветского шага.

Б у х а р и н. Этим самым я совершил очень крупную политическую ошибку, которая только отчасти может быть смягчена тем, что я находился в исключительно болезненном состоянии. Я прошу Центральный Комитет извинить меня и приношу очень глубокие извинения по поводу этого, действительно, совершенно недопустимого политического шага.

С т а л и н. Извинить и простить.

Б у х а р и н. Да, да и простить.

С т а л и н. Вот, вот!

М о л о т о в. Вы не полагаете, что ваша так называемая голодовка некоторыми товарищами может рассматриваться как антисоветский акт?

К а м и н с к и й. Вот именно, Бухарин, так и надо сказать.

Б у х а р и н. Если некоторые товарищи могут это так рассматривать... (Шум в зале, голоса с мест. А как же иначе? Только так и можно рассматривать.) Но, товарищи, в мои субъективные намерения это не входило...

К а м и н с к и й. Но так получилось.

Ш к и р я т о в. И не могло быть иначе.

Б у х а р и н. Конечно, это еще более усугубляет мою вину. Я прошу ЦК еще раз о том, чтобы простить меня.

К а г а н о в и ч. Объективное от субъективного не отделено каменной стеной, согласно марксизму.

М о л о т о в. Тов. Рыков здесь находится? (Г о л о с а с м е с т. Здесь.) Слово имеет тов. Рыков.

Р ы к о в. Товарищи, я сначала хотел сказать несколько слов о голодовке Бухарина. Теперь надобность в этом отпадает. (Ш у м в зале, голоса с м е с т. Нет, все-таки скажите. Интересно, как вы думаете?) У меня это записано в таком виде, что голодовка Бухарина является антисоветским актом, является совершенно недопустимым средством давления на Центральный Комитет. И я лично сомневаюсь в том, искренне или нет написана эта записка в ЦК. Потому что если человек хочет умереть, так зачем заранее писать об этом в ЦК партии? (О б щ и й с м е х. Г о л о с с м е с т а. Это хорошо сказано. В о р о ш и л о в. Это значит умереть со звоном. П е т р о в с к и й. Не со звоном, а со скандалом. Г о л о с с м е с т а. Самоубийство в рассрочку.) Товарищи, мне очень трудно говорить. После последнего пленума прошло два месяца с лишним. На прошлом пленуме я лично просил подробного обследования всей своей деятельности за возможно долгий период времени. Это обследование теперь произведено, во всяком случае в своей подавляющей части, и материалы у всех на руках.

Вчера здесь была небольшая дискуссия по вопросу о том, как ведется это расследование, каково качество материалов, которые получены в его результате. Я должен сказать, что расследование производилось очень быстро и, по-моему, хорошо. Производилось оно так, что о людях, которые участвуют в этом обследовании, нет никаких данных, нет никакой возможности сказать, что они как-то заинтересованы в неправильном обвинении или меня или Бухарина. Мне кажется, что это совершенно несомненно. Совершенно несомненно. Сам факт, что три заседания посвящаются обсуждению этого вопроса, точно так же целиком говорит именно за это. И со стороны тех кадров, тех людей, которые проводят это обследование, при таком внимании к нему Центрального Комитета партии, при такой настороженности аппарата, который был недавно совершенно обновлен, конечно, о нем то же самое можно только сказать, что он стремится, конечно, всеми средствами к тому, чтобы сказать Центральному Комитету только правду, только то, что они по совести нашли. Но как раскрыть это — тут, конечно, встают значительные затруднения и перед самим следственным аппаратом, который совершенно честен. Мне кажется, что здесь есть трудности значительные.

Эти трудности, в первую очередь, заключаются в том, что речь идет о большом периоде времени, приблизительно, в 8 лет, о большом количестве участников и о бесчисленном количестве встреч этих участников и самых разнообразных разговорах между ними. Вот у меня была очная ставка с моим бывшим секретарем, неким Нестеровым, который очень «подробно» изложил два мои разговора с ним: один, по его словам, был 6 лет тому назад, другой разговор был 5 лет тому назад. Разговор на тему, о которой несомненно он после этого думал, с кем-то говорил, что-то по этому вопросу обсуждал. На мой вопрос, не думает ли он, что то, что он вкладывает мне в уста, оно потом было нанесено, он говорит: «Нет, помню все. Я думаю, что может быть то или другое слово было не так сказано, но за смысл этого я ручаюсь, все совершенно точно». Причем речь идет о человеке, который систематически хворал психическим заболеванием. (Ш в е р н и к. Хорошие у вас помощники.) За один год он был психически ненормальным 8 месяцев. (Г о л о с с м е с т а. К какому это году относится?) У меня было записано. Этот разговор со мною, кажется относится к 1931 году.

Я хочу вам привести, вот вчера у Бухарина и т. Кагановича была дискуссия на тему, что показал Куликов, и один оспаривал другого, причем этот разговор был совсем недавно по сравнению с теми 6 годами, он был совсем недавно, а один говорит одно, а другой — другое. Нельзя сказать, что так, если можно спутать или иначе понять, или как-то спутать на протяжении месяца или нескольких месяцев, я не знаю, сколько прошло, то какие же наслоения и изменения должны были произойти за 8 лет или за 6 лет.

Мне кажется, совершенно несомненно, что одна из трудностей, которые стоят теперь перед следствием, эта трудность заключается вовсе не в том, что люди сознательно лгут, что они хотят кого-то оболгать, но тут совершенно неизбежно происходит целый ряд ошибок, приписывают одному то, что сказал другой, одного смешивают с другим, иначе понимают целый ряд вещей. (Ш к и р я т о в. А разговор-то был.) Я не отрицаю. Я этого не отрицаю, что разговор был, но отрицать эти

трудности, мне кажется, точно так же нельзя. Из этих трудностей совершенно неизбежно вытекает целый ряд противоречий, которые есть в этих показаниях. Вот я уже слышал здесь термин: один врет, другой врет, по-моему, ни тот ни другой не врет. Противоречия тут неизбежны, если речь идет о том, чтобы вспомнить по тому количеству лет, по тому количеству людей, встреч и разговоров, если вспомнить все это за 8 лет, я думаю, что здесь противоречия, размолвки, один показывает одно, другой показывает другое, — это является совершенно неизбежным. Я излагаю это потому, что я сам хочу себе объяснить. Может быть, это неверно.

Второе, что, мне кажется, нужно учитывать здесь, это то, что эти изменения должны вести в одну сторону, неизбежно должны вести в сторону заострения, что ли, обвинений так называемых вождей правого уклона. Мне кажется, что это вытекает потому, что ведь все эти показания и процесс Зиновьева, Пятакова, они же их читали, если там кто-нибудь из них колебался по тому или другому вопросу, это должно его толкать в сторону, чтобы колебания его кончились. (Г а м а р н и к. А вопрос о терроре?) Туда же входит. (Ш к и р я т о в. Идет издалека.) Они толкают в одном направлении. Отсюда вытекает специфическое направление и, кроме того, ясное дело, что тут у отдельных лиц разный подход, потому что они хотят или разделить ответственность или смягчить свою вину.

Но все это я говорю не для того, чтобы опорочить. Конечно, если отбросить все эти разноречия, совершенно неизбежную путаницу, которая в любом деле по отношению к любым людям может быть, конечно, они представляют при всем этом значительный материал для обвинения.

Я повторяю, я очень долго думал сам, чтобы объяснить себе причину целого ряда ложных обвинений, которые тут бросают мне. Тут Бухарину задавался вопрос: как это они сами на себя врут. Я не помню, что ответил Бухарин, я лично думал, что сами на себя люди не станут врать. (Ч у б а р ь. Зачем им это нужно?) У меня была очная ставка с Василием Шмидтом. Для меня лично эта очная ставка очень интересна в том отношении, что этот человек признался в том, что он, работая в Дальугле, разрушил Дальуголь, занимался вредительством, разрушил организацию, он признался, что разрушил городское хозяйство в Хабаровске, что когда его начали прорабатывать, то он, чтобы спрятать концы, письменно своего приятеля Томского обругал врагом партии и заявил, что враг партии является его, Шмидта, врагом.

Я виделся со Шмидтом, он у меня однажды был сравнительно недавно — в конце 35 или в начале 36 г., я точно не помню. Я задал ему вопрос — почему он мне не сказал об этом. Он мне тогда ответил: вы же о том, что вы в центре делаете, не говорите, что же я вам буду рассказывать, т. е. он тут признался, что он от меня скрыл. (К о с и о р. Что же — нарушение дисциплины?) Может быть тут сказались неожиданность вопроса, если бы он давал письменно ответ, он, может быть, написал иначе, а тут он мотивировал тем, что вот вы что-то делаете в центре, об этом не говорите, почему я буду рассказывать вам. Значит, Шмидт сознательно врал и на центр, потому что, по его мнению, ведь я-то член центра. (П о с т ы ш е в. Не только по его мнению.) И по мнению тов. Постышева. (П о с т ы ш е в. По мнению многих ваших друзей.) Если это так, как вы здесь утверждаете, тогда зачем все это обсуждать? Нужно меня арестовать и сделать со мною, что полагается и что я бы на вашем месте сделал. (К о с и о р. Мы все же обсуждаем, черт возьми!) Я же и говорю, он был убежден, что я — член центра, делал эту вредительскую работу, как он показывает, по директиве, а от меня эту сторону скрывает. Шмидт признался, что он это скрыл. (Г о л о с с м е с т а. Кто скрыл?) Этот Шмидт Василий. (П о л о н с к и й. Недостаточно дисциплины.) Конечно, можно объяснить, что не было достаточно дисциплины. (С м е х.) Но, если существует центр с таким отсутствием дисциплины... (Ш к и р я т о в. Но он не все от вас скрывал, он еще много вредил.)

Я буду говорить. Он показал о рютинском деле, он же признался, что он скрывал эти вещи от меня сознательно. (Г о л о с с м е с т а. Плохой член центра. Л о б о в. Как от начальника центра подчиненный скрыл, кто этому поверит? С т а л и н. Пошел против дисциплины.)

Я вам рассказал то, что я слышал, или тут Шмидт обманул меня и Ежова, что он об этом не сказал. (Б е р и я. Что же он вам все-таки сказал?) Я ведь отрицаю центр, отрицаю свое участие в каком-либо центре, но я на основании того, что я

изучал за это время, пришел к совершенно твердому убеждению, что Томский, то он занимался этим делом, и для меня стало ясным, что объяснить это поведение Шмидта можно, конечно, вовсе не тем, что я от него что-то скрыл из центра, а можно объяснить только тем, что Томский дал ему директиву, что об этих вещах разговаривать со мной нельзя. (Берия. Что же вы на мертвых ссылаетесь, на живых надо. Шум. Голос с места. Легче на мертвых сваливать.) Мертвые бывают хуже многих живых. (Смех. Косиор. Живых хватает. Смех.)

Для меня этот вопрос по существу жизни и я прошу разрешения изложить ту аргументацию, те мысли, которые у меня есть. Это я могу себе объяснить. Я же должен объяснить, почему я этого ничего не слышал. Я-то не знал ни о троцкистском центре, ни о Зиновьеве не знал, как это могло быть и откуда? И для меня одна из мыслей, которая навела меня, и была вот эта история со Шмидтом. Ведь не может быть, что действительно он из-за отсутствия дисциплины о терроре мне не говорил, а из-за чего-то еще, Томский теперь мертвый и мне этого не рассказывают. (Смех, шум.) Очевидно, здесь было что-то более серьезное. Надо, чтобы я сам понял свое положение, оно заключается в том, что Томский скрывал от меня, занимаясь этим делом, а Шмидт его приятель, и он ему сказал, чтобы он от меня скрыл. (Каганович. Он же был вашим заместителем целый ряд лет, он был близок с вами, почему вы его приписываете сейчас только Томскому?) Он профессионалист... (Каганович. Он работал в Совнаркоме несколько лет.)

Я не отрицаю, что и со мной он был некоторое время близок. Я этого отнюдь не отрицаю, но тут-то они с Томским оказались единомышленниками, но как-то надо объяснить, почему он скрыл от меня. Как это можно объяснить? И скрыл ведь вовсе не пустяковые вещи, не то, что какую-нибудь мелочь. (Шкирятов. Вам это лучше понять, почему он скрыл.) Вот я вам и говорю... (Постышев. А что он скрыл?) Он скрыл все: и то, что и Дальуголь как-то разрушал, и то, что хозяйство как-то разрушал, и то, что записку какую-то написал и опубликовал относительно Томского, что Томский враг народа, враг партии, враг Шмидта. И все эти вещи. Как же это можно, чтобы я, член центра, эти вещи не знал? (Голос с места. Прозевали. Смех.) Мне кажется, что объяснить это иначе совершенно невозможно, я не могу вам этого объяснить. Конечно, может быть, Шмидт это впоследствии скажет, почему он от меня это скрыл, потому ли, что я ему не говорил о работе несуществующего центра. Ясное дело, не мог.

Но этим, конечно, нельзя объяснить то, что я объясняю по отношению к Шмидту, этим нельзя объяснить против меня не только показания Шмидта, но и показания 4—5 лиц, и Томский, ясное дело, широко не мог предупредить всех и каждого о том, что не говорите со мной. Если эта даже моя гипотеза относительно причины того, что Шмидт мне не говорил, если даже она окажется правильной. А они говорили, я виделся с целым рядом лиц, кажется, с тремя, которые признавались сами в организации террористических групп и всяких таких вещах, которые указывали на меня, указывали на меня, что я об этом знал, благословлял и рекомендовал определенно и совершенно преступно. Об одном из этих лиц говорил вчера т. Ежов, относительно этого арестованного Радина. Меня тут можно обвинять в том, что я своевременно не пришел в ГПУ, не сообщил о том, что он мне рекомендовал. Сам я это понял только после того, как ознакомился с делом Троцкого, Зиновьева и прочей сволочи. (Ярославский. А до этого член ЦК должен был молчать? Голос с места. Какая наивность.) Знаете, по-моему, эта наивность, — вы теперь все бдительность будете обнаруживать совершенно иную, чем это было раньше. (Шкирятов. Да, нам, конечно, нужно было раньше за вами следить.) Если троцкистско-зиновьевское дело учит вас, почему же оно не может учить меня? Это совершенно непонятно. (Шкирятов. Сравнение!)

Потому, что мне теперь из того разговора, который я имел, стало ясно, что то, что я приписывал колебаниям самого Радина, это вовсе не были колебания самого Радина, что он в тот период приходил для какого-то зондажа, он со мной говорил о том, что современное политическое руководство меня никуда не пустит и будет зажимать дальше, что по моему, Радина, мнению, эта самая оппозиция будет развиваться и драться, меня современное политическое руководство никуда не пустит, а если я туда не пристану, то и там у меня ничего не выйдет, и, одним словом, я буду потерянный человек. А так как будет война, то эта самая война может что-нибудь сделать. (Голос с места. А что?) То, что она может обострить

борьбу внутри партии. (Г а м а р н и к. А в результате что он вам предлагал?) Предлагал мне вести работу против партии и ЦК. Я же с этого же и начал. (Г о л о с с м е с т а. В расчете на войну. В о р о ш и л о в. В каком году это было?) Было, насколько я помню, в 1932 году. (Я р о с л а в с к и й. И вы молчали.) Вот я об этом и сказал. (С м е х.) Ясное дело, смешно. (Ш к и р я т о в. Что-то у тебя не выговаривается, яснее говори.) Конечно, попробовал бы кто-нибудь в моем положении выговаривать все как оратор, я посмотрел бы, как у него вышло бы. (С м е х. Г о л о с с м е с т а. И это все называется у вас колебанием?) У него-то? (Г о л о с с м е с т а. Нет, у вас.) Я говорю теперь, моя ошибка была в том, что я не сказал об этом ГПУ. (Г о л о с с м е с т а. Почему?)

Потому что, я уже сказал, я приписывал ему колебания и я думал, что мое влияние на него достаточно велико для того, чтобы эти колебания остановить, потому что разговор у меня с ним был необычный, очень резкий, в особенности когда он говорил о войне. Теперь, когда я, повторяю, познакомился с троцкистско-зиновьевским делом, так для меня совершенно ясно, что он приходил не от себя. (Г а м а р н и к. А до процесса это было не ясно.) Для меня это было абсолютно не ясно. Может быть, я настолько глуп был тогда, что не понимал его. (Г о л о с с м е с т а. А после убийства Кирова?) Я приписывал это его личным колебаниям, которые я лично мог бы остановить и сломить, потому что я думал, что мое влияние на него достаточно. (К а л ы г и н а. А что вы предприняли, чтобы остановить? Г о л о с с м е с т а. Да ничего.)

Вот я говорю, что тут объяснение было, мои убеждения, заявление о том, что он стоит на краю пропасти, что я ему ни в какой мере в этом деле не попутчик, а совсем наоборот, что он скатится в пропасть неизбежно, если немедленно не кончит, что разговор относительно войны — это явное преступление. Я убеждал. Я был тогда в таком состоянии, что я думал, что смогу воздействовать на него.

Вот это один из свидетелей против меня, причем когда я ему сказал это, напомнил эти вещи, он было начал признаваться: да, говорит, действительно, я вначале стал упрекать Рыкова, что он с работы свернул, не работает, а потом стал во фронтаж и стал опять говорить другое. Я не знаю, сознается ли он или нет. Но тут Радин является сознательным лжецом в этом деле, у него нет никаких внутренних колебаний, он является худшим сознательным лжецом. Я здесь сделал, конечно, ошибку. Теперь, когда я стою на этой трибуне, я вижу, что я сделал роковую ошибку, потому что если бы его тогда отвел куда нужно, тогда бы все мое положение было совершенно иным. (Г о л о с с м е с т а. Совершенно очевидно. С м е х.) Это мне совершенно ясно. Кроме этих двух свидетелей есть еще, кажется. (Г о л о с с м е с т а. А Нестеров что говорил?)

Нестеров говорил такие несусветные глупые вещи, что просто невозможно. Он говорил такие нелепости, что я будто бы исходил из того, что в 1929 г. у меня были разногласия небольшие с партией, я надеялся, что их изживу, но начиная с 1930 г. эти принципиальные разногласия стали возрастать. Я не мог говорить такой глупости. Самое острое отношение было именно в 1929 году. В 1929 г. я очень остро боролся и наделал большое количество глупостей. У него же все эти вещи перевернуты. Кульминационные пункты, затруднения, достигнутые в 1932 г. с хлебозаготовками, это неверно. Я этого говорить никак не мог. Такие путанные вещи получаются совершенно неизбежно потому, что все это говорил человек, который систематически хворает психическим расстройством. (С м е х.) В 1931 г. до 8-ми месяцев он был в сумасшедшем доме. (Г о л о с с м е с т а. А Котов не был сумасшедшим? Е ж о в. У вас до последнего времени жила Артемова. Какие вы давали указания Нестерову, как вы поддерживали связь с сумасшедшим?) Здесь дочь моя и жена моя. Они могут сказать, как я к ней относился, так что тут мне можно верить. Дочь обманывать не будет. (М о л о т о в. Сами ответите, вы ближе.) Я говорю о тех показаниях, о которых я знаю.

Теперь в отношении Котова. В отношении Котова меня можно было обвинять, что я тут обманываю, потому что на прошлом заседании, т. е. на прошлом пленуме я категорически сказал, что с Котовым с 1929 г. не виделся и не говорил. Он это сначала отрицал, потом сказал, что будто бы говорил. Я не могу, у меня нет оснований для того, чтобы говорить, что Котов на меня сознательно врет. (Г о л о с с м е с т а. А он нормальный?) Я не врач и его не осматривал и т. Ежов не имеет такого обычая, чтобы на каждой очной ставке подвергать врачебному освидетель-

ствованию. (С т е ц к и й. А Нестеров, ваш ближайший друг и помощник, это что?) Это вы можете узнать через целый ряд лиц, что он не друг мой. Он был моим секретарем, а я никогда в дружбе со своими секретарями не был. Чуть было не сказал — не буду, но, вероятно, у меня секретарей уж больше не будет. (С м е х.) Дружбы у меня никогда не было с секретарями и считаю это недопустимым. Администратором я был не глупым, чтобы такие вещи допускать. Он был моим секретарем, а дружбы никакой не было, я это не скрываю. А друзей пускай мне выбирает не тов. Стецкий, а сам я обойдусь. (Г о л о с с м е с т а. Обошелся.) Но, повторяю, Котова у меня нет оснований обвинять. (С т е ц к и й. Расскажите о Нестерове. М о л о т о в. Не мешайте.)

Обвинять в чем-либо злом я не мог. Он пролетарий, и лично я не был близко знаком с ним и я считал его человеком честным. Свидание и разговор были. Я допускаю, что я сделал ошибку, но забыл об этом. Припомнить все свидания с большим количеством лиц — это необычайно трудно. Здесь не было с моей стороны сделано сознательно. Запоминаются только те свидания, в которых произошло что-то значительное, и те разговоры, в которых произошло что-либо значительное. Я и теперь, если меня спросят, было ли это свидание — я не совсем уверен, потому что он говорил, что я из Спасских ворот входил к себе на работу, тогда как я ходил через Троицкие ворота и мне нет надобности делать несколько кварталов лишних, чтобы ходить через Спасские ворота.

Я всегда ходил с сопровождающим, один никогда. Он утверждает, что это было у Спасских ворот, я не знаю, что он сказал относительно сопровождающего, был ли он со мной или нет. Но эти вещи делают для меня террор сомнительным. Но для меня одно несомненно, я с Котовым имел один разговор. Когда Ежов спросил его на очной ставке: «Вы сказали, что вы виделись часто с Рыковым в Совнарком, о чем вы с ним разговаривали?» Он ответил, что видать-то его я видел, но никаких разговоров у меня с Рыковым не было. Так что это был единственный разговор с ним на протяжении всего этого времени, и по его признанию я там говорил с ним о соцстрахе, я говорил с ним о работе связи. Он мне дал отчет в какой-то террористической группе и получил от меня директиву об этой террористической группе.

Так вот эти вещи я лично, конечно, отрицаю. Но, я думаю, и вы должны счесть это совершенно неправдоподобным. Как так на улице? Я все-таки до сих пор очень многих знаю. При случайной встрече, единственной, которая у меня была, причем, как он сказал, мы сказали об этом несколько фраз и договорились. Это невероятная вещь. А тут кто-то сказал, что я лучший организатор, чем Томский. Но это, вероятно, никому бы не пришло в голову, имея возможность увидеть меня на улице, а я имел полную возможность говорить с Котовым в Совнарком, он меня видел в Совнарком и не в случайной встрече, а здесь была случайная встреча, он меня не ждал и я его не ждал, а встреча какая-то обдуманная. Что это такое! Я повторяю, я к Котову относился совсем неплохо.

Поэтому верно то, что я ему не говорил. Мы шли по улице. Меня многие знают. К нам могли прислушиваться. Люди ходят, смотрят, если называть такие вещи, как убийство, покушение, террор на улицах Москвы, полными словами, то может ли быть какая-нибудь уверенность, хотя и завуалировав эти вещи, что вас могут не понять? Он мне точного ответа не дал. С самого начала сказал, что он говорил о каком-то техническом акте, потом он сказал, что он говорил о террористическом акте.

Но есть ли человек, если я... если кто-нибудь поверит о том, что я на улице в беседе, причем в сопровождении этого сопровождающего, при случайной встрече точными словами, полными словами говорил на протяжении 3 или 4-х фраз, и видите ли, так говорил Котов, об этом договорились, — я не знаю, я не слышал. Вот тут кто бы то ни было... вы меня считаете за очень плохого человека, но ведь даже человек гораздо худший на такие вещи не может идти.

Что же это такое? Случайные встречи, в случайном разговоре, в 3-х, в 4-х фразах на улице договорились о том-то, о том-то... (Б а у м а н. А с Белобородовым то же самое?) Там то же самое и с Белобородовым. На шоссе в Сочах. Причем все отдыхающие меня знают и Белобородова знают, там же людей непроходимое множество. (Г о л о с с м е с т а. Смотри в какое время, в 12 часов никого не бывает.) Ну, знаете, если лунная ночь, там в 12 часов ходят принимать лунные ванны. (Г о л о с с м е с т а. Там тоже случайная встреча?) Как же в отношении

Белобородова. Если и действительно это было, то я не помню, видел я его или нет. В Сочах приходится встречаться со всеми на свете, — там же, как проходной двор. (П о л о н с к и й. В Новосибирске тоже явки на улицах устраивали, это не ново.) На Тверской, на людной площади я тоже назначал явки, я ведь в подполье, слава богу, работал.

Относительно Белобородова — другой вопрос. Как же можно, что при получении от Троцкого, который довольно сильно настаивал на директиве о привлечении правых и меня тут Белобородов втянул в этакую штуку, об этом никто из троцкистов, ниоткуда ни гу-гу? Ведь это же немыслимо. Ведь и Пятаков получал эту директиву, и Радек, и Зиновьев, и все на свете. Ведь этой вещью, если исходить из того, что был какой-то разговор, или что-то около того, они могли скомпрометировать нас, и меня в частности, гораздо сильнее, чем целый ряд пустяков, о которых они рассказывают. (Г о л о с с м е с т а. У Шмидта на даче у Каменева был разговор?) У Шмидта на даче? Сейчас меня спросили относительно Белобородова, я ответил. (Г о л о с с м е с т а. А в чем же дело?) О встрече не помню, может быть, и виделся. Но совершенно невозможно, этого не упустили бы сами троцкисты, если я говорил об этом, то они сказали бы об этом на процессе. Это же совершенно немыслимая вещь. И когда спросили этого Сокольников: «А вы с Рыковым виделись?», он говорит: «Нет, не виделся», и никто из этих не виделся, но если бы Белобородов виделся, они бы об этом говорили, черт возьми. И здесь молчание террористов (П о с т ы ш е в. Они не мало изложили про вас.) и здесь молчание троцкистов — здесь речь идет о двух разговорах, поэтому какие-нибудь объективные вещи я вам представить не могу, но вместо того, что он говорит одно, я говорю другое и в данном случае, мне кажется, это совершенно несомненно. Вот этими собственно вещами... (Г о л о с с м е с т а. А Котов, Котов?) Я о Котове говорил, по-моему, достаточно. Конечно, я могу повторить. (Ш к и р я т о в. Чего же, если сказать нечего.) Я сказал, по-моему, достаточно. Вот этим, собственно, исчерпывается показание против меня по линии террора.

Есть еще показания Артемьева, но я его не видел, я все перечислил, и все эти показания я перечислил. Я давал вам эти объяснения, все старался к этому для того, чтобы ответить вот на этот вопрос, почему все врут, а Бухарин только один говорит правду. Я старался дать объяснения, которые я лично могу найти, потому что это для меня также непонятно. (П о с т ы ш е в. Насчет Бухарина надо рассказать, неужели вы ничего не знаете?) Я о Бухарине говорю, но я должен сказать раньше, что я террористом никогда не был. (П о с т ы ш е в. Надо будет вам о Бухарине рассказать.) Я повторяю, я террористом никогда не был и никогда не буду, что бы со мной кто ни делал. Это коренным образом противоречит всем моим убеждениям и всей моей совести.

Второе обвинение, которое против меня выдвигается, я беру по важности своей, — это троцкистско-зиновьевский блок и не личное что ли в нем участие мое, а вот делегирование туда Томского. Это обвинение, насколько я могу припомнить, так как я только сегодня набросал то, что я вам рассказываю, — оно покоится, во-первых, на показаниях Пятакова, со слов Томского, эти показания потом были повторены Радеком и целым рядом других, но они обо всем этом узнали от Пятакова. В показаниях Радека о Бухарине и последних материалах разосланы показания Угланова, который приводит два собрания что ли, обсуждения, в которых я будто бы участвовал — первое он показывает, что там решили активизировать работу и вступить в сношения с Зиновьевым и Каменевым, а на втором — что он отчитывался.

Первое собрание было, по его словам, это когда я, он, Томский, Бухарин, я не помню еще кто, пешком шли с Брестского вокзала после отъезда Угарова за границу. Я на Брестском вокзале был, Угарова провожал, Угланова там видал, но я берусь доказать, что я пешком с Брестского вокзала не ходил, оттуда уехал на машине. Я это берусь доказать совершенно точно со свидетелями, что я оттуда уехал на машине. (С т а л и н. Это не преступление, на машине ездить.) Конечно, нет. Но преступление то, что говорят, будто я шел пешком. (Ж д а н о в. Это главное обвинение, что вы шли пешком?) Ходьба пешком там является предпосылкой для возможности разговоров со мной, а если я уехал, значит, я с ними не шел. (Ш к и р я т о в. Вы многое забываете. Может быть вы и это забыли?) Другое его показание. На Девичьем Поле при похоронах Угарова. Я тут порылся у себя в мате-

риалах своих и архивах и нашел письма, и одно письмо, датированное тем именно числом, когда похороны Угарова были. Письмо было в Крым из Москвы. Потом я всю эту историю разузнал.

Я на похоронах Угарова не был совершенно, жил в это время в Мухалатке в Крыму и в доказательство этого открытку, полученную мною в Крыму от дочери, я показывал Ежову, причем эта открытка была отослана точно в то же число, когда хоронили Угарова на Девичьем Поле. Тут меня кто-то спросил, я не знаю — ошибается, врет он, просто забыл, — но это ведь можно так же прощупать и на почте установить совершенно точно. (П о с т ы ш е в. А может быть, на почте подделано?) У меня и от жены есть письмо. Кроме того ведь есть решение Политбюро ЦК, которое не подделано пока что никем, где указано, с какого числа у меня был отпуск и это можно все проверить совершенно точно по документам; а меня он там оговаривает, что я в этих похоронах принимал участие, обсуждал, отчеты слушал, директивы давал. Что это такое? И это вот, собственно, единственное к тому, что было вот до этих показаний, разосланных всем нам, которые были на процессах, это единственное новое доказательство именно показание Угланова. Никаких других новых доказательств этого нет.

От меня хотел кто-то, спрашивали, как в отношении Бухарина и в отношении центра? Видите ли, сношений этих двух центров быть не могло, потому что я подлинно знаю, что центра правых, во всяком случае, при моем участии, не было. Я это знаю так же, как любой... (Н е с л ы ш и о.) не было. (К а г а н о в и ч. С какого года?) По-моему, с 1930 г., с 1931 года. (К а г а н о в и ч. С 1931 года?) Центра в том смысле, что это была та тройка, которая чем-то руководила. Мы его немедленно ликвидировали, но наши встречи вдвоем и втроем изредка бывали еще в течение нескольких лет. А потом и это кончилось. (С т а л и н. Ликвидировали когда?) Я отвечу: ликвидировали эту самую руководящую тройку после подачи заявления, но она еще некоторое время... (С т а л и н. Когда это было?) Это было в 1930 году. Но только мне опять могут сказать, что я говорю неправду. После этого мы втроем иногда собирались. Потом кончилось и это. Я ведь вам вовсе не вру, что я с 1934 г. с Бухариным не виделся и не говорил. (П о с т ы ш е в. А с Томским?) Это подлинный факт, не виделся и не говорил. Что же вы еще хотите? А в 1934 г. он ко мне приехал на дачу, когда я оттуда уезжал, и мы с ним двух слов не сказали, как он ушел на охоту.

Вчера мне кто-то, кажется Микоян, сказал, что вот ты скрыл, что весной был у Томского. Я был у Томского. Сейчас жива его мать, вряд ли она будет что-нибудь скрывать после того, что с Томским произошло. Она вам скажет, что я туда пришел с женой и не было ни одной минуты, когда мы с Томским остались бы с глазу на глаз. Мы вчетвером, он с женой, и я с женой, обошли квартиру, я не видел, как он живет, выпили по стакану чаю, потом пришли дети или один Юрий и после этого мы ушли. Ни одной минуты с глазу на глаз я с Томским в этом проклятом свидании не оставался. (С т а л и н. Кто так ездит в гости, что боятся с глазу на глаз с хозяином остаться?) Я не боялся, но я не оставался, ни одной минуты не оставался. Ведь это все-таки аргумент, который нельзя обойти. Его можно проверить, взять и допросить сына Юрия, Марию, черт ее возьми совсем! (К а г а н о в и ч. А когда он с вами советовался относительно совещания и встречи с Зиновьевым?) Это было до его выезда из Кремля. (К а г а н о в и ч. В каком году?) Вы меня спрашиваете, а я боюсь вам наврать. (Ш у м в зале, голоса с мест. Говорите громче, не слышно.) Лазарь Моисеевич который раз меня спрашивает, в каком году. Я говорю, что я не помню. Что же, я скажу что-нибудь, а потом окажется не этот год.

Я знаю только две даты. Это было до выезда его из Кремля. (К а г а н о в и ч. Того, как вы вели политические разговоры, вы не помните, а то, что чай пили вместе, это помните.) Нет, то, что я помню, я вам рассказал. Но нельзя же требовать от меня, чтобы я выдумывал даты. (М о л о т о в. В каком году, по крайней мере?) Он выехал, по-моему, в 1935 или 1934 году. Насколько помню, в конце 1934 года. Или может быть в конце 1933 года. Вернее всего, в 1934 году. (М о л о т о в. Тогда у вас были политические разговоры?) Тогда он ко мне пришел и произошло то, о чем я сейчас рассказал. (Ш у м в зале, голоса с мест. Что произошло?) Я вам расскажу. Ко мне пришел Томский на квартиру и сказал мне, что у него был Зиновьев, который ему, Томскому, предложил приехать к нему на дачу, что при этом Зиновьев ссылался на то, что не с кем поговорить: большое одиночество,

а все-таки люди политические и потребность политического общения есть, что он просит его (я не помню, тогда он, кажется, работал в «Большевике») и что он его, Томского, просит к нему приехать.

Не знаю, дал ли Томский согласие, не знаю, что ответил, но он пришел ко мне и говорит: вот такие дела. Да, еще ему сказал Зиновьев, что там где-то не особенно далеко есть дача Каменева. Он пришел ко мне по этому поводу. Это был единственный разговор у меня с Томским по этим делам. (Постышев. Советовались?) Я сказал Томскому, что здесь одиночество ни при чем, что мне совершенно ясно, что они задумали две вещи: или немедленно какую-то бузу начать, и вот — предложение альянса или какого-то блока для этой бузы и борьбы против Центрального Комитета, или, в лучшем случае, что мало вероятно, так как они восстановлены в партии, пишут в «Известия», в «Правду», и везде и всюду, собирают вокруг себя свое окружение, своих сторонников и хотят опереться на Томского, что тут вопрос идет не о гостях, а есть желание привлечь к этому делу Томского, а через него и меня. Недаром он пошел советоваться со мною. (Вышинский. 8 сентября вы говорили иначе.) То, что я говорил, я повторяю. (Голос с места. А Томский говорил, что встречались по собачьим делам. Вышинский. Вы говорили иначе.) Нельзя же слово в слово сказать, я не заучиваю наизусть. Если вас, т. Вышинский, заставить на протяжении 3-х месяцев повторять одно и то же, то и вы начнете по-разному говорить. (Молотов. Тов. Бухарин знал об этой встрече с Томским?) Я с Бухариным не говорил и не говорил совершенно сознательно, потому что я Томскому категорически заявил, что об этом не поднимать никаких разговоров. (Жданов. Вы потом Томского спрашивали — состоялась ли эта встреча или нет?) Нет, не интересовался, это моя ошибка, я об этом буду говорить, но этого не было.

Да, меня тут немножко уже сбили. Раз уж о Томском речь зашла, то я должен сказать, что все показания, с которыми я познакомился, они меня лично совершенно убедили в полной виновности Томского. (Петровский. Убедили в виновности Томского?) Убедили. Не то, что Томский делал, а то, что он делал это потихоньку от меня. В этом я убежден. Не знаю, могу ли я убедить в этом вас. (Вышинский. Говорил ли вам Томский, что в 1936 г. его в ЦК вызывали по поводу дела Зиновьева?) Не вызывали, тут вы путаете. Он писал заявление. (Вышинский. Позвольте, ваша запись есть.) Я не знаю, что у вас записано. За чаем он сказал, что он отвечал на какой-то документ, который получил из Центрального комитета по поводу Зиновьева, его отношения к Зиновьеву. Но разговор был тут за чайным столом впятером. Я его не спросил, какие документы, о чем и чем было кончено, когда он уже все эти документы в Центральный Комитет послал.

Меня попросили сказать о Бухарине. (Розенгольц. Что Томский делал?) К сожалению, он помер, а его заместить не могу. Что он занимался этим, что он занимался вредительством, иначе Шмидт этого сделать не мог, что он был в сношениях с троцкистским центром, это тоже несомненно. Он виделся с Зиновьевым и Пятаковым и с кем-то еще, что он руководил, может быть входил в состав нового центра, что он руководил, во всем этом активно участвовал, — это абсолютно несомненно. (Постышев. Откуда вы это знаете?) Из материалов. (Постышев. А материалы и на вас показывают. В отношении вас материалы не верны, а в отношении Томского верны?) Шмидт по чьему-то указанию вредительства делал. (Постышев. Шмидт и про вас говорит. Интересно.)

Теперь относительно Бухарина. Я лично за этот период в отношении Бухарина пережил целый ряд колебаний, так как, повторяю, я не могу всего объективно доказать. Постышев, конечно, может мне не верить, и все должно относиться с пристрастием, это я совершенно понимаю, но у меня логика была такая: в период самоубийства Томского я думал, что он не виноват, я думал, что он еще не виноват. Потом, когда я получил целый ряд показаний, разобрался в этом деле, я пришел к убеждению, что он виноват. В отношении Бухарина. В отношении Бухарина у меня тоже, признаюсь откровенно, колебания были. (Голос с места. Были или есть?) Были. Когда я прочитал всю эту грудку материалов, я уже набросал черновик записки Ежову о том, что такого дыму без огня не бывает. (Оживление в зале, голоса с мест. И к вам это относится. Вашего дыму не меньше.)

Вы меня не поняли. Но для меня совершенно несомненно, во-первых, так как я Томского в свое время хорошо знал, люди менялись очень быстро, можно на про-

тяжении 3—4 лет уже человека не узнать, но я говорю, что я не допускаю для себя лично, для своей совести мысли о том, что Томский не знал о шпионской деятельности троцкистов, о дележе Советского Союза. Мне кажется, из тех документов, которые я знаю, что они могли говорить об этом. Я считаю убедительными те данные, с которыми я знаком, они могли говорить о терроре и вредительстве. (К о с и о р. Сущие пустяки.) Я этого не сказал.

Теперь относительно Бухарина. У меня колебания были, особенно когда я прочитал последнее слово Радека, который перед всей страной, перед всем миром с большой экспрессией сделал такие обвинения. Мне было необычайно тяжело. Что меня окончательно обернуло относительно Бухарина, это то, что он виделся со всякими людьми, то, что он сблизился с Радеком как раз в тот период, когда со мной на протяжении ряда лет не видался. Это все могло наталкивать меня на определенные мысли. Но две причины меня убеждают в том, что... (Г о л о с а с м е с т. Говорите громче, не слышно!) Но для меня-то, я для себя знал, что ни в каких группах не состоял. И второе — мой разговор с Радеком на последнем дипломатическом приеме, на котором я был, я не помню — Бек, Иден. Мы там встретились с Радеком. Знакомые мы с ним старые, знакомы лет 25. (П о л о н с к и й. Не только знакомые, а соратники.) Вы следующий раз, т. Полонский, попросите репродуктор, а то слышно плохо. (С м е х.) Разговор с ним продолжался минут 10, разговор очень своеобразный. (Г о л о с с м е с т а. Когда он был?)

Это было в 1935 г., в 1936 г. приемов не было. Разговор был совершенно необычный по своему тону. Тон этого разговора был построен на том, что Радек передо мной — причем мы были только вдвоем — стремился всячески подчеркнуть (и если у него хоть искра совести есть, он это подтвердит), он всячески подчеркивал необычайную свою любовь и преданность и полное беспредельное согласие с Политбюро вообще, и с т. Сталиным в частности. Он хвастался своей необычайной близостью и всякими такими вещами, чуть ли не сказал: «мой любимый». Он заявил, что Сталин очень заинтересовался порученной ему работой по истории и ценит это. Мы были вдвоем и в этом разговоре между нами в таком концентрированном виде было это подчеркивание, что ясное дело... (Н е с л ы ш н о.) Причем, когда мы разговаривали о Бухарине, я тут первый раз от Радека узнал, что Бухарин поехал за границу. Хорошенькие два члена одного центра, когда один член центра не знает, что другой поехал за границу. А я об этом впервые узнал от Радека. Не хватает денег, чтобы Надежде Михайловне поехать за границу, — сказал я. Ну, что же, я со Сталиным вижусь, я могу об этом сказать, — заявил Радек. (Г о л о с с м е с т а. А зачем в прихожую выходить с такими разговорами?)

Мы курить пошли, вышли вместе покурить, потому что в помещении нельзя было курить, и там произошел этот разговор. Там курили и в других концах комнаты, но рядом с нами никого не было. Но если бы кто-нибудь и был — не в этом дело. А дело в том, что этот разговор в такой форме, как вел его со мной Радек, он был бы совершенно невозможным, если бы Радек с Бухариным действительно были так интимно близки в политическом отношении. Мне кажется это совершенно невозможным. (Г о л о с с м е с т а. Это анекдот для некурящих.) Спросите Радека, может быть вы ему поверите больше. (Г о л о с с м е с т а. Кое в чем ему поверить можно. Ш к и р я т о в. Вы его спросите.)

Я вовсе не поэт, чтобы выдумывать такого рода разговоры с учениками и т. д. В этом-то обвинять меня — это уж чрезмерно. И если он со мной говорил, ясное дело, он должен был исходить из убеждения, что если Бухарин на определенной позиции стоит — троцкистско-зиновьевской, то или я там или где-то около. Этот разговор делается совершенно непонятным. Вот эти соображения. (Г о л о с с м е с т а. А вообще-то он понятен или нет? Что, он покровительство хотел оказать вам?) По-моему, он понятен. Так как Радек был во вредительском центре, то со мной вел такой разговор, который бы меня убедил совершенно в противоположном. Это мне кажется совершенно понятным и естественным, и так как он это делал искусственно, то отсюда получились все эти излишества во всяких его словах одобрения, славословиях и т. д., — тогда все понятно. (С т а л и н. Туману что-то много. П о л о н с к и й. Дыму много.) Я здесь рассказываю то, что я знаю. В этом деле я еще многого не понимаю, там много таких непонятных туманных вещей.

Теперь относительно меня. Тут Микоян... (Ж у к о в. Насчет Бухарина не сказал ничего.) И вот эти обстоятельства, они меня лично убеждают в том, что Радек

на Бухарина налгал. (Е ж о в. А ученики ближайшие Бухарина — Слепков, Розит, Астров и т. д.?) Эта молодежь... (Ш к и р я т о в. Какая молодежь, им по 40 лет.) Вы хотите, чтобы я о Бухарине говорил. У меня есть воспоминания два.

Первое у меня воспоминание связано с тем, что однажды мне позвонили из квартиры Бухарина, что он нервный очень, и просили зайти. Я нашел его в состоянии полустерического. (К а г а н о в и ч. В каком году?) Это было в том году, когда его обвиняли, когда, как он мне передал, ему Сталин по телефону звонил и сказал: ты хочешь меня убить. (С т а л и н. Я ему сказал?) Я не могу вам совершенно точно сказать, но, если Сталин помнит, в тот же день, когда обвинили Бухарина, я подошел к Сталину и спросил об этом, неужели я тоже самое был безумным, и спросил Сталина о том, верит ли он действительно в то, что Бухарин может убить Сталина. (С т а л и н. Нет, я смеялся, и сказал, что ежели в самом деле нож когда-либо возьмешь, чтобы убить, так будь осторожен, не порежешься. С м е х, ш у м.) Я был в крайне взволнованном состоянии и подошел тогда к Сталину потому, что считал это совершенно безумным. Из этого состояния, в котором я застал Бухарина, из того, что мне говорили об этом, я мог только заключить, ясное дело, что это обвинение... (Н е с л ы ш н о).

Отношение к его школе. Я его школу не знал, знал отдельных лиц, но тоже помню, однажды Бухарин мне сказал: эта школа дорвалась или зарвалась до таких вещей, что я с ней прекратил всякие отношения и одобрил всяческие репрессии над членами этой школы. (М о л о т о в. Когда это было?) Это было, когда над школой проводились репрессии. (Е ж о в. А вот теперь Бухарин говорит, что ничего не знал, а вам говорил, что зарвалась.) Говорил, что она дорвалась до совершенно недопустимых вещей, и я с ними разорвал и одобрил и высказывался за все и всяческие репрессии над членами этой школы. Но ведь тут срок очень давний, и я вам говорю на память. (М о л о т о в. А вчера Бухарин говорил, что он не догадывался, за что арестованы члены школы.) Все знали за что арестованы, все члены ЦК знали. (С т а л и н. Он не сказал правды и здесь, Бухарин.)

Я не знаю, ведь каждый понимает, что в таком деле, как теперь, тут в чем-нибудь, может быть, ошибешься, это, конечно, не исключено и что-нибудь спутаешь. Но стоять тут на трибуне и врать в таком положении, как у меня, это совершенно сумасшедшее дело. Вы меня можете подозревать, что я ошибаюсь, неправильно говорю, но если вы думаете, что я вру, так выгоните меня, зачем на трибуну меня пустили? (В о р о ш и л о в. В таком положении не врать нельзя. Г о л о с с м е с т а. Деваться некуда.) Но был ли и когда был разговор между нами, ясное дело, я не мог бы это выдумать. Если я не знаю, я этого не знаю и не помню. Но во всяком случае эти-то две вещи они для меня доказаны, что он не поддерживал, то, что я вам рассказал, что он не был в политическом союзе или в блоке с Радеком и что он разорвал с этой самой школой.

Ясное дело, я совершенно не согласен с Бухариным, когда он тут говорит, что я всякую ответственность снимаю. И я, конечно, всякую ответственность снимаю с себя. Все-таки школу же породил он. Но на определенное время она пошла своим путем, он от нее отошел, но ведь основы-то он дал, он ее породил. Что он не соучаствовал с ними во всех их преступных делах и когда она подошла к этому он разорвал с ними — в этом я убежден в величайшей степени. Но все-таки школа была рождена же им.

Но я все-таки должен кончить. Это обвинение, которое было сформулировано по отношению ко мне о связи с троцкистско-зиновьевским центром — из того анализа, который я пытался, насколько мог, сделать, остается это одно, — то, что передает Пятаков со слов Томского. Ничего же больше нет. Ничего больше нет. Причем передает о центре, повторяю, который, я-то знаю, что его не было, не было этого центра. Центра с моим участием не было. И тут вы хотите поверить вот этой передаче Пятакова, который ссылается на Томского, всему тому, что было, но хотя бы та вещь — почему в самом деле ни один из этих сукиных детей, из этих мерзавцев не попытался увидеться со мной. Почему они виделись с Томским, с Углановым, вот тут говорят, со всеми остальными, почему со мной никто из них не пытался увидеться?

Ведь они же сами показывают, что они мне роль-то придавали не маленькую, ведь увидеться со мной отнюдь не труднее, чем с кем-нибудь еще, в Совнарком я хожу, Наркомат у меня есть, по делам всяким ко мне ходят, люди из Наркомлеса по

всяким этим столбам и прочим ко мне ходят. Ни один, ведь они же все говорят о том, что да, мы с Рыковым не виделись. И когда Сокольников спрашивали: а вы пытались увидеться, может, вам Рыков отказал? Он говорит — нет, не пытались. Почему? Ведь надо же какой-то себе отчет дать. Если я действительно был в центре, если этот центр уполномочил Томского, я вместе с Томским, то объяснить эти вещи совершенно невозможно, тогда как это вытекало, из чего?

Я говорил и с Сокольниковым, это вытекало из его деловой работы. Ведь он, Сокольников, показал: а мы с Рыковым что-то в Москве во время этого делали. Я его спрашивал — как же мы с вами должны что-то делать, а вы мне даже намека не показали никогда и никакого, что я должен что-то делать. И обвинять меня в том, что я знал о всех этих троцкистско-зиновьевских мерзостях и кого-то уполномочивал в центре только на основании передачи Пятакова, который ссылается на Томского. По-моему, это, знаете ли, и несправедливо и жестоко, потому что никаких ведь других обвинений нет. Ни одного.

Я задержал вас, товарищи, я сейчас кончаю. Я ничего, никакого отношения к этому центру абсолютно не имел, о нем не знал. (Ч у б а р ь. Насчет рютинской платформы? Ш к и р я т о в. Рютинскую платформу читал?) Относительно рютинской платформы расскажу. Я расскажу все, что я знаю. Относительно рютинской платформы дело было так. Однажды меня Томский позвал к себе в Болшево. Я к нему ездил иногда в Болшево, у него были там всяческие вечеринки и тому подобные вещи. Причем когда он мне сказал — приезжай ко мне на дачу, я совершенно не знал, зачем и как. Нашел там значительное количество людей, из которых я многих не знал, и подготавливалась обычная у Томского выпивка и всякие такие вещи. (А к у л о в. А знакомые вам люди были?) Вот я и хочу рассказать. В период этой суматохи несколько человек из них удалились, меня позвали туда в комнату, которая выходит на террасу.

Дело было летом и там один из присутствующих, по-моему, народу было больше, чем называли. (В о р о ш и л о в. К какому времени это относится?) Это было через несколько дней после того, как мы все узнали о рютинском деле. (К а г а н о в и ч. Когда это было дело? С т а л и н. Не раньше 1932 года?) Не могу я помнить. Если вы хотите, чтобы я вас обманывал, я буду называть такие-то числа и даты. Я говорю только, я помню, что о рютинском деле я уже знал, и после этого была эта вечеринка. Узнал о рютинском деле так, как узнали об этом все члены ЦК и Политбюро. Меня позвали в эту комнату, которая выходит на террасу, людей, по-моему, в этой комнате было больше, чем утверждали. (М и к о я н. Кого знал?) Помню Угланова, Томского, Шмидта Василия, еще кого-то, не помню, от каких-то ЦК союзов. Я их не знаю.

Причем один из тех, который был, рассказал, что в ЦК союзов на одном из заводов есть документ и стал говорить о рютинской программе. Какой-то рабочий — так сказали — принес с завода документ, давайте прочтем. Документ был напечатанный, прочли. (С м е х.) Как только я услышал, я самыми отвратительными словами выругал эту рютинскую программу. Причем даже Шмидт помнит слова, которыми я выругался, речь шла о реставрации капитализма. Там слишком сильно выпячивался вопрос насчет развития капитализма. Он сказал, что это слишком пересолено. (С м е х в з а л е.) Это дело было совершенно не так. Я выругал отвратительными словами программу потому, что это ухудшенный и самый отвратительный вариант во многих частях имел большое сходство с шляпниковской, с медведевской программой, практическая часть — это белогвардейская часть, экономическая — это реставрация, это совершенно дико. А теперь показывают о том, что мы ее обсуждали, читали. (К о с и о р. Но вы тоже никому ничего не сказали?)

Как же можно исправить программу, которая обсуждалась на фабрике уже (Ш у м в з а л е, с м е х.), уже в напечатанном виде, как же ее исправлять? Дайте мне второй вариант рютинской программы. (Г о л о с с м е с т а. Вы не сказали об этом ЦК партии. К а г а н о в и ч. Как же может член Центрального Комитета партии на собрании, на таком огромном, о котором вы сами рассказывали, читать документ, который был на заводе, почему вы никому об этом не сообщили? Г о л о с с м е с т а. Правильно. Г о л о с с м е с т а. На пленуме ЦК, когда обсуждалась рютинская программа, вы отрицали все.) Я к рютинской программе никакого отношения не имел, не имею и иметь не могу. Может быть она и обсуждалась, но это глупо. (Г о л о с с м е с т а. Читали?) Если исходить из того, что мне гово-

рят, что я чуть ли не ее автор, то зачем же я буду ее обсуждать, критиковать? (В о р о ш и л о в. Как же ты мог ее критиковать, когда ты ее не читал? Г о л о с с м е с т а. Вероятно, прочел.) Я ее читал. Можно прочесть программу любой партии за границей, выругать ее. (Ш у м в з а л е.)

Если вы хотите сказать, что об этом надо было сообщить в ЦК, это верно, но мне тогда в голову не пришло. (Ш у м в з а л е.) Речь идет о том, что ЦК только недавно узнал, о чем мы все с вами получили сообщение. (П е т р о в с к и й. Не случайно это было. Ж д а н о в. Вы говорите, что на этом совещании вы возражали против этой платформы, а как другие держались, как Томский, как тот, который был с завода?) Я говорю, что обсуждения не было. Может быть, я оттуда ушел, но при мне не было, не помню. (Г о л о с с м е с т а. Вы же высказывались?) Да. (Г о л о с с м е с т а. А как же не было?) Меня спрашивают, как другие. (Г о л о с с м е с т а. Только вы один высказались?) Я выругался. Может быть, я ушел. (Г о л о с с м е с т а. А может быть, и нет. С м е х в з а л е.)

Я не помню, чтобы какое-либо обсуждение рютинской программы имело место. Я с Томским в тот период все-таки встречался, вели разговоры с ним на политические темы.

Между нами никогда не было никакой мысли, ни одного слова о том, что мы можем иметь какое-то отношение к рютинской платформе. Тем более, что я имел не так давно свою платформу. Что же это такое в самом деле! (Г о л о с с м е с т а. Этого мы не знаем, что это такое. Г о л о с с м е с т а. Это трудно понять.) Может быть, трудно понять. Я хотел помочь здесь в меру моих сил в этом самом деле. Можно со мною согласиться, можно не согласиться. (С т е ц к и й. Какие пункты критиковали?) Я вам сказал, что вы думаете, я по пунктам ее знаю. Вы вот ученого профессора позовите, это вовсе не моя специальность. (С м е х. Л ю б ч е н к о. Алексей Иванович, а Томский был за программу? Р ы к о в не отвечает. С т е ц к и й. Вы же ее критиковали?) Я ее ругал. Не только я ее ругал, но и вы, т. Стецкий. (С т а л и н. Вы отвечайте, а не говорите — «и вы».) Я ответил, обсуждения при мне не было. По-моему, совсем не было обсуждения. (Г о л о с с м е с т а. А кто зачитал?) Тут какой-то член профсоюза ЦК, фамилию которого я не помню. (С м е х. К о с и о р. Какого ЦК?) Не помню. (К о с и о р. Вы говорите член ЦК, нашего?) ЦК профсоюза. (Г о л о с с м е с т а. Какого профсоюза?) То, что я знаю, я говорю, то, чего не помню, — не говорю. (К а л ы г и н а. Кто поддерживал?) При мне ее никто не поддерживал ни честным словом. За что я буду хвататься? (С м е х.) Вот, вы, т. Калыгина, будете читать когда-нибудь книгу «Моя борьба» Гитлера. Я вас сцапаю за шиворот и поведу. (Г о л о с с м е с т а. Сравнил. С м е х. Ш к и р ы т о в. Это совсем не то. Г о л о с с м е с т а. Это не то.) В отношении программы, в отношении содержания программы — ясное дело много общего.

Товарищи, я хочу сейчас кончить. Я говорил о том, что я точно знаю, абсолютно точно знаю, что этого центра — Бухарин, Рыков, Томский — не было. Но что за это время произошло? Произошло за это время то, что те, кадры что ли, которые были вызваны моей борьбой — Бухарина и Томского в качестве наших сторонников, сторонников правого уклона, эти кадры, они продолжали свою борьбу и продолжали свою работу. Тут уже докладывал Ежов, до чего дошел, как его... черт. (Г о л о с с м е с т а. Слепков?) Да, Слепков в тюрьме, другие группы дошли до большего или меньшего, но все они катились, и отдельные лица, все они катились — одни быстрее, другие медленнее на эти антисоветские контрреволюционные рельсы. (К а г а н о в и ч. Вы ничего не сказали о своей школке, не сказали об Эйсмонте, Смирнове, Толмачеве.) Об Эйсмонте, Смирнове и Толмачеве сказано в показаниях, которым вы верите больше. (К а г а н о в и ч. Мы вас просим об этом сказать, просим сказать ваше мнение.) Я в свое время говорил об Эйсмонте в ЦК.

Мне совершенно напрасно его приписывают. В чем тут дело? Я только теперь из дела этого узнал, что он был связан с Углановым, со Смирновым, и ведь никто не показывает, что он был связан со мною. (С т е ц к и й. Вы врете. На заседании Политбюро было доказано, что вы были связаны с Эйсмонтом и со Смирновым. Это записано в резолюции Политбюро 1933 года.) Что это в резолюции было записано — это я знаю. Я же об этом сказал, но я-то доказывал, что этого не было, в теперешних же бесчисленных протоколах я нашел, с кем он был связан.

Я не отрицаю, что я с Эйсмонтom был знаком. Он был моим замом; когда я был уполномоченным по снабжению армии. Я не отрицаю, что мы с ним в один период были близкими, я отнюдь это не отрицаю. Но в этом деле я совершенно не виноват. Я имею и просматривал те протоколы, которые получены, они именно это и подтверждают: ни с Толмачевым, ни с кем другим. (М о л о т о в. А со Смирновым Александром Петровичем?) Я докладывал, что со Смирновым никогда ни другом, ни приятелем не был, и почему мне приписывают Смирнова, тоже совершенно не понимаю. Не знаю, покажет ли Смирнов, что я с ним какие-нибудь дела делал? Он показать не может, потому что этого не было. (С т е ц к и й. Прочтите ваши собственные показания на заседании Политбюро 1933 года.) Я согласен, конечно, прочесть эти показания. Может быть, между тем, что я там, вероятно, говорил, что свидание было, когда он вернулся с хлебозаготовок. Но при этом свидании Эйсмонт говорил, что это лучший год из всех предыдущих лет в отношении хлебозаготовок, — вот что там в отношении этого сказано. Так что можно прочесть. Я устал и больше говорить не могу.

Я хочу сказать несколько слов по вопросу о том, означает ли все то, что с чем я неоднократно выступал, означает ли это, если принять то, что я правильно говорю и говорил прежде, — что я являюсь совершенно невиновным? Мне кажется, это неверно. И моя тут ответственность, как никого: вру или не вру, искренне или неискренне говорю — несомненно факт, что огромное количество всех преступников, что они все-таки ориентировались, в частности, на меня. Это же несомненный факт, что эти самые организации и целый ряд из них, что они выросли из тех людей и тех кадров, которые были подняты правым уклоном при большом моем участии, и что это все, ясное дело, делает меня и политически ответственным и говорит о другом, что тоже совершенно ясно. По-моему, это ошибка, с моей стороны она была двойкой, — первое, что я замкнулся в этой работе, в своем Наркомате.

Мне никто не говорил о том, чтобы там открылись большие гнезда троцкистов или зиновьевцев. (Я г о д а. Это мы скажем. М о л о т о в. Надо вам сказать, что сейчас есть записка в Совнарком от т. Ягоды о том, что по части вредительства там многое вскрыто и что отвечает за это бывшее руководство.) Я не могу ручаться и я, конечно, за это отвечаю, но это еще нужно доказать. (Я г о д а. Там и так видно, и доказывать нечего.) Я лично думал, что и меня обмануть можно, как и всякого другого. (Я г о д а. Там прямо на вас ссылаются.) Я повторяю, что и меня обмануть можно, как и всякого другого, это совершенно ясно. В свое время у Ж... (Н е с л ы ш н о.) вредительства тоже достаточно было, и т. Ягода арестовывал их более или менее периодически — инженеров вредителей в области связи. Но надо сказать, что я замкнулся в этой своей работе; с ликвидацией центра все эти группы, группки, отдельные лица, они работали в определенном направлении и доказались до открытой контрреволюции. Можно ли мне с себя снять за это ответственность?

Может ли снять с себя ответственность политический деятель за то, что целый ряд изменников, преступников, вредителей ориентируются на него и думают, что он их вдохновитель. За это я не снимаю с себя ответственности. У меня были и другого рода ошибки. Если бы я был более бдительным (Г о л о с с м е с т а. Какая наивность. С м е х в з а л е.), более резко вопрос ставил, я, вероятно, мог бы что-нибудь знать и сделать вот по этим двум вещам с Радеком и Зиновьевым, конечно, если бы я о них в то время сообщил ЦК партии, весь вопрос мог бы встать совершенно иначе, если бы все эти вредительские вещи были открыты гораздо раньше, чем они оказались открытыми на самом деле. И что тут какое-то отмежевание в узкой наркоматской работе было — это действительно факт.

По существу, я свой поворот в сторону партии ограничил только разрывом, который в дальнейшем привел к отсутствию в буквальном смысле слова этих свиданий с Бухаринным и остальными. Это было чистое делячество, я его называю делячеством, это было совершенно неправильно и тут от меня нужно требовать каких-то политических мер, какого-то политического влияния, каких-то политических разоблачений, какой-то политической ответственности за это и вот этих людей, которых я вызвал в свое время для борьбы за правый уклон, за то, что они делали. Эта ответственность на мне есть, я ее не снимаю, ответственность огромная, ибо то, что произошло теперь в партии и в стране, оно свидетельствует отнюдь не о

малом. И иметь большой позор, чем тот, что многие из этих людей делали эти отвратительные штуки, ориентируясь на меня, — это ужасная вещь.

Но из этого вовсе не вытекает, исходя из этого вовсе нельзя, мне кажется, обвинять меня в том, что я знал, что троцкисты разговаривали с Гессом, что они уступили Германии Украину, что Прибалтийский край отдали японцам, что шпионство и диверсии входили к ним как система и получили широчайшее распространение. И если вы думаете, что я об этом знал, то тогда, ясное дело, нужно таких людей уничтожать. (Г о л о с с м е с т а. Правильно!) Таких людей нужно уничтожать. Но я в этом неповинен. Я ни диверсантом, ни вредителем, ни террористом, ни троцкистом никогда не был. С Троцким я боролся вместе с другими и никогда не раскаивался в этой вещи. То, что я вместе с вами боролся против Троцкого и против Зиновьева, это ни один из тех, которые за 8 лет пишут обо мне, не показывает. Во всяком случае, я этого не нашел в этих делах. В этом я неповинен.

М о л о т о в. Товарищ Рыков, я хотел бы еще вам задать вопрос. Вы познакомились с рютинской платформой до пленума ЦК? Вы знаете, что мы на пленуме обсуждали это дело. До пленума ЦК или после?

Р ы к о в. Насколько я помню, была такая маленькая информация...

М о л о т о в. Вот, вот, тогда мы ее и обсуждали.

Р ы к о в. Нет, информация не на пленуме.

М о л о т о в. Нет, на пленуме.

Р ы к о в. Мне кажется, до пленума была послана коротенькая информация, письменная.

Э й х е. Нет.

М о л о т о в. Вы знали до пленума об этом деле или же после? Первое впечатление у вас какое было? На пленуме это было для вас неожиданностью?

Р ы к о в. Этого я не помню.

С т а л и н. До пленума, очевидно.

Р ы к о в. Я не могу сказать.

С т а л и н. Иначе это было бы для вас новинкой. Он, очевидно, до пленума знал. После пленума все знали.

Р ы к о в. Мы все знали — и я и вы — об этом задолго до пленума.

С т а л и н. Пленум был в октябре, а собрание было у вас в августе.

Р ы к о в. Я не помню, помню, что летом.

М о л о т о в. На пленуме это дело было для вас новостью?

Р ы к о в. О рютинском деле все мы знали, и я еще знал до того, как поехал Томский.

М о л о т о в. При чем тут Томский? На пленуме все узнали о рютинской платформе.

Р ы к о в. Нет, я знал об этом раньше.

М о л о т о в. Раньше знали?

Р ы к о в. Я не могу ясно вспомнить, но, по-моему, раньше.

М о л о т о в. Это совещание было на даче Томского до пленума?

Р ы к о в. Я не могу вспомнить — до или после.

М о л о т о в. Товарищи, есть предложение устроить перерыв на 10 минут.

М о л о т о в. Заседание пленума открыто. Слово предоставляется тов. Шкирятову.

Ш к и р я т о в. Товарищи, вчера мы заслушали обширный доклад т. Ежова, и кроме того все члены ЦК познакомились с огромнейшим материалом о контрреволюционной работе правых.

Товарищи, Центральный Комитет нашей партии порядочное, большое количество времени, потратил на то, чтобы дать возможность исправиться Бухарину и Рыкову, которые боролись против партии, участвуя в правой оппозиции. И раньше, на прошлом пленуме ЦК, мы имели достаточное количество материалов, чтобы исключить из партии Бухарина и Рыкова. Но тогда, по предложению товарища Сталина, пленум Центрального Комитета нашей партии принял решение — еще раз проверить и расследовать эти материалы, исходя из того, что, возможно, не все то, что показано о контрреволюционной работе Бухарина и Рыкова, окажется правильным. Разве это не служит доказательством того, что партия самым тщательным образом проверила обвинения, прежде чем предъявить их правым.

Кроме того, из доклада т. Ежова и других членов ЦК мы знаем, что Бухарину и Рыкову были устроены очные ставки с лицами, которые дали показания о них. Далее, им, как кандидатам в члены ЦК, были представлены на ознакомление все материалы показаний.

В чем же мы убедились после всего этого? Ознакомившись со всеми материалами, результатами очных ставок и заслушав доклад на пленуме, мы убедились еще и еще раз, что оказалось правдой все то, что было сказано на прошлом пленуме ЦК об их к.-р. работе. Оказалось правдой, что руководители правой оппозиции принимали участие в контрреволюционной работе. Если бы у Бухарина и Рыкова сохранилось хоть немного большевистской искренности, разве они могли бы так здесь выступать, как они выступали — один вчера, другой — сегодня? Они должны бы были выступить здесь и рассказать всю правду о своей к.-р. работе. Но, по-видимому, трудно услышать от них правду после всей их двурушнической работы, обмана партии и Центрального Комитета.

А разве Бухарин сказал здесь что-нибудь правдивого? Он не сказал о себе ни одного слова правды. Он вышел на эту трибуну и заявил, что все, написанное против него, — неправда. Но сказать это легко, нужно доказать, а доказать Бухарину нечем. Вот он и начал выискивать несовпадения в отдельных показаниях разных лиц, несовпадения в датах, в том, в какие дни встречался на той или другой улице и т. д. А в существо этих показаний он не входил, потому что опровергнуть ему их трудно.

Теперь — об его «школке», об этих его «молодых учениках», как их теперь называют. Надо, прежде всего, сказать — напрасно их здесь называют молодыми, это уже не молодые, а вполне взрослые люди. О них, об этих своих учениках, Бухарин вчера говорил, что он до последнего времени был с ними со всеми в хороших отношениях, за исключением Ефима Цетлина, который был на него в обиде. Бухарин не отказывался от того, что когда партия предъявляла к этим лицам обвинения в антипартийной работе, он помогал им выйти из их «трудного положения». Он говорил, что будто бы прилагал все старания к тому, чтобы вернуть их в партию. Что это за «старания» и к чему они привели, — это достаточно видно из всего этого дела. Кстати, разве это обязанность Бухарина — заботиться об этих лицах, чтобы вернуть их в партию? Не Бухарина это дело, и не ему заниматься исправлением этих людей. Партия об этом заботится, а не он. Он-то как раз помогал им в обратном, и своими «стараниями», как мы видим, он привел этих людей к контрреволюционной работе.

Несомненно, товарищи, нельзя верить ни на йоту словам Бухарина о том, что он ничего не знал и не участвовал в контрреволюционной работе. Не может этого быть. Вчера на заданный товарищем Сталиным вопрос — «если они показывают неправду, то почему же они все на тебя показывают?» — Бухарин мог объяснить только одним, что Цетлин на него в обиде. А как же другие? Ну, допустим, Цетлин в обиде, а почему же остальные показывают против него? Казалось бы, наоборот, они его должны были защищать и выгораживать, ведь он с ними в ссоре не был. Поймите, товарищи, они — его ученики и должны бы были его выгораживать еще и потому, что, судя по речи Бухарина, он их старался защищать в их борьбе против партии. А они наоборот, вместо того, чтобы его выгораживать, показывают против него. Не сходятся концы с концами у Бухарина. Почему мог на него Астров врать, когда Бухарин с ним не был в ссоре и его поддерживал? Почему должен был на него врать Куликов? Зачем на него должны врать Слепков и другие? Нет, товарищи, никакого повода у них не было, чтобы им врать на Бухарина, и они говорят совершенную правду.

И вот когда Бухарину задается другой вопрос: «показывая на вас, они же одновременно показывают и на себя», то он и на это находит возможным сказать только одну нелепость: «наверное, наговаривают и на себя». Ну, если Бухарин рассуждает так, что люди могут врать на себя, показывая, что они — террористы, что они готовили покушение на отдельных членов ЦК партии, на отдельных членов Политбюро, то он и здесь говорит явную ложь, хочет выгородить себя: ведь за эти их показания благодарность им не выносятся, они прекрасно знают, как караются такие преступления, они знают, что за это расстреливают. Разве могут люди так на себя врать? Нет, они тут пойманы с поличным и потому говорят правду. А у Бухарина единственная цель — фальшивыми своими речами и отговорками попытаться

оправдать себя, что он не вел контрреволюционной работы, попытаться обмануть партию, как он обманывал ее не раз. И для этой цели, для того, чтобы оправдать себя, он хочет сделать других клеветниками. Нет, так не выйдет!

Бухарин идет дальше, он подает заявление в Политбюро, в котором хочет опорочить всю работу, проведенную следственными органами по делу о контрреволюционной работе правых. Свое заявление он прямо начинает с того, что все огульно опорочивает, все огульно отвергает. Я прочитаю только одну цитату из всех его писаний: «Значительное количественно число этих клеветнических заявлений объясняется тем, что при данной общей атмосфере, созданной троцкистскими бандитами, при определенной политической установке, при осведомленности об уже сделанных показаниях последующие лжесвидетели считают, что им надо показывать примерно то же, и таким образом одно лжепоказание плодится и размножается, и принимает вид многих, т. е. превращается во многие».

Как видно из этого его заявления, он обвиняет следственные органы в неправильном ведении следствия, тогда как эти органы, как мы видели из всех материалов, провели самое тщательное следствие, какое себе можно только представить, вплоть до того, что всем им была представлена возможность дать очную ставку и еще раз таким путем проверить показания. И после всего этого Бухарин имеет наглость заявлять, что против него даются ложные показания. Ясно, что он хочет опорочить следствие, чтобы самому выйти чистым из воды. Это — испытанный маневр многих контрреволюционеров. Не выйдет это!

Товарищи, а что делает Рыков, когда выступает здесь? Он выступал здесь необычно, он выступал как трагик-комик. Нет, он не такой уж простой человек, каким хочет показаться. Он очень хитрый человек, и, выступая здесь, он намеренно делает петли, вполне понятно, чтобы запутать. (К о с и о р. Это заяц делает петли.) Он хочет запутать следствие о своей контрреволюционной работе. А чем он хочет запутать следствие? Одного из показавших на него, Нестерова, бывшего своего секретаря, Рыков представляет сумасшедшим. Бухарин, тот просто говорит, что все врут, что все это клевета. А вот Рыков — он умнее или хитрее, что здесь правильнее я не знаю, — в своих показаниях пытается изобразить Нестерова сумасшедшим для того, чтобы потом сказать: «Он сумасшедший и бог знает что может наговорить». Но, я думаю, и этот ход Рыкова ничем ему не поможет: уличенные и не признающие себя в преступлениях всегда так поступают. Если хочешь отказаться от того, что ты говорил и что на тебя показывают, конечно, такому человеку только и остается представить сумасшедшим того, кто дает против него показания. Это неправильно, никто всерьез это не примет, изволь-ка защищаться другими аргументами, если они есть, а не такими бесчестными «доводами». Нестеров показывает правду, и он не сумасшедший, из показаний этого не видно.

К таким же приемам прибегает Рыков, когда пытается опорочить и показания Котова, показывающего, как они встречались с Рыковым на улице и какой вели контрреволюционный разговор о террористической работе. Рыков и тут вместо прямого ответа пытается отговориться: «Как можно, — говорит он, — на улице говорить о терроре?» Как это можно? Конечно, на широком собрании об этом говорить нельзя. Конечно, вам, ведущим контрреволюционную работу против партии, вам только и осталось, что на улице искать место для своих встреч. Вы же конспираторы, вас научил уже антипартийный опыт предыдущей оппозиционной работы.

Рыков, как и Бухарин, пытается придумывать всякие несовпадения, он прицепился к тому, что «не у этих ворот встретились». Но разве здесь разбирается вопрос о том, у каких ворот вы встречались? Ведь Котов неопровержимо подтверждает вашу террористическую работу, ваш контрреволюционный разговор. А кто хоть сколько-нибудь знает этого Котова, тот знает, что Котов может многое не сказать, но то, что он говорит о контрреволюционной деятельности Рыкова, это абсолютно правильно, тут никаких сомнений быть не может. Тут вам нечего отказываться от того, что установлено, от чего трудно и невозможно отказываться. (К а г а н о - в и ч. Котов врать не будет.) Правильно, Котов врать не будет. Зачем ему врать? Он настоящий террорист, он признался во всем, что он не только был организатором контрреволюционных террористических групп в Москве, но что он ездил для той же цели в Ленинград. Он об этом подробно говорит в своих показаниях. Почему же он так на себя показывает? Ведь за это ничего хорошего ему не будет!

Зачем тогда ему так врать на Рыкова? Какая ему цель врать, что вы ими руководили? Ведь от того, что он это показал, ему от этого не будет никакого смягчения его вины.

Рыков здесь хочет представить, что не было центра, а были отдельные лица, что это были просто одиночки, никем не объединенные. Неверно это. Из всех показаний видно, что они были объединены вами, Рыков и Бухарин. И если сопоставить вашу к.-р. работу с контрреволюционной деятельностью террористического центра зиновьевцев и антисоветского троцкистского центра, то и у вас и у них была работа одна и та же — борьба против партии, за реставрацию капитализма. Но у вас была более конспиративно поставленная работа.

Для того, чтобы запутать свою контрреволюционную работу, Рыков говорит, что он ни с кем не встречался, ни с Бухариным, ни с Томским не встречался, и если когда были встречи, то он в свидетели брал свою жену. Ну, эти рассказы мы знаем. Рыков все это говорит для того, чтобы показать, что центра не было, что-де когда они встречались, то были свидетели их разговоров — их жены. Это сразу говорит о том, что тут дело нечисто. Для чего свидетелей брать, что вы, друг другу не верите, друг с другом боитесь разговаривать? Когда вы разговариваете, то ваши жены стоят рядом при вас свидетелями? Ведь никто не запрещал вам встречаться. Но всеми показаниями установлено когда, где и с кем вы встречались для того чтобы вести свою к.-р. работу.

Спрашивают Рыкова — читали рютинскую платформу? «Да, читал, но когда я прочел, я не согласился с ней и ушел и больше ничего». «С Радиным о контрреволюционной работе, о терроризме говорили?» — спрашиваем далее Рыкова. «Ну да, говорил. Я его разубеждал и больше ничего». В чем же вы его разубеждали? Мы-то ведь знаем, о чем говорил этот террорист — о террористических покушениях против отдельных членов ПБ. Значит, вы знали о его террористических намерениях? Знали, читали и обсуждали контрреволюционную рютинскую платформу; знали о террористических мероприятиях и даже «разубеждали» террориста, но все прикрыли, не довели до сведения партии и Центрального Комитета партии. Допустим, что вы признаете себя виновным только в этом, то и тогда вам не место быть в партии. Представьте себе такую вещь: каждый член партии, даже не член Центрального Комитета, а рядовой член партии, и не только член партии, а и каждый беспартийный, когда он слышит, что речь идет о терроризме, ведутся контрреволюционные разговоры, он обязан об этом сказать, сообщить, предупредить кого нужно, и так поступают преданные партии и Советской власти люди. Почему же вы этого не сделали? А если не сделали, значит вы участвовали в этом контрреволюционном деле, вы настоящие участники заговора против партии.

Нет, это так не выйдет, нельзя отделаться бездоказательными заявлениями, что все это неправда. Не знаю, как все члены ЦК, но я ни на одну йоту не верю этим речам Бухарина и Рыкова, что они не виноваты. А то, что написано в показаниях, есть чистейшая правда. По-моему, больше того, многого кое-чего из контрреволюционной работы еще не сказали эти контрреволюционеры. Это несомненно, но то, что они показали — это правда. История покажет это в дальнейшем.

Руководил ли кто-либо правыми террористами? Несомненно, этими лицами руководили, их руководителями были кандидаты в члены ЦК — Бухарин и Рыков. Они уже неоднократно подавали свои заявления о прекращении борьбы против партии. Но прекратили ли они эту борьбу? Нет, они не только не прекратили ее, а вели свою контрреволюционную работу с еще большим ожесточением и перешли на еще более конспиративные методы.

Рыков частично признался, что он читал контрреволюционную рютинскую платформу, и об этом никому в ЦК не сказал. Он считает, что это только его ошибка. Разберем, «ошибка» ли это или контрреволюционное преступление. Читал к.-р. платформу Рыков не один, а целой группой. А в этой платформе, как нам известно, говорится о терроре, говорится о свержении Советской власти, в ней к.-р. террористы объявляют «третью силу» — интервенцию — наименьшим злом. Что же это, преступление перед партией или нет? Конечно, это есть тягчайшее преступление Рыкова перед партией, перед страной. Если Рыков с группой своих единомышленников читает к.-р. документ, если у него на квартире ведутся контрреволюционные террористические разговоры, он тоже признался в этом, и если он обо всем этом не сообщает Центральному Комитету, то этих двух фактов, признанных Рыковым,

достаточно для того, чтобы сказать, что такой человек участвует в контрреволюционной работе.

Можно ли после всего этого поверить Бухарину и Рыкову, что они не участвовали в этой к.-р. работе? Нет, нельзя. Партия имеет уже достаточно материалов, чтобы не верить этим людям. Известно всем, что они уже не раз отказывались от своих взглядов, подавали об этом заявления в партию, выступали с «покаянными» речами, а затем по-прежнему продолжали свою работу против партии. Вот почему нет и не может быть никакой веры их заявлениям и речам!

Имеется огромный ворох показаний об этой вашей к.-р. работе. От этого вам никуда не уйти! Несомненно, руководители террористических действий не становятся сами их исполнителями. Этого они делать не будут, но для выполнения террористических замыслов они готовили других людей. Они так и строили свою контрреволюционную работу — совершать террористические действия будут другие, а они, руководители, должны остаться в стороне. Это вполне понятная тактика контрреволюционных руководителей, хорошо известная нам уже по другим процессам контрреволюционеров троцкистов-зиновьевцев. И вы вели свою работу так, как вели ее участники антисоветского троцкистского центра. Вы даже знали и учитывали отдельные промахи, ошибки своих «предшественников». Зная о подлой к.-р. деятельности троцкистов-зиновьевцев, вы, несомненно, совершенствовали свою заговорщическую работу. Ясно, что вы не собирались открыто, но ведь встретиться можно и в курилке, как вы встречались с Радеком, встретиться можно и на улице, как вы встречались с Котовым и Куликовым и при этих встречах обсуждали свои контрреволюционные дела.

Или вот такой факт, в котором признался Рыков, что был случай, когда провожали Угарова за границу. Почему вы его провожали, в чем дело? Да потому, что это был ваш единомышленник, соучастник вашей антипартийной работы, потому вы и пошли его провожать. А дальше, как говорится в показаниях, вы под видом этих проводов устроили собрание своего центра. Так вы действовали, конспирируя свою контрреволюционную работу.

И еще — насчет Бухарина. Он говорит, что все на него клеветают. Но почему клеветают, и сам объяснить не может. Клеветают участники его бывшей школки, которых он сам воспитывал, клеветает на него этот мерзавец Радек, о котором пишет в своем заявлении Бухарин, что он «слышал своими ушами, как еще Август Бебель говорил про Радека, что это грязный человек, имя которого не следует произносить». Так, значит, вы уже давно знаете, что он мерзавец, но почему же вы к нему были так близки? Ведь когда его вернули из ссылки, он сразу же первым делом бросился в объятья к вам. Почему же тебя тянуло к этому мерзавцу? Почему ты был близко с ним связан, вплоть до того, что почти жил у него на даче? Уж, конечно, не потому, что вы работали в одной редакции, не верю я этому. Можно работать в одной редакции и не ездить друг к другу на дачу. Тянуло вас друг к другу лишь потому, что у вас было одно общее дело — борьба против партии, против Центрального Комитета.

Почему тогда, когда туго становится этому мерзавцу Радеку, вы пишете за него письмо? (Б у х а р и н. Какое письмо?) Вы же сами об этом пишете в своем последнем клеветническом заявлении. Вот что говорится в этом письме: «После ареста Радека его жена пришла ко мне и передала его последние слова: «Пусть Николай не верит никаким оговорам: я чист перед партией, как слеза». И я тогда же по его и ее просьбе написал письмо товарищу Сталину». Каково содержание этого письма? Несомненно, это письмо — в защиту Радека. Почему все это делается? Все это дело раскрывается очень просто: Радек для Бухарина не был мерзавцем до тех пор, пока он не показывал правду про Бухарина. Для нас Радек давно был мерзавцем, а для Бухарина он становится мерзавцем только тогда, когда он стал показывать против него. Почему это? Почему он для вас стал мерзавцем только тогда, когда он правду стал раскрывать про вас? Почему вы тянулись к этим мерзавцам?

Если бы вы хотели работать по-настоящему, по-честному, — ведь вам дана была Центральным Комитетом большая работа, — если бы вы, Бухарин, не хотели вести работу против партии, вы нашли бы, с кем встречаться и с кем работать честно, по-партийному. А вы хотели идти против партии, и поэтому вы встречались и вели «работу» с теми, кто к вам ближе стоял, кто разделял вашу контрреволюцион-

ную работу против партии и Советской власти. Это несомненно. Нет, Бухарин, надо было бы по-настоящему выйти на трибуну и сказать всю правду, сказать действительную правду Центральному Комитету, а не изворачиваться, фальшивить, бесчестно лгать.

К этим всем своим антипартийным делам вы еще добавляете другое — к.-р. антисоветское действие — это вашу голодовку. Не хочется об этом говорить. Но пойми, Бухарин, что ты делаешь! Ведь это — антисоветское действие, самое доподлинное антисоветское, контрреволюционное действие. Так может поступать только враждебный партии человек, окончательно оторвавшийся от партии, перешедший в лагерь врагов. Когда ведется против вас следствие, когда партия хочет выяснить ваши подрывные антипартийные действия, в это время Бухарин объявляет голодовку, он объявляет партии голодовку. Что может быть враждебнее, что может быть контрреволюционнее этого действия Бухарина! В своем заявлении он пишет, что голодовку начал с 12 часов. (С т а л и н. Ночью начал голодать. С м е х. Г о л о с с м е с т а. После ужина.) Бухарин в этом до конца хочет вести свою контрреволюционную работу против Центрального Комитета. Прочтите его заявление, все эти строки написаны не нашей, не большевистской рукой, они дышат ненавистью к партии, они направлены против нашей партии. Это бесспорно.

Какой же должен быть вывод из всего этого? По-моему, если даже остановиться на том, о чем говорил т. Микоян, что как минимум они знали о террористической деятельности своих единомышленников, то я считаю, что если они знали о террористической деятельности, то все равно — минимум ли это или максимум, нет тут в этом никакой разницы — один действовал, а другой знал. Это одно и то же, это и есть участие в контрреволюционной террористической деятельности. По-моему, это так. Я не допускаю, что тут есть разница. (Г о л о с с м е с т а. Разделение труда.) Одни знают, другие действуют, так они и вели свою к.-р. работу. Но, по-моему, из всех материалов видно и установлено следствием, что они не только знали, но и руководили этим, руководили умно. Они рассчитали свои роли: там, где не поймаешь, буду отказываться, а там, где поймали, один говорит — «это наказание сумасшедшего», другой говорит — «все наклеветали». На деле это никак не выходит. Разве показывают против них только те, кто с ними не дружил? Мы уже выяснили, что это не так, что показывают на них все арестованные правые.

А Рыков в своем выступлении хочет представить дело так: когда ему задают вопрос, — а как Бухарин, как Томский, — он отвечает, что, по-видимому, Бухарин вел работу против партии, а что касается Томского, тот несомненно в этом к.-р. деле участвовал. Почему Рыков так охотно допускает и признает, что Томский несомненно виноват в этом деле? Для всех это понятно, что легче всего свалить на того, кого уже нет. Мы знаем, что Томский, несомненно, многое с собой взял — и свою и вашу работу против партии. А теперь вам легче всего свою вину свалить на Томского, а не разделить ее пополам. Мы хорошо знаем и без вас, что Томский несомненно участвовал в этой к.-р. работе, но несомненно то, что с Томским рядом стоите и вы, он не один действовал, а при вашем активнейшем участии.

Есть у нас новый уличающий вас документ — показания Василия Шмидта, где он показывает о вашей контрреволюционной работе. По поводу показания Шмидта, где он говорил с Рыковым о своей вредительской работе, Рыков утверждает, что ему о вредительстве Шмидт не говорил. Вы что же, в обиду на него, что он вам не говорил о своей вредительской работе? Вы что же, пеняете на него? Но то, что показал Шмидт, что он вел с вами разговор о своей к.-р. работе, этого вы не можете отрицать. Вы не можете отрицать и его показания, что вместе с ним читали и обсуждали к.-р. рютинскую платформу. Теперь, несомненно, для всех стало ясным на этом пленуме, что Бухарин и Рыков вели свою подрывную контрреволюционную борьбу против партии — вот вывод, который мы должны сделать.

Рыков, когда у него твердая почва под ногами, он, знаете, говорить может складно и понятно, и говорить не таким языком, каким он здесь говорил. Тут у него и язык отнялся, и говорить он не может, и одно с другим сложить не умеет. Почему? Да потому, что трудно выкрутиться ему из той глубочайшей ямы, куда он попал. По-моему, он прикидывается тут простаком, у него есть тут свой замысел, — авось, может быть сторонкой, выскочу из этого дела. (С м е х.) Нет, не выйдет этот маневр. Из этого контрреволюционного дела сторонкой выкрутиться невоз-

можно. Нужно идти начистоту, рассказать партии. (Г о л о с с м е с т а. А Фома Смирнов тоже так выступал.) Два сапога пара. Смирнов — настоящий кулак и давно был против партии, даже тогда, когда сидел Секретарем ЦК. Когда прижимали кулака, Фома со всей яростью выступал в его защиту. О Смирнове — дело известно партии. А здесь перед нами сидят Бухарин и Рыков. Оба они, и Рыков как и Бухарин, всегда вели борьбу против Ленина, против товарища Сталина, они против нашей партии все время вели борьбу. Зачем они нам в партии, зачем они нам нужны?

Рыков не знает дороги к партии, у него уже дорога другая. Он не знает, куда пойти и кому сообщить, когда при нем ведутся контрреволюционные разговоры. У него дорога в Центральный Комитет заросла, он себе нашел дорогу другую и идет по ней, эта дорога — контрреволюционная. Зачем он тогда нам в партии?

Довольно, надо кончать с этим, надо принять решение. Этим людям не только не место в ЦК и в партии, их место перед судом, им, государственным преступникам, место только на скамье подсудимых. (К о с и о р. Перед судом пускай докажут.) Да, перед судом. Не думаете ли вы, Бухарин и Рыков, что вам будет оказано какое-то снисхождение? Почему? Когда ведется такая бешеная работа против нашей партии, когда эти люди организуют заговорщические террористические ячейки против партии, чтобы террористическими действиями «убрать с дороги» членов Политбюро, мы не можем ограничиться только исключением их из партии. Этого не должно быть! К врагу нужно применить закон, установленный социалистическим государством. Нужно не только исключить их из членов ЦК и из партии, но и предать их суду.

М о л о т о в (председательствующий). Слово имеет товарищ Ворошилов.

В о р о ш и л о в. Товарищи, Бухарину, Рыкову и Томскому, этому бывшему генеральному штабу восставших правых отщепенцев в нашей партии, предъявлено весьма серьезное обвинение, подтвержденное бесчисленным множеством свидетельских показаний людей, которые непосредственно с ними участвовали в различных группах, организациях, в целом направленных против нашей партии, направленных против руководства партии, против нашего государства. Естественно, что это обвинение нужно опровергнуть, чем и занимались здесь на протяжении довольно уже значительного времени оставшиеся в живых двое представителей этого разгромленного в свое время и затем втайне снова сложившегося в кавычках генерального штаба правых — Бухарин и Рыков. Третий сочлен, тот решил для себя задачу сравнительно просто. Это не значит, что не мерзко, это не значит, что допустимо для честного человека, не говоря уже о члене партии. Хотя он, так же как и Бухарин и Рыков, оставил записку о своей невинности. Он просто ушел из жизни, оставив записку о непричастности к тому, в чем его могут обвинить, так как при его жизни ему никаких обвинений предъявлено не было.

Томский задачу обеления своей группы не облегчил, а, по-моему, он предрешил обвинение, подтвердил, по крайней мере, наполовину, если не на все 75% обвинение, предъявленное к нему и к его сотоварищам. (Г о л о с а с м е с т. Правильно. М е ж л а у к. Правильно.) Потому что, если бы за Томским, как это утверждал он в своем письме, как утверждает сейчас Бухарин в отношении себя и почти полностью в отношении своего товарища Рыкова и как утверждает Рыков в отношении себя на 75% и в отношении Бухарина процентов на 60, если бы все это, повторяю, если бы все это было так, то Томскому незачем было уходить из жизни. Томский должен был придти на ЦК и доказать свою невинность вместе со своими товарищами Бухариным и Рыковым.

Как Бухарин доказывает свою невинность, вы это отлично знаете. Он пишет длинейшее послание в ЦК, в этом послании разбирает отдельные показания людей, с которыми он связан работой и в прошлом и, оказалось, теперь и в настоящее время, до последнего времени, и сопоставляет мелкие ошибки во времени, в отдельных выражениях, пытаясь этим самым опровергнуть все то, что на него говорят, огульно просто заявляя — я чист, я честен, я ни в чем не виновен, а все что говорят на меня — есть простой поклеп. Нет, он прямо говорит — организованный поход. Кем организован? В списке, который он рассылает, он намекает и на органы Наркомвнудела и просто на ЦК, потому что органы Наркомвнудела работают, естественно, под непосредственным руководством ЦК в лице секретаря ЦК. Все

эти его экивоки, все его, знаете ли, этакие недомолвки и намеки в отношении того, что здесь не все чисто, что он, знаете ли, теперь очутился в положении человека, которого травят, создана такая атмосфера, когда ему некуда деваться и прочее, — все это есть не что иное, как обвинение, брошенное ЦК.

Это метод Бухарина. Этот метод нам всем давным давно известен. Бухарин очень своеобразный человек. Он может многое сделать. Скверный, знаете, как шкодливая кошка и тут же начинает заметать следы, начинает путать, начинает всякие штучки выкидывать, для того чтобы выйти из грязного дела чистым, и ему часто по доброте Центрального Комитета это удавалось. Ему часто удавалось из весьма неприятных историй выпутываться сравнительно благополучно. И на этот раз Бухарин пытается так поступить. (Г о л о с с м е с т а. Но дело не выйдет.) Дело не должно выйти. Центральный Комитет не трибунал. Мы не представляем собой судебную палату. Центральный Комитет политический орган, он обязан обсудить столь серьезный вопрос. Беря в совокупности не только те данные, которыми располагают сейчас следственные органы, не только все то, что показывают соучастники всех тех безобразных организаций, которые они наплодили, вдохновителем и организатором которых был Бухарин, но также посмотреть на личность тех людей, которых они знают, с которыми работали, и на тех, которые его обвиняют.

Бухарин обладает весьма своеобразными качествами. Эти стороны мы все знаем. Он представляет собой человека, который совмещает отличные и очень положительные стороны человека. Эти стороны мы отрицать не можем. Он очень способный человек, начитанный и может быть очень полезным членом партии, очень полезным был членом ЦК в свое время, был не бесполезным членом Политбюро. Этим только и объясняются эти положительные качества. И Ленин когда-то прощал ему за эти его качества подлые поступки в отношении Ленина и нашей партии. Ленин прощал ему все гнусные вылазки, гнуснейшие вылазки, о которых мы знаем. И т. Сталин с ним возится после смерти Ленина полтора десятка лет, прощает ему самые мерзкие вещи.

И этот Бухарин, вместо того чтобы быть благодарным или чувствовать, что пора в конце концов вырасти, хотя он уже не молодой, он не только не одумывается, не только не растет морально, если не политически должен был бы вырасти, он пытается набросить тень и на работу Политбюро в его гнусном деле, которое он создал. Он создал, а мы должны быть виновными за то, что он создал эту мерзость.

Что делает Бухарин? Бухарин, что ты делаешь? Он узнал, что его на троцкистско-зиновьевском процессе Каменев назвал как человека, который возглавляет какую-то группу, с ними связан, он пишет одно письмо ЦК — Политбюро, а другое мне, и вы думаете как будто невинные вещи. Он мне частенько писал. Я должен покопаться, вероятно, найдутся все его письма. Он пишет мне письмо и в этом письме как будто бы невинно есть очень мерзкие вещи. Он знает, что мы политики и все такие письма где-то оставим. Там есть мерзкие выпады против ЦК. Мы это письмо прочитав вместе с товарищами Ежовым, Кагановичем и покойником Орджоникидзе, как-то просмотрели, и только с приездом т. Молотова я ему дал прочесть это письмо и он говорит, что это просто гнусное письмо. Действительно, когда мы прочли, то там оказались гнусные выпады против Политбюро. Как только первый камень был брошен, как только Каменев о нем сказал, он уже сразу направляет линию поведения.

Вот тут он говорит между строк: если вы честные — этому не верьте, вы должны это прекратить, а если вы трусы и все прочее — это разовьется в такое-то дело.

Последующее поведение Бухарина. Когда его группы одна за другой разоблачались, эти отдельные лица становились известны следственным органам, Бухарин начинает посылать бесконечное множество писем и опять-таки тот же метод — одно письмо для всех, другое письмо Сталину и в этом письме обязательно пишет не то же, что в другом. Правда, здесь ничего другого нельзя написать, Сталину рискованно писать, но как-нибудь задобрить, как-нибудь воздействовать на доброту товарища Сталина и прочее.

Тов. Бухарин, такого рода поступки человека, который пойман с поличным, иначе как мерзостью нельзя квалифицировать. Вы пойманы с поличным и должны за свои действия, за свои поступки отвечать.

Ты здесь выступал и на том предыдущем пленуме и на этом текущем пленуме вчера и заявлял, что все тебя оболгали, что все твои люди недовольны тобой, что ты когда-то их обидел, вроде Слепкова, другие вообще с тобою разошлись и очутились в каких-то особых условиях и начали говорить на тебя, что все на тебя говорят и т. д. Но ведь не все те, которые говорят, одинаковые, в частности почему на тебя должен говорить ложь и неправду такой человек, как Шмидт Василий, человек весьма почтенный, человек, который вместе с вами представлял, так сказать, эту руководящую группу людей. (Г о л о с с м е с т а. Номер два Томский.) Который предназначался для большой государственной и партийно-политической работы. А что он тебе говорит? Говорит он о тебе вещи весьма страшные, причем в последнее время говорит гораздо больше, чем твои ученики, которых ты научил. (Б у х а р и н. Шмидт со мной не встречался.) Он не встречался. Жаль, что тебя не было, когда Рыков рассказывал. Не встречался. Он о себе рассказал.

Вот что он говорит: Еще в 1933 году, т. е. спустя четыре года, когда вы были водворены в партии, вас простили и думали, что вы станете неплохими членами партии, в 1933 году, когда Бухарин работал в Наркомтяжпроме, он, Бухарин, на почве оценки положения в партии, в стране установил прямую политическую и организационную связь с Пятаковым. (Б у х а р и н. В этом нет ни грана правды.) Об этом Пятаков говорил в твоём присутствии. (Б у х а р и н. Ну и что же?) И ты не мог это опровергнуть, ты говорил, что это ложь, как и сейчас, что все говорят ложь, а один ты говоришь правду, человек, который на каждом шагу врет и которого можно поймать во лжи.

Пятаков сообщил, что существует объединенный троцкистско-зиновьевский центр, куда входят Зиновьев, Смирнов, Мрачковский, Каменев и другие и к этому центру примкнул он, Пятаков, и Радек, но что он находится на особо конспиративном положении. Пятаков Бухарину сообщил, что он, будучи в Берлине, связался с Седовым, сыном Троцкого, от которого получил директиву от Троцкого о терроре и вредительстве. Вопрос следователя. Как к этому сообщению отнесся Томский и Бухарин? Бухарин сообщил, что Томский об этом знал. Ответ. Томский мне сказал, что по этому вопросу произошел обмен мнениями между Бухариным, Рыковым и им, Томским, в результате чего Бухарину было поручено сообщить Пятакову, что в вопросах террора и вредительства они разделяют точку зрения Троцкого и что центр правых к такому выводу пришел еще в 1932 году. (Б у х а р и н. В этом нет ни грана правды.)

При обсуждении платформы, о которой сам Рыков впервые рассказал, что эту платформу обсуждали до того, как обсуждал ее Центральный Комитет, в Болшеве у Томского на даче в августе месяце, тебя там не было. Говорят о тебе, что ты не мог не знать, что об этом шла речь. (Г о л о с с м е с т а. Почему не спросил у Рыкова?) После перехода Бухарина на работу в «Известия» связь с Бухариным от Пятакова перешла к Радеку. Это диктовалось соображениями конспиративности и удобства, потому что Радек и Бухарин работали, что называется, под одной крышей. С этого времени Бухарин и Радек информировались о положении в обеих организациях.

Радек сообщил Бухарину, что установка Троцкого на террор и вредительство реализуется на практике, — говорит это Василий Шмидт, человек, который вам близок. (Б у х а р и н. Никогда он мне близким не был, т. Ворошилов.) Человек, который составлял с вами одну группу руководства, человек, которого мы знаем за человека все-таки не за болтливую, человека положительного, может быть не совсем честного, как и вся ваша публика, — теперь это обнаруживается, к сожалению, но тем не менее настолько порядочного, чтобы не лгать на себя просто так зря. (Б у х а р и н. Он не лгал, он говорит это с определенной целью. М о л о т о в. Зачем же ему лгать, ведь он же не обижал его.) Я этой цели не знаю. Я только знаю, что такого рода показания тобой не опровергнуты. Твои опровержения весьма своеобразны: говоришь, что все лгут, все сочиняют, я чист, а они все лгуны и по каким-то непонятным для тебя причинам решили сговориться для того, чтобы себя оболгать. Ну, хорошо, они решили оболгать, но скажи, какая конечная цель этих людей?

Здесь тебе задавал вопрос и Шкирятов, а до Шкирятова и тов. Микоян и другие товарищи: какая цель у этих людей тебя оболгать? Они сами, говоря о себе, не могут не сказать о вдохновителях, об организаторах, людях, которые ими руково-

дили. (С т а л и н. Почему они себя хотят оболгать?) Почему они себя? Что, им сказали, что они должны быть выпущены или как-то будут вознаграждены, — ничего подобного. Пятаков, который имел с тобой беседу с глазу на глаз в нашем присутствии (Г о л о с с м е с т а. И который уже расстрелян.), он знал, что он будет расстрелян, при тебе, когда ему Серго задал вопрос, он махнул рукой и сказал, я знаю про свое положение. Тогда тов. Сталин спросил Пятакова: вы что, добровольно решили сделать показания или под каким-либо нажимом — то Пятаков, как и все остальные заявил: никакого нажима не могло быть, да и не может быть. Мы прекрасно знаем и следим за этим делом. Все Политбюро знает, как ведется допрос.

Скажите, пожалуйста, одни люди знают, что идут на смерть, другие в ссылку, а третьи — еще куда-нибудь, — зачем им нужно лгать, зачем им это нужно делать? (Ш к и р я т о в. И на себя лгать. Б у х а р и н. А почему Мрачковский ничего не говорил о Радеке?) Очень остроумно об этом было сказано т. Шкирятовым, что эти господа, бывшие товарищи, очень многое не говорят, и вследствие того, что они многое скрывают, получается этакая несогласованность, потому что они частичку сказали, а другую частичку у них не вытянули — и они скрыли.

А как Рыков? Что сегодня Рыков наговорил, это прямо перлы.

И вот он говорит, что я действительно был виноват и все такое прочее. Так ведь он же не вчерашний член партии, он говорит, что он знал, что если ничего не было, если он говорит, что он ничего не делал, так ведь он целый ряд вещей творил на протяжении целого ряда лет, антипартийных вещей. (Г о л о с с м е с т а. Антисоветских вещей.) И не видел в этом ничего такого, что должно было мучить человека, что должно было бы его как-то заставить переживать, думал, что так и должно быть, впрочем, я не знаю, что он думал. Очевидно, дорогие друзья, и у вас, как у всех остальных, такая же установка была или, вернее, никакой установки. Теперь, мне кажется, все это можно понять, Николай Иванович, по-человечески. (К о с и о р. Двuruшники.) Нет, не только двuruшники. Была установка в 30, в 31, в 32 году на гибель не только нашего руководства партии, но и гибель Советской власти, на приход их к власти. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) Они этим жили и потом, еще в 33, 34 году. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.)

Потом они начали концы прятать и кое-кому это удалось сделать. Была полная уверенность, что кулак сожрет Советскую власть. Когда-то нам Валерий Иванович говорил, что мужик съедает революцию, а вы ни черта не понимаете. Это дело было в Харькове и вы ничем не отличались, правые и левые — вся эта сволочь одного поля ягода. Вы никогда ничем не отличались от Троцкого с его идеологией, с его представлением о движущих силах революции и перспективах, и в этом вся суть дела 31, 32, 33 года. Тут у вас была полная уверенность и отсюда организация групп, террористических банд, отсюда установка на то, что «подбирай людей, организуй, подготавливайся, начнется заварушка, тогда мы будем во всеоружии». (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) Вы просчитались, дело пошло не так, как вам казалось должно было пойти, а тебе (о б р а щ а я с ь к Б у х а р и н у) больше, чем кому бы то ни было всегда кажется, что все это рушится, все это идет вверх тормашками, кувырком.

Вы начали прятать концы и кое-кому удалось это сделать, а потом эти концы, к нашему счастью, захватили, правда, с большими издержками для партии, для государства: была пролита кровь одного из лучших наших товарищей, который никогда такую мерзость не мог вам простить, как и все сидящие здесь товарищи. (Б у х а р и н. Тов. Ворошилов, абсолютно, ни на йоту никакого отношения.) Абсолютно, абсолютно... Да ты подожди абсолютно говорить. Вот когда вас вытащили за уши на свет божий, вы теперь начинаете кричать. Вы, наверное, думали, что теперь прошло много времени, после 34 года, ведь теперь 37-й год идет — три года уже прошло, конечно, вы психологически привыкли думать, что вы честные, что вы ничего не думаете о перевороте. Другие отдельные группки мечтают, что если не удался внутренний переворот, то внешний враг еще и сейчас не разбит. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) Еще внешний враг не разбит и на этот случай ячейки есть. Если война будет и в войне мы будем побиты, то и на этот счет у вас что-то есть. Чтобы у вас мог быть разнобой, чтобы Слепков, которого вы обучили многому, не всегда мог вам повиноваться, не всегда делал то, что вам хотелось бы, а делал то, чего вы часто и не знали и не хотели, чтобы они делали, — это я допус-

каю, но все это есть побеги и ростки, а затем уже целые растения от одного корня, от вашего корня, от корня Бухарина, Рыкова, Томского — это плоды ваших трудов, вашей работы.

Рыков здесь распинался насчет того, что я, говорит, честно говорю и вы мне должны поверить, а если не поверите, то я здесь и разговаривать с вами не желаю, если не поверите, что я здесь говорю правду. И всегда, говорит, я был правдивым человеком. А вот я вспоминаю, мы недавно вспоминали с товарищем Молотовым один случай. Это было в прошлом 1936 г. перед отпуском Рыкова. На заседании Политбюро Рыков стоял недалеко от стола председательствующего. Я подошел к нему. У него вид был очень плохой. Я спрашиваю: «Алексей Иванович, почему у вас такой вид плохой?» (М о л о т о в. Это было после заседания.) Да, после заседания, уже расходились все. Я спрашиваю: «Что у тебя такой плохой вид?» Он вдруг ни с того, ни с сего, у него руки затряслись, начал рыдать навзрыд, как ребенок. (Р ы к о в. У меня было острое воспаление...) Подожди, подожди. Мне тебя было по-человечески жаль. Я Вячеславу Михайловичу сказал, он подошел, а Рыков говорит: «Да, вот устал...» Начал бормотать неразборчиво. Я привлек Вячеслава Михайловича и стал с ним разговаривать. Он стал рыдать, трясется весь и рыдает. Тогда мы с Вячеславом Михайловичем рассказали Сталину, Кагановичу и другим товарищам этот случай и все мы отнесли это к тому, что человек переработался, что с ним физически не все благополучно.

А теперь для меня все это понятно. Слушайте, человек носил на себе груз такой гнусный, и я, который ему руки не должен был бы подавать, я проявил участие, спрашиваю у него: «Как он себя чувствует?». Очевидно, так я себе объясняю, другого объяснения найти себе не могу, почему вдруг взрослый человек ни с того, ни с сего в истерику упал от одних моих слов. (Л и т в и н о в. Когда это было?) Это было в прошлом году. (М о л о т о в. В 1935 году, вероятно, осенью. Р ы к о в. Это можно в больнице узнать. У меня было острое воспаление желчного пузыря перед этим. Я лежал, врач у меня сидел...) Это было в прошлом году, все-таки. (Р ы к о в. Может быть, в прошлом. С т а л и н. От этого не плачут. М о л о т о в. Это было летом или весной 1936 года.) Вейнберг был при этом. (В е й н б е р г. Это было осенью 1936 года. Р ы к о в. Я целую ночь орал, врачи сидели около меня...) Я считаю, что сколько бы здесь желчные пузыри не воспалялись, я тем не менее убежден в том, что такой волк, как Рыков, а я его считаю старым закаленным, боевым волком, что он не разрыдается от этого.

Разрыдался он вот от чего. Вот что говорит Радин, о котором он не может сказать, что Радин сумасшедший. Хотя он и говорит, что Нестеров сумасшедший, хотя в его показаниях не пахнет сумасшествием, хотя он в своих показаниях очень толково и подробно говорит обо всем. Ну, предположим, сделаем поправку на его показания. Но Радин ближайший его человек, можно сказать, душеприказчик, который был у него политическим секретарем, которого мы знали и ценили как способного человека, этот Радин не имеет никаких оснований для того, чтобы клеветать, обижать и вообще подводить своего бывшего патрона и человека, который, я знаю, как он к нему относился. Он говорит, что он со своими секретарями никаких дел не имел. Ничего подобного. Ты тут тоже, Алексей Иванович, был неправ: никто со своими секретарями так не возится, как ты возился. У тебя и дома и там была с секретарями слишком теплая компания. Это мы слишком хорошо знали и все мы наблюдали это.

Так вот Радин говорит очень серьезные вещи: «Вопрос: давал ли вам Рыков какие-либо конкретные поручения по линии подготовки террористических актов?» Перед этим он говорит о целом ряде разговоров и установок, которые давал ему Рыков. «Ответ: Рыков поручил мне связаться с группой Слепкова и наметить конкретный план подготовки террористических актов против руководителей ВКП(б), в первую очередь против Сталина. При этом Рыков указал, что подготовка террористических актов должна вестись одновременно, несколькими отдельными, небольшими группами с тем, чтобы в случае провала одной группы, другие могли бы продолжать работу». (Р ы к о в. Он же слепковец старый...) Далее. «Вопрос: выполнили ли вы его поручение?» «Ответ: да, выполнил. Во-первых, я связался с Александром Слепковым и в разговоре с ним установил, что он также получил уже директиву о создании террористической группы от Бухарина. А. Слепков высказал мнение, что плана террористических актов пока вырабатывать не нужно и что

основная задача, которая стоит перед нами, — это подбор надежных людей для террористических групп. Когда эти люди уже будут, можно будет выработать конкретный план совершения террористических актов над тем или иным членом Политбюро и выследить время и место для совершения террористического акта. Через некоторое время после этого разговора Слепков познакомил меня с Арефьевым, характеризуя его как человека, вполне подготовленного для участия в террористической деятельности и организации террористических актов». Потом идет все в таком же роде.

Тов. Рыков, теперь, вы будете это отрицать. В вашем положении ничего другого не остается, поскольку вы еще, как мы приняли выражаться, не желаете разоружиться перед партией по-настоящему и вам приходится все отрицать.

А я этому Радину верю абсолютно. Эта моя вера сейчас укрепляется, тем паче, что вы нас здесь огорошили сообщением, что вы в Болшеве в 1932 г. собирались и читали. Неважно, обсуждали или читали, составляли или нет. На этом заседании вы не составляли рютинской платформы, она была ранее составлена, а тут вы ее в готовом виде читали.

Почему вы об этом никогда никому не сказали? Какой вы член партии, какой вы кандидат в члены ЦК, вы — бывший председатель Совнаркома? (Г о л о с а с м е с т. В то время член ЦК.) Да, а тогда член ЦК. Как это можно одно с другим связать. И почему вы думаете, что теперь, когда кусочек занавеса открыли и показали себя и своих людишек в таком неприглядном и гнусном свете, почему мы — сидящие здесь — должны верить, что кроме этого ничего больше не было?

Мы не верим. Мы знаем, что кроме этого было очень многое, что не стало известным и что вы пока скрываете. (Р ы к о в. Я мог бы это тоже отрицать...) Вот, вот, мог бы отрицать. Вы — ловкий адвокат. Я считал Бухарина ловким адвокатом, оказалось, Бухарин — щенок по сравнению с вами. (С м е х в з а л е.) Бухарин просто глупо, огульно все отрицает. А вы на 50% обмазали Бухарина, на 75% обмазали вашего покойного друга, на покойника все можно валить, и себя немножко подмазали, подмалевали. И получается для людей, неискушенных в борьбе, для людей лопухих, извините за грубое выражение, почти правдоподобная картина. Бери человека под ручку и иди с ним чай пить. (С м е х в з а л е.) А на деле совсем, по-моему, выглядит по-другому вся эта история.

Вот мне сейчас дали документ, который еще у нас в руках не был и у вас его не было, опять-таки относящийся к вам, Алексей Иванович. Начальник Управления связи Казахстана Трофимов, очень близкий с недавнего, правда, времени, с относительно недавнего времени к вам, т. Рыков. Арестован, как троцкист и правый — так я понимаю? (Е ж о в. Так, так, допрашивавшийся в Казахстане.) Был сначала троцкистом, потом перекочевал к правым. Допрашивался в Казахстане. Если здесь говорят, атмосфера создана соответствующая, то там никакой атмосферы нет. (С м е х.) Свободные степные пространства. (К а г а н о в и ч. А главное, близко к Памиру. С т а л и н. Куда Бухарин любил ездить.) Так этот Трофимов на допросе сообщил следующее. «Вопрос: Каким образом вы вступили в организацию правых, кем завербованы и когда? Ответ: Осенью 1932 года». 1932 год, знаете ли, самый такой рубеж, когда велась большая работа. «В 1932 г. я был завербован Рыковым, в то время Наркомпочтель, для контрреволюционной деятельности». Уже о вредительстве идет речь.

«Вопрос: Знал ли Рыков ранее, до вербовки, о вашей прежней активной троцкистской деятельности? Ответ: Да, Рыков очень хорошо знал о моей принадлежности к троцкистской организации. Рыков знал о том, что я был непосредственно связан с Смирновым Иваном Никитичем... (Ч и т а е т.). Откровенные контрреволюционные разговоры. Рыков повел со мною об участии моем и о вредительской работе в Наркомпочтеле.

Вопрос: Дайте подробные показания об обстоятельствах вербовки вас Рыковым в организацию правых. Ответ: С осени 1932 г. Рыков начал проявлять большое ко мне внимание и всячески покровительствовал мне по службе. Рыков предложил мне даже из Ленинграда вернуться снова на работу в Москву. Такого отношения ко мне ранее не наблюдалось. Прямому предложению мне со стороны Рыкова о вступлении в организацию предшествовал ряд бесед, преследующих цель прощупать мои политические настроения. Рыков в разговоре со мною резко отзывался о политике ЦК и в особенности лично о т. Сталине. Я помню, он говорил о развитии кро-

лиководства». Видите, какие подробности. (К а г а н о в и ч. Радин тоже показывает о кролиководстве.) «Рыков доказывал гибельность политики ЦК и лично т. Сталина... (Ч и т а е т.) ...высмеивал социалистическое соревнование...» Это же сущая правда. Я Рыкова знаю. Рыков выступал против социалистического соревнования. «Сначала осторожно, а потом все более и более в откровенной форме». Все это правильно. Это — Рыков как он есть. (Р ы к о в. Ну, конечно, я же все организовал у себя.) То, что он говорит, это же твоя сущность. Ты клепал на социалистическое соревнование, тебе казалось все диким, нелепым. Я же тебя хорошо знаю, знаю, [так] как аккуратно посещал собрания Совнаркома, когда ты председательствовал. Этот человек говорит искреннюю правду.

«Рыков доказывал гибельность политики ЦК ВКП(б) и лично т. Сталина... (Ч и т а е т.) Он говорил об отсутствии правильного планирования, что финансы не увязываются с материальными фондами и т. д. Особенное озлобление против ЦК ВКП(б) проявлялось у Рыкова, когда начавшийся разговор с какой-либо стороны касался внутривнутрипартийного режима и в особенности отношения ЦК ВКП(б) к троцкизму или к правым. В это время Рыков извергал самые... (Р ы к о в. Врет.) ... и в особенности т. Сталина».

И дальше все до конца в этом духе. Кончается этот документ тем, что он пошел на вредительскую работу по вербовке и соглашению с Алексеем Ивановичем Рыковым. (К а г а н о в и ч. Да, если так характеризовать режим, то каждый пойдет на это.) С таким режимом надо бороться. Такому режиму добра никто не пожелает, если его будут изображать такие люди, как Рыков, а для начальника связи Рыков представляет большую величину.

Я считаю, что виновность этой группы, и Бухарина, и Рыкова и в особенности Томского, доказана полностью. Я допускаю, что с какого-то времени и между собой эти люди начали меньше встречаться, может быть, с 1934, 35 года, реже стали давать директивы, а некоторые и просто перестали давать директивы своим подчиненным организациям. Возможно, что в душе, в некоторый период времени, люди хотели, чтобы все то, что лежит на этой душе, не существовало. Я все это допускаю, возможно это, но я абсолютно убежден, что вся эта публика, которая ныне арестована и которая допрашивалась, говорит правду. Все это относится к 1932 г., может быть, к 1930, 31, 32 году, главным образом, очень тяжелым годам, когда наша партия напрягала все силы для того, чтобы консолидировать все, что есть здорового в стране для того, чтобы выйти из тяжелого положения.

И все эти товарищи — к сожалению, приходится считать их товарищами, пока не принято решение, — эти товарищи, вели гнусную, контрреволюционную, противонародную линию, а результаты того, что они делали, сейчас пожинают пока что словесно, а потом, я думаю, и материально.

М о л о т о в. Сейчас без 10 минут десять. Есть предложение прения перенести на завтра. Завтра открыть пленум в 12 часов дня. Нет возражений? Нет. Заседание закрывается.

(Продолжение следует)

Выбор Льва Тихомирова

В. Н. Костылев

Автор публикуемой ниже статьи — безвременно умерший талантливый историк Владимир Николаевич Костылев (1952—1990) — в середине 70-х годов выбрал трудную, не привлекательную по тем временам для диссертации тему, посвятив ее изучению монархической идеологии в публицистике Л. А. Тихомирова. К началу 80-х годов исследование было завершено, но защита состоялась лишь в 1987 г. — задержка была связана с «отвлечением» молодого историка, вступившего в борьбу (как показало последующее — неравную и трагичную) за перестройку исторического образования в Брянском педагогическом институте, где он тогда работал. Об этой «брянской истории», выпукло, «в лицах» характеризующей нравы и порядки в медвежьих углах России, трижды писала в 1988—1989 гг. «Советская культура»¹. В личном архиве Костылева остались рукописи статьи, готовившейся по заказу «Вопросов истории». По этим рукописям статья подготовлена В. И. ХАРЛАМОВЫМ; им же дано название статье.

«Тихомиров, Лев Александрович (19. I. 1852 — 16. X. 1923) — рус. революционер-народник, впоследствии — ренегат. Из дворян. Учился в Мос. университете. В 1872—1873 — чл. об-ва чайковцев, вел пропаганду среди рабочих. Написал револ. брошюры «Сказка о четырех братьях» и «Е. И. Пугачев или бунт 1773 г.» и др. Арестован в нояб. 1873, судился по «процессу 193-х». С лета 1878 — чл. Исполнител. к-та, Распорядит. комиссии и редакции «Народной воли». В 1882 эмигрировал. Издавал вместе с П. Л. Лавровым «Вестник «Народной воли». В 1888 отрекся от революционных убеждений, напечатал брошюру «Почему я перестал быть революционером», испросил помилование и в 1889 вернулся в Россию. Стал монархистом. В 1909—1913 редактировал «Моск. ведомости». В 1919 отошел от политической деятельности. Умер в Загорске»².

К этой энциклопедической справке следует прибавить: Л. А. Тихомиров родился в Геленджике в семье военного врача, служившего на Кавказе. Окончил с золотой медалью керченскую гимназию. По его воспоминаниям, он «чуть ли не с третьего класса» зачитывался «Русским словом» Д. И. Писарева, а в старших классах «имел вполне республиканские «убеждения». «В истории я учил только, что времена монархии есть время «реакции», времена республики — «эпоха прогресса». Я был революционер... Все, что мы читали и слышали, все говорило, что мир развивается революциями. Мы в это верили, как в движение земли вокруг солнца»³. В 1870 г. Тихомиров поступил в Московский университет на юридический факультет, затем перешел на медицинский. В университете и началась общественно-полити-

ческая деятельность будущего пропагандиста-исповедальника «Народной», а затем «Самодержавной» воли.

Ренегатство Тихомирова, уже само по себе бывшее заметным явлением общественно-идейной борьбы конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века, явилось, однако, лишь первой ступенью его новой карьеры. «Вторым Катковым» называли Тихомирова-монархиста его бывшие товарищи по революционному подполью и имели для этого все основания. Ряд его работ, в том числе и четырехтомный труд «Монархическая государственность», многочисленные брошюры, десятки статей, в которых он не только доказывал утопичность революционных и либеральных программ, но и обосновывал необходимость для России самодержавия, совершающего «прогрессивную эволюцию», позволяют говорить о Тихомирове как о едва ли не самом крупном (после Каткова) публицисте и идеологе самодержавия. К его услугам не раз прибегало правительство в попытках затормозить революционное движение, завоевать общественное мнение, спасти самодержавие.

Несмотря на то, что имя Тихомирова довольно часто упоминается в работах историков, публицистика его как монархиста, его связи и окружение, место и роль в общественно-идейной борьбе в литературе не рассматривались; органы, в которых в 90-е годы XIX — начале XX в. он сотрудничал, включая «Московские ведомости», и идеи, которые он тогда разделял и проповедовал, изучены лишь в самых общих чертах.

Выпустив в июле 1888 г. брошюру «Почему я перестал быть революционером», Тихомиров в сентябре обратился к Александру III с покаянным письмом, умоляя простить ему «многочисленные вины» и позволить возвратиться в Россию. Пока его дело разбиралось в петербургских канцеляриях, Тихомиров не сидел, сложа руки. Через свою новую знакомую, близкую к правительственным кругам журналистку О. А. Новикову, а также А. С. Суворина, он стремился убедить «власти предержавные» в искренности своего раскаяния и в своей небесполезности для «русского дела». Тихомиров подчеркивал: «Я боюсь, что вижу и понимаю кое-что, что другие поймут еще не скоро, а, может быть, даже тогда, когда уже будет поздно». «По вреду, который я приносил, — замечал он при этом, — можно все-таки ждать, что я сумею быть и полезным»⁴.

В разговоре с заведующим парижской агентурой царской охраны П. И. Рачковским в сентябре 1888 г. Тихомиров выразил надежду, что «правительство, признав за ним литературный талант, даст ему возможность действовать и как публицисту для укрепления самодержавного строя (путем борьбы с бюрократией и нигилистами, как он признавался своим немногим друзьям)». Рачковский понял, что Тихомиров рассчитывал создать себе особое политическое положение «взамен того, которое он утратил». «В настоящее время, — докладывал Рачковский, — Тихомиров считает возможным занять общественное положение умершего Каткова».

В доказательство своей искренности Тихомиров еще в Париже по просьбе Рачковского составил записку «О мерах к уничтожению вредного влияния эмиграции на учащуюся молодежь» путем контрпропаганды. Эта записка была скептически оценена Рачковским⁵, однако директор Департамента полиции П. Н. Дурново, прочитав записку Тихомирова и его брошюру, приложил максимум усилий для доказательства в «нужных кругах» полезности возвращения Тихомирова и привлечения его к активной работе в консервативной прессе. Но в правительственных кругах были и другие мнения на этот счет. Тихомиров писал жене, что в России «есть много людей, которые против него, говорят, что чистое дело требует чистых рук, а чтобы очистить себя он должен выдавать и должен быть наказан»⁶. Говорили также, что К. П. Победоносцев «ставил как условие возвращения Тихомирова, чтобы прощаемый властью земною грешник поступил в монастырь замаливать грех». Но, ознакомившись с брошюрой Тихомирова, Победоносцев, по свидетельству Новиковой, начал «сильно поддерживать» раскаявшегося революционера⁷.

Между тем в реакционных кругах все чаще раздавались голоса, призывавшие не особенно доверять Тихомирову, который якобы только «притворяется благонамеренным, чтобы тем удобнее содействовать разрушению существующего строя»⁸. Тихомиров отмечал в письме Новиковой, что такое недоверие к нему составляет «очень скверный признак» монархистов: «Как! Неужели люди русской истории, русского царя не могут себе представить, что их дело, их идеи могут кого-нибудь искренне привлечь? Неужели они так уверены, что искренно, по совести, без рас-

четов можно делаться только революционером?.. Заметьте, что если бы я про-
сился в шпионы, меня бы сейчас же пустили. Переход в шпионы понимается, а
честное убеждение в нелепости революционных идей — нет!»⁹.

Особенно резким нападкам подвергался Тихомиров со стороны «Русского вест-
ника», спешившего «напомнить забывчивым» революционную биографию Тихоми-
рова. Журнал предупреждал правительство, что прощение «главаря царевбийц»
будет воспринято обществом как недопустимый подрыв законов, «сентиментальная
слабость» власти и может иметь «серьезные последствия»¹⁰. К тому же консерва-
тивная пресса, встревоженная слухами о возможном наследовании Тихомировым
роли Каткова, не столько заботилась о прочности закона и власти, сколько боялась
получить в его лице серьезного соперника.

На докладе министра внутренних дел Д. А. Толстого о раскаянии Тихомирова
царь наложил резолюцию: «Это утешительный факт. Что предполагаете вы ему
отвечать? Отталкивать его не следует, он может очень пригодиться»¹¹. В соответ-
ствии с этой резолюцией был составлен новый всеподданнейший доклад. Отметив
в нем, что содеянные Тихомировым преступления «по своей тяжести не покрыва-
ются ни давностью, ни подходят под действие манифеста 15 мая 1883 г.» о помило-
вании государственных преступников, министр писал: «На точном основании
закона Тихомирову следует объявить, что прощение его о помиловании подлежит
рассмотрению лишь тогда, когда он добровольно явится в отечество, предаст себя
в руки правосудия». Однако учитывая, что «в случае неудовлетворительного разре-
шения его ходатайства» он останется за границей и сможет еще «принести значи-
тельный вред», Толстой предлагал помиловать Тихомирова с тем, чтобы, возвра-
тившись в отечество, он был выслан «в определенную местность» под надзор поли-
ции на 5 лет. 10 ноября 1888 г. Александр III утвердил доклад, присовокупив, что
«очень рад сделать все возможное для Тихомирова»¹².

Правительство явно рассчитывало на то, что прощение видного деятеля «На-
родной воли» послужит сигналом для массового отречения от борьбы других рево-
люционеров, которые «последуют за Тихомировым и закончат начатое им дело»¹³.
Большие надежды возлагались и на антиреволюционные писания Тихомирова, в
прошлом одного из ведущих сотрудников демократической прессы. Ожидая кроме
того каких-либо разоблачений со стороны бывшего члена Исполнительного коми-
тета, директор Департамента полиции попытался выведать у Тихомирова «народо-
вольческие секреты», но был неприятно удивлен его заявлением: «Я подавал про-
шение на Высочайшее имя не для того, чтобы быть шпионом»¹⁴. Тихомиров объяс-
нял свое поведение не только желанием «остаться честным человеком», но и поли-
тическими соображениями: «Только строжайшее соблюдение достоинства, самое
педантическое обережение чести может меня сделать полезным правительству, —
писал он Новиковой. — Переход честного человека и не озлобленного как бешеная
собака производит огромное впечатление. Но что доказывает переход на сторону
правительства какого-нибудь жулика?..»¹⁵.

В Департаменте полиции признали, видимо, основательность такой позиции и
в дальнейшем умело ее использовали. Известный «мастер провокации» С. В. Зуба-
тов, убеждая в начале 90-х годов XIX в. молодого тогда еще В. М. Чернова отка-
заться от революционной борьбы, подчеркивал: «Вы, революционеры, нетерпи-
мы, как верующие. Вы не можете себе представить человека, искренне преданного
самодержавию. Однако Лев Тихомиров налицо: он был вашим духовным вождем,
он пользовался всеобщим уважением, он ходил не раз под виселицей. Что же, разве
такой человек мог продаться? Вы легко признаете, что нет. Вы знаете, что он
никого из своих товарищей не предал, — и никто от него не требовал предатель-
ства»¹⁶.

Тихомиров же и в переписке, и в беседе с Дурново заявлял, что согласно его
теперешним убеждениям он хотел бы прежде всего заняться пропагандой «доказа-
тельств необходимости для России монархической власти», разработкой «положи-
тельной программы» устройства самодержавной государственности¹⁷.

Но полное прощение Тихомирову еще предстояло заслужить. Прибыв 20 ян-
варя 1889 г. в Петербург, Тихомиров сразу отправился в Петропавловский собор
«поклониться праху Александра II». В столице Тихомиров пробыл около месяца,
встречался и подолгу беседовал с деятелями реакционного лагеря, вел переговоры
о сотрудничестве в охранительной прессе. На одном из званных обедов, устроенных

Дурново, Тихомиров на вопрос директора Департамента полиции, что «в данный момент нужнее всего для России», ответил: «Свету, больше свету!» А в письме ему же от 23 февраля 1889 г. он горячо доказывал, что всякое стеснение общественной деятельности «отражается неизбежно сильнее всего именно на друзьях правительства», призывая его больше доверять обществу, вернее — его консервативно настроенной части¹⁸.

Такие речи не в последнюю очередь были вызваны теми «цензурными затруднениями», которые испытал Тихомиров при помещении в печать первой после возвращения статьи «Несколько замечаний на полемику эмигрантов» (статья была посвящена разбору откликов русской эмиграции на брошюру «Почему я перестал быть революционером»). Ответу эмигрантам Тихомиров придавал важное значение, рассматривая его в качестве разъяснения, дополнения к своей покаянной брошюре, крупного козыря в борьбе за влияние на молодежь¹⁹. Не ограничиваясь критикой революционных и социалистических идей, Тихомиров выступил в своей статье с теоретическим обоснованием эволюционного, реформистского пути к некоей идеальной, «чистой» монархической государственности, которую призывал не смешивать с абсолютизмом, и кроме того отличать монархию как форму власти от деспотизма как возможного ее проявления. «На самом деле, — подчеркивал он, — к деспотизму способна всякая форма власти, будь она монархическая, аристократическая или демократическая».

Еще перед отъездом Тихомирова в ссылку в Новороссийск между ним и Дурново была достигнута договоренность о неофициальном сотрудничестве. Директор Департамента полиции, в частности, попросил Тихомирова составить конфиденциальную записку по истории революционного движения 70—80-х годов XIX в., а также написать серию очерков по этой тематике для печати, а возможно, и для распространения среди учащейся молодежи. К тому времени (конец февраля — март 1889 г.) Тихомиров имел уже возможность убедиться в неосновательности своих претензий на роль «всероссийского оракула», в утопичности своей «прогрессивной» программы, отвергнутой как правительством, так и обществом. В этих условиях Тихомиров счел за благо свернуть знамя реформ, отложить на время всякие «положительные» программы и планы и подрядиться на работу к Дурново.

«Относительно взглядов на будущее России я еще сам должен подождать для себя, для собственной совести», — оправдывался он перед Новиковой, сообщая, что главную задачу своей деятельности видит теперь в борьбе с «отрицательными, космополитическими, революционными точками зрения». Обосновывая такое предпочтение работы «отрицательной», он доказывал, что еще не время думать о реформах, ибо революционное движение только «ошеломлено», но грозит воскреснуть, «может быть, хуже прежнего», поскольку не иссякает источник всех «либерально-радикальных» течений мысли — «поток передовых идей»; сохраняется главная социальная база революции — «так называемая передовая русская интеллигенция»²⁰.

Эти же идеи, но уже «с исторической точки зрения», Тихомиров излагал и в записке для Департамента полиции «Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений», которая была высоко оценена заказчиком и заслужила даже «высочайшее одобрение»²¹. В записке Тихомиров, однако, почти не коснулся вопросов борьбы с современным ему революционным движением. И сделал он это отнюдь не случайно. Правительство, писал он в «Московских ведомостях», в основном уже разгромило революционные организации. Но почва, на которой вырастают революционеры, — «общее мирозерцание европеизированной части русского общества» — осталась, по существу, нетронутой. В борьбе с этим мирозерцанием репрессий недостаточно. Подчас они могут привести даже к «обратному результату», превратив «умеренных» в «крайних». Главную роль в деле борьбы с передовым мирозерцанием Тихомиров отводил «национальным элементам» русского общества, которые, как с сожалением отмечал он, все еще остаются «в обычной своей индифферентности и пассивности»²².

В цитируемой шумевшей статье Тихомиров обвинял «консерваторов» в том, что они практически ничего не сделали и не делают для действительного противодействия революционной и либеральной агитации, всегда были вялы в пропаганде монархических идей, а стало быть, «в известной степени» виновны «и в факте появления революционеров... и в факте зла, ими приносимого, и в факте их гибели».

Указывая на необходимость «систематической организованной» контрреволюционной пропаганды (в том числе устной), Тихомиров повторял и развивал эту мысль и в своих письмах к видным представителям охранительного лагеря — А. А. Кирееву, Суворину, Новиковой и другим. «Я думал, думаю и буду думать, что нам... нужна устная проповедь или лучше — миссионерство... Нужно миссионерство систематическое, каким-нибудь обществом, кружком... Нужно искать, идти навстречу, идти туда, где вас даже не хотят. И притом... важно не вообще образованное общество, важна молодежь, еще честная, еще способная к самоотвержению... Нужно идти с проповедью в те самые слои, откуда вербуются революционеры», — писал он К. Н. Леонтьеву, призывая даже создавать «христианские союзы молодежи»²³.

Призывы Тихомирова не нашли тогда сколько-нибудь широкой поддержки общественных деятелей. Зато Дурново в разговоре с Киреевым по поводу статьи «Очередной вопрос» разъяснил, что «правительство готово всячески помочь делу» нравственного воздействия на молодежь, но не знает, как это сделать: «У правительства есть учебные заведения, но они не имеют влияния (такого, о котором мы говорим). Официальная пресса — оружие слабое. Необходимо нечто среднее между правительственным органом, прессой и вольной прессой... Подумайте, как организовать это дело, устроить такую агентуру, которая достигла бы тех сфер, которые сбиваются с толку разными нигилистами?»²⁴. По совету Киреева, передавшего пожелание Дурново, Тихомиров изложил свои мысли по этому поводу в форме докладной записки, озаглавив ее «О нравственном влиянии на молодежь».

Предлагая в записке ряд конкретных мер по организации этого влияния (устройство лекций благонамеренных профессоров, открытие общедоступных библиотек и читален с соответствующим подбором книг, распространение при помощи специальной «общественной» агентуры брошюр консервативных авторов и т. п.), Тихомиров призывал правительство исходить при этом из того непреложного факта, что молодой человек не может жить «без идеала, без слияния собственной жизни с жизнью чего-то вечного, великого, безмерного». Необходимо поэтому дать молодежи такой идеал, но идеал «истинно русский»; важно, чтобы она почувствовала в самодержавии и православии не только и даже не столько силу количественную (силу — как насилие), сколько «силу качественную»²⁵. Согласившись с мнением о необходимости дать молодежи почувствовать качественную силу самодержавия, Дурново выразил, однако, сомнение в возможности «это устроить», признав записку Тихомирова «непрактичной»²⁶.

С самого начала своей деятельности в новом лагере Тихомиров пытался (разумеется, с полного согласия Дурново) установить личные контакты с молодежью, в том числе и с ее радикально настроенной частью, используя любую, даже чисто случайную, встречу с нею для распространения брошюр консервативных авторов, пропаганды программы «обновления» России²⁷. Снимая в 90-х годах XIX в. дачу в Петровско-Разумовском, Тихомиров познакомился там со студентами Лесной академии и не без успеха пропагандировал среди них свои взгляды. На одного из студентов, А. Ф. Филиппова, воспитывавшегося на статьях Тихомирова-революционера в «Вестнике «Народной воли», «глубоко сердечные и поучительные признания-исповеди» Тихомирова-монархиста произвели такое впечатление, что уже в советское время (1931 г.) он признавался в письме к В. Н. Фигнер, что «одно прикосновение» к имени Тихомирова «пробуждает вновь сердце»²⁸.

И все же чаще «душеспасительные» беседы Тихомирова с молодежью не достигали своей цели: противоядием здесь служила сама действительность. Полной неудачей закончилось в начале 90-х годов XIX в. и другое «предприятие» Тихомирова, поддержанное Дурново, — попытка привлечь к антиреволюционной пропаганде раскаявшихся революционеров из числа ссыльных и эмигрантов. Учитывая планы «нравственного влияния» и т. п., царизм основную ставку в борьбе с оппозицией и в 90-е годы XIX в. делал по-прежнему на карательные меры, насилие во всех его проявлениях. Да и сам Тихомиров при всех его разговорах о необходимости общественной борьбы с крамолой, не отрицал значения репрессий и зачастую прямо призывал к ним.

Показательна с этой точки зрения первая крупная работа Тихомирова-монархиста в консервативной прессе — серия очерков «Начала и концы. «Либералы» и

террористы» (Московские ведомости, 1890, июнь, №№ 149—156). Уже из самого названия²⁹ видно, что они были посвящены в основном показу тесной связи, существующей между либерализмом во всех его проявлениях («начала») и революционным движением («концы»). Именно либерализм с действительно присущими или приписываемыми ему чертами (материализм, космополитизм, парламентаризм, постоянное фрондирование и т. п.) объявлялся Тихомировым главным виновником революционизирования русского общества. Проявляясь в формах «по наружности безобидных», либерализм, как указывал Тихомиров, зачастую «не внушает опасений, не вызывает энергического противодействия» правительства, а между тем влияние либерализма «огромно для выработки революционеров» и «ничтожно, когда их нужно сдержать». Более того, он обвинял либеральное общество в прямом пособничестве «подполью», в моральной и даже материальной поддержке его.

Особое внимание правительства Тихомиров обращал на оппозиционную (либеральную по преимуществу) печать: «Нет ни одного революционного течения,.. которое не имело бы своих корней или отражения в легальной литературе». Как на пример, он указывал на «учение Лаврова», которое «все изложено путем легальной русской прессы». Передовая печать формировала такое общественное мнение, которое, по словам Тихомирова, в деле В. И. Засулич, например, «признало за революционерами право убивать»³⁰. Из всего этого логически следовал вывод, намеченный Тихомировым еще в конфиденциальной записке для Департамента полиции, что полное уничтожение революционного движения невозможно без «оздоровления нашего передового, либерального общества».

Но в своих публицистических работах Тихомиров обращался уже не только к правительству, но и к обществу, главным образом — к молодежи. Учитывая интерес молодых людей к истории народнического движения 70—80-х годов XIX в., Тихомиров развернул в своих очерках «беспристрастную» картину революционного движения, противопоставив ее «партийной» оценке его на страницах нелегальных и эмигрантских изданий. Революционное движение в России, доказывал Тихомиров, «движение по основе даже не политическое, не экономическое, вызываемое не потребностью, хотя бы фальшивой или раздутой, в каких-нибудь улучшениях действительной жизни». «Это, — по его словам, — возмущение против действительной жизни во имя абсолютного идеала», ложного, неосуществимого, не способного дать того, «что от него ждут и во имя чего приносят столько жертв».

Проследившая эволюцию народнического движения от кружка «чайковцев» до «Народной воли», Тихомиров делал вывод о закономерности перехода революционеров от пропаганды к заговорщической тактике и террору и доказывал полную несостоятельность последнего. «Где «революция» сводится на злодеяния против представителей строя, — писал он, — там никакой революции нет и не может быть». «Старый заговорщик» советовал молодежи не обольщаться романтикой революционной борьбы. Жизнь революционера, — доказывал он, — это жизнь «травленого волка», для которого в конце концов не остается ничего другого, как только огрызаться, не останавливаясь уже «ни перед каким насильственным действием, ни перед какой узурпацией, ни перед каким преступлением».

Революционная деятельность заковывает человека «в непроницаемую броню отвычки рассуждать и ничегонезнания», революционер теряет интерес к изучению реальной жизни, знать ничего не хочет, кроме своего «по существу невозможного идеала». От такого «бесноватого», утверждал Тихомиров, «не жди тогда никаких уступок ни здравому смыслу, ни человеческому чувству, ни истории... Он скорее истребит все «зло», то есть все на свете, все, изобличающее его химеру, чем уступит»³¹. Ничего принципиально нового в этих рассуждениях не было, и сам Тихомиров отнюдь не обольщался на этот счет. Вся соль заключалась в имени, стоящем под этими рассуждениями. Вышедшее в июле 1890 г. отдельное издание очерков «Начала и концы» усиленно пропагандировалось правительством и консервативной прессой в качестве «пособия» для учащейся молодежи. Однако спрос на эту брошюру был незначительным³², а судя по воспоминаниям читавших ее революционеров, она произвела на них впечатление, обратное тому, на которое рассчитывал автор.

Полностью провалилась тогда же и другая затея правительства: опорочить при помощи Тихомирова русскую революционную эмиграцию в связи с арестом в Париже в мае 1890 г. и преданием французскому суду «парижских бомбистов» —

русских эмигрантов, участников террористического кружка, занимавшихся изготовлением и испытанием разрывных снарядов. Все «дело бомбистов», от начала до конца спровоцированное царской заграничной агентурой, было настолько «грязным», что Тихомиров взялся писать о нем (да и то анонимно) лишь под нажимом Дурново и благодаря уговорам Киреева. Анонимные статьи Тихомирова были полны злобных инсинуаций по адресу эмигрантов³³. Сам процесс, довольно подробно освещавшийся прессой, выступления на нем обвиняемых и их защитника А. Мильерана послужили лучшим опровержением этих вымученных статей.

Но в судьбе Тихомирова они сыграли значительную роль. Он подтвердил ими свою благонамеренность и готовность исполнять любые поручения властей. Не случайно министр внутренних дел И. Н. Дурново, ходатайствуя в июне 1890 г. перед царем об «облегчении участи Тихомирова», отметил наряду с брошюрой «Начала и концы» и эти, «заслуживающие внимания» статьи. «Усматривая в подобной деятельности Тихомирова фактическое выражение его раскаяния и проявление вполне правительственного образа мыслей», а равно «принимая во внимание, что, состоя под гласным надзором полиции в Новороссийске, он не может входить в непосредственное общение с редакциями газет, что препятствует развитию его публицистической деятельности», правительство освободило Тихомирова от гласного надзора и разрешило ему «повсеместное в империи жительство»³⁴.

Влиятельные лица в правящих сферах прочили Тихомирова в помощники кн. В. П. Мещерскому в «Гражданин»³⁵. Но Тихомиров сомневался. Не советовал ему связывать свою судьбу с этим органом и Победоносцев, весьма враждебно настроенный тогда по отношению к «Гражданину»³⁶. В марте 1887 г., прямо называя подавляющее большинство консервативно-монархических органов «мелочью, или дрянью, или торговой лавочкой», обер-прокурор Синода выделял среди охранителей только Каткова, со страхом предвидя, что «решительно неким будет заменить его»³⁷. Эти опасения в значительной степени оправдались. Со смертью в июле 1887 г. Каткова правительственный лагерь журналистики потерял «идейного поводыря». Ведущие реакционно-консервативные органы — прежде весьма влиятельные и популярные «Московские ведомости» и «Русский вестник» — заметно поблекли.

Победоносцев, серьезно обеспокоенный этим, оценил способности Тихомирова и рекомендовал его редакции «Московских ведомостей», газеты, по мнению обер-прокурора, «вполне русской, единственно патриотической и самого благонадежного направления»³⁸. В сентябре 1890 г. Тихомиров перебрался в Москву, сделавшись штатным сотрудником «Московских ведомостей». Помимо печатания статей и заметок по различным вопросам социально-экономической, политической и общественной жизни Тихомиров вел в газете «Дневник печати», в котором совсем в духе Каткова занимался преимущественно тем, что «обличал» либеральные издания, выискивая в них крамолу.

Редакция газеты довольно бесцеремонно обращалась со статьями Тихомирова, да и не его одного, зачастую переделывая их, как жаловался он, «до полной неузнаваемости», добавляя «банально-благонамеренные» и бранные выражения. «Мне лично это страшно вредит, — сетовал Тихомиров. — Мое влияние мыслимо лишь при убеждении, что я говорю от любви, а не от ненависти»³⁹. Не устраивала Тихомирова и нравственная атмосфера, царившая в редакции: «торгашеский дух», склоки, взаимное «подсиживание», частые перемены курса, отсутствие свободы творчества и т. п. «Мне даже и развернуться нельзя, — жаловался он Леонтьеву на «Московские ведомости». — Везде свои рамки, и как дошел до этой рамки — стукнулся и молчи. Какая же это работа мысли?»⁴⁰.

«Московские ведомости» так и не стали для Тихомирова в первой половине 90-х годов XIX в. «подлинно своим органом». «Для всех нас, журналистов убеждений православных и монархических, — писал он в сентябре 1892 г. Победоносцеву, — почти негде писать, ибо «Московские ведомости» допускают «лишь мелкую газетную работу», а остальная пресса «разрабатывает совершенно иные идеи и нам недоступна»⁴¹. Органом, способным стать центром сплочения всех истинно «национальных» сил, Тихомиров называл в письме Победоносцеву журнал «Русское обозрение», в котором он начал довольно активно сотрудничать.

Этот журнал, выходивший в 1890 г., имел тесную преемственную связь с катковскими изданиями, многие «птенцы гнезда Каткова» стали активными сотрудни-

ками нового журнала⁴². «Русское обозрение» в первые годы существовало в основном за счет пожертвований меценатов (прежде всего крупного московского фабриканта Д. И. Морозова), а с 1896 г. — и правительственных субсидий. Программа журнала не отличалась ясностью («спокойное и беспристрастное обсуждение текущих событий», выяснение прежде всего их «философской стороны» и т. п.)⁴³. В действительности журнал постепенно превратился во вполне определенного рода философский клуб, где высказывали свои суждения консервативные публицисты и писатели. Не желая принимать в свой круг таких людей, как Вл. Соловьев, реакционные сотрудники «Русского обозрения» не имели при этом ничего против консолидации «истинно православных и монархических» сил, способствуя их объединению во имя борьбы с оппозицией самодержавию.

Бурную деятельность по разработке планов такого объединения развернули Тихомиров и Леонтьев. Тихомиров писал: «Мы сошлись очень быстро, сообщая друг другу и интимные подробности жизни и свои духовные запросы, делясь мыслями о будущем». Сближало и объединяло их многое: ненависть к революции, к буржуазному, «мещанско-либеральному» (по выражению Леонтьева) прогрессу, неприятие западных форм политической жизни, отстаивание незыблемости самодержавия, независимости и силы церкви и т. п. «Приятно видеть, — писал Леонтьев Тихомирову 7 августа 1891 г., — как другой человек и другим путем приходит почти к тому же, о чем мы сами давно думали»⁴⁴. Тихомиров, хотя и не одобрял «в глубине души» наиболее реакционные рецепты Леонтьева, высоко оценивал значение его работ для «развития русского национального самосознания» и выступал с резкой критикой либеральных «толкователей» Леонтьева и последовательной защитой его основных положений⁴⁵.

Леонтьев, видя в Тихомирове соратника и последователя, возлагал большие надежды на его публицистическую деятельность. Он (Леонтьев) «заботился, — вспоминал Тихомиров, — о моей духовно-религиозной выработке, которую находил самым слабым моим пунктом» и приложил немало стараний, чтобы «спеться» с Тихомировым в «отношении практической работы», главным образом — антиреволюционной. Они сразу сошлись в том, что для противодействия враждебным самодержавию «партиям организованным» необходимо образовать тайное общество, нечто вроде масонской ложи или иезуитского ордена консерваторов, как шутил Леонтьев. Именно неуловимость, неуязвимость для «противников», к числу которых причислялась и высшая бюрократия, объявлялись «главным условием его (общества) силы». «Правительственная поддержка, — как полагали учредители сообщества, — скорее вредна, чем полезна, тем более, что власть, как государственная, так и церковная, не дает свободы действия и навязывает свои казенные рамки, которые сами по себе стесняют всякое личное соображение».

Чтобы обезопасить нелегальное сообщество от возможных правительственных репрессий, Тихомиров предложил придать ему вид научного или благотворительного объединения. Предполагалось при этом, что общество будет иметь «двойной устав»: «один явный, безобидный, преследующий какие-нибудь банальные цели... для отвода глаз, а другой тайный, содержащий действительные цели организации». Согласно планам Леонтьева и Тихомирова, консервативное общество должно было не только бороться с оппозицией самодержавию (в том числе и с враждебной ему «бюрократией»), но и поддерживать «людей нашего образа мыслей повсюду: в печати, на службе, в частной деятельности, всюду выдвигая более способных и энергичных».

Ядро планируемой консервативной организации должен был составить группировавшийся вокруг Леонтьева «маленький круг националистов» (помимо себя Тихомиров называл В. А. Грингмута, Ю. Н. Говоруху-Отрока, Е. Н. Погожева, И. В. Попова, А. А. Александрова и других сотрудников «Русского обозрения» и «Московских ведомостей»⁴⁶). Некоторые из них стали впоследствии членами черносотенных партий. Да и сам замысел такой «идущей вместе с самодержавным строем, но в разладе с бюрократическим правительством» охранительной организации предвосхищал будущие «черные сотни».

Но тогда (в начале 90-х годов XIX в.) планам Тихомирова не суждено было осуществиться. Во многом их реализации помешала смерть в ноябре 1891 г. Леонтьева. «У меня не умирало еще человека, так близкого мне», — записал Тихомиров в дневнике 12 ноября 1891 года. А в письме Новиковой подчеркивал, что «это был здесь

единственный человек, с которым я уже почти столкнулся, чтобы что-нибудь сделать»⁴⁷. На крайне незначительное число «действительно единомыслящих» с ним людей Тихомиров указывал и в письме А. Л. Волынскому от 11 февраля 1894 г., подчеркивая при этом, что консерваторы «старой закалки» находятся в полном разброде, а «новые элементы недостаточно еще определились, чтобы слиться в некоторые коллективности»⁴⁸.

Размежевание внутри консервативно-реакционного лагеря затронуло и «Русское обозрение». Журнал охотно печатал статьи Тихомирова, весьма одобрительно отозвался и о его книге «Начала и концы»⁴⁹. Но стоило ему коснуться «положительной программы национального консерватизма», как редактор «резко переменял тон». Разбирая опубликованную в журнале статью Тихомирова «Нужна ли нам фабрика?», кн. Д. Н. Цертелев не преминул напомнить читателям о некоторых подозрительных (по его мнению) перебежчиках из радикального лагеря. «Ряды консерваторов, — писал он, — стали у нас быстро наполняться новообращенными, которые оказываются нередко *plus royalistes que le roi* [большими роялистами, чем король]. Можно было бы порадоваться этому явлению, если бы оно всегда доказывало убеждение в ошибочности прежних мнений; к сожалению, нередко превращения эти ничего общего с убеждениями не имеют». В ответ Тихомиров приложил немало усилий для доказательства в нужных сферах необходимости замены редактора «Русского обозрения». В правительственных кругах было немало людей, недовольных излишней терпимостью Цертелева к различным «самочинным умствованиям»⁵⁰. Вскоре выявилась полная невозможность совместной работы в журнале различных по своим взглядам авторов. Начались склоки, вызванные и финансовыми трудностями издания. Из журнала ушли сначала Вл. Соловьев, а затем (в августе 1892 г.) и Цертелев, убедившийся в тщетности попыток превратить «Русское обозрение» в орган, объединяющий консервативных националистов.

В октябре 1892 г. издателем и ответственным редактором журнала был поставлен приват-доцент Московского университета А. А. Александров, второразрядный поэт и критик, доверивший выработку политической линии журнала Тихомирову, что вполне устраивало Победоносцева. В мае 1893 г. он удовлетворенно писал Тихомирову: «Журнал идет вперед, разнообразен и занимателен»⁵¹. Тихомиров в свою очередь записывал в дневнике и сообщал в своих письмах о «задушевных», «содержательных» беседах с Победоносцевым, протекавших подчас «далеко за полночь» в кабинете обер-прокурора или на его даче. Весьма интенсивной была и их переписка. Можно полагать, что писали они друг другу не реже двух-трех раз в месяц⁵².

Победоносцев внимательно следил за выступлениями Тихомирова, помогал ему советами, редкими изданиями и материалами, в том числе и конфиденциального характера. Узнав в 1893 г., что Тихомиров работает над серией очерков по истории конституционного движения в России, Победоносцев выслал ему «для ознакомления» подлинники писем М. Т. Лорис-Меликова 70—80-х годов XIX века⁵³. Тихомиров и сам то и дело обращался к Победоносцеву за советом и поддержкой, не решаясь без его «санкции» практически ни на одно мало-мальски значительное выступление. И позднее (в конце 90-х годов XIX в.), уже выйдя из-под мелочной опеки обер-прокурора Синода и даже выражая прямое недовольство некоторыми его установками, Тихомиров подчеркивал в дневнике важность, значимость для него мнения Победоносцева, неизменную симпатию к его личности и взглядам⁵⁴.

За девять лет существования «Русского обозрения» (1890—1898) Тихомиров опубликовал в нем более 100 заметок, рецензий, обзоров и статей. Многие из них имели программный характер, определяли лицо этого органа, становились предметом оживленных дискуссий в печати. Он вел в журнале отдел «Летопись печати», созданный в конце 1892 г. «под Тихомирова». Отдел этот заполнялся преимущественно материалами, направленными против оппозиционных существующему строю и церкви течений общественной мысли, прежде всего против «западнических» течений.

Тихомиров критиковал и народников, видевших в капитализме тормоз социалистического преобразования страны, и тех правых, которые усматривали в нем только опасность для самодержавия. И те и другие, по мнению Тихомирова, во-первых, игнорировали «действительные экономические законы»; во-вторых — не

понимали того, что отказ от развития капитализма привел бы Россию к потере ее экономической и политической независимости. «Экономической отсталостью... ни от чего дурного не спасешься», — писал он. Напротив, только быстрое «развитие производительных сил», невозможное без крупного капиталистического производства, «может дать нам средства культурно сравняться с Европой, а стало быть, сулит надежду вырваться из-под рокового очарования ее социальных идей, грозящих нам, при достаточном распространении, еще большими бедствиями, чем самой Европе»⁵⁵. Вместе с тем Тихомиров предостерегал и от недооценки социально-политических последствий развития капитализма. «Промышленная жизнь, построенная на началах преувеличенной свободы, сама ведет к социальной революции». Рабочий на Западе «превратился в товар... накопился бездомный пролетариат, раздраженный и готовый каждую минуту на клочки разнести обездоливший его строй».

«Несомненно, — писал он, — необходим некоторый общий национальный, а, выражаясь конкретно, просто-напросто государственный разум, упорядочивающий производство»⁵⁶. Выступая за активное вмешательство государства в экономическую жизнь страны, Тихомиров в отличие от Каткова, пытавшегося «вооружить самодержавие крайностями волюнтаристского образа мыслей»⁵⁷, призывал правительство учитывать экономические законы, ратовал за развитие русской экономической мысли, которая бы, исходя из конкретных национальных условий, выработала «свой план... экономической политики»⁵⁸.

В первой половине 90-х годов XIX в. Тихомиров лишь в общих чертах наметил главные пути этой политики: форсированное развитие крупной промышленности «фабричного типа», «высокая степень концентрации» ее, обязательное «согласование» экономических законов с социально-политическими интересами общества и государства, «оживление экономической деятельности государства», попечительная политика в рабочем вопросе («разумное ограждение рабочих от капиталистической эксплуатации», учреждение «пенсии старикам», «посредничество в спорах» между рабочими и капиталистом, предписание «обязательной обстановки труда», помощь рабочим в развитии «различных форм собственности») ⁵⁹.

Впрочем, проблемы экономической политики не занимали тогда сколько-нибудь заметного места в работах Тихомирова. Куда большее значение в деле сохранения «национальных основ» Тихомиров (вслед за Победоносцевым) придавал перевоспитанию русского общества, внедрению в его сознание идеи гибельности конституционализма для России, как и для самой Европы. Целям «перевоспитания умов» и служили многочисленные статьи Тихомирова 90-х годов XIX века. Имевшая первоначально «научный» характер, якобы не касающаяся «действующих в России партий», критика Тихомировым «гибельных идей гниющего Запада» постепенно переросла в полемику с либеральными изданиями, в основном с «Вестником Европы» и «Русской мыслью».

Отрицание Тихомировым необходимости народного представительства, гражданских политических свобод свидетельствовало, конечно, о реакционности его «положительной программы». В то же время в его критике «либеральной демократии» было немало и таких аргументов, которые серьезно подрывали позиции его либеральных оппонентов. Тихомиров утверждал, в частности, что в условиях России любой парламент неизбежно превратится в антинародное учреждение с господством в нем «худших элементов дворянской интеллигенции» как наиболее организованного и политически активного сословия. Так, в одной из его статей была описана история «панамского скандала» во Франции, вскрывшего коррупцию и мошенничество, в которых оказались замешаны депутаты парламента. Во времена монархии, подчеркивал при этом Тихомиров, «Франция никогда не падала так низко»⁶⁰.

Социал-демократическое движение представлялось Тихомирову наиболее опасным из всех революционных течений. Еще в 1891 г., предостерегая правительство от недооценки социал-демократической пропаганды, он писал: «Успехи социальной демократии показывают, что это движение нарастающее. Можно спорить о том, неизбежно или неизбежно его торжество, но сомневаться в его возможности было бы прямо легкомысленно... Если социалистический переворот намечен в судьбах человечества, то его произведет, конечно, эта партия». При этом Тихомиров подчеркивал малую эффективность карательных мер в борьбе с социал-демо-

кратическим движением: «Это движение разгромить вовсе не легко и даже едва ли возможно иначе как нравственным воздействием, потому что во всем, что касается силы, оно может посчитаться с кем угодно»⁶¹.

Трудно назвать другого публициста правительственного лагеря, который уделял бы столько внимания критике марксизма. Какого бы вопроса русской жизни ни касался Тихомиров, он почти всегда затрагивал и марксизм. В 1890 г. в рецензии на сборники «социологической школы» Ф. Ле-Пле, оказавшей существенное влияние на мировоззрение Тихомирова, он отмечал, что именно марксизм «в настоящее время лежит пробным камнем на дороге всякого нового, желающего создать нечто общее, целое в социальной науке»⁶². Он неоднократно подчеркивал стройность учения К. Маркса, отмечал «позитивные» стороны «научного социализма» (анализ экономического фактора, выяснение места рабочего класса в системе производства и в жизни общества, критика буржуазных теорий прогресса, пропаганда коллективизма и солидарности), относя его создателей (наряду с Н. Г. Чернышевским) к «самым сильным революционным умам XIX века»⁶³.

Особенно резким нападкам со стороны Тихомирова подвергалась марксистская теория государства. Он рисовал будущее социалистическое государство как тоталитарное, строящееся на «закрепощении всех граждан под знаменем целого общества», руководить которым будет «правлящий класс политиканов», «партийная бюрократия»⁶⁴. Она, писал Тихомиров, уже теперь воспитывается в социал-демократических партиях (например, германской), а «в социалистическом государстве... получит полный простор дойти до окончательного развития, распространив свое влияние на экономическую область жизни, подобно тому, как этим кончали все правящие классы в истории, каким бы путем ни возникали они»⁶⁵.

Производство при социализме рисовалось Тихомирову как «громоздкая организация крепостного труда», новое издание феодализма. Тезис же Маркса об отмирании государства вообще объявлялся им пустой фразой, необходимой для обмана рабочих. Государство, верховная власть, классы, известная иерархия общества и т. п. — все это, по мнению Тихомирова, «вечно одинаковые и неизменные по существу» основы всякой общественной жизни, уничтожить которые человек не в силах. «Люди могут делать сколько им угодно революций... но они так же бессильны выйти из социальной неизбежности, как из-под действия закона тяжести. Что бы они ни хотели сделать, но могут воспроизвести в своем строе лишь те основные формы, какие даны самой природой социальной жизни».

В марксизме Тихомиров видел отрицание свободы личности, инициативы и творчества человека и в итоге присоединился к мнению «левых» критиков Маркса, находя его учение «неслыханно реакционным»⁶⁶. Главную ошибку оппонентов Маркса — народников, как революционных, так и легальных (либеральных), — Тихомиров видел в том, что они не умеют «рассмотреть в нашем крестьянстве живого национального слоя, а все думают видеть в нем оторванный класс». Отсюда — стремление интеллигенции «пересоздать Россию» не на общенациональных, а именно на классовых (крестьянских — у народников, пролетарских — у марксистов) основах⁶⁷.

Пропаганда идей славянофилов и почвенников (И. С. Аксаков и Н. Я. Данилевский) занимала заметное место в публицистике Тихомирова. В 1892—1893 гг. он участвовал в полемике о славянофильстве, обосновывая мысль о «ценности и неоспоримости» основ славянофильского учения. Он твердил о живом, развивающемся характере этого (на самом деле к 90-м годам XIX в. заметно поблекшего) течения⁶⁸. Возрожденное «славянофильство» тихомировского толка получило ярко выраженную консервативную направленность и имело мало общего со старым славянофильством 40—60-х годов XIX века. В отличие от славянофильства народничество, по мнению Тихомирова, течение умирающее. «Сомнительно даже, чтоб оно надолго пережило поколение 70-х годов», — писал он, подчеркивая, что народникам уже просто «не на чем строить свои воздушные замки».

Куда более опасными представлялись ему различные «самочинные умствования» в области религиозной мысли, в которых он усматривал «первую ступень к нигилизму». «Вся наша борьба века, — считал Тихомиров, — имеет в сущности религиозную подкладку. Это эпоха религиозного отступничества, бунта против Бога в душе человека». Только религия, будучи явлением одного порядка с личностью, может серьезно воздействовать на нее. Религия, писал Тихомиров, совер-

шает «нечто чудесное — одновременно делает личность независимую от общества и — приводит ее к добровольному подчинению... Человек религиозный умеет доводить свои общественные стремления до меры, вмещаемой социальным миром, т. е. никогда не доходит до бунта против законов действительности»⁶⁹.

Еще в 1887—1888 гг. Тихомиров познакомился с нравственно-религиозными идеями Вл. Соловьева и Л. Н. Толстого и на себе испытал их «благотворное» (в смысле отказа от революции) влияние. После возвращения в Россию он нанес визит Соловьеву и некоторое время поддерживал с ним дружеские отношения. Знакомство же с вышедшими в 1888—1889 гг. за границей работами Соловьева, ознаменовавшими собой его явный разрыв с официальными церковными догмами, влияние Победоносцева и Леонтьева, выразившееся в переходе Тихомирова на позиции канонического православия, вызвали, как признавал он, «перерыв дипломатических сношений с В. С. Соловьевым». Подаренные им книги Тихомиров отослал автору с запиской, что «ничего хорошего» в них не видит и что Соловьев «либо неверующий, либо попал в западню крайнего сомнения»⁷⁰. В то время их позиции расходились все дальше. В январе 1891 г. Тихомиров убеждал Леонтьева «вступить в полемику с Соловьевым», который, как считал Тихомиров, «проделал в наше время совершенно чаадаевскую штуку». Соловьев, писал он, «очень запутал многих. Начал с католицизма, а теперь чуть не нигилизм вводит!...»⁷¹.

В 1892—1894 гг. между Тихомировым и Соловьевым разгорелась острая полемика, в которую оказались втянуты почти все столичные издания. Поводом послужила статья Тихомирова «Духовенство и общество в современном религиозном движении». Отмечая в ней заметное оживление религиозного чувства в образованном обществе, свидетельством чему являются споры вокруг работ Соловьева, Толстого и др., Тихомиров сетовал, что «отцы церкви» стоят в стороне от этого движения. Попытки «рассудком, самочинно искать религиозную истину» неизбежно ведут, по его мнению, к «обилию умствований и недостатку веры». Признавая поэтому тогдашнее религиозное движение вредным, антигосударственным и антинародным, Тихомиров видел единственное средство здорового и правильного развития этого движения в его «скромном, бесхитростном подчинении авторитету церкви», в обращении интеллигенции «к наставлениям ее (церкви. — В. К.) духовных пастырей»⁷².

Многие охранители были недовольны тем, что их взялся поучать бывший революционер, «консерватор без году неделя». Характерен в этом плане отзыв славянофильствующего философа и теолога Н. П. Аксакова: «Не рано ли учительствовать и обличать г. Тихомирову?.. Кающиеся грешники шли в пустыни, замаливали грехи свои в монастырях, приносили покаяние перед народом или годами выстаивали у преддверия храмов, .. а не начинали тотчас же торжествующего проповедничества в предположении, что вся прежняя жизнь, все прежние заблуждения сбегают с них, как с гуся вода»⁷³. В защиту Тихомирова выступил официальный орган Синода «Церковные ведомости».

Не очень убедительные попытки Тихомирова увести разговор о свободе личности из области социальной и политической в область религиозную, духовную вызвали возражение со стороны «Вестника Европы», связывавшего расширение свободы личности прежде всего с развитием «разных гражданских учреждений». Не был согласен с Тихомировым и Соловьев, убежденный в том, что современная «казенная церковь» не дает свободы православным русским и угнетает другие народы. Соловьев выступал за свободу вероисповедания, против великодержавного национализма, за «христианскую терпимость» к национальным традициям всех народов⁷⁴. Не отрицая на словах справедливости требований Соловьева, Тихомиров твердил, однако, о том, что в России «общей меркой прав» других народов на свободное развитие «должно служить право русской народности» как господствующей нации и право русской (православной) религии как религии государственной⁷⁵.

Полемика с Соловьевым не принесла Тихомирову ожидаемых лавров. Публицист «Недели» Л. Е. Оболенский поставил под сомнение искренность Тихомирова, не без оснований утверждая, что в его статьях немало «элементов», происходящих от стремления к собственной реабилитации. Даже Киреев, всегда поддерживающий Тихомирова, не мог не признать основательности подобных замечаний. «Снаряды Соловьева и К^о, — писал он, — попадают в Вас потому, что Вы volens — polens защищаете иногда незащитимые вещи: церковь, в которой игуменьи запрягают

монахинь в тарантас; богословие, которое не может говорить то, что оно думает, и т. п.». Киреев предупреждал Тихомирова, что подобные выступления компрометируют не только его лично, но и все «русское дело». Ввиду явного поражения Тихомирова Победоносцев счел необходимым прекратить полемику. Не стал продолжать ее и Соловьев, уступая настоятельным советам Л. Толстого и Н. Страхова⁷⁶.

Заключительным аккордом этой полемики стала серия статей Тихомирова в «Московских ведомостях» (октябрь—ноябрь 1894 г.) под общим названием «Борьба века», положившая начало его нападкам и на другое неортодоксальное религиозное учение — толстовство. Думается, что и в этом случае Тихомиров действовал не без одобрения Победоносцева, еще в ноябре 1893 г. обратившего его внимание на «вредную проповедь» Толстого. Победоносцев помог Тихомирову и материалами, предоставив ему копию письма Толстого писателю Н. А. Полушину⁷⁷.

Совсем в духе Толстого (и Победоносцева!) Тихомиров идеализировал «безграмотного русского мужика», научившего якобы «нашу интеллигенцию 9/10 того, что она уже формулировала для русского национального самосознания». В статье «Что делать нашей интеллигенции?» Тихомиров призывал «образованный класс» возвратиться к народу, принять его, «каков он есть», и учиться пониманию жизни у простого мужика, устраивавшего эту жизнь «не по книжкам Маркса и Луи-Блана, ... а по оценке и указаниям своей собственной практики»⁷⁸. Правда, уже вскоре Тихомиров указывал на необходимость «национального воспитания» молодежи путем пропаганды произведений истинно русских книжников типа И. С. Аксакова, М. Н. Каткова и А. А. Киреева⁷⁹.

Расплывчатое понятие «дух народа» Тихомиров толковал в каждом отдельном случае в нужном ему направлении. На него ссылался он, оправдывая и гонения против евреев, и русификаторскую политику царизма в Польше и Финляндии, и борьбу с сектантами⁸⁰. К этому же «народному духу» апеллировал Тихомиров, требуя от интеллигенции отказаться от «нерусской» привычки делиться на фракции и группировки, либералов и консерваторов, радикалов и реакционеров и протестуя против попыток «Вестника Европы» зачислить его в лагерь консерваторов.

Ратуя (вслед за Катковым) за единомыслие русской интеллигенции, установление «правильной дисциплины умов», Тихомиров не полагался на одни увещевания, предлагая создать «корпорацию людей пера» по типу дворянских обществ (то есть со своими съездами, управлением, судом и т. п.), подчиненную правительственным органам. Эта идея, выдвинутая Тихомировым в «Русском обозрении», была подхвачена «Гражданином», «Московскими ведомостями», «Русским вестником» и послужила исходным пунктом их длительной (до 1905 г.) полемики с либеральными изданиями. Только при наличии «твердой веры в некоторые бесспорные начала нравственности и общественного блага» Тихомиров соглашался допустить журналистов в «корпорацию людей пера», призванную служить не партиям и направлениям, а «Государю и Отечеству, всей стране, всей нации»⁸¹.

Арсеньев писал об этих планах Тихомирова и других «охранителей»: «Итак, подчинение печати полновластному хозяину; сохранение только тех ее органов, руководителей и участникам которых удастся получить удостоверение в честности — т. е. благонадежности — стремлений, организация «сословия» журналистов, не самоуправляющегося, а управляемого; обращение писателей в уполномоченных власти; вытекающая отсюда обязательность содействия правительству — вот к чему сводятся пожелания небольшой группы, которая в случае их исполнения монополизировала бы в своих руках всю периодическую прессу»⁸².

Другим важнейшим орудием воспитания умов, которое необходимо было вырвать у враждебной самодержавию интеллигенции, Тихомиров считал систему образования: от земских школ до университетов. Следуя в фарватере Победоносцева, Тихомиров обличал светское образование, требовал подчинить дело народного просвещения (особенно низшего его звена) церкви, ратовал за более строгий отбор преподавателей и т. п.⁸³.

По мере возрастания активности либерально-конституционных элементов (как в обществе, так и в правящих сферах) все большее звучание в публицистике Тихомирова приобретали призывы к самодержавию «защищать русское дело» и «уничтожать зло» «всеми средствами, какими держится общественное строение», «держат силу грозную для измены и ослушников»⁸⁴. Кульминационный пункт этой кампании пришелся на конец 1894—1895 г. — время болезни и смерти Александр

ра III и начала царствования Николая II. Именно тогда в «Московских ведомостях» появились очерки Тихомирова под общим названием «Конституционалисты в эпоху 1881 г.». Проводя в них идею об опасности либерализма, он подчеркивал, что эта опасность может превратиться в прямую угрозу для самодержавия, стать причиной катастрофы «русского дела», если конституционные, либеральные идеи возобладают в правящих сферах. Именно так, по его мнению, было во времена диктатуры Лорис-Меликова, подготовлявшего своими проектами «торжество революции».

Это напоминание Тихомиров адресовал Николаю II, воцарение которого вызвало оживление земского движения в пользу продолжения реформ Александра II. Очерки Тихомирова подоспели вовремя: «Для возможности дальнейшего развития страны, — писал он, — необходимо прежде всего уничтожить всякие попытки государственного переворота, откуда бы они ни шли»⁸⁵. Многие страницы очерков напоминали скорее полицейское донесение с указанием «наиболее опасных» либералов из числа живущих. Не случайно, эти очерки Победоносцев послал Николаю II как «верную картину того, что мы пережили в 1881 году. Пережили, но — увы! — не погребли окончательно... Вот почему теперь более, чем когда-либо необходима твердость воли верховной власти»⁸⁶.

Победоносцев советовал Тихомирову продолжить критику русского либерализма, а очерки «Конституционалисты в эпоху 1881 года» непременно издать отдельной брошюрой «для распространения». О необходимости «громко и часто повторять» высказанные в очерках мысли, «и этим противодействовать кампании «Вестника Европы» писал Тихомирову и другой царский сановник — А. А. Голенищев-Кутузов, предлагавший свои услуги в деле распространения его работ в «высших сферах», где, как сообщал он, до сих пор не прекращается «шатание умов»⁸⁷.

«Великой лжи нашего времени» (конституционализму и парламентаризму) Тихомиров противопоставлял самодержавие — «лучшее наследие всей истории человечества»⁸⁸. В многочисленных статьях конца 1894 — начала 1895 г. он прославлял Александра III как идеального самодержца, сделавшего «из тринадцати лет своего царствования эпоху неслыханного благоденствия, тишины, довольства и славы», доказывая, что Александр III своим примером показал, что «монархия — не диктатура, не простой абсолютизм», что сущность ее «состоит в примиряющей силе высшей правды», дающей нации «то единство, которое тщетно искали в представительстве, а ныне безумно решаются достигнуть в самоубийственной уравнительности». Обращаясь к Николаю II, Тихомиров призывал его отвергнуть чуждые национальному идеалу поползновения «либеральной реакции», быть верным заветам своего отца, продолжить его политику⁸⁹.

Эти статьи Тихомирова вызвали значительный резонанс в консервативных кругах, принеся ему долгожданное признание⁹⁰. Очень хвалили эти статьи корреспонденты Победоносцева (С. Рачинский, архиепископ Амвросий и др.)⁹¹. Они были затем напечатаны в виде брошюры большим тиражом и замечены в Зимнем дворце. Одна из них («Носитель идеала») сделала автору, как писал Киреев, «настоящую карьеру»: «Ее прочел государь и очень умилился, у него навернулись слезы»⁹². В проявленной вскоре Николаем II «царственной твердости», решимости вопреки «бессмысленным мечтаниям» «охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял их» Александр III, сыграли свою роль давление и поддержка консервативно-реакционных кругов, представителем которых и был Тихомиров. В одном из писем ему Киреев передавал слова жандармского генерала Н. И. Шебеко, временно управлявшего тогда Министерством внутренних дел: «Правительство очень довольно», что «бывший нигилист и враг правительства» сделался его сторонником⁹³.

Борьба Тихомирова против либеральной фронды самодержавию, за неограниченную монархию укрепила его позиции и внутри охранительного лагеря. Но Тихомиров не мог признать свою «миссию» даже близкой к выполнению: ведь оппозиция самодержавию не была сломлена. «Остатки прошлого, либерально-революционного, — писал Тихомиров в октябре 1894 г., — пережили 13 лет тихо и без успехов, но в строжайшей замкнутости и дисциплине сохранили все позиции, сохранили даже людей, фирмы, знамена, около которых завтра же могут сплотиться целые армии»⁹⁴. Рецепты Тихомирова по борьбе с «крамолой» оказывались негодными, и он, видимо, сознавая это, постоянно путался в своих рекомендациях: то указывал на бесполезность репрессивных мер и предлагал правительству отдать

борьбу с оппозицией на «откуп» консервативным элементам общества, то прямо заявлял о необходимости жесточайшего правительственного насилия.

Такие шатания, вообще характерные для публицистики Тихомирова, были сразу подмечены его либеральными оппонентами. Критик «Северного вестника» А. Волынский писал об отсутствии в публицистике Тихомирова «твердого внутреннего убеждения и психологической цельности». «Тихомиров, — замечал Волынский, — еще не завершил полного круга своих умственных исканий, в чем-то колеблется, чего-то опасается и, не имея внутренних святынь, невольно прилепляется к силам, действующим вне его»⁹⁵. Однако «прилепившись» в первой половине 90-х годов XIX в. к Победоносцеву, сосредоточив усилия на критике свободомыслия, фронды существующему строю, Тихомиров вполне заменил Каткова, а в чем-то даже превзошел его.

Развивая в новых условиях линию Каткова и Победоносцева, Тихомиров видел в самодержавии защитника общенародных интересов и потому стремился учесть в своей программе отдельные требования едва ли не всех классов и социальных групп России, вплоть до рабочего класса. Это и вело к путанице понятий, внутренней несогласованности и противоречивости его построений. На рубеже XIX—XX вв. он пришел к выводу о необходимости для спасения самодержавия не только социально-экономических, но и широких политических реформ.

Развиваясь в русле официальной народности, консервативно-монархическая мысль рубежа XIX—XX вв. искала новые идеи для обновления этой доктрины, пытаясь сделать ее приемлемой для широких кругов общества. Наиболее заметной попыткой модернизировать ее, создав новую теорию «прогрессивной эволюции самодержавия», стала четырехтомная книга Тихомирова «Монархическая государственность» (М. 1905). Выступления его во второй половине 90-х годов XIX в. свидетельствовали о нарастании у него беспокойства, неуверенности, разочарований, отразившихся в признании им шаткости существующего порядка, общего неблагополучия, надвигавшегося крушения «исторических основ» России.

Примечания

1. Советская культура, 8.IX.1988; 24.I., 13.V.1989.
2. Советская Историческая энциклопедия, т.14, с.245.
3. Воспоминания Льва Тихомирова. М. -Л. 1927, с.29—31.
4. Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ) СССР, ф.345, оп. 1, д.746, лл.25, 39—40.
5. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф.102, 3-е д-во, 1888 г., д.545, т.1, лл.64, 60, 90—92б.
6. ЦГАЛИ СССР, ф.345, оп.1, д.752, л.3.
7. БОГУЧАРСКИЙ В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. М. 1912, с. 123; ЦГАОР СССР, ф. 634, оп.1, д.108, л. 6; см., напр., NOVIKOVA O. The Confession of a Nihilist. — The Pall Mall Gazette. 1—2.XI.1888.
8. ВОЛЫНСКИЙ А. Poleмическая перестрелка. — Северный вестник, 1894, № 10, с. 71.
9. ЦГАЛИ СССР, ф.345, оп.1, д.746, л.39об.
10. Русский вестник, 1888, № 11, с.349.
11. ЦГАОР СССР, ф.102, 3-е д-во, 1888 г., д.545, т.1, лл.54, 54в.
12. Там же, т. 2, лл.31—34; Воспоминания Льва Тихомирова, с. 263.
13. ЦГАЛИ СССР, ф.1185, оп. 1, д.817, л.18.
14. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ А. И. Воспоминание о П. Н. Дурново. — Каторга и ссылка, 1930, № 7, с. 49—50. Тихомиров передавал свои слова так: «Позвольте остаться честным человеком» (ЦГАОР СССР, ф.634, оп. 1, д.25, л.14).
15. ЦГАЛИ СССР, ф.345, оп.1, д.746, л.61об.
16. ЧЕРНОВ В. М. Записки социалиста-революционера. Кн. 1. Берлин. 1922, с. 213.
17. ЦГАЛИ СССР, ф. 345, оп. 1, д.746, лл.25, 39—40, 46—47, 65—66; ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ А. И. Ук. соч., с.50.
18. ЦГАОР СССР, ф.102, 3-е д-во, 1889 г., д.113, л.4.
19. Об этом Тихомиров писал Новиковой и Суворину (ЦГАЛИ СССР, ф.459, оп.1, д.4234, л.17). В 1895 г., переиздавая свою брошюру, Тихомиров дополнил ее статьей «Несколько замечаний на полемику эмигрантов».

20. ЦГАЛИ СССР, ф.345, оп.2, д.747, л.32; д.746, л.62об.
21. КАНТОР Р. М. К истории революционного движения 1870—1880 годов. — Каторга и ссылка, 1926, № 3. На записке против слов Тихомирова, что в 70-е годы «либеральная публика держала себя так, что революционеры не могли не думать, что она им сочувствует», Александр III начертал: «Это совершенно справедливо и до сих пор!»
22. ТИХОМИРОВ Л. Очередной вопрос. — Московские ведомости, 4.V.1889. См. также ТИХОМИРОВ Л. Начала и концы. М. 1890.
23. ЦГАЛИ СССР, ф. 290, оп.1, д.51, лл. 3—5.
24. ЦГАОР СССР, ф. 634, оп.1, д.101, л.4.
25. Записку найти, к сожалению, не удалось. Основные положения ее Тихомиров изложил в письмах Новиковой от 6.VI, 9.VII.1889 (ЦГАЛИ СССР, ф. 345, оп. 1, д.747, лл.54, 60) и развил затем в брошюре «Начала и концы».
26. ЦГАЛИ СССР, ф.345, оп.1, д.747, л.60.
27. Там же, ф.290, оп.1, д.51, л.3об.; ф.345, оп.1, д.748, лл.62—63; и др.
28. Там же, ф.1185, оп.1, д.797, лл.1—3.
29. Тихомиров позаимствовал его у А. И. Герцена, статья которого «Концы и начала» была ему хорошо известна.
30. ТИХОМИРОВ Л. Начала и концы, с.3—10, 30—34, 60—62, 67, 101, 115, 120—121. См. также: е г о ж е. Славянофилы и западники в современных отголосках. — Русское обозрение, 1892, № 11, с.910; е г о ж е. Перед Новым годом. — Там же, 1895, № 1, с.369—371; е г о ж е. Конституционалисты в эпоху 1881 г. М. 1895; и др.
31. ТИХОМИРОВ Л. Начала и концы, с.27, 88—93, 108—109, 119, 122—123.
32. Воспоминания Льва Тихомирова, с.386.
33. Московские ведомости, 1890, №№ 153, 171, 172; Гражданин, 1890, № 170.
34. ЦГАОР СССР, ф.102, 3-е д-во, 1888 г., д.545, т.2, лл.105—106.
35. В 1892 г. Тихомиров вспоминал, что ему приходилось выбирать между «Гражданином» и «Московскими ведомостями». Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ), ф.230, карт.10802, д.28, л.2об.
36. ЦГАОР СССР, ф.634, оп.1, д.113, л.51.
37. Письма Победоносцева к Александру III. Т.2.М. 1926, с.141—142.
38. Литературное наследство. Т.22—24. М. 1935, с. 546.
39. ЦГАЛИ СССР, ф. 345, оп.1, д.747, л.50об.
40. Там же, ф.290, оп.1, д.51, л.40об.
41. Воспоминания Льва Тихомирова, с.346; РО РГБ, ф.230, карт. 10802, д.28, лл.1—2.
42. В нем сотрудничали П. Е. Астафьев, И. Д. Ахшарумов, Ф. И. Буслаев, П. И. Вейнберг, М. Н. Волконский, И. А. Гончаров, В. А. Грингмут, Н. С. Лесков, К. Н. Леонтьев, Н. А. Любимов, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, С. А. Рачинский, В. В. Розанов, Вл. С. Соловьев, Н. Н. Страхов, А. А. Фет, А. П. Чехов, И. И. Ясинский и др.
43. Русское обозрение, 1891, № 1, с. 401—402.
44. ЦГАОР СССР, ф.634, оп. 1, д.45, лл.1 об., 4 об.
45. См., напр., ТИХОМИРОВ Л. Русские идеалы и К. Н. Леонтьев. — Русское обозрение, 1894, № 10.
46. ЦГАОР СССР, ф.634, оп.1, д.45, лл.25, 29, 34—35,8.
47. Воспоминания Льва Тихомирова, с.397; ЦГАЛИ СССР, ф.345, оп. 1, д.750, л.4.
48. ЦГАЛИ СССР, ф.95, оп.1, д.837, л.6.
49. Русское обозрение, 1890, № 7.
50. ЦГАЛИ СССР, ф.542, д.41.
51. ЦГАОР СССР, ф.634, оп.1, д.113, л.17.
52. Об этом свидетельствуют дневники Тихомирова, в которых он отмечал получение писем Победоносцева.
53. ЦГАОР СССР, ф.634, оп.1, д.113, л.20.
54. «Я неистребимо люблю этого человека, несмотря на то, что чаще и чаще недоволен его политикой», — писал Тихомиров 18 января 1899 г., фамильярно и в то же время нежно называя Победоносцева «мой старик» (там же, д.6, лл.187, 174).
55. ТИХОМИРОВ Л. Нужна ли нам фабрика? — Русское обозрение, 1891, № 1, с.308—309.
56. Там же, с.302—303; е г о ж е. Новейшие заявления коммунизма и партикуляризма. — Там же, 1892, № 7, с.283.
57. ТВАРДОВСКАЯ В. А. Идеология пореформенного самодержавия. М. 1978, с.269.
58. ТИХОМИРОВ Л. Земля и фабрика. М. 1899, с.46.
59. ТИХОМИРОВ Л. Нужна ли нам фабрика? с.299, 303—308.
60. ТИХОМИРОВ Л. Панама и парламентаризм. Моск. ведомости, 1892, №№ 351, 354; 1893, №№ 9, 12.

61. ТИХОМИРОВ Л. Социальные миражи современности. — Русское обозрение, 1891, № 7, с.295—296. обозрение, 1890, № 3, с.443
63. ТИХОМИРОВ Л. Борьба века. М. 1896, с.17.
64. ТИХОМИРОВ Л. Демократия либеральная и социальная. М. 1896, с.65—67, 80—84, 89—93, 178—180 сл.
65. Там же, с.82—84.
66. ТИХОМИРОВ Л. Новейшие заявления, с.280—281, 277; е г о ж е. Борьба века, с.30—32; е г о ж е. Демократия либеральная и социальная, с.62.
67. ТИХОМИРОВ Л. Что такое народничество? — Русское обозрение, 1892, № 12, с.925—926; е г о ж е. Что делать нашей интеллигенции? — Там же, 1895, № 10, с.866—874.
68. ТИХОМИРОВ Л. Славянофилы и западники в современных отголосках. — Русское обозрение, 1892, № 10—11.
69. ТИХОМИРОВ Л. Борьба века, с.60—63, 68.
70. Воспоминания Льва Тихомирова, с.397.
71. ЦГАЛИ СССР, ф.290, оп.1, д.51, л.5об.,7; ф.345, оп.1, д.746, л.66об.
72. ТИХОМИРОВ Л. Духовенство и общество в современном религиозном движении. М. 1893, с.9—13, 15—17, 30—35.
73. АКСАКОВ Н. П. Духа не угашайте! СПб. 1894, с.2—3.
74. Из общественной хроники. — Вестник Европы, 1894, № 4, с. 963—965; СОЛОВЬЕВ В. Исторический сфинкс. — Там же, 1893, № 6; е г о ж е. Спор о справедливости. — Там же, 1894, № 4; е г о ж е. Конец спора. — Там же, № 7.
75. ТИХОМИРОВ Л. К вопросу о терпимости. — Русское обозрение, 1893, № 7, с.379. См. также: ТИХОМИРОВ Л. Существует ли свобода? — Там же, 1894, № 4; е г о ж е. Два объяснения. — Там же, № 5; е г о ж е. В чем конец спора? — Там же, № 8.
76. ОБОЛЕНСКИЙ Л. Е. Умственные шатания. — Книжки Недели, 1893, № 9, с.197—202, 207; ЦГАОР СССР, ф.634, оп.1, д.101, л.38; Литературное наследство. Т.37—38. М. 1939, с.274, 476—477.
77. ЦГАОР СССР, ф.634, оп. 1, д.101, лл.30—32.
78. ТИХОМИРОВ Л. Что делать нашей интеллигенции? — Русское обозрение, 1895, № 10, с.876.
79. ТИХОМИРОВ Л. Молодежь и ее учителя. — Русское обозрение, 1895, № 12.
80. См., напр., ТИХОМИРОВ Л. Евреи в России. — Русское обозрение, 1894, № 7; е г о ж е. Польский вопрос. — Там же, 1895, № 2; е г о ж е. Русское дело в обрусении. — Там же, № 4; е г о ж е. Государство и церковь. — Там же, 1896, № 5; е г о ж е. Что такое Россия? — Там же, 1897, № 4; е г о ж е. Защитнику павловских сектантов. — Там же, № 8; и др.
81. ТИХОМИРОВ Л. Сословие журналистов. — Русское обозрение, 1894, № 4, с.911—916; е г о ж е. Еще об организации нашего сословия. — Там же, № 12, с.1045—1049; е г о ж е. Общественная роль печати. — Там же, 1896, № 10, с.880—899; е г о ж е. Еще об устройстве печати. — Там же, № 12, с.1050—1063; е г о ж е. Задачи публицистики. — Там же, 1897, № 3, с.461—468.
82. АРСЕНЬЕВ К. К. Законодательство о печати. СПб. 1903, с.209, 218—219.
83. ТИХОМИРОВ Л. Жизнь и воспитание. — Русское обозрение, 1893, № 4; е г о ж е. К вопросу об упадке творчества. — Там же, № 8; е г о ж е. Молодежь и ее учителя. — Там же, 1895, № 12; е г о ж е. Вечные вопросы. — Там же, 1896, № 4; е г о ж е. Обзор повременных изданий. — Там же, 1897, № 1.
84. ТИХОМИРОВ Л. Новогодние думы. — Русское обозрение, 1897, № 1, с.408, 414.
85. ТИХОМИРОВ Л. Конституционалисты в эпоху 1881 года, с.100, 120—121.
86. Письма Победоносцева к Александру III. Т.2, с.305.
87. ЦГАОР СССР, ф.634, оп.1, д.113, л.49, 77—78; д.97, л.3.
88. ТИХОМИРОВ Л. Новогодние думы, с.410—411.
89. ТИХОМИРОВ Л. Носитель идеала. — Московские ведомости, 1.XI.1894, № 298; е г о ж е. Великий пример. — Русское обозрение, 1894, № 11; е г о ж е. Перед Новым годом. — Там же, 1895, № 1; и др.
90. ЦГАЛИ СССР, ф.311, оп.2, д.21, лл.1—2; ЦГАОР СССР, ф.634, оп. 1, д.101, л.41; Рукописный отдел Института русской литературы им. А. С. Пушкина, ф.16, д.953, лл.4—5.
91. См. Письма Победоносцева к Александру III. Т.2, с.313, РО РГБ, ф.230, карт.4415, д.2, л.114; ф.224, карт.1, д.2, л.11.
92. ЦГАОР СССР, ф.634, оп.1, д.101, л.42.
93. Там же, л. 25об. В архиве письмо датировано 1893 г., но из текста его (в нем упомянуты антитихомировская статья Амфитеатрова, полемика о Леонтьеве и т.п.) ясно, что оно написано не ранее декабря 1894 года.
94. Воспоминания Льва Тихомирова, с.424—425.
95. ВОЛЫНСКИЙ А. Полемическая перестрелка, с.79.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

«АНТОНОВЩИНА»: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

С. А. Есиков, Л. Г. Протасов

В последние годы на наших глазах рассыпалось немало исторических мифов. Это относится и к изучению повстанческого крестьянского движения в годы гражданской войны, в частности так называемой антоновщины. Термин этот, судя по документам, возник в ходе борьбы с восстанием, а затем был усвоен и популяризован историками. Но, имея явно презрительно-обличительный смысл, он лишен научной объективности и все содержание крупного события сводит к фигуре лидера повстанцев А. С. Антонова. Социально-исторического смысла в этом термине не больше, чем в понятии «пугачевщина» применительно к крестьянской войне XVIII века. Потому применение его в научных целях (учитывая его краткость и общепринятость) может быть только условным.

«Антоновщина» имеет давнюю историографическую традицию, основы которой были заложены советскими военачальниками, занимавшимися ликвидацией движения (В. А. Антонов-Овсеенко, А. С. Казаков, Н. Е. Какурин, М. Н. Тухачевский, Р. П. Эйдеман). По свежим следам событий был издан сборник воспоминаний и документов¹. Опубликованные в нем источники содержат ценные свидетельства, но их интерпретация целиком принадлежала «победителям», в большинстве своем профессиональным военным, к тому же не успевшим «остыть» после боя. Утвердившаяся тогда оценка «антоновщины» как кулацко-эсеровского мятежа отвечала политическим реалиям начала и середины 20-х годов. Более того, она играла служебную роль в свертывании остатков формальной многопартийности в стране, и прежде всего в устранении с политической арены партии социалистов-революционеров (ПСР). В ходе открытого суда над членами ее ЦК среди выдвинутых против них обвинений были организация антоновского мятежа² и руководство им.

Оформлявшаяся в условиях монопартийности историографическая концепция «антоновщины» не могла не быть политизированной и схематичной. Она старательно обходила многочисленные противоречия, неизбежно встающие перед каждым историком, и прежде всего главное: как совместить сугубо негативную оценку крестьянского восстания с позитивной оценкой последовавшего за этим перехода к нэпу. Ведь тем самым не только фактически признавалась гибельность дальнейшего проведения политики «военного коммунизма», но и как бы оправды-

---

Есиков Сергей Альбертович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Тамбовского института химического машиностроения. *Протасов Лев Григорьевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории и права Тамбовского педагогического института.

вались исторически тамбовские крестьяне и кронштадтские матросы. По существу, их восстания были «последним доводом масс» в пользу изменения большевиками всей тактики и стратегии построения социализма.

Парадоксально и другое. Даже в черно-белом изображении (точнее в красно-белом) тема эта не пользовалась той популярностью, которая отвечала бы ее значению. Возможно, потому, что интерес к явлению с прочной антисоветской репутацией казался подозрительным. Тем не менее в провинциальном издании появилась статья Г. М. Михалева «Разгром кулацко-эсеровского мятежа в Тамбовской губернии»³. В ней давалось, хотя и официальное, но обстоятельное освещение военных действий, повстанческого террора, мероприятий центральной и местной власти по ликвидации мятежа. Эта статья, пожалуй, завершила складывание безальтернативной и даже безвариантной, принявшей нормативный характер трактовки «антоновщины», той трактовки, которая не оставляла исследователям места для сомнений и поисков, за исключением разве введения в оборот новых фактов, подтверждающих и закрепляющих принятую концепцию.

Каркас ее образуют четыре основных положения. Первое: антоновщина — антисоветский мятеж, возглавлявшийся эсерами, принявший форму политического бандитизма. Тем самым всему движению придавался полууголовный оттенок. Второе: это кулацкое по классовой сути движение, в которое обманом и силой была втянута часть трудового крестьянства. Третье: решающую роль в ликвидации мятежа сыграл переход от продовольственной разверстки к продналогу, то есть мера преимущественно экономическая, а не военная. Четвертое: неправомерные действия партийных, советских и военных работников, в той мере, в которой они признавались, объяснялись их неопытностью, а иногда и сознательными происками врагов, пробравшихся в органы советской власти с целью их дискредитации. В очевидном противоречии с предыдущим положением поиск главной причины переносился из области объективного в сферу субъективного.

Тезисы этой намеренно упрощенной нами схемы таят в себе множество других несообразностей, но неразрешимым в ее рамках оказывается элементарное логическое противоречие: почему кулацко-эсеровский мятеж повлек за собой кардинальное изменение стратегии и тактики РКП(б) — правящей партии страны? И, если политика «военного коммунизма» исчерпала себя, как осторожно говорили тогда, то почему восстания против нее в Тамбовской губернии и Кронштадте заслуживают осуждения?

В основном на прежних позициях оставались авторы книг, вышедших в 70—80-е годы⁴. В энциклопедии по истории гражданской войны антоновщина трактуется как попытка осуществления новой тактики классовых врагов пролетариата — «взрыва изнутри»⁵.

Падение идеологических табу и цензурных ограничений в годы перестройки почти сразу же поставили в центр внимания судьбы российского крестьянства: вслед за историей насильственной коллективизации наступила очередь других актов крестьянской трагедии, в том числе «антоновщины». Появились статьи Д. Фельдмана, С. Павлюченкова, В. Самошкина⁶, раскрывающие неизвестные страницы этой драмы, содержащие раскрепощенные мысли о причинах повстанческого движения, методах деятельности Полномочной комиссии ВЦИК и многом другом, о чем не принято было писать прежде. Бесспорная заслуга публицистов в том, что они первыми поставили вопрос о пересмотре проблемы в целом. Но жанр газетно-журнальных очерков predetermined, вероятно, и характерные слабости этих публикаций, в частности известный налет сенсационности, не без ущерба для научности.

Резкая смена веков, решительная ломка устоявшихся стереотипов дезориентирует массовое историческое сознание. Примером этого является брошюра В. Баранова⁷, в которой повстанческое крестьянское движение подается одновременно и как «мятеж», «кровавый бунт», и как проявление социального протеста деревни, и как эсеровская авантюра. По-прежнему особый акцент делается на личной роли Ленина в ликвидации «антоновщины», на жестокости участников этого движения.

Не секрет, что происходящая ныне в историографии переоценка ряда событий нашей истории в сущности лишь воспроизводит, порой почти буквально, суждения, изложенные ранее в работах западных советологов. По истории «антоновщины», однако, западная литература не богата работами и идеями. Наиболее известна

книга американского историка О. Рэдки⁸, но ее достоинства приходится оценивать сдержанно: автор изображает столкновение «добра» и «зла», нехватку исторической конкретики возмещает героизацией крестьянской стихии. Образцом научной объективности является статья С. Синглтона⁹, в которой использованы воспоминания бывшего «антоновца» М. Фомичева (Лидина). Ряд высказанных автором положений и оценок, прежде всего об отношении ПСР к «антоновщине», заслуживает признания или внимания благодаря своей аргументированности и оригинальности.

Под статью историографии проблемы и ее источниковая база. Почти целиком она состоит из документов органов советской власти, лишь изредка встречаются документы повстанцев (главным образом листовки), и остается надеяться, что их круг расширится с открытием архивов КГБ. Однако уже сейчас перед историками встала задача критического пересмотра фактов, отказа от их утилизации в угоду заданным, обычно идеологизированным схемам.

Нынешнее состояние изучения проблемы и ее источниковой базы требует не подведения итогов, а поисков новых путей, новых подходов к теме. История «антоновщины» не может быть понята вне широкого исторического контекста. Вряд ли она явилась прямым результатом жесткой продовольственной политики советской власти в деревне и особенно форм ее проведения, принимавших нередко явно бессмысленный, иррациональный характер. Это послужило только непосредственным поводом к массовому восстанию. Оно зрело и вспыхнуло на базе долго копившегося крестьянского протеста против всей системы внеэкономического насилия в деревне.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии осенью 1917 г. против помещиков и восстание в 1920—1921 гг. лишь на первый взгляд далеки друг от друга и хронологически и политически. Связь между ними не случайна, как и то, что оба события имели общероссийский резонанс и самые реальные политические последствия. Правда, в промежутке между первым и вторым крестьяне получили (вернее — взяли) помещичью землю, но экономические и социальные плоды этого акта сводились на нет продовольственной диктатурой, запретом свободной торговли, изъятием не только «излишков», но и необходимых для жизни продуктов, деятельностью продотрядов, комбедов, первыми попытками принудительной коллективизации, мобилизацией в армию.

На чаше весов крестьянского менталитета эти факторы явно перевешивали, настраивая крестьян против новой власти, не давая оснований считать ее своей. Впрочем, эта власть и не могла быть для крестьян «своей». Марксистская доктрина, которой эта власть руководствовалась, рассматривала крестьянство как исторически отживший, реакционный класс. Большевизм несколько смягчил эти критерии в условиях крестьянской России, но твердо стоял на почве неизбежности тотального государственного принуждения в отношении деревни. Н. И. Бухарин, далеко не самый жесткий из ленинцев, в мае 1920 г. писал: «По отношению к некулацкой крестьянской массе принуждение со стороны пролетариата есть классовая борьба постольку, поскольку крестьянин есть собственник и спекулянт»¹⁰.

По замечанию С. Павлюченкова, Тамбовщине в 1918—1920 гг. катастрофически не везло. Плодородный чернозем, хлебный достаток, многолюдность (свыше 3,5 млн. жителей) превращали губернию в излюбленный объект деятельности разного рода чрезвычайных комиссий и комиссаров, видевших в ней неисчерпаемый источник людских и материальных ресурсов, тем более, что Тамбовщина оставалась вне зоны военных действий гражданской войны, исключая короткий, но разрушительный набег конницы генерала Мамонтова в августе 1919 года.

Как и все производящие губернии, Тамбовская с наибольшей силой ощущала тяготы продовольственной диктатуры. Изъятие «излишков» задевало интересы широких крестьянских слоев, заметно осереднячившихся в результате ликвидации помещичьего землевладения. К осени 1918 г. здесь сложилась система продрозверстки, охватившая все виды сельскохозяйственной продукции, сверху был установлен максимум обеспечения крестьянских хозяйств продуктивным скотом. Определенный на 1918 г. общий объем хлебной разверстки в 35 млн. пудов был чрезвычайно велик (в урожайные довоенные годы Тамбовщина давала товарного хлеба на 8—10 млн. пудов меньше), поэтому выполнение разверстки было неминуемо связано с массированным и откровенным насилием, в условиях военного времени переходив-

шим в террор. Апогей этих мер пришелся, по-видимому, на начало 1920 г., когда был смещен губкомиссар Я. Г. Гольдин, присвоивший себе право без суда и следствия расстреливать неугодных ему заведующих ссыпными пунктами¹¹.

К октябрю 1918 г. в губернии действовало 50 вооруженных продотрядов общей численностью около 5 тыс. человек. В 1918 и в 1919 г. она первенствовала в республике по размерам заготовки хлеба¹². Но и тех крестьян, которые готовы были мириться с продразверсткой, понимая ее вынужденность, возмущали бессистемность этих мер и то, что значительная часть собранного пропадала на месте.

На государственное принуждение крестьяне отреагировали резким сокращением посевов. Если в 1918 г. на одно хозяйство приходилось в среднем 4,3 десятины посева, то в 1920 г. — лишь 2,8 десятины. Другими словами, поля засеивались в размерах, необходимых только для личного потребления, а в ряде уездов потребление хлеба значительно выросло в сравнении с довоенным уровнем. «Крестьянство, — отмечалось в одном из документов того времени, — стало смотреть на свое хозяйство, как на чуждое ему, как на явление, которым оно не дорожит»¹³. Это свидетельство, будь оно даже единственным, значило бы не меньше, чем факты прямых выступлений крестьян против власти. Оно отражало самое разрушительное по своим последствиям явление социальной деградации, ибо крестьянин, не желающий вести хозяйство, уже не крестьянин. Но сигналы эти не были услышаны.

Впрочем, недостатка в случаях вооруженных выступлений крестьян тоже не было. Осенью 1918 г. по губернии прокатилась волна таких выступлений, которые были подавлены с помощью регулярных войск. Картина повторилась и в 1919 и в 1920 годах. Это заставляет усомниться в том, будто в годы гражданской войны крестьяне мирились с военно-коммунистической практикой в деревне и открыто выразили свой протест лишь тогда, когда отпала опасность возвращения помещиков в белогвардейском обозе (поэтому начало «антоновского мятежа» обычно датируется в литературе августом 1920 г.¹⁴). «Антоновщина» отразила длительную эволюцию крестьянского протеста, этим и объясняются столь широкий ее размах и устойчивость.

На протест толкали крестьян не собственнические инстинкты, а экономическая несвобода, несовместимая с их традиционными психологическими установками на «землю и волю», «свободный труд на свободной земле»; запрещение торговли хлебом. Вот весьма типичное для крестьян рассуждение жителя с. Знаменское Тамбовского уезда, взятое из политдонесения 6-го боеучастка: «Во всем происходящем (то есть в мятеже) виновата Советская власть; бандитское движение было для крестьян вынужденной мерой для избавления от насильников, которые разорили все крестьянское хозяйство. При Советской власти невозможно вести какое-либо хозяйство потому, что все отберут; строй не привел страну к лучшему... Вместо свободы Советская власть создала тюрьмы и концлагеря»¹⁵.

Такова была логика мышления достаточно широких крестьянских слоев, прямо в повстанческом движении не участвовавших, но втайне ему сочувствовавших и разуверившихся в возможности мирных перемен к лучшему. Свои беды крестьяне чаще связывали при этом не с Советской властью как таковой, а с комиссарством, властью коммунистов, подменившей собою власть Советов. В прифронтовой Тамбовской губернии, где только в 1918 г. военное положение объявлялось пять раз, царила ничем не сдерживаемая чрезвычайщина, с февраля 1921 г. олицетворяемая Полномочной комиссией ВЦИК. Лозунг «Советы без коммунистов!» не относился к области чистой демагогии и имел хождение среди «антоновцев».

Традиционное крестьянское недоверчиво-подозрительное отношение к власти, к городу, накапливавшееся веками общественного разделения труда, переросло в глухую ярость, как только возникла опасность разрушения военно-коммунистической идеологией и политикой привычного крестьянского уклада. В связи с тем, что продотряды, как правило, состояли из рабочих, росло враждебное отношение к ним, и на голову продотрядовцев в первую очередь обрушивался крестьянский гнев, если и не бессмысленный, то, несомненно, беспощадный. Деревне, охваченной тифом, голодом (Антонов-Овсеенко в феврале 1921 г. докладывал в центр, что многим жителям приходится есть древесную кору¹⁶), бандитизмом, остро ощущавшей отсутствие элементарно необходимых промышленных товаров, нечего было терять.

Неспокойно было, впрочем, и в городах губернии с их преобладающе непро-

мышленным населением и с немногочисленным, к тому же тесно связанным с деревней рабочим классом. Сказывалось крестьянское окружение; хватало и собственных причин для недовольства, выразившегося, главным образом, в форме забастовок. Наибольшее число выступлений в городах приходилось на 1920 г. и зиму — весну 1921 г.: Борисоглебск, Усмань, Козлов, Тамбов, крупное промышленное село Рассказово. Наряду с основным требованием улучшения продовольственного обеспечения высказывалось и недоверие советской власти. Об остроте забастовок можно судить по тому, что в железнодорожных мастерских Тамбова, на железной дороге Козлов — Тамбов — Кирсанов, на текстильных фабриках Рассказова вводилось военное положение¹⁷. В связи с забастовками в Рассказове Полномочная комиссия ВЦИК 15 марта 1921 г. приняла решение «возбудить вопрос перед центром о необходимости в целях усиления политвлияния и изъятия разлагающих рабочие массы элементов произвести переброску части рассказовских рабочих от 10 до 20% в другие районы»¹⁸.

В прежние времена историки старались не замечать такого рода фактов, явно диссонировавших с популярной версией о гибкой тактике советской власти в борьбе с антоновщиной. В основе этой версии — решение Президиума Тамбовского губисполкома от 8 февраля 1921 г. о прекращении разверстки, одобренное правительством. После решения Наркомпрода тамбовские власти (губком РКП(б), губисполком и губпродком) 12 февраля приняли совместное постановление «О приостановлении выполнения продовольственной разверстки», о чем население было оповещено через печать¹⁹. Как отмечают авторы «Очерков истории Тамбовской организации КПСС», «в январе — феврале 1921 года Центральный комитет несколько раз обсуждал вопрос о политической и хозяйственной обстановке в губернии. Особым декретом ВЦИК в феврале 1921 года, еще до X съезда партии, с губернии по указанию В. И. Ленина была снята продрозверстка и разрешена свободная торговля продуктами сельского хозяйства, облегчены условия гужевой повинности крестьян, улучшено снабжение населения промышленными товарами»²⁰. Эти меры были одобрены Лениным во время его встреч 14 февраля с секретарем Тамбовского губкома РКП(б) Н. М. Немцовым, а затем с делегацией тамбовских крестьян.

Сухой, почти протокольный перечень этих мер не передает внутреннего драматизма обстановки в губернии, доходящего до трагической ноты. Да и отношения властей и крестьянства отнюдь не были благостными, то есть такими, когда одна сторона (власть) демонстрировала заботу и терпение, а другая (крестьяне) — внимала ей и раскаивалась в заблуждениях. Указанные меры, как и резолюция X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом», сужали экономическую базу крестьянского недовольства, питавшую повстанческое движение, но накопившиеся в деревне противоречия не разрешались автоматически и безболезненно.

Тамбовское крестьянство восприняло эти решения неоднозначно. Часть — действительно горячо одобрила действия власти, и эти настроения освещены в литературе. Однако значительные слои крестьян отнеслись к ним без энтузиазма и с традиционно-деревенским недоверием, считая, что власть ничего не делает просто так, без тайной выгоды для себя. Немало было таких суждений: «Советская власть будет брать с крестьян больше, чем по декрету о налоге» (Козловский уезд); «как только уродится хлеб — будут отбирать по-прежнему» (Тамбовский уезд); иные крестьяне не верили, что продналог продержится до осени (Усманский и Моршанский уезды)²¹. Определенная (не обязательно зажиточная) часть крестьянства встретила новые решения настороженно-враждебно²². Эти настроения отражены в высказывании: «Хотите завоевать симпатию отменой разверстки. Нет, теперь уже поздно. Натурналог — та же разверстка, только название другое»²³.

Основания для такого рода сомнений были. Прозверстка, формально отмененная, по существу сохранялась как на хлеб, так и на ряд других видов сельскохозяйственной продукции. Ее продолжали взимать и весной и летом 1921 г., то есть спустя более полугодия после отмены²⁴. В селе Сампур в сентябре 1921 г. по вопросу о сборе продналога была созвана беспартийная крестьянская конференция, обсуждавшая эту проблему более пяти часов. Крестьяне жаловались на тяжесть разверстки, особенно на яйца, масло и шерсть, но к концу дня была принята резолюция, в коей необходимость выполнения продрозверстки признавалась²⁵. Трудно

объяснить столь неожиданное решение иначе, как подчинением крестьян силе обстоятельств, тем более на фоне только что разгромленного повстанческого движения.

Логика местных властей, упорно действовавших отжившими и самоубийственными методами, лишь на первый взгляд вызывает недоумение. Сложившийся в губернии громоздкий и неповоротливый бюрократический аппарат предпочитал привычную практику, неохотно перестраиваясь для решения новых задач. Указания центра на этот счет выполнялись с запозданием и не всегда. Кроме того на первых порах продналог мало чем отличался от продразверстки. В той же Сампурской волости налог первоначально установлен был в 1 пуд 10 фунтов, через несколько дней он был увеличен на 20 фунтов, а затем еще на 1 пуд²⁶. В целом по губернии размер натуралога весной 1921 г. определялся в 5,3 млн., а в октябре — уже в 8,5 млн. пудов²⁷. Такие перепады в натуральном обложении вызывали бурное недовольство крестьян.

Ситуация в деревне резко осложнялась неупорядоченностью взимания налога, местным произволом. Его грубо чинили воинские части, которые в целях самопродкорма вводили дополнительное натуральное обложение крестьян. В Моршанском уезде в апреле 1921 г. 2-й продполк ввел налог в 2 фунта на едока «для нужд частей». Из Рассказова сообщалось, что проведение налога на масло и яйца затруднительно для крестьян, так как все эти продукты потреблялись красноармейцами²⁸.

Таким образом, применительно к Тамбовской губернии и, соответственно, к «антоновщине» можно констатировать, что переход к продналогу как важнейшему звену новой экономической политики и достижения гражданского мира в стране не дал и не мог дать ожидаемого эффекта, поскольку продналог был больше декларирован, чем осуществлен на деле. Взимание разверстки продолжалось, и вместо ожидавшегося резкого спада крестьянского движения в ряде мест весной 1921 г. произошел новый всплеск выступлений.

В условиях разраставшегося восстания тамбовские власти вначале растерялись, а затем пришли к удобному и успокоительному для себя выводу: крестьянство материально заинтересовано в бандитизме (во всяком случае, подобная мысль высказывалась некоторыми местными руководителями)²⁹. Взгляд этот не соответствовал природе крестьянского хозяйства, требовавшего социальной стабильности и каждодневного труда. Крестьянство, как явствует из многочисленных и вполне откровенных сводок чекистов, было «замордовано угрозами и террором, оно превратилось в дикарей, отсутствует всякая правда о Соввласти»³⁰. Однако местное руководство делало ставку на военные меры.

В конце апреля 1921 г. Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом заслушала доклад председателя Полномочной комиссии ВЦИК Антонова-Овсеенко о политическом и военном положении в Тамбовской губернии. 27 апреля этот же вопрос рассматривался на заседании Политбюро ЦК РКП(б). Было принято решение о направлении на разгром мятежа регулярных вооруженных сил во главе с опытными военными руководителями. Тухачевскому, командующему войсками в губернии, ставилась задача ликвидировать банды в месячный срок³¹.

Напрашивается вывод: центр, верно оценив потенциальную опасность, которую несли крестьянские восстания советскому строю, и приоритеты задач борьбы с ними, не представлял себе всей сложности и противоречивости обстановки в губернии, видя решение вопроса в военных мерах. На скорейшем подавлении крестьянского движения категорически настаивал Ленин³². Он регулярно знакомился с письмами и докладами тамбовских руководителей, военных, неизменно настаивавших на присылке новых воинских частей в губернию³³. Нам представляется, что исследователям необходимо учитывать этот характер поступавшей к Ленину информации. Вместе с тем (удивительно, но факт!) с докладной запиской Антонова-Овсеенко от 3 марта 1921 г., содержащей обстоятельную характеристику положения в Тамбовской губернии, состояния там партийной и советской работы, Ленин ознакомился лишь спустя четыре месяца³⁴.

К лету 1921 г. численность красноармейских частей на Тамбовщине достигла более 100 тыс. человек. На 14 сентября, когда «антоновщина» была в основном ликвидирована, на довольствии в губернии стояло 70 629 человек «пришлых» войск³⁵. Концентрация значительных военных сил требовала оперативного решения вопросов, связанных с их продовольственным и вещевым обеспечением.

Однако сделать этого не удалось. Сразу же возникли осложнения. В кавбригаде Г. И. Котовского, переброшенной в губернию, недоставало обмундирования до 70%, не хватало фуража; в 1-м и 3-м полках ВЧК в отдельные дни питания не было вовсе³⁶.

Вот почему многим частям «приходилось снабжаться за счет крестьян». «Прогрессирует мародерство, — отмечалось в одном из отчетов, — летучий отряд красноармейцев при вступлении в деревню по погребам и домам самовольно забирает молоко, масло, яйца и даже вещи. Крестьянство считает поступки красноармейцев не лучше поступков бандитов»³⁷. Когда бойцы бригады Котовского 22 мая 1921 г. в с. Рождественском Кирсановского уезда провели митинг о бандитизме и коммунистическом строительстве, крестьяне заявили, что впервые встречают часть, «которая не дебоширит, а разъясняет»³⁸.

Конечно, мародерство и частые конфискации продовольствия и лошадей на «законной основе» (для нужд Красной Армии) усугубляли и без того накаленную атмосферу в деревне, ожесточение крестьян. И все же значительная их часть связывала с Красной Армией свои надежды на окончание изнурительной войны, поэтому мирилась с нарушениями.

Объявлявшиеся в марте 1921 г. в районах мятежа недели и двухнедельники добровольной явки — амнистии его участников — большого эффекта не дали. Подавление крестьянского движения велось исключительно военными мерами и устрашением. Для деятельности Полномочной комиссии ВЦИК был характерен переход к режиму оккупации, который включал в себя занятие территорий, наложение контрибуций, разорение хозяйств и разрушение домов участников мятежа и их семей, взятие заложников (как одиночек, так и целых семей), создание концентрационных лагерей. Эта линия проводилась неуклонно вплоть до осени 1921 года³⁹.

Вся губерния была поделена на 6 боевых участков, в каждом из них создавались политотделы и чрезвычайные органы — уездные политкомиссии. Для быстрого расследования, а также для проведения «ударных» процессов и гласных судов губчека и реввоен трибунал выделили «тройки». Налаживать работу ревтрибунала и «троек» в губернии помогал тот самый В. В. Ульрих⁴⁰, который председательствовал потом на процессах 30-х годов. На каждом боеучастке создавался концентрационно-полевой лагерь.

Суть системы оккупации изложена в приказе № 130 командующего войсками от 12 мая 1921 г. и в приказе № 171 Полномочной комиссии ВЦИК от 11 июня 1921 года⁴¹. Согласно этим документам, карательные меры применялись не только по отношению к непосредственным участникам мятежа, но и к членам их семей, ко всем сочувствующим. О характере и масштабах репрессивных мер свидетельствуют факты: во 2-м (Расказовском) боеучастке со 2 июня по 5 июля 1921 г. по приказам № 130 и № 171 было арестовано 359 семей-заложников численностью 1211 человек и 917 «бандитов»; расстреляно 370 человек. Общее число конфискации — 295, разобрано 35 и сожжено 11 домов⁴². Обращает на себя внимание, что число заложников превышает число арестованных мятежников и дезертиров. По неполным данным, в губернии с 1 июня по 2 июля 1921 г. было арестовано 2010 «бандитов» и 1544 дезертира. В то же время было взято 3450 заложников-одиночек и 700 семей⁴³ (даже при минимальном размере семьи в 3 человека это составляет более 2 тыс. человек).

Особенно трагичным было положение заложников. Известно немало случаев, когда их публично расстреливали для устрашения населения и получения сведений о мятежниках⁴⁴. Большую же часть заложников помещали в концентрационные лагеря, совершенно непригодные для содержания людей. Обычно это был участок луга, огороженный колючей проволокой, где в лучшем случае в наспех построенных бараках или палатках, а то и под открытым небом размещались взрослые и дети. Здесь же находились дезертиры и уголовники, подсудимые и уже прошедшие через суд и ожидавшие этапа. Отсутствие каких-либо санитарных мер приводило к эпидемиям⁴⁵. Нередко заложников не ставили на довольствие, несмотря на то, что среди них была значительная доля детей и стариков⁴⁶. 27 июня 1921 г. на заседании комиссии по делам о содержании детей-заложников в концлагерях Тамбовской губернии было признано необходимым в срочном порядке осуществить следующие меры: «Детей-заложников до 15-летнего возраста включительно содержать отдельно от взрослых в жилых домах или бараках, но не в палатках — по воз-

возможности в черте лагеря; при детях-заложниках до 3-летнего возраста... имеют право находиться и их матери-заложницы»⁴⁷. Заложники, находившиеся в концлагерях, иногда использовались в качестве рабочей силы на сельскохозяйственных, ремонтных и иных работах⁴⁸, однако массового распространения это не получило. Для разгрузки лагерей (наибольший наплыв людей приходился на лето 1921 г.) применялась высылка заложников в отдаленные районы страны⁴⁹.

Крестьяне неохотно участвовали в выдаче и поимке мятежников, в некоторых селах принимали постановления с ходатайством перед красным командованием о прекращении взятия заложников из «бандитских» семей⁵⁰. Все это привело к еще большему ожесточению властей. Ответные меры последовали и со стороны повстанцев. Через семьи красноармейцев и коммунистов руководители восстания направили требование ликвидировать заложничество, угрожая в противном случае применить те же меры. В Борисоглебском уезде «антоновцы» издали приказ № 130, по которому брали в заложники семьи красноармейцев, коммунистов, советских служащих⁵¹. В чекистских сводках отмечалось, что «бандиты звереют», принимают решения «всех сочувствующих совласти рубить на месте»⁵².

Система карательных мер не только порождала ответные действия «антоновцев», но и деморализующе действовала на самих красноармейцев; среди них нередки были и случаи перехода в ряды повстанцев⁵³. Для проведения подобных акций военному командованию приходилось выделять членов РКП(б), бойцов нерусской национальности, а также привлекать коммунистов из числа гражданских лиц⁵⁴.

Объективно говоря, по части жестокости обе стороны не уступали друг другу, а жестокость остается жестокостью, от кого бы она ни исходила. Однако у крестьян она была формой самозащиты и отчаяния, тогда как власть, именовавшая себя рабоче-крестьянской, из всех средств умиротворения деревни избирала самые жесткие, при этом кровавый террор и насилие облекались в романтические одежды.

В современных публикациях об «антоновщине» эта сторона борьбы с крестьянским восстанием подается как иллюстрация того, что большевики всегда опирались на насилие. Разумеется, нет смысла ни оправдывать зверства, ни впадать в дешевое морализаторство, ни заниматься поиском того, кто начал террор первым. Важнее понять нравственно-психологическое состояние общества после многих лет войны (Ленин назвал его «одичанием» народа⁵⁵): человеческая жизнь обесценивалась, а заложничество и расстрелы стали бытовым явлением. Кровавая карусель с ее ускоряющимся вращением настолько кружила голову, что мешала видеть другие, менее болезненные и более эффективные средства. Тогда многим казалось: еще немного крови, еще немного насилия, и страшная оргия прекратится, в стране воцарится вечная справедливость...

Эти предположения можно, видимо, подтвердить тем, что в проводившейся властями репрессивной практике почти неразличим социальный критерий. Столь знакомое из литературы деление крестьян на бедняков, середняков и кулаков на практике было чисто лозунговым, зачастую демагогическим: все, кто участвовал в повстанческом движении или сочувствовал ему, объявлялись кулаками. Полномочная комиссия ВЦИК 18 марта 1921 г. приняла показательное в этом отношении решение: «Через уисполкомы в самом срочном порядке систематизировать эти сведения в таком порядке: а) список селений, участвовавших в движении по собственной инициативе, б) список селений, втянутых в движение влиянием извне, в) список селений, укрывавших эсеров-бандитов, г) список пассивных сел, д) список селений, оказавших сопротивление бандитам. По группе а) взять немедленно все кулачье в концентрационные лагеря и для высылки, по группе б) взять заложников, по группе в) строгое внушение на сельских сходах с предупреждением, по группе д) поощрить с занесением на Красную доску»⁵⁶.

Как правило, при осуществлении карательных акций классовый принцип не принимался в расчет, акцент делался на устрашение. Характерен такой факт. На заседании уездной политкомиссии 2-го боеучастка 25 июня слушали вопрос «Об обстреле нашей роты в с. Никольском из окон и риг в то время, когда рота шла на фуражировку». Постановили: «Поручить начальнику боеучастка т. Чайковскому обстрелять артогнем село Никольское со взятием заложников»⁵⁷.

Карательная политика требовала жестких исполнителей. Назначение Тухачев-

ского командующим войсками Тамбовской губернии не было случайным: нужен был не только полководческий дар, но и опыт беспощадного усмирителя. У Тухачевского он был — Кронштадт. Именно по его докладу Полномочная комиссия ВЦИК 9 июня 1921 г. приняла решение — применить газы «для выкуривания бандитов из лесов»⁵⁸.

Портретная галерея участников событий бедна красками. В ней противопоставлены герои и антигерои: овеянные славой красные полководцы и «головорезы-антоновцы». Пока что первой попыткой проследить биографию Антонова является очерк борисоглебского краеведа-историка В. В. Самошкина⁵⁹.

На партию социалистов-революционеров традиционно возлагается вина за идейно-организационную подготовку мятежа (что выражается и в прочно утвердившихся формулах «эсеров-бандитизм», «политический бандитизм»). Среди руководителей восстания и его рядовых участников было немало эсеров или людей, близких к ним по взглядам. Очевидно, не без их влияния складывалась политическая программа повстанцев, которая, впрочем, мало походила на традиционную эсеровскую программу социализации общества. Вместе с тем известно, что ЦК ПСР запретил своим организациям и отдельным членам участвовать в восстании⁶⁰. Следует, по-видимому, говорить не об организующей роли партии социалистов-революционеров в целом (к тому времени она не имела ни соответствующих сил, ни влияния), а об участии в повстанческом движении отдельных ее членов, не связанных с партийным центром.

Антоновское движение оставило в тамбовской деревне глубокий след, долго не заживающую рану, но этого как бы не замечают историки. И это был не столько экономический ущерб (хотя даже в 1926 г. на него ссылались местные руководители), сколько неизмеримый политический, социально-психологический, моральный урон. Жесткими энергичными мерами восстание было подавлено, недовольство крестьян погашено, но сохранилась в латентной форме проблема доверия крестьян к власти во всех ее проявлениях.

Во второй половине 1921 г. тамбовскому руководству удалось добиться роспуска Полномочной комиссии ВЦИК, что предвещало переход от режима чрезвычайщины и комиссарства к обычному, «нормальному» управлению жизнью края. В связи с этим встал вопрос об организации советской власти в полном смысле слова. Циркуляр Тамбовского губкома РКП(б) от 24 сентября 1922 г. прямо предписывал местным ячейкам и фракциям полностью соблюдать принцип административного невмешательства в работу советского аппарата. Принимались меры по созданию не обременительного для крестьян экономически и близкого к их нуждам советского аппарата в деревне.

Однако военно-коммунистические предрассудки оказались непреодолимы. Самые искренние и горячие попытки губкома повысить эффективность и авторитет власти Советов были сведены на нет. 2 ноября 1922 г., например, Кирсановский уком РКП(б) направил волостным и сельским партиейкам циркуляр о задачах коммунистов в ходе начавшейся кампании по перевыборам Советов. В секретном порядке в нем указывалось, что необходима особая бдительность в условиях развернувшегося нэпа. «Мы считаем необходимым указать товарищам, — говорилось в документе, — что число возвратившихся из мест заключения бандитов внушает возможную опасность». И далее рекомендовалось фильтровать состав Советов, обязательно проводить свои кандидатуры и по возможности устранять от выборов внушающих сомнение крестьян⁶¹.

Это один из фрагментов оформления «административно-командной системы», точнее, одного из ее ликов, поскольку принцип командования крестьянином осуществлялся и прежде. Партийная структура подчиняла себе государственную, придавая ей идеологическую законченность. Пороки этого процесса ощущались уже тогда. Не случайно XV Тамбовская губернская конференция РКП(б) в мае 1924 г. призвала «особо осторожно» проводить коммунистов в Советы, добиваясь избрания «честных, деловых товарищей». Но порок заключался не в личностях, а в принципе. В том же году в состав Советов губернии входило свыше 2 тыс. коммунистов из 3 с небольшим тысяч⁶².

Вопреки парадным отчетам Советы в деревне не стали для большинства крестьян своею властью. Об этом говорит то, что в 1922—1925 гг. явка крестьян на выборы в сельские и волостные Советы не превышала 20—30% (что и вынудило

ВЦИК отменить результаты выборов в ряде мест, в том числе и в Кирсанове). Здесь проявилась не столько политическая инертность крестьян, сколько, напротив, их активное стремление к бойкоту. По признанию губернского комитета РКП(б), сделанному год спустя, в деревне в 1924 г. возродился лозунг «не вводить коммунистов в Советы»⁶³. Пожалуй, позитивный сдвиг в отношении крестьян к Советам обозначился лишь в 1926 г., но последовавшая вскоре насильственная сталинская коллективизация окончательно похоронила крестьянские надежды на самостоятельное хозяйствование.

Примечания

1. Антоновщина. Тамбов. 1923.
2. ГОЛИНКОВ Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М. 1986, с. 76.
3. См. Ученые записки Тамбовского госпединститута. Вып. 1. Тамбов. 1941.
4. См.: ДОНКОВ И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. М. 1977; Очерки истории Тамбовской организации КПСС. Воронеж. 1984; Страницы истории Тамбовского края. Воронеж. 1986; ПЕРЕВЕРЗЕВ А. Я. Великий Октябрь и преобразование деревни. Воронеж. 1987.
5. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М. 1983, с. 39, 40.
6. ФЕЛЬДМАН Д. Крестьянская война. — Родина, 1989, № 10; ПАВЛЮЧЕНКОВ С. Почему вспыхнула «антоновщина»? — Неделя, 1989, № 44; САМОШКИН В. Мятёж. Антоновщина. — Литературная Россия, 1990, №№ 23, 43, 48; е г о ж е. Последняя крестьянская война. — Труд. 21.X.1990.
7. БАРАНОВ В. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920—1921 гг.). Тамбов. 1991.
8. RADKEY O. H. The Unknown Civil War in Soviet Russia: A Study of Green Movement in Tambov Region (1920—1921). Stanford. 1976.
9. SINGLETON S. The Tambov Revolt (1920—1921). — Slavic Review, 1966, Vol. 25, № 3.
10. БУХАРИН Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М. 1989, с. 168.
11. САМОШКИН В. Ук. соч., № 23, с. 18.
12. Очерки истории Тамбовской организации КПСС, с. 81, 84.
13. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО), ф. 1, оп. 1, д. 285, лл. 26, 29, 36.
14. Очерки истории Тамбовской организации КПСС, с. 104; ДОНКОВ И. П. Ук. соч., с. 7, 31.
15. Партийный архив Тамбовского обкома КПСС (ПАТО), ф. 840, оп. 1, д. 1047, лл. 40—41.
16. Цит. по: SINGLETON S. Op. cit., p. 501.
17. ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 1039, лл. 6, 24, 26; д. 1042, лл. 50, 71, 74.
18. Там же, д. 1039, л. 6.
19. См.: ДОНКОВ И. П. Ук. соч., с. 56; ПЕРЕВЕРЗЕВ А. Я. Ук. соч., с. 174; Очерки истории Тамбовской организации КПСС, с. 111.
20. Очерки истории Тамбовской организации КПСС, с. 111.
21. ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 1042, лл. 44, 48, 48 об., 95; д. 1048, л. 18.
22. Там же, д. 1042, лл. 44, 58.
23. Там же, л. 74 об.
24. Там же, лл. 44, 46, 47, 48, 48 об., 52, 53, 65, 79, 91; д. 1047, л. 23.
25. Там же, д. 1047, лл. 49—50.
26. Там же.
27. ДОНКОВ И. П. Ук. соч., с. 70.
28. ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 1047, л. 8; д. 1055, л. 7.
29. Там же, д. 1047, л. 6 об.
30. Там же, д. 1042, л. 74 об.
31. См. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 52, с. 420.
32. См. там же. Т. 51, с. 303, 310; т. 52, с. 42, 66.
33. См.: там же. Т. 51, с. 460; т. 52, с. 240—241; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11, с. 48—49, 120.
34. См.: ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 53, с. 86, 393; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11, с. 136.
35. ГАТО, ф. 414, оп. 1, д. 126, л. 32.
36. ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 1042, л. 7 об.; д. 1049, лл. 7, 42.
37. Там же, д. 1049, л. 42; д. 1042, л. 7; см. также: д. 1031, л. 14; д. 1042, л. 50; д. 1049, л. 6 об.
38. Там же, д. 1049, л. 29.
39. Там же, д. 1039, лл. 28, 29; д. 1055, л. 5.

40. Там же, д. 1030, лл. 3, 14; д. 1039, лл. 8, 9.
41. Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Воронеж. 1989, с. 319—320; ФЕЛЬДМАН Д. Ук. соч., с. 56—57.
42. ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 1055, л. 51.
43. Там же, д. 1048, лл. 1, 2, 4 об., 6, 6 об.
44. Там же, д. 1039, л. 29; д. 1048, л. 10; д. 1055, лл. 6 об., 7.
45. Там же, д. 1049, л. 71 об.
46. Там же, д. 1031, л. 33; д. 1041, л. 3 об.; д. 1055, л. 11.
47. Там же, д. 1039, л. 113.
48. Там же, д. 1055, л. 10; д. 1060, л. 3.
49. Там же, д. 1060, л. 3; д. 1039, л. 41.
50. Там же, д. 1041, л. 14; д. 1048, л. 4.
51. Там же, д. 1042, л. 79; д. 1041, л. 14.
52. Там же, д. 1041, л. 4; д. 1048, лл. 9—10; д. 1055, л. 7; и др.
53. Там же, д. 1041, лл. 3, 4 об.; д. 1042, л. 7 об.
54. Там же, д. 1039, л. 28.
55. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 182; т. 38, с. 152.
56. ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 1039, л. 8.
57. Там же, д. 1055, л. 4.
58. Там же, л. 28 об.
59. САМОШКИН В. В. Эсер Александр Антонов. — Литературная Россия, 1991, № 31; е г о ж е. В преддверии мятежа. — Там же, № 50; е г о ж е. Он боролся до конца. — Там же, № 52.
60. SINGLETON S. Op. cit., p. 501.
61. ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 2093, л. 103.
62. Год работы. Отчет Тамбовского губернского исполнительного комитета за период с октября 1923 г. по октябрь 1924 г. Тамбов. 1924, с. 10—11.
63. ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 3932, лл. 31—34 об.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Александр II

Л. Г. Захарова

30 июля 1835 г. в минуту душевного смятения Николай I, уезжая в Пруссию навещать больного тестя — короля Фридриха-Вильгельма III, составил письмо-завещание сыну своему «любезному Саше» на случай «исполнения злых умыслов» врагов (видимо, покушения). Он предупреждал тогда еще юного Александра о возможном повторении печального опыта своего воцарения: «Ежели, что Боже сохрани, случилось какое-либо движение или беспорядок, садись сейчас на коня, и смело явись там, где нужно будет, призвав, ежели потребно, войско, и усмиряй буде можно без пролития крови. Но в случае упорства, мятежников не щади, ибо, жертвуя несколькими, спасешь Россию»¹. Опасение оказалось излишним. Воцарение Александра II совершилось мирно, ему не нужно было пройти по площади, политой кровью, чтобы сесть на «прародительский» трон, не нужно было казнями возвестить народу о своем восшествии на престол. Однако, впервые обращаясь к Государственному совету, новый царь 19 февраля 1855 г. должен был объявить: «Покойный родитель в последние часы жизни сказал мне: „Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал. Оставляю тебе много трудов и забот“»².

Падение Севастополя в августе 1855 г. подвело черту под созданной Николаем I системой. Из Крымской войны Россия вышла утомленная исполинской борьбой, с истощенными финансами и подорванным денежным обращением. Война обнажила многие недостатки администрации, военной и гражданской. Она показала, что колосс стоит на глиняных ногах. Держава лишилась того «первенствующего положения», которое занимала в Европе после наполеоновских войн, Священный Союз фактически распался, Россия оказалась в изоляции. Следствием этого было за границей — падение авторитета побежденной страны, а внутри империи — недоверие к силе и способности правительства. Александру II предстояло завоевать общественное мнение России и Европы³. И если в 1846 г. в Секретном комитете (Александр в нем председательствовал) говорилось о ненужности при решении крестьянского вопроса «шумной и громкой славы» и «внимания всей Европы»⁴, то теперь это стало необходимо.

«Прежняя система отжила свой век», — таков общий приговор одного из идеологов этой системы, историка М. П. Погодина, произнесенный им через три месяца после смерти Николая I. А в начале 1856 г. Погодин призывает Александра II искать выход из кризиса на новых путях. «Свобода! Вот слово, которое должно раз-

---

Захарова Лариса Георгиевна — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

даться на высоте самодержавного русского престола!»⁵ — провозглашает он. Сам этот призыв был откровением, переворотом в сознании тех, кто правил Россией или близко стоял к «верхам». И Александр II видел это лучше других. Секретный комитет 1846 г., председателем которого он был, признал недопустимым при решении крестьянского вопроса употреблять само слово «свобода» — «тут именно слово страшнее дела»⁶. Через 10 лет слово «свобода» представлялось магическим — ключом к новой жизни.

Насущные политические потребности пришли в столкновение с идеологическими основами николаевской системы. «Если бы Правительство после Крымской войны и пожелало возвратиться к традициям последних времен, то оно встретило бы непреодолимые препятствия, если не в открытом, то, по крайней мере, в пассивном противодействии, которое со временем могло бы даже поколебать преданность народа, широкое основание, на котором зиждется в России монархическое начало»⁷, — это было осознано в «верхах».

Первенец великокняжеской семьи, Николая Павловича и Александры Федоровны, нареченный Александром, родился 17 апреля 1818 г. в Московском Кремле. Император Александр I находился в тот день в Варшаве в связи с открытием первого сейма Царства Польского. Наследником престола Александр Николаевич был объявлен 12 декабря 1825 г., а через два дня стал свидетелем восстания декабристов. Николай I вынес его на руках к солдатам лейб-гвардии саперного батальона, стоявшим во дворе Зимнего дворца.

Если рождение Александра I приветствовал Г. Р. Державин, то рождение Александра II — В. А. Жуковский, который пожелал ему быть гуманным человеком: «Да встретит он обильный честью век! Да славного участник славный будет! Да на чреде высокой не забудет Святейшего из званий: *человек*». Поэтическое приветствие было далеко не единственным или главным актом, сопровождавшим рождение великого князя Александра Николаевича. Куда сильнее и важнее для дома Романовых были военные традиции. Через несколько дней после появления на свет Александр назначается шефом лейб-гвардии гусарского полка, в семь лет «пожалован» чином корнета, и далее еще в детском и отроческом возрасте чинами подпоручика, поручика, штаб-ротмистра, ротмистра⁸.

Воспитание шестилетнего наследника престола было поручено капитану К. К. Мердеру. Боевой офицер, награжденный за храбрость, проявленную при Аустерлице, неоднократно раненный, он с 1809 г. служил дежурным офицером в кадетском корпусе; последние 10 лет своей жизни Мердер провел неотлучно при цесаревиче. Современники единодушны в оценке Мердера как человека высоконравственного, доброго, умного, уравновешенного, волевого (что подтверждает и его дневник). Твердость и строгость характера сочетались в нем с гуманностью (в дневниковой записи 1831 г., отмечая в своем воспитаннике недостаток сострадания к бедным, он расценивал это как свое горе и ставил задачей достигнуть «того, что он будет считать единственным истинным наслаждением — помогать несчастным»)⁹.

Тотчас по воцарении Николай I озаботился общим образованием наследника и избрал ему в наставники Жуковского, известного своей просвещенностью, педагогическим опытом и близкого царской семье: в 1817—1820 гг. он преподавал Александре Федоровне, тогда еще великой княгине, русский язык по рекомендации императрицы-матери Марии Федоровны — вдовы Павла I, при которой состоял чтецом¹⁰. Доверительные отношения с бабушкой и матерью Александра сыграли свою роль в этом назначении. В течение полугода Жуковский составил специальный «План учения», рассчитанный на 12 лет и одобренный Николаем I. Целью воспитания и обучения провозглашалось «образование для добродетели». Жуковский считал, что «его высочеству нужно быть не ученым, а *просвещенным*»¹¹. Религиозное воспитание наследника было поручено законоучителю Г. П. Павскому.

В результате Александр получил довольно разностороннее образование. Особое внимание уделялось истории. Жуковский считал, что «история из всех наук самая важная, важнее философии, ибо в ней заложена лучшая философия, то есть практическая, следовательно полезная», что «сокровищница просвещения царского есть *история*, наставляющая опытами прошедшего, или объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть *главную наукою* наследника престола»¹². История преподавалась отечественная и всеобщая, включая специальный курс на

французском языке «Введение в историю революции» (1789 г. во Франции). И сам ученик выделял историю среди других предметов, любил ее. Николай I часто дарил сыну в день рождения или по другим поводам книги по истории¹³.

Продуманная программа воспитания и образования наследника с самого начала натолкнулась на чуждую ей традицию двора и установку отца-самодержца. Только что приступив к своим обязанностям воспитателя (завершая в Дрездене составление «Плана учения»), Жуковский уловил грозящую его делу и его питомцу опасность и излил свою тревогу в письме к императрице-матери от 2(14) октября 1826 г.: «Я в газетах прочитал описание развода, на котором наш маленький великий князь явился верхом и пр. (речь идет о ежедневном утреннем разводе войск. — Л. З.). Эпизод, государыня, совершенно излишний в прекрасной поэме, над которой мы трудимся. Ради Бога, чтобы в будущем не было подобных сцен. Конечно, зрители должны были восхититься появлением прелестного младенца; но какое же ощущение

ние произвело подобное явление на его разум. Не понуждают ли его этим выдти преждевременно из круга детства? Не подвергается ли он опасности почитать себя уже человеком?.. К тому же эти воинственные игрушки не испортят ли в нем того, что должно быть первым его назначением. Должен ли он быть только военным, действовать в сжатом горизонте генерала? Когда же будут у нас законодатели? Когда будем смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы, просвещение, нравственность! Государыня, простите моим восклицаниям; но страсть к военному ремеслу стеснит его душу: он привыкнет видеть в народе только полк, в отечестве — казарму. Мы видели плоды этого: армии не составляют могущества государства. Если царь занят одним устройством войска, то оно годится только на то, чтобы произвести 14-е декабря». И в «Плане учения» Жуковский провозгласил: «Истинное могущество государя не в числе его воинов, а в благоденствии народа»¹⁴.

«Желал бы убедиться, — отметил спустя три года и Мердер, — что частые появления его высочества на парадах, видя, что из парада делают государственное дело, не будет иметь на него дурных последствий: легко может ему придти мысль, что это действительно дело государственное, и он может ему поверить». Но жизнь убеждала в другом. Александр с детства полюбил смотры, парады, военные праздники, военные игры, в которых часто принимали участие и Николай I и его братья, и пронес это увлечение через всю жизнь. И если Николай I иногда проявлял тревогу по поводу излишнего увлечения сына парадной стороной военного дела, то по совершенно иным мотивам, чем его воспитатели. В 1832 г. он выговаривал Мердеру: «Я заметил, что Александр показывает вообще мало усердия к военным наукам; я хочу, чтобы он знал, что я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам; он должен быть военным в душе, без чего он будет потерян в нашем веке»¹⁵.

Понятно поэтому, что попытка Жуковского с самого начала ограничить занятия военным делом шестью летними неделями в году не удалась. Из бойкого в военной игре подростка выходил молодежавший, ловкий офицер. Он любил Марсово поле, с удовольствием красовался на парадах, вызывая восторг окружающих и немолчные крики «ура». Формулярный список тщательно фиксирует по дням частые, постоянно сменяющие друг друга военные мероприятия, будничные и праздничные, но неизменно регулярные. Формировался человек военный по своим привычкам, мироощущению, окружению.

Обстановка и атмосфера в большой семье Николая I отличались доброжелательностью, естественностью, искренностью. Юноше не грозила раздвоенность, свойственная Александру I. «Нежное чувство к родителям одно из прекрасных качеств великого князя», — заключает Мердер. И так же привязан Александр к сестрам и братьям, для которых устраивает фейерверки и другие забавы, делает подарки, в случае разлуки пишет письма. Вообще он очень любил дом. В 1828 г., возвращаясь из первой поездки за границу к деду, прусскому королю, при виде Царского Села мальчик «был вне себя от радости». Восторженно реагировал он на красоту природы: «услышав в поле пение жаворонков, прыгал от радости». Даже сочинение его по истории (об Александре Невском) начиналось с описания красоты природы¹⁶. Воспитатели отмечали сердечность, чувствительность, веселый нрав, общительность и естественность поведения, хорошие манеры, храбрость наследника престола.

Очевидны были для окружающих и умственные его способности — однако в сочетании с отсутствием усердия, постоянства, глубокого внутреннего интереса к чтению, занятиям; малейшая трудность, препятствие приводит его «в некоторый род усыпления и бездействия». Даже после удачно сданных годовых экзаменов зимой 1828 г., которыми остался доволен Николай I, Мердер отмечает, что это результат не столько собственного труда ученика, сколько усилий учителей и репетиторов, что великому князю недостает «постоянной деятельности, что слишком часто его приходится „понуждать“» к вниманию и работе. О том же тревожился и Жуковский, увещевая своего воспитанника: «Владейте собою, любите труд, будьте деятельны».

Бывало, Александр дает слово исправиться и на какое-то время становится прилежным, иногда даже с отчаянием говорит воспитателю, что не хотел бы родиться великим князем, признается, что «ему случается весьма часто не на шутку

сердиться на тех, которые ему напоминают его долг». В конце концов Мердер приходит к заключению, что «лень у Александра Николаевича есть главный недостаток, от которого проистекают все прочие»: самоуверенность, отсутствие сильных желаний, настойчивости, временами повторяющиеся периоды апатии¹⁷. Досуг, праздники, дни рождений он проводил с друзьями, среди которых — сыновья Мердера, дети высшей знати и сановников из ближайшего окружения Николая I, братья Адлерберги, Фредериксы, воспитанники кадетских корпусов. Изредка в эту компанию подростков приглашались и девочки. С 10—11 лет наследник престола иногда приглашался к большому столу родителей, умел себя вести, вызывая похвалы, а со стороны женщин и восхищение. Общительность, любовь к светской жизни были свойственны ему и в зрелые годы.

В день совершеннолетия (16 лет) Александр произнес «клятвенное обещание в лице наследника престола» в большой церкви Зимнего дворца и в Георгиевском зале при торжественном собрании по случаю вступления в действительную службу. К присяге его готовил по поручению Николая I М. М. Сперанский. Сообщая о событиях этого «важного дня» Мердеру, которого считал «вторым отцом», Александр Николаевич не забыл перечислить в письме и полученные подарки: «от папы коллекцию российских исторических медалей и две турецкие сабли, от мамы — большой надувающийся глобус..., часы узнавать время на всей земле... Костя подарил мне разные охотничьи вещи, а сестрицы свои портреты, сделанные Брюлловым»¹⁸. В тот же день финский минералог Н. Норденшильд открыл на Урале драгоценный минерал и назвал его в честь совершеннолетия наследника престола александритом.

Шел «окончательный период учения», когда высшие государственные сановники читали будущему императору необходимые ему практические курсы. Сперанский в течение полутора лет вел с ним «беседы о законах». И хотя к тому времени бывший конституционалист стал вполне благонамеренным сторонником «чистой монархии», он все же внушал своему ученику уважение к закону, понятие о «пределах власти», проводил границу между самодержавием и самовластием. Читались еще три курса: министра финансов Е. Ф. Канкрин — «Краткое обозрение русских финансов»; советника Министерства иностранных дел Ф. И. Брунова об основах внешней политики России с царствования Екатерины II; генерала А. Жomini о военной политике и стратегии России. Программа образования была окончена весной 1837 года; оставалось лишь совершить путешествия для ознакомления с Россией и Европой.

Путешествие по России длилось с мая по декабрь 1837 г., согласно личной инструкции Николая I, вместе с наставниками, воспитателями и свитой. По выражению Жуковского, состоялось «всенародное обручение наследника с Россией». Посетили 29 губерний Европейской России, главным образом центральные, Северный Кавказ, Закавказье, Крым, Западную Сибирь до Тобольска. При отсутствии железных дорог такое путешествие предоставляло мало возможностей для глубоких наблюдений, особенно учитывая множество торжественных встреч, всевозможных смотров, увеселений. И все же Александр видел страну, получил 16 тыс. прошений, в Сибири видел декабристов и, проникшись состраданием, ходатайствовал перед отцом о смягчении их участи.

Путешествие в чужие края длилось больше года (май 1838 — июнь 1839 года). Сначала Александр посетил вместе с Николаем I Берлин и Стокгольм, затем по наставлению отца — Швецию, Данию, дюжину немецких и итальянских герцогств и королевств, Австрию, Голландию, Англию. Обращает на себя внимание отсутствие в маршруте путешествия Франции. За время странствий наследник российского престола получил немало орденов и дипломов (почетного члена Датской академии изящных художеств, Римской академии итальянской литературы, доктора прав Оксфордского университета и др.). Это дополнило пестрый список отечественных званий (канцлер Александровского университета в Финляндии с 1825 г., почетный член императорской Академии наук с 1837 г., почетный член университетов — Петербургского с 1841 г., Московского с 1851 г.).

Заграничное путешествие решило личную судьбу Александра. Он увлекся 15-летней принцессой Марией Гессен-Дармштадтской, увидев ее в театре, о чем на следующий же день написал отцу. В марте 1840 г. состоялась помолвка, а 16 апреля 1841 г. — венчание. Будущая императрица (наречена в России Марией Александровной).

ровой) приходилась племянницей императрице Елизавете Алексеевне, супруге Александра I. Династические связи с немецкими правящими домами были в традиции Романовых. В этом браке Александр II имел шесть сыновей и одну дочь, в которой «души не чаял»¹⁹.

Настроение и чувства Александра той поры живо отражены в его письмах к самому близкому другу Александру Адлербергу (в дальнейшем, в 1870—1881 гг., — министр императорского двора и уделов; ему он писал с семи лет и до конца жизни). Письма к «милому Саше» вскоре после женитьбы («язык чешется, давно не с кем поболтать») полны восторженных восклицаний. Молодой супруг счастлив и склоняет своего друга к женитьбе («когда-то увижу я тебя, любезный Саша, также женатым?»). И в тех же письмах — восторженное описание красавиц, которыми, видимо, оба увлекались прежде. Другой предмет интересов, который сам автор писем называет «серьезным», это смотры, маневры, посещение лагерей. Молодцеватым, жизнерадостным, однако не обременяющим себя серьезными государственными трудами выглядит будущий самодержец в этих письмах²⁰.

Но хотя сам Александр не проявлял большого интереса и рвения к делам политическим, он постепенно втягивался в них. По возвращении в 1839 г. на родину, он назначается присутствующим в Государственный совет; в следующем году — в Комитет министров, а в 1841—1842 гг. членом этих высших государственных учреждений. Наследнику поручаются все более важные дела, среди которых особое значение имел крестьянский вопрос.

Назначенный председателем Секретного комитета по крестьянскому делу (1846 г.), 28-летний наследник престола проявил приверженность к существующим порядкам. В журнале Комитета признано: «Доколе Россия, по непредвиденным судьбам, не утратит своего единства и могущества, дотоле другие державы не могут служить ей примером. Колосс сей требует иного основания и иных понятий о свободе не только крестьян, но и всех состояний», свобода в России должна состоять «в повиновении всех законам, исходящим от одного высшего источника»²¹. Не больший результат принес и другой Секретный комитет — о дворовых людях (1848 г.), работавший также под председательством Александра. Ввиду революционных событий в Европе он добивался ужесточения цензуры путем учреждения секретного «Бутурлинского» комитета (цензуры над цензурой). Настаивая на участии в нем барона М. А. Корфа, он говорил: «Речь идет о том, чтобы завязать ожесточенный бой (с литературой, прессой. — Л. З.),... а Вы внезапно ретируетесь с поля сражения»²².

Возможно, в позиции наследника престола больше, чем убеждение, проявлялась зависимость от отца, несамостоятельность. Никакого стремления к освобождению крестьян или склонности к либерализму он до своего воцарения не выказывал, в отличие от брата, великого князя Константина. И только крутое изменение объективных обстоятельств, неподвластных даже самодержавному монарху, вынудит его в дальнейшем поступиться традиционными понятиями.

Гражданские дела занимали не первостепенное место в государственной деятельности Александра. По-прежнему основное его внимание и интерес были сосредоточены на армии. Он продолжал подниматься в военных чинах, званиях и должностях: в 1844 г. получил «полного генерала», в 1849 г. после смерти дяди, великого князя Михаила Павловича, занял пост главного начальника военно-учебных заведений, вступил в командование гвардейским корпусом, который по повелению Николая I выступил для подавления революции в Венгрии. В 1852 г. произведен в главнокомандующие гвардейским и гренадерским корпусами. Николай I не раз объявлял сыну в рескриптах свою «душевную благодарность» за его «неусыпные заботы о войске»²³. 21 февраля 1854 г., когда Петербургская губерния «при появлении англо-французского флота в виду Кронштадта» была объявлена на военном положении, наследник престола начальствовал над всеми войсками, направленными для обороны в Петербург²⁴.

Александр вступил на престол в возрасте 36 лет. Внешний облик его в это время запечатлел секретарь американского посла А. Уайт: «Он был высок, как все Романовы, красив и держался с большим достоинством, но у него было гораздо меньше величественности и полностью отсутствовала неуместная суровость его отца»²⁵. Приятную внешность Александра II отмечали все писавшие о нем. Однако многие при этом критиковали его холодные и сдержанные манеры или стремление

походить на отца, что создавало впечатление «плохой копии» или «безжизненной маски».

Из множества характеристик Александра II особенной глубиной и пронительностью отличаются принадлежащие перу фрейлины А. Ф. Тютчевой, дочери известного поэта: «Император — лучший из людей, — записывает она в дневнике в январе 1856 года. — Он был бы прекрасным государем в хорошо организованной стране и в мирное время, где приходилось бы только охранять. Но ему недостает темперамента преобразователя. У императрицы тоже нет инициативы... Они слишком добры, слишком чисты, чтобы понимать людей и властвовать над ними. В них нет той мощи, того порыва, которые овладевают событиями и направляют их по своей воле; им недостает струнки увлечения... Сам того не ведая, он вовлечен в борьбу с могучими силами и страшными стихиями, которых он не понимает. ...Они (императорская чета. — Л. З.) не знают, куда идут»²⁶.

Первые шаги Александра II утверждали и продолжали политику Николая I²⁷. А после падения Севастополя Александр II сам отправился в Николаев, лично наблюдая за возведением укреплений, ездил осмотреть крепость Очаков, укрепления в Одессе, посетил главную квартиру Крымской армии в Бахчисарае. Но эти усилия уже были напрасны. Россия не могла продолжать войну. На международной арене она оказалась изолированной, внутренние силы ее были подорваны, недовольство охватило все слои общества. Обладая здравым и трезвым умом, определенной гибкостью, совсем не склонный к фанатизму, Александр II при участии компетентных сановников начал эмпирически, не имея никакой общей программы, принимать новые решения, не укладывавшиеся в старую систему и даже прямо противоположные ей, встал на путь реформ.

Парижский договор и манифест 19 марта 1856 г., закончившие Крымскую войну, знаменовали важный шаг Александра II по пути новых решений в государственной политике. Традиционная ставка на Священный Союз оказалась битой, в Европе складывалась новая расстановка сил. Венская система, завершившая эпоху наполеоновских войн, изжила себя, роль Франции на континенте усилилась, с чем предстояло считаться русской дипломатии. Престарелый канцлер К. В. Нессельроде, прослуживший при Николае I все его тридцатилетнее царствование и олицетворявший старую систему, был сменин человеком иной формации и иной ориентации — А. М. Горчаковым.

Объявляя манифестом об условиях заключенного мира, царь очень осторожно высказался в нем и о необходимости совершенствовать внутреннее благоустройство России и о законах, «для всех равно справедливых». Этого неопределенного заявления хватило, чтобы насторожилось и взволновалось дворянство. Отвечая на распространившиеся и дошедшие до него тревоги, Александр II 30 марта 1856 г., обращаясь к предводителям дворянства в Москве, сказал: «Слухи носят, что я хочу объявить освобождение крепостного состояния... Я не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого, мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, чем снизу»²⁸.

Контуры нового курса постепенно вырисовывались. Прежде всего рухнул запрет, наложенный Николаем I на печатное слово: 3 декабря 1855 г. был закрыт Высший цензурный комитет. Александр II согласился с мнением председателя комитета Корфа, который докладывал, что цензурный террор «приводит иногда до цели противоположной, распространяется *рукописная* литература, гораздо более опасная, ибо она читается с жадностью и против нее бессильны все полицейские меры»²⁹. «Севастополь ударил по застоявшимся умам» и после «мертвенного оцепенения, в которое до сих пор была погружена страна» (В. О. Ключевский), слово, как выражение внутреннего раскрепощения, превратилось в общественную силу, оттеснившую страх. Гласность стала первым проявлением оттепели.

Последовало и уничтожение стеснений, введенных в университетах после 1848 г., разрешены свободная выдача заграничных паспортов, создание акционерных обществ и компаний; поощрялось расширение российскими подданными торговых связей с иностранными государствами, а к коронации была объявлена амнистия политическим заключенным — оставшимся в живых декабристам, петрашевцам, участникам польского восстания 1830—1831 гг.; 9 тыс. человек освобождались от полицейского надзора³⁰.

26 августа 1856 г. в Успенском соборе Кремля свершился обряд коронации Александра II. Французский посол граф Ш. де Морни еще задолго до приближения к Успенскому собору первым среди всех дипломатов покинул свою карету и проделал оставшийся путь с непокрытой головой, демонстрируя особое почтение и расположение своего правительства к Александру II. И действительно, Франция и Россия, преодолевая груз старых традиций, шли на сближение и контакты. Уже в январе 1857 г. Александр II конфиденциально сообщил брату Константину: «Я вижу в союзе с Францией залог будущего спокойствия Европы»³¹. С 14 августа по 22 сентября шло непрерывное празднество, но не только оно. Здесь, в первопрестольной столице, куда со всех концов России съехались наиболее знатные представители дворянства и высшие чины администрации, осторожно нащупывались возможные пути решения крестьянского вопроса.

С согласия Александра II незадолго до того назначенный министр внутренних дел С. С. Ланской (в молодости причастный к движению декабристов) вел переговоры с предводителями дворянства о возможности выступления высшего сословия с инициативой освобождения крестьян — подачи адресов на имя царя. Александр II, часто поступавший самовластно, в этом «деликатном» и одновременно «страшном» вопросе хотел во что бы то ни стало добиться не только поддержки дворянства, но и его почина. Первый дворянин империи, каким считал и осознавал себя Александр II, хотел обоснования своих действий в деле, затрагивавшем самые устои государства и общества, волей первого сословия.

Что это именно так, видно из речи царя в Государственном совете 28 января 1861 года. Торопя Совет с одобрением реформы, он обратил его внимание на два обстоятельства: что «всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства» (опасность крестьянских волнений. — Л. З.) и что «приступ к делу сделан был по вызову самого дворянства»³². Однако дворянство в 1856 г. не спешило с эмансипацией. И только один виленский генерал-губернатор В. И. Назимов, личный друг Александра II из его военного окружения, обещал склонить дворянство своих губерний (Виленская, Ковенская, Гродненская) к выступлению с нужной правительству инициативой.

В ожидании «инициатив» дворянства Александр II не предпринимал решительных шагов, хотя конкретные варианты отмены крепостного права были ему известны, например, проект освобождения крестьян в имении его тетки великой княгини Елены Павловны с. Карловке Полтавской губернии, задуманный в качестве принципиального образца для предстоящей общей реформы. Проект, составленный директором Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел — лидером либеральной бюрократии Н. А. Милютиным, был подписан не им, а подан от имени Елены Павловны, чтобы избежать раздражения и отрицательной реакции Александра II, который считал Милютина «красным». Усыпить бдительность царя не удалось. Он разгадал и авторство Милютина и не желал, чтобы инициатива возлагалась на правительство, как это предусматривалось проектом. Отметив в резолюции, что записка составлена, видимо, «одним из директоров департаментов», он отклонил ее. «Я выжидаю, чтобы благомыслящие владельцы населенных имений сами высказали, в какой степени полагают они возможным улучшить участь своих крестьян», — разъяснял он свою позицию³³.

В отклоненном проекте предлагалось освобождение крестьян с землей за выкуп, превращение их в мелких земельных собственников при сохранении крупного помещичьего землевладения. Огромная роль отводилась при этом государственной власти, которая выступала с инициативой преобразований и должна была опираться на «просвещенное» дворянство — «инициативная монархия», проводящая прогрессивные реформы³⁴. Двумя годами позже, в октябре — ноябре 1858 г., под давлением новых обстоятельств и новой расстановки сил отмена крепостного права пошла как раз по этому пути, однако на исходе 1856 г. Александр II, в нерешительности и ожидании адресов от дворянства, начал с того, что лично ему уже было знакомо по опыту: в традициях николаевской системы учредил очередной Секретный комитет по крестьянскому делу.

Секретный комитет, составленный в большинстве своем из крепостников, бездействовал, однако решимость царя оказалась непоколебимой. Об этом свидетельствуют и его поступки, и рассказы мемуаристов. Летом 1857 г., находясь с семьей на отдыхе за границей, он встретился и беседовал с видными государственными и

общественными деятелями, отечественными и зарубежными, о крестьянском вопросе в России. С послом во Франции графом П. Д. Киселевым, в прошлом министром Николая I (его «начальником штаба» по крестьянскому делу), который настаивал на освобождении крестьян с землей; с великой княгиней Еленой Павловной, с бароном А. Гакстгаузеном, известным немецким ученым, знатоком аграрного вопроса, посетившим Россию в начале 1840-х годов и написавшим исследование о русской общине, консерватизм и монархизм которого сочетались с уверенностью в неизбежности отмены крепостного права, и др.; ознакомился и с первыми, только что вышедшими номерами «Колокола». Он срочно требует прислать из Петербурга бумаги Секретного комитета, членом его назначает своего брата Константина Николаевича, сторонника реформ и покровителя либеральной бюрократии. Воспитателем наследника престола, Николая Александровича, он назначает недавно еще опального либерала, автора одной из первых записок об освобождении крестьян профессора права К. Д. Кавелина.

По прибытии в Петербург он торопит Секретный комитет с принятием решений. Подоспевший к этому моменту Назимов, с которым Александр II встречался по пути следования на отдых, доставляет в столицу долгожданную «инициативу» дворянства своих губерний — всеподданнейший адрес с просьбой об освобождении крестьян, правда, без земли. Но условия, оговоренные дворянством, не интересовали самодержца. Важен был сам факт подачи адреса. Александр II требует немедленных решений Секретного комитета. Неспособный сопротивляться монарху Комитет одобряет рескрипт на имя Назимова, хотя заложенная в этом важнейшем правительственном документе программа составлялась вне его стен. Более того, в растерянности Секретный комитет дает согласие министру внутренних дел на рассылку его всем начальникам губерний (что затем предрешило вопрос о публикации этого документа). Гласность этого первого шага на пути к решению крестьянского вопроса отрезет правительству путь к отступлению. Фактически вопреки воле петербургского и московского дворянства столичным губерниям были навязаны аналогичные рескрипты (формально со ссылкой на их адреса). Начало делу освобождения крестьян от крепостного ига положено. Именно по этому поводу Герцен скажет об Александре II — «Ты победил, Галилеянин!»

Открытие в 1858 г. в 46 губерниях Европейской России дворянских комитетов для обсуждения проектов реформы выявило наличие в дворянстве крепостнического большинства и либерального меньшинства, что ставило Александра II перед необходимостью выбора, определения своей позиции. Тем временем со всех сторон поступали сведения о напряженном ожидании крестьянством освобождения. Особенно сильное впечатление на царя произвело известие о волнениях в Эстляндской губернии (соседствующей с Петербургом), вызванных неприятием местной реформы, не обеспечивавшей крестьян землей.

Попытка Александра II подтолкнуть помещиков к ускорению подготовки реформы собственным примером, издав указ об освобождении удельных крестьян без земли (20 июня 1858 г.), оказалась неудачной: они не приняли такого освобождения. И не требовалось большой дальновидности, чтобы предугадать аналогичную позицию помещичьего крестьянства. Личные наблюдения Александра II во время путешествия по центральным губерниям России в августе — сентябре 1858 г. убеждали в том же, и еще — в сохранившихся надеждах крестьянства на царя. Значительное влияние на Александра II оказал и его ближайший друг, генерал-адъютант Я. И. Ростовцев, признавший к тому времени либеральное требование освобождения крестьян с землей за выкуп. Под сильным нажимом Александра II, можно сказать, по его требованию, Главный (бывший Секретный) комитет принял именно такую программу освобождения.

Царь даже дал согласие (после двукратного отказа) в марте 1859 г. поставить Н. А. Милютина товарищем министра внутренних дел. Одновременно он утвердил состав нового нетрадиционного государственного учреждения для подготовки проектов крестьянской реформы — Редакционных Комиссий под председательством Ростовцева. И хотя при обсуждении проектов в Главном комитете и Государственном совете делались поправки под натиском реакционных и консервативных сил, Александр II подписал «Положения 19 февраля 1861 г.» вопреки мнению большинства Государственного совета. Это главное дело царствования Александра II дало основание современникам назвать его Царем-Освободителем.

Государственные заботы, многочисленные и разнообразные, были подчинены в сознании Александра II (как показывают его письма брату Константину) одной цели, всепоглощающей, над всем доминирующей — восстановить престиж и величие «дорогой нашей России» после поражения в Крымской войне. Это величие понимается как дальнейшее расширение империи, укрепление ее внешнего могущества. Александр II выражает удовлетворение успехами русской дипломатии на Дальнем Востоке — новыми приобретениями по Амуру, радостно сообщает брату о победах русского оружия на Кавказе, о пленении Шамиля летом 1859 года. В 1861 г. он сохраняет в распоряжении наместника Кавказа князя А. И. Барятинского все бывшие под его началом военные силы. И это при критическом состоянии финансов, при крайней обременительности расходов на кавказские дела, составлявших шестую часть бюджета страны. Более того, Александр II готов вторгнуться в Малую Азию в случае войны или падения турецкого владычества на Балканах³⁵.

Тональность сообщений о внутренних делах, о финансах и крестьянском вопросе в этих письмах иная — сдержанность, краткая информативность, сознание необходимости перемен, лишенное яркой эмоциональной окраски, характерной для описания дел военных и внешнеполитических. Очевиден приоритет имперских амбиций в заботах и представлениях Царя-Освободителя. Не «улучшение быта» подданных, как это официально провозглашалось, а дальнейшее расширение и усиление империи было его целью. Иначе нельзя объяснить тот факт, что государство не вложило в крестьянскую реформу ни одного рубля, что при этом более трети бюджета шло на военные расходы, что выкупная операция, разорительная для крестьян, считалась выгодной для государства. Кажется, стремление Николая I видеть в сыне человека «военного в душе» дало свои плоды.

Характерна реакция Александра II на недовольство крестьян условиями реформы — уменьшением наделов и высокими повинностями и выкупными платежами. Выступая 15 августа 1861 г. в Полтаве перед крестьянскими старостами, он заявил: «Ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте чего требуют закон и Положение. Трудитесь и работайте. Будьте послушны властям и помещикам». Циркуляром Министерства внутренних дел начальникам губерний от 2 декабря 1861 г. предписывалось, чтобы местные власти в своих объяснениях с крестьянами указывали на эти слова императора. Не насторожило Александра II и беспокойство министра финансов, который неоднократно докладывал о тяжести выкупных платежей для крестьян и обременительности для бюджета непроизводительных расходов, в первую очередь военных. Так, во всеподданнейшем докладе 1866 г. Рейтерн отмечал: «Затруднение, с которым поступают выкупные платежи, в некоторых, по крайней мере, случаях происходит от того, что эти платежи превышают средства крестьян»³⁶.

Жесткость позиции царя органично уживалась с патриархально-сентиментальным отношением его к народу: «Вы мои дети, а я вам отец и молю бога за вас, так же как и за всех, которые, как и вы, близки моему сердцу», — говорил он в 1863 г. депутации старообрядцев, обратившихся с адресом к Царю-Освободителю³⁷. Великий акт отмены крепостного права не поколебал традиционного отношения к народу, в котором он видел источник сил и средств для усиления монархии, расширения империи, укрепления ее престижа. Духовное родство Царя-Освободителя с его предшественниками на российском престоле проявляется и в представлении о незыблемости, неограниченности самодержавной власти в России, что в полной мере заявляет о себе в годы реформ.

Либерализм Александра II в крестьянском вопросе сочетается с самодержавной неприязнью к нарождающейся гласности, к инакомыслию, с готовностью поставить преграду «необузданности нашей литературы, которой давно пора было положить узду»³⁸. И это не вспышка минутного раздражения. Внутреннее неприятие либерализма пробивается наружу, когда он дает себе волю. Брату — наместнику Польши — он предлагает «не обращать внимания на критику заграничных журналов и наших собственных либералов и мнимых прогрессистов»³⁹. На пути к отмене крепостного права он своей волей, своим самодержавным словом вынуждал к принятию необходимых решений Секретный и Главный комитеты, подавляя оппозицию крепостников. Но точно так же, как самодержец, он закрыл либеральные Редакционные комиссии — неожиданно для их членов, собравшихся на свое

очередное заседание; более того, иногородним было предложено покинуть Петербург.

Александр II дал отставку главному деятелю крестьянской реформы Н. А. Милютину спустя полтора месяца после отмены крепостного права, передав Министерство внутренних дел (т. е. реализацию крестьянской реформы и подготовку земской) его оппоненту, автору контрпроекта П. А. Валуеву. В 1861 г. он сделал неожиданные назначения и по Министерству народного просвещения. Новый министр адмирал Е. Ф. Путятин и попечитель Петербургского учебного округа генерал Г. И. Филиппсон за несколько месяцев своего не только реакционного, но и нелепого управления фактически дали толчок студенческому движению. Созданный Александром II в 1857 г. одновременно с началом гласной подготовки отмены крепостного права Совет министров так и не стал правительственным кабинетом. Полностью послушный своему председателю — монарху, он созывался только по его распоряжению, заседания не подлежали огласке, не протоколировались, нередко прерывались, если Александр II уставал или ему становилось неинтересно. Идея единого правительства не состоялась: напротив, по выражению Валуева, Александр II придерживался в своей деятельности политики «немыслимых диагоналей».

Но если говорить о главном ее направлении в начале 1860-х годов, то остается фактом, что реформы продолжались: в 1862 г. введена гласность государственного бюджета, для подготовки военных реформ во главе Военного министерства поставлен сторонник преобразований Д. А. Милютин; в 1863 г. последовали отмена телесных наказаний (17 апреля, в день рождения императора), новый университетский Устав; в 1864 г. — земская и судебная реформы. Исключая область прерогатив самодержца и высших органов власти, преобразования шли во всех сферах жизни государства и общества.

Признав неизбежность введения начал всесословности, выборности, представительства, правового государства, Александр II не сомневался в неизбежности самодержавной власти. Вопрос о конституции также встал перед ним. Он ставился и дворянством, стремившимся компенсировать свои потери в крестьянской реформе, и отдельными общественными и государственными деятелями, и освободительным движением в Польше и Финляндии. И царь выразил свое отношение к конституции очень определенно. Осенью 1859 г. он с раздражением реагировал на всеподданнейшие адреса дворянства, и либеральные и реакционные, если они содержали намек на конституцию. Он оставил без внимания представленный ему в 1863 г. Валуевым проект, которым предусматривалось проведение ограниченных конституционных преобразований в системе высших законосовещательных органов.

Особенно показательна беседа царя с прусским послом О. Бисмарком 10 ноября 1861 года. На вопрос о возможности в России конституции и либеральных учреждений Александр II ему сказал: «Народ видит в монархе посланника бога, отца и всевластного господина. Это представление, которое имеет силу почти религиозного чувства, неотделимо от личной зависимости от меня, и я склонен думать, что я не ошибаюсь. Корона дает мне чувство власти, если им поступиться, то понесет ущерб национальный престиж. Глубокое уважение, которым русский народ издревле, в силу прирожденного чувства окружает трон своего царя, невозможно устранить. Я безо всяких сократил бы авторитарность правительства, если бы хотел ввести туда представителей дворянства или нации. Бог знает, куда мы вообще придем в деле крестьян и помещиков, если авторитет царя будет недостаточно полным, чтобы оказывать решающее воздействие»⁴⁰.

Действительно, неограниченная власть монарха способствовала проведению реформ, но далеко не только и не столько этими соображениями руководствовался Александр II, отвергая упорно в течение 25 лет саму возможность конституции в России. Он унаследовал устойчивую традицию авторитарно-патриархальной власти, вырос и был воспитан в этой системе; его интеллект и весь психологический и душевный склад сформировались под бдительным оком и влиянием Николая I, в эпоху апогея самодержавия.

Имея здравый и практичный ум, Александр II, по-видимому, не обладал глубиной и прозорливостью. В отличие от наиболее дальновидных государственных деятелей он не понял, что «дерево (крепостное право) пустило далеко корень: оно осеняет и Церковь, и Престол», что внезапное упразднение крепостного права рас-

шатает монолитность империи: «здание Петра I поколеблется», «могут отойти даже части — Остзейские провинции, самая Польша» (слова С. С. Уварова, сказанные М. П. Погодину в 1847 г.)⁴¹. Когда такая опасность действительно возникла, Александр II, сообразуясь с силой освободительного движения, пошел на уступки. В Финляндии под натиском широкой, организованной, мирной оппозиции он восстановил сейм, не собиравшийся полвека, лично его открыл в Борго 18 сентября 1863 г. и произнес речь, в которой дважды упомянул о конституционной монархии.

В Польше и Северо-Западном крае развитие событий оказалось драматичным. Выступая в Варшаве в 1856 г., Александр II произнес слова: «Pas de reveries» («Никаких мечтаний»). Это в крае, лишенном Николаем I всякой автономии после восстания 1830—1831 гг. и подчиненном жесткой регламентации. Это в год оттепели, когда «начала свободно дышать Россия», в год политической амнистии, в частности и для участников польского восстания. Когда же спустя пять лет был принят указ 14(26) марта 1861 г. о реформах, направленных на восстановление «автономной администрации» в Польше, время оказалось упущенным, не помогло и назначение туда наместником великого князя Константина Николаевича. К тому же по требованию Александра II военное положение в крае сохранялось.

Польское освободительное движение не удовлетворилось этими уступками, охватившее всю Польшу и перекинувшееся в Северо-Западный край восстание 1863 г. поставило Александра II перед необходимостью более решительных действий. Он остался непоколебим, еще ранее определив свою позицию, как неприятие любого мнения, которое «не будет согласно с общим правительственным монархическим направлением и будет противно интересам Империи»⁴². Он категорически отверг возможность восстановления сейма, решив положить конец системе, введенной еще Александром I, к которой склонялся великий князь Константин Николаевич. Царь и в этом случае встал на путь аграрных реформ, для чего снова понадобился Н. А. Милютин, возвращенный из длительного заграничного отпуска и посланный вместе со своими ближайшими соратниками Ю. Ф. Самариным, В. А. Черкасским, В. А. Арцимовичем, Я. А. Соловьевым (все — деятели реформы 1861 г.) в Польшу.

В беседе с Милютиным император признал, что для России Польша скорее источник затруднений, чем элемент силы, что многие русские охотно предоставили бы поляков самим себе, дали им широкую автономию и даже полную независимость, если бы только можно было рассчитывать на их благоразумие — отказ от претензий на старинные территории. В представлении Александра II между ним и польской аристократией все было кончено, и «русскому правительству следовало утверждать свою опорную точку на массе сельского населения»⁴³. Реформы 1864 г., дав польским крестьянам землю в собственность за символическую плату, фактически имели революционный характер. Крестьянство было оторвано от восстания.

Но конституцию Александр II Польше не дал, о чем он и предупреждал Милютина (при всей разнице политических убеждений, в этом вопросе их взгляды не расходились). В Северо-Западном крае крестьянская реформа получила законодательное завершение в признании обязательного выкупа полевой земли крестьянами в собственность. Решив крестьянский вопрос, Александр II жестоко подавил польское восстание, что соответствовало настроению правящих кругов и общественных сил, консолидировавшихся вокруг великодержавных идей. Влияние восстания 1863 г. на усиление реакционных тенденций в «верхах» и в обществе было очень значительно.

Александр II не мог не заметить обострения политической ситуации в первые же годы после отмены крепостного права. Но вряд ли он понял возможные последствия и опасность для государственной власти возникшей в обществе конфронтации политических сил. Во всяком случае его не насторожили протест и выход в отставку либеральной профессуры Петербургского университета в ответ на реакционные меры министерства осенью 1861 г., гонения на либеральную администрацию Калужской губернии, притеснения либеральных мировых посредников новым министром внутренних дел Валуевым. Он санкционировал арест либеральных мировых посредников Тверской губернии во главе с А. М. Унковским в 1862 году. Одним росчерком пера царь устранял либеральных министров и государственных деятелей с постов, одновременно пользуясь их программами и проектами. Потому,

в частности, что действовал не в силу убеждений, а в силу обстоятельств — постоянно менявшегося соотношения сил в высших эшелонах власти и в обществе.

Тревоги Н. А. Милютина и его соратников в отношении слабости гарантий принятого либерального курса, о необходимости иметь партию середины (*le centre*) для поддержки начатой в государстве перестройки были чужды Александру II. В поляризации политических сил, в усилении и активизации реакции и революционного экстремизма, распространении нигилизма, ослаблении либералов он не увидел, не осознал грозящую делу реформ и ему лично катастрофу. И выстрел Д. В. Каракозова у ворот Летнего сада грянул 4 апреля 1866 года. Этим актом революционного террора завершилось первое десятилетие царствования царя-реформатора. Известный английский журналист, корреспондент «Daily Telegraph» Э. Дэйси, увидевший Александра II в 1866 г., оставил такую зарисовку: «Высокий, величественный, полный достоинства человек с ясно очерченными чертами лица и темными волосами, он мог бы, я думаю, быть назван королем королей»⁴⁴. В расцвете физических и духовных сил, на вершине своей славы Александр II оказался в роли мишени. Человек храбрый, не раз доказавший свое бесстрашие, он был потрясен этим первым покушением. Не из страха за собственную жизнь: сознание, что стрелял в русского царя, в «помазанника Божия» русский человек, а не поляк, как ему сначала показалось, было откровением и превосходило его понимание. Многие современники констатировали, а позже историки подтвердили, что с этого времени в политике Александра II определился поворот к реакции.

Действительно, 1866 год стал вехой. Однако не только в политике, но и в личной жизни царя. В 1865 г. в 22-летнем возрасте умер от туберкулеза старший сын и наследник престола великий князь Николай Александрович, воспитанник Кавелина, по общим отзывам, мягкий, гуманный, либеральный. Расшаталось здоровье императрицы Марии Александровны. После длительной внутренней борьбы Александр II дал волю своим чувствам к юной княжне Екатерине Михайловне Долгорукой и в июле 1866 г. начался их роман⁴⁵. Он ничем не походил на прежние мимолетные увлечения и многочисленные связи императора, к которым привыкли все, не исключая императрицу. То была любовь 48-летнего зрелого мужчины к 18-летней обаятельной девушке. Их попытка расстаться на полгода, чтобы избежать скандала и остудить чувства, не помогла.

Пережитое в связи с покушением потрясение, раздвоенность в личной жизни и страсть, поглощавшая душевные и физические силы, отразились на внутреннем состоянии Александра II, его мировосприятии. Современники замечали, что император чаще, чем раньше, бывал задумчив, а иногда и апатичен, врачи в начале 1870-х годов говорили об истощении сил и предписывали лечение. Естественно предположить, что эти обстоятельства не могли не сказаться на отношении к делам: энергии и интереса поубавилось, зато возникли размышления над правильностью взятого курса. Пытаясь противодействовать этим колебаниям и натиску всколыхнувшейся в «верхах» реакции, Д. А. Милютин подал Александру II записку «О нигилизме и мерах против него необходимых», написанную Кавелиным. В ней доказывалось, что только последовательные реформы могут остановить в России революционное движение.

Александр II оставил записку без внимания, склоняясь к охранительным силам, к реакции. В рескрипте от 13 мая 1866 г. на имя председателя Комитета министров П. П. Гагарина он объявил своей задачей «охранять русский народ от тех зародышей вредных лжеучений, которые со временем могли бы поколебать общественное благоустройство». Вопрос о дальнейших реформах замалчивался, провозглашались чисто охранительные цели, сформулированные шефом жандармов П. А. Шуваловым. Валуев очень точно выразил в дневнике свое впечатление от рескрипта и намеченного им курса: «У нас теперь принцип и идея тождественны. Они состоят в ограждении власти. Положение оборонительное. Власть рассматривается не как средство, но как цель, как право или имущество... Мы требуем повиновения, но во имя чего мы его требуем? Только во имя обязанности повиноваться и права повелевать»⁴⁶.

Окружение Царя-Освободителя стало меняться. Роль III Отделения, несмотря на гласность и европеизацию страны, не только не ослабла, но с 1866 г. усилилась. Назначенный главноуправляющим III Отделения и шефом жандармов Шувалов приобрел решающее влияние в «верхах» и лично на Александра II. Недостаток

воли, свойственный царю вообще, в эти годы стал особенно заметен. Вплоть до отставки в 1874 г. Шувалов сосредоточивал в своих руках непомерную власть и могущество, играя роль, близкую к роли временщика. Само время в восприятии современников отлилось в термин «шуваловщина». А. Ф. Кони считал правление Шувалова «властительством над судьбами русской внутренней политики и над душою напуганного покушением Каракозова Государя»⁴⁷.

Смена лиц коснулась многих ключевых постов. Министром народного просвещения стал обер-прокурор Синода Д. А. Толстой, откровенный поборник реакции, министром юстиции К. И. Пален, министром внутренних дел А. Е. Тимашев, поддержанные Шуваловым. Д. А. Милютин не раз был готов выйти в отставку, теряя надежду противостоять всесилию Шувалова. Так называемые «новеллы» к реформам 1860-х годов вносили реакционные коррективы в недавно принятые законодательные акты. Административная власть повсеместно усилилась, контроль за земским самоуправлением, за печатным словом ужесточился, начальная школа попала под надзор министерских чиновников, независимые судьи подвергались давлению администрации.

Но и в этой обстановке возврата к охранительным принципам Александр II все же продолжал реформы, хотя и вяло, инертно. В 1870 г. было принято законодательство о городском самоуправлении (в отрыве от земского на шесть лет). Подготовка военных реформ растянулась до 1874 г., когда, наконец, был сделан решительный шаг к модернизации армии в виде закона о всеобщей воинской повинности. Толчок к этому решению дала франко-прусская война 1870—1871 гг., продемонстрировавшая преимущества современной организации и оснащения армии.

Александр II и правительство постепенно утрачивали инициативу в проведении крупномасштабных преобразований, начатых отменой крепостного права. И вместе с тем усиливались репрессивные меры борьбы не только с революционным, но и с либеральным общественным движением. Военный министр Д. А. Милютин говорил о времени после 1866 г.: «В последние 14 лет застоя и реакции все строгости полицейские не только не подавили крамолу, но напротив того, создали массу недовольных, среди которых злонамеренные люди набирают своих новобранцев». Он говорил об этом на совещании министров у Александра III 21 апреля 1881 г., где решался вопрос о дальнейшей политике и программе действий правительства. «Я доказывал, — передает он далее в своем дневнике, — что недоконченность начатых реформ и отсутствие общего плана привели к тому, что по всем частям государственного организма ощущается полный хаос»⁴⁸. Это мнение разделяли многие деятели реформ, их сторонники и оппоненты.

Внимание Александра II в этот период было сосредоточено не столько на законодательной деятельности, сколько на решении имперских задач — приобретении новых территорий, особенно в Средней Азии, урегулировании пограничных проблем, на европейской политике и пересмотре условий тягостного для России Парижского мира.

На 1866 г. приходится пик развития дружественных отношений между Россией и США и решение о продаже Русской Америки. Давняя идея о континентальном, а не морском будущем России (отказ от приобретения далеких заморских территорий) заявила о себе еще в 1818 г., когда было отклонено предложение о принятии в русское подданство Гавайских островов. Позиция Александра II заключалась во всемерном укреплении отношений с США. Еще во время Гражданской войны посылкой русских эскадр в Америку и их пребыванием в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне в 1863—1864 гг. демонстрировалась поддержка Россией федерального Союза. И хотя непосредственная цель экспедиции заключалась в организации крейсерства на случай возможной войны Англии и Франции против России в связи с польским восстанием 1863 г., тем не менее заинтересованность двух держав в сближении была несомненна.

Отклик в США на покушение Каракозова не свелся к обычной в таких случаях дипломатической процедуре: конгресс единогласно принял особую резолюцию и для торжественного ее вручения императору было отправлено в Россию чрезвычайное посольство во главе с заместителем морского министра Г. В. Фоксом. По оценке Н. Н. Болховитинова, «миссия Фокса, ставшая кульминацией русско-американского сближения, во многом способствовала распространению мнения о существовании естественного союза между Россией и Соединенными Штатами», что и

повлияло на обсуждение вопроса о продаже русских владений в Америке. Это не снимает вопроса о других причинах, в том числе финансовых (хотя 7,5 млн. долл. не могли быть решающим подспорьем для бюджета России). Стратегической целью правительства в этой акции было соображение об устранении опасного очага возможных противоречий в будущем⁴⁹.

Спустя несколько лет был решен другой важный вопрос пограничного размежевания, на этот раз с Японией. После соглашения с Китаем и присоединения к России Уссурийского края (Пекинский договор 2 ноября 1860 г.) значение Сахалина для дальневосточных территорий империи возросло. Однако вопрос о принадлежности Южного Сахалина был камнем преткновения в затянувшихся переговорах с Японией. Наконец, 25 апреля 1875 г. в Петербурге была подписана конвенция об обмене северной части Курильских островов, принадлежавшей России, на Южный Сахалин⁵⁰.

В этот период своего царствования Александр II придавал большое значение завоеванию Средней Азии, где интересы России сталкивались с Англией. В представлении значительной части правящих кругов и общества продвижение в этом регионе, развитие экономических связей с другими странами Востока давали возможность восстановить военно-политический престиж России и оказать нажим на основного ее соперника — Великобританию. Александр II с неизменным интересом и вниманием относился к этой сфере государственной деятельности и, разделяя в целом идею продвижения в Среднюю Азию, вместе с тем удерживал слишком горячие головы от неосмотрительных или поспешных действий, или даже от химерических планов похода на Индию.

После благоприятного для империи исхода Кавказской войны с середины 1860-х годов началось систематическое продвижение в Средней Азии. В 1864 г. были взяты Туркестан и Чимкент, в 1865 г. — по инициативе генерала М. Г. Черняева — Ташкент, о чем Валуев записал в своем дневнике 20 июля 1865 г.: «Ташкент взят ген. Черняевым. Никто не знает почему и для чего... Есть нечто эротическое во всем, что у нас делается на отдаленной периферии Империи»⁵¹. И хотя Д. А. Милютин 1 ноября 1866 г. сообщил Оренбургскому генерал-губернатору, что царь якобы «не желает никаких новых завоеваний», назначение вскоре в Среднюю Азию генерала К. П. Кауфмана, близкого к Александру II и военному министру, с самыми широкими полномочиями, предвещало энергичные действия. 13 ноября 1867 г. Кауфман доложил, что временно приостановит наступление, чтоб заняться устройством управления края, но затем необходимо дальше двигаться против бухарского эмира. «Совершенно одобряю», — откликнулся на это Александр II⁵².

В 1868 г. Кауфман взял Самарканд, и бухарский эмир признал вассальную зависимость от России. В 1869 г. согласно распоряжению Александра II был занят Красноводск, что явно предшествовало дальнейшему продвижению в Среднюю Азию с закреплением на восточном побережье Каспийского моря. Сообщая о распоряжениях царя Кауфману, директор Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухов заявлял, что «новое расширение пределов было бы самым решительным вредом для нашего отечества»; генерал Свистунов, руководивший действиями Красноводского отряда, тоже характеризовал правительственную политику как «вредное увлечение погремушками дешевых лавров»⁵³. Продвижение, однако, продолжалось, и в 1873 г. оказалось в вассальной зависимости Хивинское ханство, а в 1876 г. ликвидировано Кокандское ханство и образована Ферганская область в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Дальнейшие действия были временно приостановлены в связи с активизацией России в европейской политике и надвигавшейся русско-турецкой войной.

В имперских притязаниях Александр II пошел дальше намерений и наставлений Николая I, который в завещании 1835 г. предупреждал сына: «С иностранными державами сохраняй доброе согласие. Не в новых завоеваниях, но в устройстве ее [России] областей, отныне должна быть вся твоя забота»⁵⁴. Совет отца не был учтен, а скорее, просто забыт. Границы империи в царствование Александра II существенно раздвинулись на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе. Однако несмотря на эти успехи и приобретения в азиатских регионах, Петербург продолжал относиться к положению в Европе с неизменно большим интересом и вниманием, чем к ситуации на всех остальных континентах, взятых вместе. И это было естественно. Именно в Европе лежали жизненно важные центры империи⁵⁵.

Политика Александра II в Европе не осталась без изменений: сближение с Францией на рубеже 1850—1860-х годов оказалось недолговечным. Охлаждение в отношениях между двумя державами и их властителями, обострившееся в связи с польским вопросом в начале 1860-х годов, в дальнейшем стало еще более очевидным. В значительной степени это объяснялось усилившейся пропрусской ориентацией Александра II. Милитаризация и усиление Пруссии под руководством Бисмарка, и даже его очевидное стремление к гегемонии в Европе не насторожили Александра II. Попытка Горчакова наладить отношения с Францией не увенчалась успехом.

Визит Александра II в Париж летом 1867 г. не оправдал этих надежд. Французская столица встретила царя 3 июня холодно (в толпе кричали: «Vive la Pologne!»), а 6 июня поляк А. И. Березовский стрелял в Александра II, возвращавшегося с парада в открытом экипаже вместе с Наполеоном III. Царь не был ранен, но все знаки сожаления и симпатии, все старания французского императора и императрицы Евгении не смогли рассеять его дурного настроения. Положение усугублялось упорным противодействием Франции всем попыткам русской дипломатии добиться отмены ограничительных статей Парижского мира. В 1870 г. Александр остался глух ко всем обращениям французского правительства, взывавшего о помощи и заступничестве. Он не скрывал своих симпатий к Пруссии, хотя значительная часть русского общества и правящей бюрократии не разделяла их.

Отчасти это отношение Александра II к Пруссии можно объяснить его надеждами с самого начала франко-прусской войны добиться отмены наиболее тяжелых статей Парижского мира, «черноморских». В расчете на поддержку Пруссии он предложил в Совете министров план одностороннего отказа России от статей, ограничивавших ее права на Черном море. Тютчева отмечает инициативу царя в этом деле и, напротив, сдержанность почти всех министров⁵⁶. Циркулярная нота Горчакова 19(31) октября 1870 г. достигла цели: Бисмарк, хотя и недовольный этой акцией, предложил созвать Лондонскую конференцию заинтересованных держав, которая и приняла конвенцию 13 марта 1871 г. об отмене этих статей, что означало большую дипломатическую победу.

Расчеты Александра II оправдались, однако было бы ошибкой только этим объяснять его отношение к Пруссии. Большое значение имели его личные чувства и симпатии к родному дяде, прусскому королю. Д. А. Милютин вспоминал, что Александр II не скрывал своей радости при получении каждой телеграммы о победе германских войск: немедленно посылал Вильгельму поздравительные телеграммы, а по временам — георгиевские кресты, в таком, притом, большом количестве, что это возбуждало в петербургском обществе сетования и насмешки. О явном сочувствии Пруссии свидетельствовало и то, что несмотря на нейтралитет, в германской армии были русские офицеры, врачи, лазареты. Даже после Седанской победы немцев, несмотря на возникшие уже у Александра II опасения возможных последствий столь стремительных успехов Пруссии, позиция его не изменилась. 6 ноября 1870 г. он писал великой княгине Елене Павловне: «Я, как и Вы, оплакиваю новые потери славной прусской гвардии»⁵⁷.

Тьер, прибывший в Петербург, чтобы склонить Россию к активной поддержке Франции, уехал ни с чем. Когда побежденная Франция во время мирных переговоров старалась заручиться содействием России против непомерных притязаний Пруссии, Александр II остался неприступен. Французский посол в Петербурге маркиз Ж. де Габриак, которому выпала трудная задача бороться с этим пруссофильством, в телеграмме от 19 февраля 1871 г. своему министру иностранных дел Ж. Фавру так определял ситуацию: «Вы могли убедиться из обмена телеграммами между прусским королем и императором Александром — обмена, который даже здесь произвел скверное впечатление, что нам нечего ждать от России... Россия нейтральна, но ее нейтралитет дружественен Франции; император нейтрален, но его нейтралитет благоприятен Пруссии. Ну, а император Александр управляет страной, лишенной инициативы, еще привыкшей к абсолютизму. Страна может устраивать заговоры, когда ее доводят до крайности, но не способна к открытому воздействию на власть»⁵⁸.

Александр II в полной мере не осознал и не почувствовал угрозы в образовании Германской империи, в опасном для России соседстве милитаризованной сильной державы. Он не понял, что Франкфуртский мир, перекроивший границы в центре

Европы, чреват нестабильностью и в перспективе общеевропейской войной, что предвидели многие политики и дипломаты. Только в одном случае он отрешился от позиции равнодушного созерцания, когда усмотрел общеевропейскую опасность коммунистического движения. После падения Парижской Коммуны Александр II был солидарен с требованием французского правительства о выдаче коммунаров, укрывавшихся в других странах. «Я рассматриваю этот вопрос, как вопрос самой большой важности для будущего всех правительств, — гласит его резолюция на докладе управляющего Министерством иностранных дел В. И. Вестмана. — По моему приказу министр юстиции составил по этому поводу докладную записку, которую я сам передал в Берлине императору-королю, желая, чтобы инициатива исходила не от меня, а от Пруссии»⁵⁹. Еще до Парижской Коммуны под впечатлением от свержения монархии во Франции в сентябре 1870 г. и провозглашения республики, он, как и Бисмарк, признал необходимость организовать совместную в международном масштабе борьбу против социалистического движения⁶⁰.

Происходило сближение и с Австро-Венгрией. В октябре 1873 г. сложился Союз трех императоров — России, Германии, Австро-Венгрии. Александр II вернулся к тому, от чего отказался в начале своего царствования. Противодействие Александра II в 1875 г. новым претензиям Германии к Франции сгладило прежние обиды французов, но не изменило общей ситуации. Хотя Союз трех императоров и не был возрождением Священного Союза, Александр в новых международных условиях все же предпочел соглашение с прежними партнерами решительным переменам в дипломатии, предпочел, как он говорил, «традиционный союз», несмотря на опасения Горчакова и мнение прессы, почти единодушно высказывавшейся за сближение с Францией. К тому же союз с Германией и Австро-Венгрией облегчил ему исполнение имперских планов.

Масштабность имперских притязаний требовала значительных военных сил и напряжения финансов. Военная направленность отражена в государственной росписи, которая, кстати, впервые стала публиковаться после отмены крепостного права. Военные расходы составляли треть бюджета страны. Рейтерн с самого начала своего управления финансовым ведомством убеждал Александра II в крайней обремененности бюджета военными расходами, необходимости денежно-валютной реформы и обеспечения рубля золотым запасом для успешного проведения реформ и обновления России. Но имперская политика и традиционное имперское мышление победили.

Решающим событием оказалась русско-турецкая война 1877—1878 годов. Царь не без колебаний и не вдруг решился на ее объявление. Еще в августе 1876 г. перед отъездом на отдых в Ливадию в разговоре с министром финансов о политических делах «он как и прежде весьма сильно выражал свою решимость не давать Россию завлечь в войну. Он не без горечи говорил об агитации славянофильской — о желании некоторых лиц выставить не его представителем интересов России». Но спустя месяц настроение его изменилось. Деятельность славянских комитетов и консолидация общества вокруг вопроса об освободительной миссии России по отношению к единоверным славянским народам не могли не оказать на Александра II большого влияния. В начале октября между Александром II и Рейтерном, вызванным в Ливадию, произошло драматическое объяснение, в котором окончательно обрисовалась позиция императора.

Александр II требовал от министра финансов средств для предстоящей войны. Рейтерн со своей стороны предпринял отчаянную попытку противостоять влиянию на царя военных и всех сторонников разрешения ближневосточного кризиса военным путем. Он дважды подал Александру II записки, в которых доказывал, что «война остановит правильное развитие гражданских и экономических начинаний, составляющих славу царствования Его Величества; она причинит России неисправимое разорение и приведет ее в положение финансового и экономического расстройства, представляющее приготовленную почву для революционной и социалистической пропаганды, к которой наш век и без того уже слишком склонен». Рейтерн полагал, что к тому же европейские державы не позволят России в полной мере воспользоваться плодами побед. Александр II с раздражением и неприязнью вернул записку, не обсудив ее с другими министрами, и, как пересказывает Рейтерн, упрекнул, «что я вовсе не указываю на средства для ведения войны и предлагаю унижить Россию. Что этого ни он, ни сын его не допустит»⁶¹. Царь пренебрег

доводами своего министра (Рейтерн тогда же решил выйти в отставку после окончания войны). Денежно-валютная реформа, подготовленная им, оказалась сорванной.

21 мая 1877 г. Александр II выехал из Петербурга в действующую армию и покинул ее только 3 декабря, после падения Плевны, предрешившего исход войны. Он считал своим долгом находиться в тылу армии, там, где были раненые, и говорил, покидая столицу: «Я еду братом милосердия». Император терпеливо переносил трудности походного быта, плохие дороги, сохранял строгий режим дня, вставал в 7—8 часов утра, даже если приходилось накануне лечь глубокой ночью. Он обходил палаты раненых, иногда посещал операционную, утешал отчаявшихся, награждал отличившихся, всех подбадривал и глаза его часто увлажнялись слезами. В человечности и милосердии отказать Александру II нельзя. Но попытки самодержца вмешаться в руководство военными делами и порывы «принять участие в бою» к великому огорчению военного министра Милютина вносили только напряжение и сумятицу⁶².

В судьбах народов южнославянского мира война сыграла огромную освободительную, прогрессивную роль. Для России последствия этой войны были неоднозначны. Несомненно, военные успехи и приобретения восстановили имперский престиж России и оттеснили мучительную память о Крымском поражении. Но война потребовала огромного напряжения сил. Она стоила свыше миллиарда рублей (при общем бюджете в 1878 г. — 600 миллионов), курс рубля понизился с 86 коп. золотом до 63. Рейтерн вышел в отставку, признав полное поражение своей политики, рассчитанной на продолжение курса реформ. Завершилась война сначала Сан-Стефанским миром, а затем разочаровывающими решениями Берлинского конгресса, сильно урезавшими плоды победы. Канцлер Горчаков, представлявший Россию на конгрессе, в записке Александру II отмечал: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере». Император приписал: «И в моей также»⁶³.

Очевидное дипломатическое поражение России не способствовало умиротворению внутривосточной ситуации, как рассчитывало правительство, начиная войну. Напротив, конфронтация усилилась. Патриотический подъем, вызванный войной за освобождение славян, только на короткое время приглушил деятельность подполья, но затем она активизировалась с новой силой. Террор стал основным средством борьбы, а главной мишенью — сам император. Одно за другим следовали покушения А. К. Соловьева 20 апреля 1879 г., смертный приговор, вынесенный Александру II Исполнительным комитетом «Народной Воли» 26 августа того же года, осенний взрыв царского поезда, 5 февраля 1880 г. — взрыв в Зимнем дворце, стоивший многих человеческих жертв.

Наступил последний, самый драматический год жизни Александра II. По настоянию охраны он меняет маршруты своих перемещений, отказавшись от прогулок пешком, выезжает только в сад Аничкова дворца, в открытой карете, окруженный казаками. Все больше погружается он в личную жизнь, тоже полную драматизма. Теперь под одной крышей в Зимнем дворце живут снедаемая чахоткой императрица Мария Александровна и молодая, красивая Долгорукая, без которой император уже не может провести ни дня, с которой создана новая семья с тремя детьми (две дочери, Ольга и Екатерина, и сын Георгий; второй мальчик умер). Императрица скончалась в конце мая 1880 г., и Александр II, едва переждав 40 дней после ее смерти, 18 июля вступил в морганатический брак с княжной Долгорукой. Князь В. Барятинский, брат мужа младшей дочери княгини Юрьевской и Александра II Екатерины Александровны, записал слова, произнесенные царем в день свадьбы: «Четырнадцать лет я ожидал этого дня, я боюсь моего счастья! Только бы Бог не лишил меня его слишком рано»⁶⁴.

В тот же день он подписал указ, в котором, объявляя о свершившемся, предписывал титуловать Долгорукую светлейшей княгиней Юрьевской (от имени Юрия Долгорукого, к которому восходил ее род), и присвоил своему потомству от нее права законных детей. Об указе, как в первое время и о самом браке, знали только несколько доверенных лиц, присутствовавших на церемонии обручения. Первым после них, кто узнал из уст самого императора о бракосочетании, был М. Т. Лорис-Меликов, вторым — цесаревич Александр Александрович, другие сыновья — позже, а дочь, жившая в Англии, только в ноябре. Брак произвел удручающее впе-

чатление и на семью императора, и вообще на многих представителей «верхов».

Назначенный после очередного покушения (5 февраля 1880 г.) сначала председателем Верховной распорядительной комиссии, а потом министром внутренних дел бывший харьковский генерал-губернатор, герой русско-турецкой войны, завоеватель Карса, Лорис-Меликов стал своего рода диктатором. Умный, энергичный и вместе гибкий, либеральный, он увидел корень зла в разладе между неограниченной самодержавной властью и просвещенной частью общества. Новая двусмысленная политика, направленная на решительное подавление революционного движения, одновременно намечала продолжение реформ: расширение местного самоуправления, смягчение цензурных притеснений, завершение крестьянской реформы обязательным выкупом, отставку реакционного министра народного просвещения Д. А. Толстого и др.

Но главным в планах Лорис-Меликова было дарование представительства земскому и городскому самоуправлению в духе опыта с редакционными Комиссиями 1856—1860 годов. Проект Лорис-Меликова, который только условно можно назвать конституцией, сводился к учреждению при Государственном совете «Общей комиссии», в которую наряду с назначенными правительством лицами входили бы представители от земств и городов, с двумя подкомиссиями: финансовой и хозяйственно-административной. После рассмотрения законопроекты должны были вноситься на окончательное обсуждение Государственного совета, в который Лорис-Меликов также предлагал включить представителей общественных учреждений.

Зная упорное нежелание Александра II дать стране конституцию, Лорис-Меликов осторожно искал подхода к самодержцу. Бярятинский рассказывает, что в Ливадии Лорис-Меликов вел долгие беседы с государем в присутствии его супруги о политических делах и о новых реформах. Иногда, вскользь, во время разговора, он делал смутные намеки на то, что народ был бы счастлив иметь царицу — русскую по крови. Делая эти намеки, он сознавал, что касается сокровенных намерений царя: Александр II мечтал короновать княгиню и, выполнив намеченные государственные преобразования, отречься от престола в пользу цесаревича и уехать с женой и детьми в Ниццу⁶⁵. Источником этих сведений были предания семьи княгини Юрьевской, они требуют подтверждений и проверки.

Две «диктатуры сердца» (любимой женщины и сильного правителя) переплелись в последний год жизни Александра II и властвовали над ним. По-прежнему влюбленный, погруженный в свою личную жизнь, занятый мельчайшими подробностями ее устройства, вплоть до одежды слуг Ливадийского дворца, куда впервые отправлялась на отдых княгиня Юрьевская после бракосочетания, но усталый от бремени государственных дел, от конфронтации в обществе, преследуемый террористами, Александр II склоняется к решению, которое категорически отрицал все годы своего царствования. Вот что поведал Д. А. Милютину об этом последнем акте государственной деятельности императора, спустя два месяца, великий князь Владимир Александрович: «В самое утро злополучного дня 1 марта покойный император, утвердив своей подписью представленный доклад Секретной комиссии и выждав выхода Лорис-Меликова из кабинета, обратился к присутствовавшим великим князьям с таким словами: „Я дал свое согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции“»⁶⁶. Однако до распулкования правительственного сообщения Александр II решил рассмотреть проект 4 марта в Совете министров.

Террористический акт 1 марта сорвал этот план. М. Алданов пишет, что княгиня Юрьевская очень просила Александра II не ездить в этот день на развод войск, поостеречься возможных покушений. Но он беззаботно ответил ей, уходя, что гадалка предсказала ему смерть при седьмом покушении, а теперь, если и будет, то только шестое. Спустя немного времени на Екатерининском канале прозвучало два взрыва... Организаторами покушения 1 марта были А. И. Желябов — крестьянин по происхождению и С. Л. Перовская — представительница аристократического рода, дочь графа Л. А. Перовского, видного сановника Николая I, и племянница графа В. А. Перовского, одного из военных деятелей в первые годы царствования Александра II.

Первая бомба, брошенная Н. И. Рысаковым, разорвалась рядом с каретой, и сам Александр II остался невредим. В последние минуты жизни очень характерно

проявилась его личность и натура. «Несмотря на настоятельные убеждения кучера не выходить из кареты, — пишет П. А. Кропоткин, — Александр II все-таки вышел. Он чувствовал, что военное достоинство требует посмотреть на раненых черкесов и сказать им несколько слов... Я мог заглянуть вглубь его сложной души... и понять этого человека, обладавшего храбростью солдата, но лишенного мужества государственного деятеля»⁶⁷. Вторая бомба, брошенная И. И. Гриневицким, достигла цели.

Доставленный в Зимний дворец, в 3 1/2 часа пополудни он скончался от потери крови. Умирал Александр II на солдатской кровати, покрытой старой военной шинелью, которая служила ему домашним халатом. 1 марта трагически пресекло и государственные преобразования, призванные увенчать «Великие Реформы», и романтические мечты монарха о личном счастье. Накануне перемещения останков Александра II из Зимнего дворца в Петропавловский собор княгиня Юрьевская остригла свои великолепные волосы и положила их к рукам усопшего супруга⁶⁸. По настоянию Александра III она с детьми вскоре покинула Россию. За границей она жила в Париже и Ницце, где для нее были куплены дома. О средствах к жизни позаботился заблаговременно Александр II, переведя на ее имя за два месяца до смерти около 3,5 млн. руб. из своего капитала, составлявшего 14,6 млн. рублей⁶⁹. Она умерла в Ницце 15 февраля 1922 г. на 75-м году жизни, оставшись до конца дней верной своей любви, как пишут мемуаристы.

Столь же трагическим, как личная судьба Александра II, был исход его последнего государственного деяния. Как свидетельствуют очевидцы, настроение в Зимнем дворце изменилось поразительно быстро, сразу же в день смерти Александра II: «Чувствовалось, что все сподвижники покойного Императора уже если не в опале, то недолго будут продолжать вести государственные дела»⁷⁰. Лорис-Меликова открыто упрекали в случившемся. Заседание, назначенное Александром II на 4 марта, состоялось в присутствии Александра III 8 марта. Драматичность столкновения сторонников проекта Лорис-Меликова (великий князь Константин Николаевич, Д. А. Милютин, А. А. Абаза, П. А. Валуев) и оппозиции, нашедшей особенно яркое выражение в мрачно-обличительной речи К. П. Победоносцева, хорошо известна. Заседание не приняло решений, но фактически предрешило вопрос. Мирный путь движения к правовому государству и конституции был исчерпан.

Трагедия Царя-Освободителя обернулась трагедией России. «Грустно действительное положение России» и «страшно подумать о том, что ожидает ее в будущем», — записал в своем дневнике в июне 1881 г. Д. А. Милютин, навсегда покинувший Петербург и поселившийся в Крыму, как и опальный брат Александра II великий князь Константин Николаевич. Что же так страшило одного из самых ярких деятелей эпохи «Великих Реформ»? «Какова же будет их программа?» — задавался вопросом Д. А. Милютин, оценивая Победоносцева, его компанию, наступление нового правления. И отвечал, уже через две недели после трагедии 1 марта: «Реакция под маскою народности и православия — это верный путь к гибели для государства»⁷¹.

С. С. Татищев — первый и самый основательный до наших дней биограф Александра II — создал в своем двухтомном труде возвышенно-идеализированный образ монарха. Поставив перед собой задачу «воскресить перед современниками незабвенный, величественный и обаятельный образ Царя-Освободителя», которому он верою и правдою служил 17 лет, Татищев пришел к заключению, венчающему его повествование-исследование: «Воистину Александр II был для России тот «добрый пастырь», который, по слову Христа, «душу свою полагает за овцы»⁷². Но и сам Татищев признавал, что в конце XIX — начале XX в., когда создавал летопись жизни и деятельности Александра II, время для исторической оценки Царя-Освободителя и его реформ еще не наступило. Задачу свою он видел в том, чтобы сделать «первую просеку в дремучем лесу прискорбной неосведомленности русского общества относительно фактического содержания царствования» Александра II⁷³. На исходе XX в., спустя более 100 лет после его гибели и 130 лет после главной из его реформ — отмены крепостного права, «время для исторической оценки» наступило.

Личность Александра II трагична. В акте 1 марта 1881 г. причудливо переплелись трагедия человеческой судьбы, монархии и страны. Отсюда тянется кровавый след к трагической развязке российской истории уже XX века. Здесь обры-

вается взятый реформами курс на мирное строительство правового государства. По своему характеру, темпераменту, мировоззрению, призванию Александр II не был реформатором. Он стал им в силу обстоятельств; в его характере, в его личности необузданное, отталкивающее самодержавное «Я» уживалось с привлекательными человеческими чертами, а в государственной деятельности часто и подавляло их. Он оставался фактически пленником той системы, фундамент которой начал упразднять своими реформами. В его симпатиях и пристрастиях, в его наклонностях и ориентации «военный в душе» преобладал над законодателем.

Император и самодержец, генетически и исторически связанный со своими предшественниками от Петра Великого до Николая I, возвышался над Освободителем. Это объяснялось далеко не столько личными свойствами Александра II, сколько слабостью общественных сил, способных возглавить и провести преобразования. Общественные ожидания, вера в способность высшей власти вывести страну на достойное место и в сотрудничество интеллигенции с властью, характерные для первых, предреформенных лет царствования Александра II, были обмануты. «Великие Реформы» оказались в действительности подчинены не экономическому процветанию, не «улучшению быта» народа, не развитию выборного представительного начала и созданию основ правового государства, а укреплению самодержавия, усилению военной мощи, расширению империи во имя величия России, как понимал его Александр II и его ближайшее окружение.

Примечания

1. Красный архив, 1922, кн. 3, с. 292—293; Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 678 (Александр II), оп. 1, д. 818, л. 3 об.
2. ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 572, л. 2 об.
3. ПОГОДИН М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. М. 1874, с. 333—334, 336—340, 355—358.
4. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 1180, оп. 15, д. 148, л. 29.
5. ПОГОДИН М. П. Ук. соч., с. 315, 317.
6. ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 15, д. 148, л. 19.
7. Там же, ф. 560, оп. 14, д. 294, л. 1.
8. Там же, ф. 523, оп. 1, д. 2189.
9. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826—1832. — Русская старина, 1885, кн. 2, с. 343; кн. 6, с. 507.
10. ЖУКОВСКИЙ В. А. Соч. Т. 6. СПб. 1885, с. 348.
11. Годы учения его императорского высочества наследника цесаревича Александра Николаевича ныне благополучно царствующего государя императора. 1826—1838. Т. 1. СПб. 1880, с. III.
12. ЖУКОВСКИЙ В. А. Ук. соч., с. 348.
13. Русская старина, 1885, кн. 2, с. 538; кн. 7, с. 42.
14. ЖУКОВСКИЙ В. А. Ук. соч., с. 261—262, 349.
15. Русская старина, 1885, кн. 3, с. 553; кн. 12, с. 514.
16. Там же, кн. 2, с. 256, 273, 356; кн. 4, с. 88; кн. 6, с. 298, 496.
17. Там же, кн. 2, с. 358; кн. 6, с. 489; кн. 3, с. 537; кн. 5, с. 504; кн. 8, с. 238.
18. Там же, 1886, кн. 2, с. 405.
19. ТЮТЧЕВА А. Ф. При дворе двух императоров. Дневник 1855—1882. М. 1929, с. 41. Николай (1843—1865); Александр (1845—1894) — будущий император Александр III; Владимир (1847—1909); Алексей (1850—1908); Мария (1853—1920), вышедшая замуж за младшего сына английской королевы Виктории принца Эдинбургского; Сергей (1857—1905), будущий московский генерал-губернатор, убитый эсером И. П. Каляевым; Павел (1860—1919), расстрелян в Петропавловской крепости большевиками. Первый ребенок (дочь Александра) умер в младенчестве.
20. ЦГИА СССР, ф. 523, оп. 1, д. 2149, лл. 18—21.
21. Там же, ф. 1180, оп. 15, д. 148, л. 39.
22. ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 11, лл. 180—181.
23. ЦГИА СССР, ф. 523, оп. 1, д. 2149, л. 32.
24. Там же, л. 40; д. 2222, л. 12.
25. WHITE A. Autobiography. Vol. 1. Lnd. 1905, p. 470.
26. ТЮТЧЕВА А. Ф. Ук. соч., с. 105—107.
27. ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 5, д. 2265, л. 4; ЦГИА СССР, ф. 1101, оп. 2, д. 394, л. 1.

28. Голос минувшего, 1916, № 5—6, с. 393.
29. ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, ч. 2, д. 2479, лл. 7—8.
30. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 66, 1857 г., д. 11а, лл. 3—4.
31. ЦГАОР СССР, ф. 722, д. 681, л. 62 об. Письма от 20 января (1 февраля) 1857 года.
32. Журналы и мемории общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу с 28 января по 14 марта 1861 г. Пг. 1915, с. 3—5.
33. ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 230, лл. 21об. — 22.
34. См. ЗАХАРОВА Л. Г. Записка Н. А. Милютина об освобождении крестьян (1856 г.). В кн.: Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л. 1983, с. 24—33.
35. ЦГАОР СССР, ф. 722, д. 681, лл. 117—118об.; Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 169. 61. 25, л. 32.
36. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 14, д. 294, лл. 6—8, 28.
37. Русский архив, 1889, кн. 5, с. 159.
38. ЦГАОР СССР, ф. 722, д. 681, л. 104; Сборник правительственных распоряжений по устройству быта помещичьих крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Т. 2, ч. 2. М. 1861, с. 51, 59, 129.
39. Дела и дни, 1920, кн. 1, с. 124.
40. Die politischen Berichte des Fürsten Bismarcks aus Peterburg und Paris (1859—1862). Brl. 1920, S. 130.
41. БАРСУКОВ Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 9. СПб. 1896, с. 305—308.
42. Дела и дни, 1920, кн. 1, с. 124.
43. ЩЕБАЛЬСКИЙ П. К. Н. А. Милютин и реформы в Царстве Польском. М. 1882, с. 49.
44. DICEY E. A. Month in Russia during the Marriage of the czarevitch. Lnd. 1867, p. 47.
45. См. ПАЛЕОЛОГ М. Роман императора. М. 1990.
46. Дневник П. А. Валуева. Т. 2. М. 1961, с. 140—141.
47. КОНИ А. Ф. Собр. соч. Т. 5. М. 1968, с. 287.
48. Дневник Д. А. Милютина. Т. 4. М. 1950, с. 57.
49. БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834—1867. М. 1990, с. 183, 202.
50. См. ФАЙНБЕРГ Э. Я. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М. 1965. Как следует из инструкции Николая I Путятину, России принадлежала в 1853 г., к моменту размежевания, не вся Курильская гряда: острова южнее о. Уруп являлись владением Японии (САРКИСОВ К., ЧЕРЕВКО К. «Путятину было легче провести границу между Россией и Японией. Неизвестные ранее исторические документы о спорных островах Курильской гряды». — Известия, 4.X.1991).
51. Дневник П. А. Валуева. Т. 2. М. 1961, с. 60—61.
52. Цит. по: ПАВЛОВ А. Л. Из истории завоевания Средней Азии. — Исторические записки. Т. 9, с. 213—216.
53. Там же, с. 225, 229.
54. Красный архив, 1922, кн. 3, с. 293.
55. ХАЛФИН Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М. 1965, с. 126.
56. ТЮТЧЕВА А. Ф. Ук. соч., с. 204.
57. ЦГАОР СССР, ф. 647, оп. 19, д. 674, л. 63.
58. Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 года. М. 1933, с. 64.
59. Там же, с. 176.
60. См. БОЛЕНСКАЯ С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М. 1977, с. 34.
61. КУЛОМЗИН А. Н., РЕЙТЕРН В. Г. — бар. НОЛЬКЕН. М. Х. Рейтерн. Биографический очерк. СПб. 1910, с. 158—159, 177—190.
62. ЧИЧАГОВ М. М. Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб. 1887, с. 86—89, 146, 157, 229—230.
63. См. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 5. М. 1968, с. 266.
64. БАРЯТИНСКИЙ В. Любовь и престол. — Новое русское слово, 25.XII.1976.
65. Русская мысль, 18.VII.1963; 13.III.1956 и др.; Новое русское слово, 25.XII.1976.
66. Дневник Д. А. Милютина. Т. 4, с. 62.
67. КРОПОТКИН П. А. Записки революционера. М. 1988, с. 417—418.
68. Новое русское слово, 25.XII.1976.
69. ЦГИА СССР, ф. 1614, оп. 1, д. 105, лл. 1, 12об.
70. Русская мысль, 13.III.1956.
71. Дневник Д. А. Милютина. Т. 4, с. 87, 41.
72. ТАТИЩЕВ С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1. СПб. 1903, с. XVIII; т. 2. СПб. 1903, с. 662.
73. Там же. Т. 1, с. XVI—XVII.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

От XIX к XX съезду КПСС

После того, как по окончании XIX съезда КПСС возник вместо прежнего Политбюро ЦК партии новый по названию орган — Президиум ЦК КПСС, — Сталин сформировал из его членов широкие комиссии по разным вопросам. На практике оказалось, что эти комиссии неработоспособны, хотя я считаю, что если бы имелось надлежащее руководство ими и им были бы даны конкретные задания, а главное — были бы предоставлены этим комиссиям права, то они сыграли бы положительную роль. Но они не смогли сыграть ее, потому что были предоставлены самим себе и не существовало никакого плана руководства ими и не формулировались вопросы, которые ставились бы перед ними. Вопросы выдумывались на ходу. Одним словом, каждый играл там на своем инструменте и вступал в ту минуту, в какую хотел. Не имелось никакого дирижерского руководства.

И вот умер Сталин. Я очень тяжело переживал его смерть. Если говорить искренне, то переживал не потому, что был особо привязан к Сталину, хотя в целом был к нему привязан. Просто он старел, и неизбежная смерть ходила все время рядом с ним. Для меня это было пониманием природной безысходности: все рождается и все умирает, с этим надо считаться. Сталин был в таком возрасте, когда приходилось с такой мерой подступаться к неизбежности смерти человека. Меня тогда больше всего беспокоил состав Президиума, который оставался после смерти Сталина, и особая роль, которую занимал в нем и закрепил за собою Берия: она сулила, в моей оценке, огромные сложности работы и большие неожиданности, я бы даже сказал, катастрофические последствия. Поэтому я оплакивал Сталина как единственную реальную силу сплочения. Хотя эта сила часто применялась очень сумбурно и не всегда в нужном направлении, но все же усилия Сталина были направлены на укрепление и развитие дела социализма, на укрепление завоеваний Октября. В этом у меня не было сомнений. Он допускал варварские способы действий, но я тогда еще не знал, насколько были в полной мере его поступки необоснованными с точки зрения людей, которые без причины арестовывались и казнились.

Конечно, у меня закрадывались, как у всякого человека, сомнения: «Как же так? Из тех, кто попал под арест или в тюрьму, почти никто не возвращается и почти никто не был оправдан? В жизни так не должно случаться. Возникали сомнения, что все там обосновано, как надо в смысле правовых норм. Но Сталин — это

был Сталин. Авторитет его был громаден, и у меня не появлялось мысли, что этот человек в принципе способен сознательно злоупотреблять властью.

Берия, когда умер Сталин, буквально просиял. Он переродился, помолодел, грубо говоря, повеселел, стоя у трупа Сталина, который и в гроб еще не был положен. Берия считал, что пришла его эра. Что нет теперь силы, которая могла бы сдерживать его и с которой он должен считаться. Теперь он мог творить все, что считал необходимым.

Маленков? Маленков никогда не занимал собственной позиции, не играл собственной роли. Он всегда был на побегушках. Сталин довольно образно при беседах в узком кругу говорил о нем: «Это писарь. Резолюцию он напишет быстро, не всегда сам, но организует людей. Это он сделает быстрее и лучше других, а на какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу он не способен». Да он, по-моему, и не претендовал открыто на это. С Маленковым еще лет за пять до смерти Сталина, в Сочи, куда я как-то приехал по вызову Сталина, я однажды резко поговорил, обратив его внимание на то, что он не занимает своей позиции и проявляет бесхребетность в отношении Берии, а Берия издевается над ним. Тогда Маленков сказал мне, что он это знает, но не видит возможности, как поправить дело и избавиться от этого. Он считал, что ему быть вместе с Берией выгодно для его персоны. Впрочем, действительно так оно и было. Он поддерживал Берию, а Берия поддерживал Маленкова. Поэтому акции Маленкова и ценились высоко, хотя Сталин очень критически относился к его личным способностям руководителя.

Булганин? Булганин относился к Берии сдержанно, и когда я с ним говорил по этому вопросу и высказывал свое отрицательное отношение к Берии, он соглашался со мною.

Вот с такими мыслями я стоял у тела Сталина. Я уже рассказывал раньше о наших действиях после смерти Сталина и об аресте Берии и не буду сейчас повторяться. А после ареста Берии и следствия по его делу произошло раскрытие тех тайных пружин, скрытых от нас, которые породили прежде столь большие злоупотребления и вызвали гибель многих честных людей. На меня, в частности, сильное впечатление произвела гибель Кедрова, отца академика-философа Кедрова. Я лично старшего Кедрова не знал. Он был крупным политическим деятелем, одним из руководителей советских войск на Севере, который в годы гражданской войны организовывал там оборону против интервентов. И у меня возникла потребность приподнять занавес и узнать, как же все-таки велось следствие, какие имели место аресты, сколько людей всего арестовали, какие существовали исходные материалы для ареста и что показало потом следствие по этим арестам? Я поставил эти вопросы на заседании Президиума ЦК и предложил обстоятельно разобраться. Эти вопросы особенно волновали меня потому, что мы уже начали думать о проведении XX съезда партии.

Конечно, не рвались в бой с вскрытием тайных пружин ни Ворошилов, ни Молотов, ни Каганович. Не могу сейчас точно припомнить позицию Микояна. Кажется, Микоян не вел активной линии, но и не сдерживал процесса разоблачения несправедливостей. Одним словом, постепенно все согласились, что необходимо провести расследование дела. Создали комиссию. Возглавил ее Пospelов.

Еще до того я пригласил к себе Генерального прокурора СССР Руденко (а он как прокурор уже многие такие дела сам поднял и проверил) и спросил его: «Товарищ Руденко, по открытым судебным процессам 30-х годов насколько действительно обоснованы обвинения, которые предъявлялись Бухарину, Рыкову, Сырцову, Ломинадзе, Крестинскому и многим другим людям, хорошо известным Центральному Комитету, членам Оргбюро и Политбюро? Насколько все это было обосновано?» Руденко сказал, что с точки зрения юридических норм никаких данных для осуждения этих людей не существовало. Все основывалось только на личных признаниях, а личные признания, добытые путем физических и моральных истязаний, не могут служить базой для осуждения людей.

Тогда передо мной встал вопрос: как это могло произойти? Все знали о роли Сталина, его личности, его революционности, его заслугах перед страной и качествах, которые были отмечены партией. Он имел полное основание претендовать на особую роль, потому что действительно выделялся из своего круга и умением организовать дело, и умом. Он действительно стоял выше других. И даже сейчас,

несмотря на мою непримиримость относительно его методов действий и его злоупотреблений, я признаю это. Однако если бы сейчас, например, он был еще жив и состоялось бы голосование по вопросу о его ответственности за содеянное, я занял бы ту позицию, что его надо судить. Но следует и отдать ему должное. Этот человек не просто пришел к нам с мечом и завоевал наши умы и тела. Нет, он проявил в жизни свое превосходство, умение руководить страной, умение подчинять себе людей, выдвигать их и прочие качества, необходимые руководителю крупного масштаба.

Во всем, что касается личности Сталина, встречается и хорошее, правильное, и дикое, не укладывающееся ни в какие рамки. Надо рассматривать все стороны этой сложной личности. Я больше говорю здесь о темных сторонах просто потому, что восхвалений было достаточно. Главное — сделать должные выводы и не допускать, чтобы подобное могло повториться в будущем. В этом состоит цель моих записок. Любое изучение прошлого должно служить настоящему и будущему.

Напрашивается и одна параллель. Люди моего возраста помнят, как постепенно нарастало восхваление Сталина, и все знают, во что оно вылилось. Сталин умный! Сталин гениальный! Я уже не говорю о других эпитетах: и отец родной, и прочее. Во всем этом наблюдаем ныне большое созвучие тому, что в Китае говорят и пишут о Мао. Просмотрите фильмы из Китая. Я нередко вижу их по телевизору. Все приемы в очень значительной степени копируются Мао со Сталина. Закройте глаза и послушайте только высказывания китайцев о Мао Цзэдуне. Если подставить вместо «Мао» «Сталин», то получится наше прошлое. Буквально так же были организованы у нас соответствующие «спектакли». Я считал тогда, что тут налицо слабость Сталина. Но, видимо, дело не только в слабости. Видимо, такие люди, как Сталин и Мао Цзэдун, в этих вопросах очень похожи в принципе друг на друга. Они считают это необходимым, чтобы держать на высоте свой авторитет и не только подчинять себе людей, но и держать их в страхе.

И все-таки возникает вопрос: почему это произошло? Многие люди, с которыми я встречался, спрашивают: «Как же Сталин, умный человек, мог такое делать?» Я не однажды, возвращаясь к этому вопросу, искал ответ для самого себя. И у меня сложился единственный ответ, причем думаю, что он правильный. Чтобы понять корни злоупотреблений, несправедливых казней, тирании Сталина, надо вернуться к завещанию Ленина. Ленин, когда он диктовал свое завещание, ясно предвидел, к чему может привести партию Сталин, если останется в руководстве и будет занимать пост Генерального секретаря ЦК. Ленин писал, что надо отстранить его от этой должности, хотя Сталин и обладает качествами, которые требуются для руководителя. Но он груб и способен злоупотреблять властью, поэтому на таком посту его нельзя держать. Он предложил выдвинуть вместо Сталина человека, который был бы более доступен, более внимателен, терпимее относился бы к товарищам по партии и не злоупотреблял своим высоким положением. Я считаю, что это была точная характеристика. А жизнь полностью подтвердила мысль Ленина. ЦК партии не прислушался к ленинским словам, не сделал соответствующих выводов и потерпел поражение. Но не только Центральный Комитет, а вся партия была наказана Сталиным его злоупотреблениями, уничтожением партийного и беспартийного актива. В этих действиях Сталина наблюдалось и что-то болезненное. Произошла трагедия для партии, для всего нашего народа.

Материалы комиссии Пospelова, созданной нами в преддверии XX съезда КПСС, явились для многих из нас совершенно неожиданными. Я говорю и о себе, в какой-то степени и о Маленкове, Булганине, Первухине, Сабурове, других. Одновременно считаю, что больше был внутренне подготовлен к возможности вскрытия фактов такого рода, которые были освещены в записке Пospelова, Микоян. Не могу утверждать, что он знал все! Но он все-таки долгое время был ближе всех нас к Сталину, и многие люди, которые работали рядом с ним, которым он доверял и которых уважал, были уничтожены. Зная Анастаса Ивановича, его проницательный ум и его умение обобщать факты, думаю, что если он и не знал всего, то догадывался и допускал, что имелось мало обоснований к тем арестам и особенно казням, которые были произведены во времена правления Сталина. Мне дает основание думать так, в частности, беседа с Анастасом Ивановичем, когда он рассказывал мне о разговоре с Орджоникидзе накануне его гибели.

Мне тогда как члену комиссии по похоронам Серго председатель этой комис-

сии Абель Сафронович Енукидзе объяснил, что Серго умер скоропостижно от разрыва сердца. Конечно, он объяснял мне так, как приказал Сталин. Позже, совершенно случайно, я как-то в кабинете Сталина стал восхищаться Серго. Это произвело плохое впечатление, мне никто не возразил, но все притихли, приумолкли. Потом Маленков объяснил мне, что Серго застрелился. Конечно, в то время, когда погиб Серго, он тоже ничего этого не знал, ибо тогда был дальше от Сталина, чем я. Но во время Великой Отечественной войны он узнал об этом из случайных разговоров у Сталина. Микоян же рассказывал, уже после смерти Сталина, что Орджоникидзе застрелился в воскресенье, а накануне, в субботу, они гуляли по Кремлю и беседовали. Во время беседы Серго заметил, что не может дальше жить: бороться со Сталиным невозможно, а терпеть то, что он делает, нет сил.

Почему мы создали комиссию Пospelова? Я рассуждал так: мы идем к съезду партии, первому съезду после смерти Сталина. На этом съезде мы должны взять на себя обязательства по руководству партией и страной. Для этого надо точно знать, что делалось прежде и чем были вызваны решения Сталина по тем или иным вопросам. Особенно это касалось людей, которые были арестованы. Вставал вопрос, за что они сидели? И что с ними делать дальше? Тогда в лагерях находилось несколько миллионов человек. Уже прошло три года после смерти Сталина. За эти годы мы не смогли порвать с прошлым, не смогли набраться мужества, обрести внутреннюю потребность приоткрыть полог и заглянуть, что же там на деле за этой ширмой? Что кроется за всем тем, что происходило при Сталине? Что означают бесконечные аресты, суды, произвол, расстрелы? Мы сами были скованы своей деятельностью под руководством Сталина и еще не освободились от посмертного давления, хотя и не могли представить себе, что все эти расстрелы могли оказаться необоснованными, что это, говоря юридическим языком, сплошное преступление. А ведь это так!

Сталиным были совершены уголовные преступления, которые наказуются в любом государстве, за исключением тех, где не руководствуются никакими законами. Получалась двойственная ситуация: Сталин умер, его мы похоронили, а безвинные люди находились в ссылке... Следовательно, все в порядке? Продолжается старая политика и все, что было сделано при Сталине, одобряется? Даже несправедливые аресты и казни? Людей, которые умерли заклейменными как «враги народа», никто и не думал реабилитировать.

Наиболее информированными об истинных размерах и причинах сталинских репрессий были, как я считаю, Молотов, Ворошилов и Каганович. Полагаю, что Сталин обменивался с ними мнением на этот счет. Хотя Каганович, вероятно, всех тонкостей не знал. Вряд ли Сталин с ним откровенно делился. Такой подхалим, как Каганович, да он отца родного зарезал бы, если бы Сталин лишь моргнул и сказал бы, что это необходимо сделать в интересах какого-то сталинского дела. Сталину и не требовалось втягивать Кагановича: тот сам больше всех кричал, где надо и где не надо, из кожи вон лез в угодничество перед Сталиным, арестовывая направо и налево и разоблачая «врагов». Когда он пришел в Наркомпути, то развернулся там в полную силу.

После долгой истерии охоты на «врагов народа» мы так и не смогли психологически сбросить груз прежнего до 1956 г., все еще верили в версии, которые создавал Сталин, верили, что в собственной стране мы окружены «врагами народа» и надо с ними бороться, защищать революцию. Мы по-прежнему находились на позиции обострения классово-борьбы, как это было теоретически обосновано и практически осуществлено Сталиным. А когда пришли к решению создать проверочную комиссию, и она дала свои материалы, эти материалы сделали секретными. Потом, на XX съезде партии, по ее материалам был сделан мною доклад. Копию доклада разослали по партийным организациям и приняли меры, чтобы разосланные документы не могли где-то на местах остаться.

Мы дали их также для ознакомления братским компартиям. В том числе получила их ПОРП. В Польше как раз тогда умер ее руководитель Берут. После его смерти там вспыхнули волнения, и названный документ попал в руки тех поляков, которые стояли на позиции недружелюбия к Советскому Союзу. Они использовали этот документ в своих целях и размножили его. Мне говорили даже, что поляки его продавали задешево. Доклад Хрущева, сделанный на закрытом заседании XX съезда КПСС, ценился недорого. Его просто покупали на базаре, включая людей

из всех стран мира. Таким образом этот документ был обнародован. Помню, как меня спросили тогда журналисты, что, мол, Вы можете сказать по этому поводу? Я ответил им, что такого документа не знаю и пусть на этот вопрос отвечает разведка США. А как я должен был ответить, если речь шла о секрете?

Итак, мы подошли вплотную к очередному съезду партии. Я отказывался от отчетного доклада и считал, что раз мы провозгласили коллективное руководство, то отчетный доклад должен делать не обязательно секретарь ЦК. Поэтому на очередном заседании Президиума ЦК я предложил решить, кто будет делать отчетный доклад. Все, в том числе Молотов (а он как старейший среди нас имел более всего оснований претендовать на роль докладчика), единогласно высказались за то, чтобы доклад сделал я. Видимо, тут сыграло свою роль то обстоятельство, что по формальным соображениям именно Первый секретарь Центрального Комитета обязан выступить с отчетом. Если же обратиться к другому докладчику, то могло оказаться много претендентов, что вызовет сложности. После смерти Сталина среди нас не было человека, который считался бы признанным руководителем. Претенденты были, но признанного всеми лидера не имелось. Поэтому и поручили сделать доклад мне.

Я подготовил доклад, его обсудили на Пленуме ЦК и одобрили. Доклад явился плодом коллективного творчества, к его составлению были привлечены большие силы в самом ЦК, из научно-исследовательских институтов и ряда других органов, а также те лица, которые обычно привлекались к составлению отчетных докладов. Начался съезд. Состоялся доклад. Развернулись прения. Съезд шел хорошо. Для нас это было, конечно, испытанием. Каким будет съезд после смерти Сталина? Но все выступавшие одобряли линию ЦК, не чувствовалось никакой оппозиции, ходом событий не предвещалось никакой бури. Я же все время волновался, несмотря на то, что съезд шел хорошо, а доклад одобрялся выступавшими. Однако я не был удовлетворен. Меня мучила мысль: «Вот кончится съезд, будет принята резолюция, и все это формально. А что дальше? На нашей совести останутся сотни тысяч безвинно расстрелянных людей, включая две трети состава Центрального Комитета, избранного на XVII съезде. Мало кто уцелел, почти весь партийный актив был расстрелян или репрессирован. Редко кому повезло так, что он остался живым. Что же теперь?»

Записка комиссии Пospelова сверлила мне мозг. Наконец, я собрался с силами и во время одного из перерывов, когда в комнате Президиума ЦК находились только его члены, поставил вопрос: «Товарищи, а как быть с запиской Пospelова? Как быть с прошлыми расстрелами и арестами? Кончится съезд, и мы разъедемся, не сказав своего слова? Ведь мы уже знаем, что люди, подвергавшиеся репрессиям, были невинны и не являлись «врагами народа». Это честные люди, преданные партии, революции, ленинскому делу строительства социализма в СССР. Они будут возвращаться из ссылки. Мы же держать их теперь там не станем. Надо подумать, как их вернуть с честью». Мы к тому времени еще не приняли решения о пересмотре дел и возврате невинно заключенных домой.

Как только я кончил говорить, сразу все на меня набросились. Особенно Ворошилов: «Что ты? Как это можно? Разве возможно все это рассказать съезду? Как это отразится на авторитете нашей партии, нашей страны? Этого же в секрете не удержишь. И нам тогда предъявят претензии. Что же мы скажем о нашей личной роли?» Очень горячо возражал и Каганович, и тоже с тех же позиций. Это были позиции не глубокой партийности, а шкурные. Это было желание уйти от ответственности, и если состоялось преступление, то замять его и прикрыть.

Я им: «Это невозможно, если даже рассуждать с ваших позиций. Невозможно скрыть. Люди будут выходить из тюрем, приезжать к родным, расскажут родственникам, знакомым, друзьям, товарищам, как все было, и станет достоянием всей страны и всей партии, что те, кто остался в живых, были репрессированы невинно. Люди отсидели по 15 лет, а кое-кто и гораздо больше, и совершенно ни за что. Все обвинения были выдумкой. Умолчать невозможно. Потом прошу подумать и над вот чем: мы проводим первый съезд после смерти Сталина. Считаю, что именно на таком съезде мы должны чистосердечно рассказать всю правду о жизни и деятельности нашей партии и Центрального Комитета за отчетный период. Мы отчитываемся сейчас за период после смерти Сталина, но как члены ЦК обязаны сказать и о сталинском периоде. Мы же были в руководстве страны вместе со Сталиным.

Когда от бывших заключенных партия узнает правду, нам скажут: позвольте, как же это так? Состоялся XX съезд, и там нам ни о чем не рассказали. И мы ничего не сумеем ответить. Сказать, что мы ничего не знали, будет ложь: ведь мы теперь знаем обо всем правду, и о репрессиях, ничем не обоснованных, и о произволе Сталина».

В ответ опять очень бурная реакция. Ворошилов и Каганович повторяли без конца: «Нас притянут к ответственности. Партия обретет право притянуть нас к ответственности. Мы входили в состав руководства, и если мы не знали всей правды, так это наша беда, но ответственны мы за все». Я им: «Если рассматривать нашу партию как партию, основанную на демократическом централизме, то мы, ее руководители, не имели права не знать. Я, да и многие другие, находились в таком положении, что, конечно, не знали многого, потому что был установлен такой режим, когда ты должен знать только то, что тебе поручено, а остального тебе не говорят, и не суй носа дальше этого. Мы и не совали нос. Но не все были в таком положении. Некоторые из нас знали, а некоторые даже принимали участие в решении этих вопросов. Поэтому здесь степень ответственности разная. Я лично готов как член ЦК партии с ее XVII съезда и как член Политбюро с ее XVIII съезда нести свою долю ответственности, если партия найдет нужным привлечь к ответственности тех, кто был в руководстве во времена Сталина, когда допускался произвол».

Со мной опять не соглашались. Возражали: «Да ты понимаешь, что произойдет?». Особенно крикливо реагировали Ворошилов и Молотов. Ворошилов доказывал, что вообще не надо делать этого: «Ну, кто нас спрашивает?» — повторял он. Снова я: «Преступления-то были? Нам самим, не дожидаясь других, следует сказать, что они были. Когда нас будут спрашивать, то уже станут осуждать. Я не хочу этого и не буду брать на себя такую ответственность».

Но согласия никакого не было, и я увидел, что добиться правильного решения от членов Президиума ЦК не удастся. В Президиуме же съезда мы пока этот вопрос не поставили, пока не договорились внутри Президиума ЦК. Тогда я выдвинул такое предложение: «Идет съезд партии. Во время съезда внутренняя дисциплина, требующая единства руководства среди членов ЦК и членов Президиума ЦК, уже не действует, ибо съезд по значению выше. Отчетный доклад сделан, теперь каждый член Президиума ЦК и член ЦК имеет право выступить на съезде и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой зрения отчетного доклада». Я не сказал, что выступлю с сообщением о записке комиссии. Но, видимо, те, кто возражал, поняли, что я могу выступить и изложить свою точку зрения касательно арестов и расстрелов. Сейчас не помню, кто после этого персонально поддержал меня. Думаю, что это были Булганин, Первухин и Сабуров. Не уверен, но думаю, что, возможно, Маленков тоже поддержал меня. Он был секретарем ЦК по кадрам, его роль в этом деле была довольно активной. Он, собственно, и помогал Сталину выдвигать кадры, а потом уничтожать их. Я не утверждаю, что он проявлял личную инициативу в репрессиях. Вряд ли. Но в тех краях и областях, куда Сталин посылал Маленкова для наведения порядка, тысячи людей были репрессированы и многие из них казнены. Тем не менее, Маленков мог теперь поддержать меня.

Кто-то проявил инициативу: «Раз вопрос ставится так, видимо, лучше сделать еще один доклад». Тут все неохотно согласилось, что придется делать. Я сказал им: «Даже у людей, которые совершили преступления, раз в жизни наступает такой момент, когда они могут сознаться, и это принесет им если не оправдание, то снисхождение. Если даже с этой позиции рассматривать вопрос о докладе насчет злоупотреблений, совершенных Сталиным, то такой доклад можно сделать только сейчас, на XX съезде. На XXI съезде уже будет поздно, если мы вообще сумеем дожить до того времени и с нас не потребуют ответа раньше. Поэтому лучше всего сделать второй доклад теперь».

Тогда возник вопрос, кто же должен делать доклад. Я предложил, чтобы это был Пospelов, и аргументировал свое предложение тем, что он изучил этот вопрос как председатель комиссии и составил записку, которой мы, собственно, и пользуемся. Поэтому ему не нужно готовиться: он может переделать записку в доклад и прочтет его съезду. Другие (не помню, кто персонально) стали возражать и предложили, чтобы этот доклад сделал тоже я. Мне было неудобно: ведь в отчетном докладе я ни слова об этом не сказал, а потом делаю еще и второй доклад? И я отка-

зался. Но мне возразили: «Если сейчас выступишь не ты, а Пospelов, тоже как один из секретарей ЦК, то возникнет вопрос: почему это Хрущев в своем отчетном докладе ничего не сказал, а Пospelов выступил по такому важному вопросу в прениях? Не мог же Хрущев не знать его записки или не считаться с важностью вопроса. Значит, по этому вопросу имеются разногласия в руководстве? А Пospelов выступил только с собственным мнением?» Этот аргумент пересилил, и я согласился. Было решено, что я выступлю с докладом по теме записки. Мы устроили закрытое заседание во время прений по отчету ЦК, там я и сделал второй доклад.

Съезд выслушал меня молча. Как говорится, слышен был полет мухи. Все оказалось настолько неожиданным. Нужно было, конечно, понимать, как делегаты были поражены рассказом о зверствах, которые были совершены по отношению к заслуженным людям, старым большевикам и молодежи. Сколько погибло честных людей, которые были выдвинуты на разные участки работы! Это была трагедия для партии и для делегатов съезда. Вот как родился доклад на XX съезде КПСС о злоупотреблениях со стороны Сталина.

Считаю, что вопрос был поставлен абсолютно правильно и своевременно. Не только не раскаиваюсь, как кое-кто может думать, но доволен, что правильно уловил момент и настоял, чтобы такой доклад был сделан. Ведь все могло произойти иначе, мы находились в шоке, а людей держали по-прежнему в тюрьмах и лагерях. Мы создали в 1953 г., грубо говоря, версию о роли Берии: что, дескать, Берия полностью отвечает за злоупотребления, которые совершились при Сталине. Это тоже было результатом шока. Мы тогда никак еще не могли освободиться от идеи, что Сталин — друг каждого, отец народа, гений и прочее. Невозможно было сразу представить себе, что Сталин — убийца и изверг. Поэтому после процесса над Берией мы находились в плену этой версии, нами же созданной в интересах реабилитации Сталина: не бог виноват, а угодники, которые плохо докладывали богу, а потому бог насылал град, гром и другие бедствия. Народ страдал не потому, что бог того хотел, а потому, что плох был Николай-угодник, Илья-пророк, Берия и прочие.

Еще и сейчас иной раз встречаются люди, которые ставят вопрос: «А может быть, не надо было рассказывать о Сталине?» Это вовсе не соучастники Сталина в злодеяниях, а простые люди: они привыкли к тому, что молились на Сталина, и сейчас им трудно. Обычно такие вопросы задают старые люди. Они сжились с былым, им трудно отрешиться от прежних понятий и аргументации сталинских времен. Это тоже один из недостатков воспитания членов партии. Все методы воспитания в партии Сталин приспособлял к себе, к своей деятельности: подчинение без рассуждений, абсолютное доверие. Идти на смерть без сомнений, конечно, во время войны хорошо, но это потом всегда поворачивается обратной стороной, потому что человек, верящий тебе без рассуждений, когда узнает, что его доверие обмануто, становится твоим же врагом. Это очень опасно. Я всегда стоял, а сейчас тем более стою за правдивость, абсолютную правдивость перед партией, комсомолом и всем народом. Только в этом заключается неисчерпаемый источник силы партии, только так можно завоевать доверие народа. Узнают люди, что партия обманывала широкие массы, наступит партии конец.

Сейчас я часто слушаю радио. Радио — это мой спутник во время прогулок. От него я получаю и информацию, и удовольствие. Я люблю народную музыку, народные песни. Кое-что нравится мне и из современной музыки. Но, каюсь, видимо, человек в моем возрасте больше склоняется к тому, на чем он был воспитан в молодости. Особенно в хорошее настроение прихожу от пения Людмилы Зыкиной, это моя любимая певица. Слушаю и другие передачи. Передач очень много, большинство хороших, но встречается и дребедень, которая лишь засоряет эфир.

Однажды я услышал чтение одной из последних глав романа Шолохова «Они сражались за Родину». Михаил Александрович верен своим творческим приемам: историю периода злоупотреблений Сталина, его расправ над верными и честными кадрами, воспитанными Лениным, он передает в форме беседы двух рыбаков. Сидят они и разговаривают. Один задает другому вопрос: «Как понимать товарища Сталина? Говорят, что он проглядел. А сколько людей было наказано, сколько казнено! Как мог Сталин допустить это?» «Да, трудно понять», — отвечает другой. Тогда первый опять спрашивает: «А не Берия ли тут главный виновник? Ведь он все Сталину докладывал?» И ответ: «Да, все дело в Берии».

Михаил Александрович — умный человек и хороший писатель. Но тот факт,

что он навязывает подобное понимание трагедии партии и народа, когда столько людей погибло от руки Сталина, конечно, не является украшением этого автора. Тут ведь элементарная вещь: не Берия создал Сталина, а Сталин создал Берию, Сталин выдумал Берию, как раньше создал Ежова, а еще раньше Ягоду. Все они последовательно сходили со сцены. Одни «герои», созданные Сталиным, заменялись другими, и это тоже было логичным для Сталина. Сталин чужими руками уничтожал честных людей и знал, что они чисты перед народом и перед партией. Эти люди гибли в результате только того, что он их боялся и не доверял им. Поэтому надо было постепенно убирать одних душителей и заменять другими. Так сложилось три эшелона карателей: сперва Ягода, затем Ежов, потом Берия.

На Берии это оборвалось. Точнее говоря, не на самом Берии, а в результате смерти Сталина. Берия же предстал перед судом народа как преступник. Но мы тогда еще находились в плену у мертвого Сталина и, даже когда многое узнали после суда над Берией, давали партии и народу неправильные объяснения, все свернув на Берию. Нам он казался удобной для того фигурой. Мы делали все, чтобы выгородить Сталина, хотя выгораживали преступника, убийцу, ибо еще не освободились от преклонения перед Сталиным.

Впервые я по-настоящему почувствовал ложность нашей позиции, когда приехал в Югославию и беседовал там с Тито и другими товарищами. Когда мы затронули этот вопрос и сослались на Берию, они стали улыбаться и подавать иронические реплики. Это нас раздражало, и мы, защищая Сталина, вступили в большой спор, дошедший даже до скандала. Потом я публично выступил в защиту Сталина и против югославов. Сейчас всем ясно, что это было неправильно, тут у меня была позиция человека, который не осознал необходимости разоблачить до конца преступления Сталина, чтобы подобные методы действий никогда не могли вернуться в нашу партию. Тот, кто действительно хочет установления в нашей партии ленинских порядков, а не сталинских, должен приложить все силы к разоблачению Сталина и осуждению сталинских методов. Необходима реабилитация тех честных людей, из которых многие еще не реабилитированы, и разоблачение творившихся ранее беззаконий, с тем чтобы даже призрак подобных методов не мог подняться из могилы.

Удивляюсь некоторым крупным военачальникам, которые в своих воспоминаниях хотят обелить Сталина и представить его отцом народа, доказать, что если бы не он, то мы не выиграли бы войну и подпали под пяту фашистов. Это глупые рассуждения, рабские понятия. Что же теперь, когда нет Сталина, мы подпадем под немецкое, английское или американское влияние? Нет, никогда. Народ выдвинет новых руководителей и сумеет постоять за себя, как это было всегда. Несуразность таких рассуждений не нуждается в особом доказательстве.

Помню, как выступал на каком-то собрании один наш военачальник и, говоря добрые слова о Сталине, тут же возвеличивал и Блюхера. А другие, говоря о Сталине, тут же возвеличивали Тухачевского. Товарищи, надо же сводить концы с концами! Нельзя на один пьедестал ставить убийцу и его жертвы. Кто такой Блюхер? Герой гражданской войны, военный самородок, слесарь, выдвинувшийся в крупного полководца. Он получил орден Красного Знамени № 1. Одно это говорит о том, кем был Блюхер. Потом как один из лучших советских командармов он был послан в Китай военным советником к Сунь Ятсену. И вдруг он расстрелян! Нельзя говорить одновременно о Сталине и Блюхере, умалчивая о причинах гибели Блюхера. Нельзя закрывать глаза, считать, что никто ничего не видит. Подобные поступки могут вызвать только недоверие.

Когда я был как-то в Болгарии, то в одном из своих выступлений привел слова Пушкина, в произведении которого беседуют Моцарт и Сальери. Моцарт, не подозревая, что Сальери готовится его отравить, говорит: Гений и злодейство несовместимы. Верно! Так и со Сталиным. Нельзя сочетать гения и убийцу в одном лице. Нельзя объединять тысячи жертв с их убийцей, ничего не объясняя насчет Сталина. Нельзя на одном пьедестале возводить два памятника. Злодейства были учинены Сталиным! По каким мотивам — другой вопрос. Некоторые аргументируют так: это было сделано не в корыстных личных целях, а в качестве заботы о своем народе. Ну и дикость! Заботясь о народе, убивать лучших его сынов! Довольно дубовая логика. Правда, находить аргументы, оправдывающие убийц, всегда было сложно.

В моем докладе на XX съезде партии ничего не было сказано об открытых процессах 30-х годов, на которых присутствовали представители братских коммунистических партий. Тогда судили Рыкова, Бухарина, других вождей народа. Они заслуживают того, чтобы называться вождями. Взять, например, Рыкова. Он после смерти Ленина стал председателем Совета Народных Комиссаров СССР, имел большие заслуги перед партией, перед народом и достойно представлял Советскую власть. А его судили и расстреляли. А Бухарин? Бухарин был одним из любимцев партии. По его книгам старшее поколение членов ВКП(б) обучалось марксистско-ленинскому уму-разуму. Бухарин много лет был редактором газеты «Правда». Ленин любовно называл его: «Наш Бухарчик». Или Зиновьев и Каменев. Да, у них имелись октябрьские ошибки 1917 года. Это всем известно, но известно и другое. Зиновьев и Каменев были привлечены Лениным к работе в Политбюро ЦК партии и наряду с другими руководили ею. Когда Советское правительство переехало в Москву, Зиновьев остался в Петрограде. Ему было доверено руководство колыбелью революции, городом, который поднял знамя восстания в октябре 1917 года. Каменеву же была доверена Москва. Он был, в частности, председателем Моссовета. Вот как относился к ним Ленин после ошибок, которые ими были допущены.

Иной раз слышу по радио в какой-то связи: Ленин то-то поручил Ломову. А где этот Ломов? Я Ломова хорошо знал, неоднократно встречался с ним, когда работал в Донбассе, уже после гражданской войны. Тогда он возглавлял добычу угля в Донбассе. Я часто бывал на совещаниях у него, в Сталино или в Харькове, где находилось его управление. Это был очень уважаемый в партии человек с дореволюционным подпольным стажем. Где же Ломов? Расстрелян. Нет Ломова. Я уже говорил о Кедрове, Тухачевском, Егорове, Блюхере, о других. Можно составить целую книгу только из одних фамилий крупнейших военных, партийных, советских, комсомольских и хозяйственных руководителей, дипломатов, ученых. Все это были люди честные. Они стали жертвами Сталина, жертвами произвола без всяких настоящих доказательств их вины, без всяких оснований.

В вопросе об открытых процессах 30-х годов тоже сказались двойственность нашего поведения. Мы опять боялись договорить до конца, хотя не вызывало никаких сомнений, что эти люди невиновны, что они были жертвами произвола. На открытых процессах присутствовали руководители братских компартий, которые потом свидетельствовали в своих странах справедливость приговоров. Мы не захотели дискредитировать их заявления и отложили реабилитацию Бухарина, Зиновьева, Рыкова, других товарищей на неопределенный срок. Думаю, что правильнее было договаривать до конца. Шила в мешке не утаишь! Главное достижение XX съезда партии — то, что он начал процесс очищения партии и возвращения ее к тем нормам жизни, за которые боролись Ленин и другие лучшие сыны нашей страны.

Часть несправедливо осужденных была освобождена, как только умер Сталин. Берия поднял тогда этот вопрос, подработал его, внес соответствующее предложение, и мы согласились с ним. Но оказалось, что им одновременно освобождены были уголовники: убийцы, грабители, мерзавцы и всякие другие подлые люди. Когда они вернулись по месту своего жительства, то возобновили грабежи и убийства. Ропот пошел в народе, что выпустили воров и убийц, и они делают свое грязное дело. К тому времени Берия уже был разоблачен и осужден. Поэтому именно нам приходилось давать народу разъяснения. Мы и сами видели, что сделано было неправильно, и хотя внес предложение Берия, но решение принимали правительство и ЦК, так что мы все несли ответственность за него. Сколько этих субъектов было освобождено, боюсь сказать, однако во всяком случае огромная армия.

Политические же заключенные и ссыльные остались в тюрьмах и в ссылках. Берия поднял даже вопрос о том, чтобы принять закон, который давал бы право Министерству внутренних дел, то есть Берии, по своему усмотрению решать, куда возвращаться этим людям после отбытия срока наказания. Я уже рассказывал, как я категорически запротестовал, и все меня поддержали. В результате свое предложение Берия отозвал. Что касается судьбы всех политических, то когда Генеральный прокурор Руденко доложил мне об отсутствии вины за ними, я его спросил: «Как же так? Я сам слышал, как они признавались в преступлениях, в которых их обвиняли». Руденко улыбнулся: «Тут искусство тех, кто вел следствие и кто прово-

дил суд. Видимо, доводили людей до такого состояния, что у них имелся единственный способ покончить со страданиями и издевательствами — признаться, а следующим шагом была смерть».

После XX съезда КПСС

Сразу же после XX съезда партии начались переживания во всех компартиях, особенно во французской и итальянской. Оно и понятно, потому что там большие, массовые пролетарские партии, а на процессах «врагов народа» присутствовали Торез и Тольятти, которые потом свидетельствовали на родине, что обвинения доказаны. А тут все наоборот! Это обстоятельство и заставило нас не публиковать материалы открытых процессов, хотя тут тоже никаких преступлений не имелось и приговоры носили волевой характер и не были основаны на доказанности преступлений, в которых обвиняемые «признавались».

Стали набегать тучки и в Польше. За Польшей потянулась Венгрия. После смерти польского лидера Берута я, будучи уполномочен Центральным Комитетом КПСС, ездил в Варшаву, когда там проходил пленум ЦК ПОРП. Я на этом пленуме не присутствовал, чтобы не обвинили СССР, что он вмешивается во внутренние дела братской партии. Заседания проходили очень бурно, члены ЦК ПОРП выражали недовольство Советским Союзом. Мне об этом рассказывали близкие нам люди из их ЦК. Это нам не приносило радости, но мы считали, что проявление демократии — факт положительный. Однако через некоторое время там произошли события, которые стали нас беспокоить.

На пленуме, о котором я говорил, Первым секретарем ЦК ПОРП избрали Охаба. С Охабом у нас сложились хорошие личные отношения. Я с уважением относился к нему, да он по данным вполне заслуживал того. Старый коммунист, прошедший школу польских тюрем. И поначалу мы считали, что он достоин доверия. После его избрания Первым секретарем мы беседовали с ним, и я поставил вопрос: «Почему у вас сидит в тюрьме Гомулка? Когда я об этом говорил с Берутом, он ответил мне так: я и сам не знаю, за что он сидит и в каких преступлениях обвиняется. Может быть, вы подумали бы о его освобождении?» Тут Охаб начал мне доказывать, что освободить невозможно. У них сидел не один Гомулка: еще и Спыхальский, и Лога-Совиньский, и Клишко, многие сидели. Это меня беспокоило, и я никак не мог понять, почему они содержатся в тюрьме. Я побеседовал почти со всеми членами руководства ПОРП, и все они доказывали, что сделать ничего не могут, нельзя тех выпускать.

Через какое-то время Охаб с делегацией поехал в Китай по какому-то случаю. Когда они возвращались оттуда через Москву, я опять беседовал с Охабом. К тому времени Гомулка уже был освобожден из тюрьмы, и я спросил Охаба: не возражает ли он против того, чтобы мы пригласили Гомулку приехать в Советский Союз, отдохнуть на берегу Черного моря, в Крыму или на Кавказе, где имеются более благоприятные климатические условия для отдыха, чем в Польше. Он ответил что-то невразумительное и уехал в Варшаву. Меня это не успокоило, а даже несколько взволновало. И буквально через несколько дней мы узнали от нашего посла, что в Польше развернулись бурные события, что поляки поносят СССР и чуть ли не готовят переворот, в результате которого к власти придут люди, настроенные антисоветски. Возникла угроза нашим коммуникациям, которые проходили через Польшу в ГДР. Но события в Польше нас очень беспокоили и по ряду других причин, и мы решили принять меры, обеспечивающие нам свободный доступ в Польшу и наши связи с советскими войсками в ГДР.

Мы наметили делегацию для поездки в Польшу, а перед отъездом позвонили полякам. Обстановка там продолжала накаляться. В польской печати широко критиковался СССР, который якобы обирает Польшу, покупая у нее уголь по заниженным ценам и продавая ей железную руду по завышенным. Такие факты действительно имели место при Сталине, когда со странами народной демократии мы торговали не по мировым ценам, а по произвольно установленным. Польские руководители не рекомендовали нам приезжать сейчас. Но это еще больше подогрело наше беспокойство, раз поляки ясно показали, что не хотят с нами встречаться. И

мы решили немедленно ехать представительной делегацией: Хрущев, Микоян, Булганин и еще кто-то.

Прилетели мы в Варшаву. Там нас встретили Охаб, Гомулка, другие товарищи. Встреча была очень холодной. На лице Охаба была заметна большая озабоченность. Все вместе поехали в резиденцию, дворец в Лазенках, где и начался разговор в резких, повышенных тонах. Мы высказали свою тревогу ростом антисоветских настроений в Польше и заявили, что полны решимости обеспечить свои коммуникации с группой советских войск в ГДР. Это был с нашей стороны откровенный нажим. Охаб вскипел: «Что вы предъявляете мне претензии? Я теперь уже не секретарь ЦК. Спрашивайте других». И показал на Гомулку. В словах Охаба сквозило неприкрытое недовольство. У нас сложилось тогда тяжелое впечатление о положении в польском руководстве. Мы не знали толком ситуации и боялись, что к власти придут люди, которые поведут антисоветскую политику. А мы не хотели, чтобы у нас с Польшей опять сложились такие отношения, как до войны, которые были еще свежи в нашей памяти.

Гомулка старался рассеять наши подозрения. Он соглашался, что положение в Польше сложное, и оно усугубляется ростом антисоветских настроений. Но он заверял нас, что дружба с СССР жизненно необходима для Польши и что наши связи нерушимы. Уверял, что в скором времени волна недовольства схлынет и положение нормализуется. Однако потом начали нарастать такие же события в Венгрии. Тогда у нас имелись, на мой взгляд, две компартии, в которых было неблагополучно с их руководством. В Венгрии в сталинское время тоже много людей арестовали, причем я и сейчас считаю, что не столько по инициативе Ракоши, сколько по инициативе Сталина. Это делалось через наших советников, которых Сталин насадил и в Польше, и в Венгрии, и в других братских странах. Через них он действовал там теми же методами, которыми действовал в собственной стране. После переговоров в Варшаве мы вернулись в Москву под впечатлением какого-то нервного, но искреннего заявления Гомулки, что Польше дружба с Советским Союзом нужна больше, чем СССР — дружба с Польшей. Разве мы не понимаем своего положения, говорил он, ведь нам сейчас без СССР не удержать своих западных границ. Мы рассматриваем у себя сейчас внутренние вопросы, отношения же с Советским Союзом останутся неизменно дружескими и союзническими. Хотя он говорил это в повышенном тоне, но так, что не поверить ему было трудно. И я поверил ему, заявив своим товарищам: «Думаю, что у нас нет оснований не верить Гомулке. Он избран Первым секретарем ЦК ПОРП. К нему большинство польских товарищей относится с доверием. Мне кажется, что заявление Гомулки будет поддержано другими. Ведь он говорил нам это не доверительно, а открыто, выступив на заседании руководства. Все это слышали. Надо полагать, что раз никто не возразил, то все согласны». Однако долгое еще время ситуация в Польше была напряженной и очень нас беспокоила.

Перед нами вставали и другие стороны наших отношений с соседями. В настоящее время самый серьезный вопрос — качество нашей продукции. К сожалению, мы никак не можем догнать капиталистические страны. А чтобы успешно соревноваться с ними, сделать социализм привлекательным для людей, у нас все должно быть наилучшим. Нам же приходится идти на поклон к капиталистам. Это позор. К сожалению, возьмите наши радиоприемники, магнитофоны, автомашины. Каковы они? Вот мы отметили 50-летие Октябрьской революции покупкой у «гнилого капитализма» автозавода марки «Фиат». Такие автомашины наверняка там устарели, а капиталисты не дураки: они продают нам ту модель, которую уже снимают с производства, сами же заложили новую. К сожалению, не можем мы еще работать, как следует, не можем. Скажут, что мы были прежде отсталыми. Но те отсталые, которые жили когда-то в России, давно вымерли. Возьмите Японию: она была совершенно разорена после войны, а сейчас заняла ведущее место в мире. Спорит в вопросах технического прогресса с США и Западная Германия, тоже отчасти лежавшая в руинах.

Правда, в некоторых областях науки и техники мы находимся впереди. Например, изобрели непрерывную разливку стали. Мы даже в США продали лицензию. Но такие примеры единичны в сравнении с тем, что мы там покупаем. Когда мы налегли на развитие добычи нефти, нам понадобились бурильные установки. Мы делаем хорошие установки, однако американские установки не идут ни в какое

сравнение с нашими. Тут США далеко обогнали Советский Союз. Отличные бурильные установки делают и в Румынии. Я спросил об этом Георгиу-Дежа. Он засмеялся: у нас, говорит, есть в США некий румын, капиталист в нефтяной промышленности. Он помог нам выкрасть американские чертежи. Получилась румынская установка по американским чертежам. Мы хотели купить в Румынии эти чертежи. Говорю Георгиу-Дежу: «Дайте нам чертежи». Он: «Возьмите». Возьмите... У румын между словами «возьмите» и «получите» — очень большая дистанция.

Вообще же румыны молодцы. Они быстро стали развивать свою промышленность, столь же быстро создали колхозы, причем хорошие. Румыния по своей культуре стояла раньше ниже других стран Восточной Европы, там было больше, например, неграмотных крестьян. Но, несмотря на это, она вскоре поднялась. Конечно, румыны имеют более выгодные природные условия, чем ряд других социалистических стран. У них, в частности, много нефти, газа, леса, хлеба. Другие социалистические страны и себя-то продовольствием не всегда обеспечивают, а румыны хлеб экспортируют. Часто на румын обижаются у нас за то, что они продают хлеб капиталистическому миру, а не отдают его другим социалистическим странам. Но если бы, к примеру, поляки имели лишнее зерно, они бы, наверное, поступили еще умнее, чем румыны. Они могли бы продавать хлеб ГДР за валютные товары. А ведь каждое государство хочет иметь валюту и выйти на мировой рынок. Поэтому на румын нельзя обижаться.

В этой связи я вспомнил, как однажды приехал к нам Гомулка и просил продать ему сверх плана пшеницу, а у нас самих было тогда хлеба в обрез. Я вижу, он хитрит, не говорит всей правды, и заметил: «Вот вы хотите купить пшеницу, а я-то знаю, что Польша продовольственной пшеницей обеспечена. Вы хотите купить у нас зерно, чтобы откармливать свиней и продавать бекон Америке». Он замаялся, потом отвечает: «Да». «И вы думаете, что это умеют делать только поляки, а русские — дураки? Вы купите зерно в Канаде, у них его сколько хочешь, переводите на бекон и продавайте». «Так там же валюту надо платить». То-то. Вот в чем вопрос. Взаимоотношения между социалистическими странами тоже могли быть очень сложными, и по разным поводам. После этого разговора с Гомулкой мы все же дали ему зерно. А разве это единственный такой случай, когда СССР отнимал у себя, чтобы поддержать друзей?

Сколько раз, бывало, согласуем наши планы, а потом Гомулка или еще кто-то звонит: «Товарищ Хрущев, прошу принять меня, у меня возникли острые проблемы». Приезжает. «Товарищ Хрущев, вы дали нам столько-то руды с таким-то содержанием железа, но мы план не выполняем. Помогите, дайте руду получше, с большим содержанием железа». А что это значит? Ему даем, а сами перерабатываем руду с меньшим содержанием железа. Или вот болгарские помидоры. Получаем дрянь. Болгары привыкли, что русские съедят всякое дерьмо, извините за выражение, вот и снимают помидоры еще зелеными, а краснеют они при транспортировке. Это же сущая дрянь! Они помидоры в Западную Германию тоже вывозят, но не такие, потому что там их не купят, там конкуренция. А у нас что продадут, то потребитель и съест. Ведь у болгар чудесные помидоры. Болгары — лучшие в мире огородники. Но помидоры хороши, лишь когда их снимают с грядки вечером, а утром подают на стол.

Много разных вопросов возникает в отношениях между социалистическими странами. Если их не ставить и не решать, то даже рассориться можно. Нам бывает обидно от того, что другие социалистические страны смотрят на Советский Союз, как на огромную дойную корову. А ведь мы живем хуже большинства тех стран, которым помогаем. Жизненный уровень определяется потреблением на душу населения. Возьмем, к примеру, потребление мяса. В 1964 г. в ГДР приходилось в год на человека до 75 кг, у чехов — до 65, у поляков под 50, следующими шли венгры, потом лишь Советский Союз, а ниже нас по мясу болгары — по 26 килограммов. Я как-то сказал Ульбрихту: «Вальтер, я не требую уравниловки, но поймите наше положение. Мы победители, мы разбили гитлеровскую Германию и мы даем ГДР зерно и валютные товары, чтобы вы могли продать их за границей, купить себе мясо и обеспечить годовое его потребление в 75 кг на душу населения. А как вы заботитесь о нас?» На такого рода вопросы существенно влияют и политические соображения, особенно в отношении ГДР. Там жизненный уровень должен быть

выше, чем в ФРГ. Только это может привлечь всех немцев на нашу сторону. Но пока не получается.

В данном свете интересна проблема репараций. Западные страны отменили репарации, которые им платила ФРГ, а ГДР продолжала нам выплачивать, чем могла. Когда умер Сталин, мы поставили заново этот вопрос: если мы хотим, чтобы Восточная Германия могла соревноваться по жизненному уровню с Западной, нужно дать ей возможность резко поднять свою экономику. При продолжении выплаты репараций и содержания наших войск в ГДР за ее счет, это будет невозможно. И мы отменили тогда репарации, а содержание наших войск взяли на себя. Полякам это понравилось, и они тоже стали драть с нас шкуру и зарабатывать на том, что наши войска в интересах самой Польши находятся на польской территории. Много сложных проблем существует и во взаимоотношениях между странами народной демократии, как их называли после войны. Польша имеет коксующиеся угли. Однажды чехи обратились к полякам с просьбой поставить им такой уголь. Поляки отказали, а сами продавали коксующийся уголь Франции. Мы вынуждены были отдать Чехословакии такой уголь из своих запасов, иначе там встанет металлургия. Поляки же у нас попросили поставить им дополнительно нефть и мы очертили условие: дадим вам нефть по эквиваленту, если вы дадите Чехословакии коксующийся уголь. Если же не дадите, то мы отдадим нашу нефть Чехословакии, чтобы она продала ее на международном рынке и купила себе коксующийся уголь. Поляки тогда буквально за горло взяли чехов. Если мы присоединимся к такого рода действиям, то задушим поляков, у них съедет промышленность, они не смогут выйти на мировой рынок и конкурировать с капиталистами, у них сразу понизится жизненный уровень, а это обеспечит взрыв народного недовольства. Ведь поляки — не русские, терпеть не любят.

Вспомнил о чехах — и сразу же о том, что у них высокоразвитая промышленность. Когда мы еще ходили под стол без штанов, чехи уже делали такие вещи, которые удивляли мир. Например, их зенитные орудия, с которыми мы прошли всю войну. Нам продал их перед войной знаменитый заводчик Шкода, а мы освоили их производство и изготовляли их до 1945 года. Как-то в 1948 г. Готвальд отдыхал в Крыму со Сталиным. Сталин звонит мне: «Готвальд здесь, приезжайте и вы». Назавтра я прилетел. Собрались у Сталина обедать. Готвальд выпил (он имел к этому слабость) и говорит: «Товарищ Сталин, зачем ваши люди воруют у нас патенты? Вы скажите нам, и мы отдадим все бесплатно. Когда ваши люди воруют, а наши видят, что они воруют, это обижает нас. Мы можем дать вам не только патенты. Принимайте нас целиком в состав Советского Союза, мы с удовольствием вступим в СССР, и все, что у нас есть, будет общим». Сталин отказался от такого принятия, а воровством возмущился. Но на словах, ибо воровать мы продолжали, порой просто по старой привычке, как тот цыган, которого спросили: «Если бы ты был царем, что бы ты сделал?» Он и ответил: «Украл бы сразу табун коней и утек».

Еще один сложный вопрос — расходы на оборону социалистического лагеря. Казалось бы справедливым распределить их равномерно, посчитать, сколько что стоит, разложить в среднем на душу населения, и пусть каждый вносит свой пай. Думаю, что мы бы сократили тогда наполовину военные расходы Советского Союза. А что получается на деле? Мы как-то в рамках Варшавского пакта договорились, что и какая страна должна приобрести для усиления обороноспособности. Какое-то количество танков должна была приобрести Румыния, и она должна была построить сколько-то кораблей на Черном море. Потом министр обороны докладывает мне, что румыны ничего не делают, не выполняют обязательств. Тут к нам обращаются чехи: мы сделали для румын танки, а они их не покупают, говорят, что у них денег нет. Я им: «А у кого есть свободные деньги, чтобы тратить их на оборону? Ни у кого нет. Это же вынужденная необходимость». Мышление-то у румын очень простое: нас защищает Советский Союз, на нас одних никто не нападет, побоятся СССР, пусть русские и тратят деньги на оборону, а мы будем повышать свой жизненный уровень. Но это неверный подход, это чистейший национализм. К сожалению, он имеет место во взаимоотношениях социалистических стран.

Вспоминаю такой характерный случай. Мы стояли в 1943 г. у стен Сталинграда. Армию Паулюса мы уже окружили, а Ульбрихт через громкоговорящую установку обращался к немецким солдатам, чтобы они сдавались в плен. Он долго пропадал по ночам, а когда приходил, мы с ним обедали, и я ему сообщал, сколько сол-

дат сдалось. Иногда шутил: «Сегодня вам обед не положен». «Почему?» «Ни один солдат не сдался». Однажды он приходит и говорит: «Сегодня-то я обед заслужил». А я отвечаю: «Ну да, заслужил. Один солдат сдался в плен, и тот поляк». Я этого поляка лично допрашивал. Он сказал, что сдался потому, что не хочет воевать. И я ему предложил: «У нас формируется польская армия, вступите в нее?» «Нет, пойду в лагерь для военнопленных». «А кто же Польшу будет освобождать?» «Русские освободят». Спокойно так ответил. И я распорядился: «Уберите его к чертовой матери!»

Всегда русские да русские... Если такие иждивенческие настроения будут развиваться и дальше, если все будут надеяться, что русские дадут, что русские защитят, то это может печально кончиться для социалистического лагеря.

Еще один камень преткновения — пограничные проблемы. Сейчас, в свете нашего конфликта с Китаем, опять встал вопрос о границах между социалистическими странами. Эти проблемы существовали всегда. Но впервые в советской истории возник международный конфликт в споре с Китайской Народной Республикой. Обычно всегда удавалось решить проблему, сделав взаимные уступки и спрямляя линию границы. Когда в начале конфликта с Китаем мы искали решение проблемы, то тоже думали уступить ему какую-то территорию взамен равноценной китайской территории в районах, устраивающих обе стороны. Принесли мне перечень претензий, выдвинутых китайцами. Собрались Малиновский, Громыко и я. Думали, что мы сразу все решим. Я взял карандаш и провел линию, которая делила как бы пополам взаимные претензии. Граница получалась более выровненной.

Никаких особых сложностей мы не ожидали, потому что большинство этих районов было безлюдно: ни наши, ни китайцы там не жили. Иногда, может быть, заходили туда охотники и пастухи. Одним словом, чепуховый спор. Но китайцы именно хотели создать конфликт, отказались участвовать в переговорах и предъявили СССР абсурдные требования, заявив свое «право» на Владивосток, Памир и др. Теперь, спустя пять лет, опять мы встретились. В Пекин поехал заместитель министра иностранных дел Василий Кузнецов. Может быть, опять через лет пять встретимся с китайцами. Тут уже конфликт не по существу вопроса о границах, а по существу международной «большой политики». Так что придется терпеть.

Если бы дело заключалось только в границе, то проблему можно было бы легче уладить. С Ираном у нас не было твердо установленной границы еще с царских времен. Мы установили там границу в 1955 году, уступив какие-то районы, где ничего нет, сплошная пустыня. А спор-то был! С иранцами возник только один принципиальный вопрос: судьба поселка Фирюзы в Туркмении. Когда царь устанавливал границу с иранцами, Фирюза должна была отойти к Ирану. Не знаю, почему царь не уступил тогда эту Фирюзу. В советское время туркмены построили там дома отдыха. И когда иранцы теперь поставили вопрос о Фирюзе, мы им сказали: «Давайте решим по-братски. Фирюзу нам сейчас трудно отдать, там много наших домов отдыха, мы это место хорошо развили в сравнении с тем временем, когда возник впервые вопрос. Хотите, мы вместо Фирюзы уступим вам другой район?» Они согласились, подписали договор, и сейчас у нас нет там споров. Ни с какими нашими соседями, кроме Китая, у нас сейчас споров по границам нет. А чего требует Китай?

В Пекине говорят: «Требуем, чтобы в договоре о границах было записано, что прежние границы были установлены при наличии неравноправных соглашений с царской Россией». Такое никакой разумный человек не сможет подписать. Что это значит — неравноправный договор? Если я подписываюсь под такими словами, то должен, следовательно, отказаться от того, чем владел на основе подобного договора. Но все социалистические страны получили свои границы от бывших царей, императоров и королей. Если с этих позиций нам строить свои взаимоотношения, это заведет далеко! Вообще в проблеме границ существует много аспектов, которые можно толковать по-разному, особенно в Европе. У нас с венграми нет пограничных споров, но в советском Закарпатье живет 120 тысяч венгров. Янош Кадар не претендует на их земли. Почему? Венгры в свое время воспользовались случаем, когда Закарпатская Украина входила в состав Австро-Венгерской монархии, и вытеснили украинцев в горы, а сами заняли по Тисе лучшие земли. Как сейчас Кадару востребовать эти земли?

Зато у венгров сильный пограничный спор с югославами. В Югославии живут

два миллиона венгров. У венгров имеется спор и с румынами насчет Трансильвании. Румыны с пеной у рта доказывают, что это истари румынская провинция, а венгры говорят, что Трансильвания всегда была венгерской, там преобладают венгерская культура и мадьярский язык. Румыны перевернули все вверх дном, чтобы начисто искоренить там все венгерское. Большой пограничный спор у Албании с Югославией. Думаю, что албанцев живет в Югославии побольше, чем в самой Албании, но Энвер Ходжа очень боится Югославии. А те албанцы, которые живут в Югославии, смотрят вовсе не на Албанию и в Албанию сами не пойдут. В Югославии-то живется лучше. Да и Тито ведет политику поумнее.

Ходжа — это же просто разбойник. Это разве политик? У него один метод: надеть петлю на шею и вздернуть. Типичная сталинская политика. У него имеются тайные убийцы, которые режут оппозиционеров: поймают на дороге и зарежут. Или ворвутся в дом и зарежут. А Мехмет Шеху? В Албании был прежде реальным секретарем ЦК партии рабочих, очень умный человек. Он являлся создателем Компартии Албании, а его лично задушил Шеху. Почему? Тот занимал позицию создания унии Албании с Югославией. Это была, между прочим, идея Сталина. В свое время, возможно, это было разумно, потом — нет. Но если это кого-то обижает, зачем все же душить?

Возникает также, помимо пограничных, множество иных проблем. Что же это за социализм, в котором надо держать человека на цепи? Какой же это справедливый строй, какой же это рай? В рай все сами хотят попасть. Это не рай, раз из него люди хотят убежать, да дверь заперта. Если бы, как говорится, Бог дал мне продолжить мою деятельность, я бы все двери открыл, открыл бы настежь и двери, и окна. И что, все бы вдруг уехали? Ленин-то открыл советские границы после гражданской войны. Некоторые уехали. Уехали Шаляпин, Андреев, Куприн, другие известные люди. А потом одни вернулись, другие долго просились обратно. Разве может весь народ уехать? А сколько к нам иностранцев приезжает и не возвращается к себе... Почему мы должны бояться всего этого?

Вот — Польша. Там все, кто пожелал уехать, уехали. И что? Многие затем вернулись. Наш посол присылал в свое время телеграммы из Израиля о том, что некоторые люди, выехавшие туда из СССР, просят разрешения вернуться. У меня есть знакомая (несчастный человек, сама при Сталине дважды сидела, мужа расстреляли, брата расстреляли и мужа ее сестры расстреляли, а в войну немцы сожгли ее мать и отца, что может быть хуже?), и она рассказывала мне, что какая-то ее родственница выехала в Израиль, погостила, посмотрела, как там живут, и сообщила, что в общем-то евреи живут неплохо, но те старые люди, которые сформировались как личности при Советской власти, скучают. Она тоже хотела бы туда съездить, но остаться там жить — ни за что. Молодежь, правда, возвращаться сюда не хочет. Из-за чего? Объясняют: «Надоело нам слушать, как нас называют жидами». Что им ответить?

Вообще-то с Израилем у нас отношения складывались трудно. Израильтяне предпринимали много попыток улучшить их, но мы не смогли на это пойти из-за дружбы с арабами. Сколько раз израильский посол просил, чтобы я принял его. Мне самому хотелось его принять, но я не мог так поступить, потому что это взбесило бы арабов. В то время Израиль уже играл роль агента американского империализма на Ближнем Востоке, а арабов мы не хотели оттолкнуть от себя, хотели привлечь, вот и держали Израиль на расстоянии. Если рассматривать политическое лицо этого государства, то оно не только не хуже, а даже лучше других капиталистических стран, и с ним спокойно можно наладить нормальные отношения. Сельское хозяйство там коллективизировано не хуже, чем в Польше. В Польше тоже нет колхозов, а созданы товарищества как первая ступень коллективизации сельских хозяйств. Земля в Польше принадлежит собственникам, а доходы в товариществах получают в зависимости от количества внесенной земли.

Я никогда не был антисемитом. В Юзовке я и жил, и работал вместе с евреями. У меня было много друзей среди евреев. Еще будучи мальчишкой, я работал на заводе с одним евреем, Яковом Исааковичем Кутиковым — хорошим человеком. Он был слесарем и получал 2 рубля в день, а я был на подхвате и помогал ему за 25 копеек в день. Подлецы же бывают всех национальностей — и русские, и евреи, и кто угодно. С арабами израильтян даже нечего и сравнивать: в Израиле живут богаче. В сельском хозяйстве там внедрили гидропонику, самый прогрессивный метод

ухода за растениями. Взаимоотношения с арабами складываются у Израиля очень тяжело. Если так будет продолжаться, то это кончится для Израиля плохо. Он все время беспокоит арабские страны. А из физики известно, что действие равно противодействию. В политике наблюдается то же самое. Шестидневная война 1967 года должна научить арабов многому. Я вспоминаю Петра I. Когда ему шведы высекли задницу под Нарвой, он понял: спасибо за учебу, потом разбил их под Полтавой. Пройдет время, и если израильтяне не поумнеют, то арабы разобьют их.

Впрочем, у кого организация дела хорошая, тех не бьют, те сами бьют других. В этом-то и дело: 2,5 миллиона евреев сорганизовались так, что за шесть дней разбили десятки миллионов в Египте, Сирии, да еще с их союзниками. Израильский военный лидер Даян был офицером английской армии. А сколько там людей, которые служили в нашей армии? В этом тоже их сила. Арабы особенно не воевали, больше на верблюдах ездили, а евреи воевали во всех войнах. Как появился Израиль? Это была идея сионистов. Года два тому назад, уже глубоким стариком, умер человек, который создал партию сионистов. Англия, которая контролировала Ближний Восток, согласилась выделить район для Израиля, выселив оттуда арабов. Мы какое-то время воздерживались по этому вопросу при голосовании в ООН, а потом тоже дали директиву согласиться на создание Израиля. Сейчас там премьер-министром Голда Меир. Она была прежде первым послом Израиля в СССР. Сама родилась в Одессе, шестилетней родители вывезли ее в Америку. Она хорошо знает русский язык. Когда она приехала сюда, то развила бурную деятельность среди советских евреев, и Сталин ее выслал. Тогда-то наши отношения и ухудшились.

(Продолжение следует)

А. А. Зимин

«Слово о полку Игореве» (фрагменты книги)

Имя исследователя русского средневековья А. А. Зимина хорошо известно историкам и у нас и за рубежом. Многие слышали и о его книге о «Слове о полку Игореве», не увидевшей света, но доставившей автору много неприятностей.

Сейчас, когда журнал публикует отрывки из этой книги, уместно рассказать об ее истории. Подчеркну: речь пойдет именно об этом, а не о самом «Слове», не о трактовке этого памятника А. А. Зиминим, не о больших и малых вопросах, поднятых в ходе дискуссии им и его оппонентами. Написать этот очерк дает мне право многолетняя дружба с А. А. Зиминим и то, что среди людей, которых он просил позаботиться о его научном наследии, он назвал и меня. В моих руках рукопись А. А. Зимина «Слово и дело. Страницы дневника 1963—1977 гг.», завершенная в 1978 г. (480 страниц машинописи). На ней прежде всего я и основываюсь.

Александр Александрович Зимин родился в Москве в 1920 году. В 1938 г. он поступил на Исторический факультет Московского университета, где специализировался под руководством С. В. Бахрушина по истории России эпохи феодализма. В начале Отечественной войны Александр Александрович, имевший «белый билет» как больной туберкулезом, уехал в Ташкент и окончил там Среднеазиатский университет. В Ташкенте находился в эвакуации Институт истории АН СССР, сотрудники которого, в том числе и Бахрушин, преподавали в университете, так что школа была в сущности та же, что и в Москве. По получении диплома в 1942 г. Зимин был принят в аспирантуру Института истории. В 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию о хозяйстве Иосифо-Волоколамского монастыря в XVI в. по материалам его архива (опубликована в переработанном виде в 1977 г.), а затем был принят в штат института. С 1947 г. он преподавал на кафедре специальных исторических дисциплин Московского историко-архивного института.

Александр Александрович быстро завоевал уважение коллег. Со свойственной ему скромностью в своих мемуарах «Храм науки. Записки о прошлом» (634 страницы машинописи) он связывал это с тем, что в 1950-х годах один за другим ушли из жизни наши выдающиеся историки-медиевисты С. В. Бахрушин, С. В. Юшков, С. Б. Веселовский, А. И. Яковлев. Начатые ими многотомные издания «Очерки истории СССР», «История Москвы», «Памятники русского права» и др. надо было доводить до конца, и дело это легло на плечи молодого трудолюбивого сотрудника. Это в какой-то мере верно, но главное было в ином. Зимин прекрасно знал основной круг источников по истории России, как изданных, так и архивных, был исключительно работящим, пытливым, ищущим, преданным науке человеком. Коллеги это понимали и оценили его.

В 1950-е — начале 1960-х годов вышла серия книг Зимина. Среди них и публикации памятников: «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в.» (1950), «Акты феодального землевладения и хозяйства» (1951), «Памятники русского права» (1952), «Иосафдовская летопись» (1952), и исследования: «Пересветов и его современники» (1958), «Реформы

Ивана Грозного» (1960), «Опричнина Ивана Грозного» (1964). Книга о Пересветове была защищена как докторская диссертация в 1959 году¹. Перед молодым ученым открывались большие возможности. В 1960 г. его командировали в ГДР, в 1962 г. он баллотировался в члены-корреспонденты АН СССР. Его выдвинули институты истории и славяноведения Академии и Историко-архивный институт, а рекомендацию дал академик Б. А. Рыбаков.

Александр Александрович не был членом партии, но анкета у него была безупречной, работы вполне лояльны по отношению к официальным установкам. Они содержали необходимые цитаты из классиков марксизма, согласие с идеями В. П. Волгина, А. М. Панкратовой, Б. А. Рыбакова, привычные клише, коробившие меня уже тогда («меньшевик Плеханов», «буржуазный литературовед Веселовский» и т. д.). С везущими историками Б. Д. Грековым, М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепниным у Зимина сложились вполне добрые отношения. Ничто не предвещало событий, развернувшихся в 1963—1964 годах. Но они произошли, и были связаны со «Словом о полку Игореве».

Толчком к работе над «Словом» послужил для Зимина выход в 1962 г. сборника «Слово о полку Игореве — памятник XII века», выпущенного Отделом древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, в котором ведущие филологи Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий, Ю. М. Лотман и др. разбирали аргументы известного французского слависта А. Мазона, опубликовавшего в 1940 г. книгу о «Слове» как фальшивке XVIII века, а позже несколько статей на ту же тему. Ознакомившись со сборником, Александр Александрович нашел, что критика Мазона вполне резонна, обоснования же даты — XII век — не кажутся бесспорными. Центральным вопросом было соотношение «Слова» с текстом «Задонщины» — единственного памятника древнерусской литературы, имеющего много общего со «Словом». Было принято, что «Задонщина» написана по образцу «Слова» в XIV веке. Мазон перевернул схему: «Слово» создано на основе «Задонщины». Зимин взял все шесть списков «Задонщины» и проанализировал текстологически как краткую (кирилло-белозерский список 1470-х годов), так и пространную (прочие списки) редакции произведения. Он пришел к заключению, что исходной была краткая редакция, почти не содержащая точек соприкосновения со «Словом». Пространная — создана позже, в 1560—1570-х годах, а среди списков ее ближе всего к «Слову» синодальный конца XVII века, и сделал вывод, что «Слово» источником «Задонщины» не было и написано позже, не ранее XV—XVI веков.

Другая линия изысканий Александра Александровича была посвящена XVIII веку. Архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иоиль, от которого А. И. Мусин-Пушкин получил рукопись, включавшую текст «Слова», был поэтом, служил одно время в Чернигове. Не мог ли он написать «старыми словесы» поэму об Игоре в жанре стилизации древнерусского произведения? Дождавшись его смерти, ловкий царедворец Мусин-Пушкин, стремившийся угодить занявшейся историческими штудиями Екатерине II, выдал «Слово» за подлинное произведение литературы Древней Руси, внося в текст некоторые исправления.

Таковы две исходные позиции в гипотезе Зимина, изложенные мной, конечно, предельно кратко и примитивно. Разумеется, «Слово» вызывало и много других вопросов — язык, присущие ему ориентализмы и «темные места», соотношение с фольклором, с рассказом о походе Игоря в Ипатьевской летописи и т. д. Александр Александрович старался вникнуть и в эти вопросы. Стало ясно, что задуманная статья превращается в большую книгу, идущую вразрез с общепринятой трактовкой «Слова».

Когда разразился конфликт, определенные круги стремились скомпрометировать Александра Александровича, распространяя разные порочащие его слухи, в частности был придуман такой вариант: Зимин специалист по XVI веку, эпоху Ивана Грозного он знает хорошо, а в вопросах, связанных с XII веком, — дилетант и написал нечто несерьезное. Эту очередную ложь охотно повторяли публично Е. М. Жуков и В. М. Хвостов. Между тем А. А. Зимин был специалистом по истории русского средневековья в широких рамках (как и его учитель С. В. Бахрушин). Одной из ранних работ Зимина была книга о холопах (издана через много лет после написания, в 1973 г.), посвященная периоду до XIV в., в основном Киевской эпохе. Много занимался он «Русской Правдой». В своих основных книгах он в равной мере использовал актов и летописный материал, развивая предложенные А. А. Шахматовым методы анализа летописных текстов. Серию статей посвятил Зимин и художественным произведениям — историческим песням о Кострюке-Мастрюке, Щелкане, Ермаке, Грозном и его сыне, о взятии Казани. Ведя семинары в Историко-архивном институте, главное внимание Александр Александрович уделял методике работы с источниками. «Слово о полку Игореве» давно привлекало его. Он считал, что филологи это произведение как текст проанализировать не смогли и кому-то придется за это взяться.

Сыграла роль и обстановка «оттепели» 1956—1964 годов. Казалось, пришел час пересмотреть некоторые догмы. «Слово» воспринималось многими как объект веры, не подлежащий строго научному осмыслению, как национальный символ (памятник в этом не виноват, как не виноват П. И. Чайковский в том, что его балет «Лебединое озеро» показывали по телевизору в дни путча августа 1991 г.).

В древность «Слова» не верили многие и до Зими́на. Среди них К. С. Аксаков, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой, А. М. Ремизов, С. Я. Маршак. Сомневались и ученые, начиная с М. Т. Каченовского и О. И. Сенковского, кончая авторитетнейшими языковедами Л. А. Булаховским и В. В. Виноградовым. Настороженным было отношение к памятнику у А. А. Шахматова, М. Н. Сперанского, М. И. Успенского, П. Н. Сакулина, Р. Ю. Виппера, Е. Э. Бертельса, Б. В. Томашевского, И. М. Стеблина-Каменского, М. А. Гуковского, И. Н. Голенищева-Кутузова, В. И. Малышева. Р. И. Аванесов не включил «Слово» в число источников для «Словаря древнерусского языка».

Во всех случаях речь шла об общем впечатлении и отдельных, пусть и важных, наблюдениях. Зими́н же задумал большое исследование с анализом всех аспектов проблемы. К этому побуждали и слухи о готовящейся в США книге болгарского эмигранта В. Николаева, доказывающего, что «Слово» сочинил Н. М. Карамзин. Продолжал работать и А. Мазон. Надо было спешить.

Александр Александрович поехал в Ленинград и 27 февраля 1963 г. сделал доклад в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ. Собралось более 150 человек. Заведующий сектором Д. С. Лихачев был болен. Председательствовал И. П. Еремин. Доклад продолжался около трех часов. Вопросов задали много. Прений почти не было. Трудно со слуха уловить сложный текстологический анализ и множество частных, входящих в сцеплении в единую концепцию. И. П. Еремин сказал, что находится в состоянии шока. Было высказано пожелание об издании доклада с тем, чтобы можно было его серьезно изучить и разобрать. Слухи о докладе широко распространились. На заседании были иностранные студенты, учащиеся в ЛГУ. От них сведения просочились за рубеж.

Встал вопрос, что же делать дальше. Зими́н посетил ряд ведущих ученых — М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, Н. К. Гудзия, Б. А. Рыбакова — и изложил им свою концепцию. Желания помочь он не встретил. Кое-кто, как Н. Н. Воронин, от разговора уклонился. Зато появилось много сочувствующих молодых историков, филологов, археологов, подсказывавших автору новые аргументы, наводивших справки в музеях, архивах и библиотеках. Большое внимание работе Зими́на уделил академик В. В. Виноградов, 27 мая, 7 и 18 июня и 4 июля он приглашал историка к себе домой, читал то, что тот успел написать, расспрашивал об остальном и дал много ценных советов. Ни тогда, ни позже ни строчки по существу вопроса написать он не захотел.

Между тем забеспокоилось и начальство. 12 марта 1963 г. Зими́на вызвал академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков. Он отчитал его за сделанный без разрешения доклад и передал просьбу вице-президента Академии Наук СССР члена ЦК КПСС П. Н. Федосеева больше ни с какими докладами не выступать. Аналогичная беседа состоялась и с директором Института истории В. М. Хвостовым. И Хвостов и Жуков были люди образованные, но не творческие, предельно далекие от поднятых Зими́ным проблем. Вероятно, они просили указаний и от соответствующих кураторов из ЦК КПСС.

Решено было как-то замять вопрос. Зими́ну предложили составить тезисы его ленинградского доклада на трех страницах с тем, чтобы напечатать их в «Вопросах истории» в сопровождении статьи М. Н. Тихомирова, опровергающей тезисы. Зими́н понял, что так его большая работа будет похоронена, и от такого варианта отказался. Тихомиров свою статью написал, но без тезисов оппонента печатать не считал возможным. Ее опубликовали уже после смерти автора².

Не дремали и филологи. В ИРЛИ Лихачев мобилизовал своих сотрудников на изучение «Задонщины», чтобы разбить исходную посылку Зими́на.

Очень важным было сообщение Хвостова Зими́ну, что к обсуждению будет привлечен Б. А. Рыбаков. Очевидно, вместо державшегося инертно престарелого М. Н. Тихомирова официальные круги предпочли более молодого и энергичного академика. Борис Александрович — археолог по образованию, ученик В. А. Городцова, но в Московском университете занимался и у Ю. В. Готье, которого называет своим учителем. Лучшая книга Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» (1948) написана на вещевом материале из раскопок и музеев. Но, сосредоточившись прежде всего на древностях Киевской эпохи, Рыбаков хорошо знал и летописи. В незадолго до того вышедшей книге «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (1962) он обращался к летописным известиям и «Слову о полку Игореве». Таким образом,

и для Рыбакова и для Зимина «Слово» не было основным предметом занятий, но оба вполне ориентировались в широком круге проблем, связанных с этим памятником.

В остальном же они антиподы. В отличие от Жукова и Хвостова Рыбаков — человек творчески одаренный, умеющий набрасывать увлекательные яркие картины напропалую. При этом главное для него всегда — внешний эффект. Критики источников, детальный анализ их его не волнуют, проблемы методики — бесконечно мучды. Зимин, больше всего бившийся над этими проблемами, упрекал Рыбакова в «источниковедческой всеядности», в том, что для создания своих эффектных построений тот пользуется любыми материалами, в том числе явно недоброкачественными.

Не менее важно другое. Взлет карьеры Б. А. Рыбакова в 1940-х годах был связан с поворотом к национализму в официальной идеологии. Рыбаков стал служить насаждению националистического мифа, который у всех народов более или менее одинаков: наш народ презвычайно древний, сложился именно там, где живет сейчас, и отличался высочайшим уровнем культуры, государственности, воинскими подвигами и т.д. Рыбакову принадлежат статья о древних русах в свете трудов И. В. Сталина, рассуждения о вредности иудейского казарского каганата для Восточной Европы, доклад на Крымской сессии в Симферополе в 1962 г. о пагубности «излишнего любования татарской культурой» (дела не приведший к разрушению Бахчисарайского дворца). Зимину квасной патриотизм был органически нужен.

Пока стороны готовились к полемике, официальные круги стремились притушить шум вокруг предстоящего обсуждения. Жуков просил Лихачева, чтобы в хронике журнала «Русская литература» не печатали сообщение о докладе Зимина.

9 июля 1963 г. Зимин известил Отделение истории, что рукопись готова. 11, 23 и 31 июля и 12 сентября в Отделении обсуждали вопрос о ее судьбе. Решено было напечатать работу на ротапринте в количестве 100 экз. и обсудить на закрытом заседании, куда пригласить тщательно отобранных людей. Зимин понял, что эти условия явно для него неблагоприятны и решил посоветоваться со старым знакомым по университету заместителем председателя идеологической комиссии ЦК КПСС И. И. Удальцовым. Тот рекомендовал принять условия Отделения. Зимину разрешили пригласить 15 человек по его выбору.

Сдав рукопись для размножения, остальные экземпляры Александр Александрович давал читать коллегам. За восемь месяцев ее прочли до 100 человек. Автор просил дать отзывы. Их дали свыше 50 читавших (Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, С. Н. Валк, Я. Н. Шапов, А. П. Новосельцев, П. А. Зайончковский, Н. И. Павленко, Ю. М. Лотман и др.). Не все соглашались с выводами, но все настаивали на публикации рукописи. Среди читавших были практически все историки средневековой России из Москвы, некоторые из Ленинграда, Киева и других городов, филологи, лингвисты, фольклористы, искусствоведы, археологи, писатели (К. Симонов, Ю. Домбровский, Н. Коржавин), И. М. Ян и другие.

Прочел тогда рукопись и я. Во избежание недоразумений изложу свое непрофессиональное мнение. В главном я убежден не был. Для меня «Слово» осталось памятником древнерусской литературы. Не верю я и в авторство Иоанна. Когда написано «Слово», судить не берусь, не исключаю XV—XVI века. Но дело не в этом. На мой взгляд, Зимин доказал, что общепринятая схема истории памятника ошибочна. «Слово» написано не в XII в. участником похода по свежим следам, а представляет собой книжное произведение, зависимое от Ипатьевской летописи, а вероятно, и от «Задонщины». В работе Зимина собран огромный, интереснейший и очень сложный материал. Наспех отмахнуться от нее нельзя. Ее надо издать, чтобы спокойно обдумать, обсудить и разобрать концепцию в целом и все ее детали. Но этого кто и не хотели.

К началу 1964 г. работа была отпечатана на ротапринте. Ученый секретарь Отделения истории АН СССР Ю. В. Бромлей составлял список приглашенных, согласовывая его с Рыбаковым и Лихачевым. Список вырос. Было уже много больше 100 человек, но Зимину разрешили пригласить только 20.

В январе Александр Александрович получил письмо от А. Мазона, желавшего познакомиться с работой и предлагавшего издать ее на Западе. Позиция автора и тогда и даже была однозначна: «Работа о «Слове» принадлежит моей стране. Она первая услышала мой доклад. Она первая ее и напечатает».

4 марта председатель идеологической комиссии ЦК КПСС Л. Ф. Ильинев затребовал экземпляр работы. 16 марта Зимин был вызван к вице-президенту АН СССР П. Н. Федосееву. Присутствовали Жуков, Хвостов, Рыбаков, Бромлей и несколько не известных Зимину лиц. Федосеев сказал, что обсуждение состоится, но книга напечатана не будет.

Что же представляла собой монография Зимина в первом варианте? Передо мной экземпляр из библиотеки автора. Это три тома книжного формата общим объемом 660 страниц.

Титул выглядит так: «Академия наук СССР. Институт истории. № 006. А. А. Зимин. Слово о полку Игореве (Источники. Время создания. Автор). Москва. 1963». Тираж не указан. Кажется, напечатали не 100 экз., а 150 или больше. Содержание таково: Гл. 1. Краткая и Пространная редакции «Задонщины». Гл. 2. «Задонщина» и «Слово о полку Игореве». (Это около трети текста.) Гл. 3. Русские летописи и «Слово о полку Игореве». Гл. 4. Отношение «Слова о полку Игореве» к литературному процессу XI—XVIII веков. Гл. 5. Особенности языка и «темные места» «Слова о полку Игореве». (Вторая треть текста.) Наконец, главы: 6. Иван (Иоиль) Быковский и «Слово о полку Игореве». 7. А. И. Мусин-Пушкин и «Слово о полку Игореве». 8. Судьба «Слова о полку Игореве» в научной литературе XIX—XX веков. Есть и приложения: 1. Реконструкция текстов «Задонщины» (Краткой и Пространной редакций). 2. Реконструкция текста «Слова о полку Игореве». 3. «Слово о полку Игореве» и его источники.

Обсуждение состоялось 4—6 мая 1964 г. в актовом зале Отделения истории АН СССР. Этому предшествовал ряд событий. Тихомиров написал Жукову, что в закрытом заседании участвовать отказывается. То же сообщили два других оппонента Зими́на Ю. М. Лотман и И. И. Смирнов. Из приглашенных Зиминым лиц не получил экземпляр книги и повестку о заседании Ю. Г. Оксман. Видимо, сыграло роль то, что подвергавшийся репрессиям в 1930—1940 гг., он вновь оказался в поле внимания КГБ. Вскоре его уволили из Института мировой литературы, перестали печатать, не разрешали на него ссылаться. Зими́на предупредили, что вступительного слова ему не дадут, ведь книга у всех на руках. Он решил тогда на обсуждение не ходить и в начале его не присутствовал, что, конечно, было ошибкой.

Состав участников дискуссии был расширен, но не за счет лиц, названных Зиминым. В зале было 230 человек. В дверях стояли молодые люди, вероятно, сотрудники Президиума, а может быть, откуда-то еще, во всяком случае никому не известные. Они сверяли фамилии входящих со списком. Всемирно известного филолога академика Н. И. Конрада не пропустили до тех пор, пока не пришел Жуков и не провел его. Не пустили доктора исторических наук М. М. Герасимова. Одному из сотрудников Института истории, специалисту по истории средневековой Руси сказали: «Если вы обещаете выступить против Зими́на — пропустим, если нет — не обессудьте». Из приглашенных не пришли Н. Н. Воронин, В. И. Малышев и еще некоторые.

Всего выступило 32 человека. В основном это были филологи: Д. С. Лихачев, Н. К. Гудзий, Л. А. Дмитриев, А. Н. Робинсон, В. Д. Кузьмина и др. Присутствовавшие в зале историки Л. В. Черепнин, А. Н. Насонов, А. А. Преображенский (он был парторгом института и на него оказывалось давление) и другие молчали. Из сотрудников института высказались только А. И. Клибанов — за и В. А. Кучкин — против. Из лингвистов говорил Ф. П. Филин. Молчали Р. И. Аванесов и В. М. Иллич-Свитыч.

Наиболее развернутыми были выступления Лихачева (продолжалось два с половиной часа) в первый день и Рыбакова — во второй. Наш выдающийся филолог Д. С. Лихачев много занимался «Словом», посвятил ему серию работ. Он искренне убежден в древности памятника, и его позиция понятна. Дмитрий Сергеевич долго настаивал на открытом обсуждении, но в конце концов победило мнение Жукова. Так Лихачев оказался во вред ли приемлемой для себя компании. Поднявшийся на трибуну непосредственно за ним член Союза писателей В. И. Стеллецкий — автор не получившего признания перевода «Слова» на русский язык — сразу же пошел по пути политических обвинений, наклеивания ярлыков. Выступавший следующим А. В. Арциховский счел нужным его одернуть. Но Стеллецкий не унялся. Когда в заключительном слове Зимин упомянул, что в «Задонщине» фигурирует «царь Соломон», Стеллецкий крикнул с места: «Ты сам — Соломон!»

С тех пор определенные круги стали связывать концепцию Зими́на с сионистскими происками. Рыбаков утверждал, что Зими́на поддержали только А. И. Клибанов, А. Л. Монгайт, В. Б. Кобрин, Я. С. Лурье (все евреи), «забыв» о выступлениях на дискуссии А. Т. Николаевой и такого крупного знатока древнерусской культуры, как В. Л. Янин⁴.

Названные ученые, а также филолог и фольклорист С. Н. Азбелев и историк В. Б. Вилинбахов признали те или иные разделы книги Зими́на вполне убедительными. Остальные отвергали все. За XIV век высказался И. Н. Голенищев-Кутузов.

В целом обсуждение сознательно было направлено не по тому руслу, как хотел Зимин. Решался не вопрос, надо ли печатать его книгу, а вопрос, допустимо ли выдвинутое им мнение. Хотя многие оппоненты Зими́на высказались за издание книги, все же дискуссия свелась к дискредитации автора.

После ответного выступления Зими́на председательствовавший Жуков сказал, что своей псевдосенсацией Зимин отнял драгоценное время у многих серьезных специалистов. Так был

расценен научный труд, вызвавший большой резонанс среди интеллигенции и всколыхнувший стоячее болото историко-филологического мира.

26 июня сотрудник Отдела науки ЦК КПСС А. Н. Софинский предложил Жукову отобрать у участников обсуждения экземпляры книги. Кое-кто оставил их у себя, но большинство сдало. В библиотеки книга не поступила.

15 августа И. И. Удальцов позвонил Зимину и порекомендовал ему написать покаянное письмо. Тот отказался.

17 сентября Отделение истории приняло решение передать в Архив АН СССР экземпляры книги и стенограмму обсуждения для закрытого хранения, а книгу не печатать.

В сентябрьском номере «Вопросов истории» (1964, № 9, с. 121—140) появилась анонимная статья «Обсуждение одной концепции о времени создания „Слова о полку Игореве“». На первый взгляд она написана корректно, но по сути крайне тенденциозна. О том, что обсуждалась большая книга и стоял вопрос об ее издании, нет и речи. Всюду говорится о «концепции», но она не изложена. Из построения Зимина вырваны отдельные тезисы, по поводу которых приведены развернутые возражения выступавших. Заключительное слово Зимина в целом не изложено. В каждом разделе сказано лишь, что Зимин повторял свои прежние доводы. Текст статьи ему предварительно не показали.

Авторами обзора он считал О. В. Творогова и В. А. Кучкина, чего оба не отрицали. Но, вероятно, участвовали и другие. Так, А. Н. Сахаров, предложив недавно издать рукопись Зимина, сказал, что напишет предисловие, поскольку хорошо знаком с ней со времени составления хроники для «Вопросов истории».

Редактор журнала В. Г. Трухановский хотел кое-что изменить в тексте, но Жуков запретил, сославшись на то, что он завизировал в высокой инстанции. Где? По свидетельству Н. И. Рыленкова, он слышал от А. Т. Твардовского про специальное решение идеологической комиссии ЦК КПСС относительно книги Зимина с визой Л. Ф. Ильичева.

16 октября 1964 г. был снят со всех постов Н. С. Хрущев. «Оттепель» кончилась. Наступали заморозки.

В это время в Москву приехал А. Мазон. Жуков настоятельно советовал Зимину с ним не встречаться. Мазон просил Жукова познакомить его с книгой Зимина, получил отказ, обратился с той же просьбой к В. В. Виноградову. Тот связался с Федосеевым. Разрешение было дано при условии, что Мазон ссылаться на книгу не будет. Вскоре Жуков, Рыбаков и другие стали говорить, что, прочитав работу Зимина, Мазон убедился в его неправоте. Это не так. В. И. Малышеву Мазон писал: «Издание этого замечательного труда — дело чести Советской Академии».

21 ноября 1964 г. в газете «Известия» (№ 279) была напечатана статья Б. А. Рыбакова «По поводу одной дискуссии». Здесь о неопубликованной работе А. А. Зимина говорилось в гораздо более резких выражениях, чем в «Вопросах истории». Ряд читателей счел такой поступок неэтичным и послал свои протесты в газету. Одному из них — В. М. Панеяху — заведующий отделом пропаганды «Известий» Ю. П. Шаратов ответил, что вопрос о возрасте «Слова» «не научный, а политический» и незачем «подбрасывать врагу материалы для злопыхательства».

Правда, в тех же «Известиях» в обращенной к студентам статье «Извольте работать!» (18.I.1965, № 14) Б. Ф. Поршнев сказал, что критика неопубликованной работы противоречит научным нормам. Тогда в «Известиях» сочинили текст реплики, который предлагали подписать А. В. Арциховскому и Д. С. Лихачеву. Оба отказались. 6 февраля (№ 31) появилась статья А. К. Югова «Полно!», утверждавшая, что сомневаться в древности «Слова» нельзя, а тот, кто это делает, — враг нашей культуры. Поршнев на жалобы Суслову и Федосееву не получил ответа.

5 января 1965 г. Зимин письменно известил Жукова, что доработал свою рукопись с учетом мнений, высказанных на обсуждении, и готов сдать ее в печать. Ответа и тут не было.

За 1966—1970 гг. Зимину удалось напечатать несколько отрывков из своей рукописи⁵. Обычно они сопровождались статьями, содержащими возражения: в «Вопросах литературы» — Б. А. Рыбакова, Ф. П. Филина и В. Д. Кузьминой, в «Истории СССР» — А. Г. Кузьмина, в «Русской литературе» — Л. А. Дмитриева, Ф. Я. Приймы. Некоторые статьи Зимина (например, в «Исторических записках») в печать не пропустили.

В 1966 г. под редакцией Лихачева вышел сборник «„Слово о Полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания „Слова“». В 1971 и 1972 гг. — книги Б. А. Рыбакова «„Слово о полку Игореве“ и его автор» и «Русские летописцы и „Слово о полку Игореве“» (сейчас есть и третья книга). Разумеется, разработка проблем, связанных

со «Словом», должна продолжаться вне зависимости от публикации труда Зимина. Но беда в том, что авторы книг вольно и невольно учитывали собранные им материалы и аргументы, не делая необходимых выводов.

В широкой периодике продолжалось шельмование Зимина. 25 сентября 1966 г. в «Правде» в статье «Историческая наука и современность» Хвостов указал на его работу как на «проявление шовинизма в нашей науке». Тогда же, разъясняя ученым Казани постановление ЦК КПСС об общественных науках, А. А. Строков говорил о работе Зимина как об «идеологической диверсии». Югов писал о ней же как о выполненной «по заказу сионистских кругов Запада». Емму вторил Ю. И. Селезнев⁷.

Александр Александрович остался старшим научным сотрудником Института истории до конца дней! Положение его, бесспорно, ухудшилось. Его сняли с поста заместителя председателя Археологической комиссии АН СССР, вывели из состава ученых советов сначала в Институте археологии, а потом (в 1973 г., когда директором института стал Рыбаков) и Института истории СССР. На лестные приглашения читать лекции в Гарварде, Сорбонне, Западной Берлине дирекция накладывала вето. В 1972 г. прекратилась преподавательская деятельность Зимина в Историко-архивном институте.

Круг преданных учеников и друзей не распался, но официальная историческая наука СССР от Зимина отшатнулась, и его влияние на ее развитие было искусственно сужено. Кто потерял на этом? Конечно, не Александр Александрович. Его знания и талант остались при нем. Потеряла наша наука в целом, выиграли же лишь амбиции нескольких чиновников от науки.

Сосредоточившись в основном на темах, связанных с XV—XVII веками, Зимин не прекращал работу над своей книгой о «Слове», дополняя ее, откликаясь на новые публикации. К 1976 г. в ней стало уже 1250 страниц. Параллельно была оформлена рукопись второй книги — «Слово и дело», которой я здесь широко пользовался.

В заключении к ней Зимин признавался, что не жалеет о случившемся. Дискуссия была не о времени написания «Слова», а о праве ученого на свободу мысли, и многие это поняли. Автора заставили замолчать, но победить в открытом бою не смогли. Так или иначе сделанное им учитывается. Появились сомнения в дате написания «Слова»: начали говорить и о XIII веке, и о XIV. Принят ряд выводов: о соотношении «Слова» и Ипатьевской летописи, о дате «Хронографа» (1617 г.), содержавшего рукопись «Слова», о том, что это был конволют и т. д. Около трети работы нашло отражение в изданных статьях. А главное, говорил Александр Александрович, «я почувствовал себя свободным от догм официальной науки, сбросившим оковы и с тех пор работаю иначе, чем раньше»⁸. Пожалуй, книги, вышедшие в конце жизни Зимина и после его смерти, это подтверждают.

Со времени дискуссии о «Слове» прошло 28 лет. Александр Александрович умер в 1980 году. В жизни нашей страны произошли огромные изменения. Изданы сочинения А. И. Солженицына, А. Авторханова, чтение которых еще недавно было преступлением. Но книга Зимина так и не напечатана. Это свидетельство ненормальной обстановки, сложившейся за 70 с лишним лет в советской исторической науке. Из того, о чем здесь рассказано, пора извлечь урок.

А. А. Формозов

Примечания

1. Подробнее см.: КОБРИН В. Б. Александр Александрович Зимин. Ученый. Человек. — Исторические записки. Т. 105. Здесь и большая библиография.
2. ТИХОМИРОВ М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М. 1968, с. 416—421.
3. РЫБАКОВ Б. А. Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. — Советская археология, 1953, № 17; е г о ж е. Об ошибках в изучении истории Крыма и задачах дальнейших исследований. Крымиздат. 1952. В изданных в 1968 и 1978 гг. списках работ Рыбакова первая статья названа «Древние русы», а вторая вообще не указана.

Формозов Александр Александрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии АН СССР.

4. РЫБАКОВ Б. А. Старые мысли, устарелые методы (ответ А. А. Зимину). — Вопросы литературы, 1967, № 3, с. 154.
5. Список см.: КОБРИН В. Б. Ук. соч., с. 305, 306.
6. ЮГОВ А. К. Поругание великой поэмы. — Журналист, 1969, № 21, с. 61. То же в кн.: «Слово о полку Игореве». М. 1970.
7. СЕЛЕЗНЕВ Ю. И. Созидающая память. М. 1973, с. 16; е г о ж е. Мифы и история. — Москва, 1976, № 3, с. 201, 203.
8. ЗИМИН А. А. Обретение свободы. — Родина, 1990, № 8, с. 88—89.

От редакции

Стремясь представить читателям работу А. А. Зимины, редакция оказалась перед трудной задачей: выбрать из книги, насчитывающей более 1000 машинописных страниц, какие-то отдельные фрагменты. Чтобы избежать субъективного, нарушающего стройность авторского замысла отбора, решено было предпринять публикацию лишь двух фрагментов, еще не появлявшихся в печати, но важных для понимания общего замысла произведения и характера аргументации: вступительный исторический обзор и начало главы о А. И. Мусине-Пушкине.

От автора

Слово о полку Игореве ... Целый мир образов и красок, высоких помыслов и глубоких чувств, находящих отзвук в сердцах всех тех благодарных читателей, кому дороги героические и поэтические страницы истории нашей отчизны. Сколько гениальных творцов русской культуры и науки обращали свои взоры к торжественно-прекрасной песне о ратных подвигах русских воинов во время трагичной по своим последствиям битве при Каяле в 1185 году. «Слову о полку Игореве» посвятили многие страницы своих творений Пушкин и Гоголь, Шевченко и Франко, Жуковский и Радищев, Белинский и Бородин.

Слово о полку Игореве — одно из значительнейших произведений мировой литературы. Его библиография насчитывает много более 1000 названий исследований и переводов, написанных на многих языках Советского Союза и всего мира. Эпические глубины этого бессмертного произведения привлекали к себе внимание многих поколений ученых нашей Родины и других стран. В результате их самоотверженного труда все более и более раскрываются богатство содержания и своеобразие художественной формы героической Песни о походе Игоря. Изучению подвергались источники произведения и влияние на позднейшую литературу, язык и стиль. Памятник вызывал живой интерес как военно-исторический и историко-географический источник.

«Слово о полку Игореве» было издано в 1800 г. известным собирателем древних рукописей графом А. И. Мусиным-Пушкиным совместно с видными архивистами Н. Н. Бантышем-Каменским и А. Ф. Малиновским. Единственная известная науке рукопись, содержащая Слово, исчезла после Отечественной войны 1812 года. Поговаривали, что она погибла в Московском пожаре вместе с другими книгами и рукописными сокровищами ее владельца А. И. Мусина-Пушкина. В настоящее время исследователи располагают только изданием 1800 г., копией и переводом рукописного текста, сделанным для Екатерины II (около 1795—1796 гг.), а также тремя переводами конца XVIII века.

Еще до издания Слова о полку Игореве (первые сведения о нем проникли в печать еще в 1792 г.) целый ряд знатоков русской истории и литературы высказывал в той или иной форме свои сомнения в древности Слова о полку Игореве, относя его создание к XV—XVI вв. или даже считая его более поздней подделкой. После загадочного исчезновения рукописи голоса так называемых «скептиков» (Евгений Болховитинов, О. М. Бодянский, М. Т. Каченовский, С. П. Румянцев, К. С. Аксаков, О. И. Сенковский и другие) усилились. Станным казался и язык древней поэмы, в котором находили слова и выражения из совре-

менных украинского и польского языков. Непонятно было вообще, о каких еще «старых словесах» мог написать автор Песни XII века.

А. И. Мусин-Пушкин уклонялся от освещения истории приобретения рукописи, и только молодому и энергичному исследователю К. Ф. Калайдовичу он сообщил, что рукопись, содержащая Слово, была куплена его комиссионером у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоила. Калайдовичу также удалось найти среди рукописей Синодальной библиотеки псковский Апостол с припиской 1307 г., которая очень напоминала одно из мест Игоровой песни. Получалось, что уже в начале XIV в. какой-то безвестный писец знал текст Слова о полку Игореве. Позиция ревнителей древности Слова значительно окрепла после того, как в 1852 г. было впервые опубликовано одно из значительных произведений древнерусской литературы — Задонщина. Эта повесть о победоносной битве Дмитрия Донского на Куликовом поле 1380 г. отличается большим сходством со Словом. Казалось бы, найдено было решающее доказательство того, что уже в XIV—XV вв. Слово о полку Игореве существовало, а его текст широко использован в воинской повести. Находка Задонщины до поры до времени приглушила голоса сторонников позднего происхождения Игоровой песни. И только русские писатели И. А. Гончаров и Л. Н. Толстой продолжали считать Слово позднейшей стилизацией.

Вопрос о времени создания Слова был поставлен снова на повестку дня в 20-х гг. нашего века М. И. Успенским, а в конце 30-х гг. — французским славистом А. Мазоном и до сих пор не является решенным.

Но быть может уже саму попытку установить время написания и автора Слова о полку Игореве следует признать безнадежной, так как не сохранилось ни рукописи этого произведения, ни прямых документальных свидетельств, связывающих памятник с каким-либо конкретным лицом? Конечно, нет. В настоящее время советское литературоведение, языкознание и источниковедение, вооруженное марксистско-ленинским мировоззрением, выработали строго научную методику датировки памятников, которая плодотворно применяется в трудах многих ученых.

Для выяснения того, когда, где и кем было написано Слово о полку Игореве, необходимо тщательное и комплексное изучение всех его особенностей — исторических, литературных и языковых.

Большинство сторонников древнего происхождения Слова датирует памятник временем около 1187 г., так как в нем содержится обращение и князьям Владимиру Глебовичу (умершему весной этого года)¹ к Ярославу Галицкому (скончавшемуся в октябре 1187 г.), которые должны были бы еще здравствовать². Считалось само собой разумеющимся, что автор «Слова» обращался к князьям как к живым. Однако А. И. Лященко предложил иную дату написания Слова — 1185 год³. Но она противоречит здравнице в честь князя Владимира Игоревича (находившегося в это время в плену). А если считать, что Слово написано после его возвращения (осень 1187 г.), то к этому времени уже умер князь Владимир Глебович.

Пытаясь выйти из затруднительного положения, порожденного противоречивыми данными Слова, А. И. Соболевский допускал даже, что Слово, написанное в 1185 г., первоначально оканчивалось плачем Ярославны, а «как будто вторая часть принадлежала первоначально другому произведению, не слову о полку Игореве»⁴. Но этому предположению противоречит композиционная стройность сюжетной линии памятника и единство его стилистических приемов изображения.

Строго говоря, обе даты (1185 и 1187 гг.) базируются только на произвольном допущении того, что обращение автора Слова к князьям, как к живым, должно означать, что произведение, содержащее это обращение, действительно написано при их жизни. Однако подобный литературный прием применяется и в литературных произведениях, написанных много лет, а иногда и столетий спустя после событий, к которым они относятся. И. А. Новиков в этой связи писал: «Нам кажутся эти охотно повторяемые доводы чистым недоразумением», ибо сцену с упоминанием князей Ярослава Галицкого и Владимира Галицкого, как живых, «можно написать не только позже апреля 1187 года, но и насколько угодно позже, хотя бы и в наше время»⁵.

Считая, что обращение автора Слова к Ярославу «не имеет датирующего значения», Н. С. Демкова относит составление памятника ко времени после 1188, но до 1196 г. (точнее, к 1194—1196 гг.) на том основании, что его автор провозглашает славу князю Всеволоду (умер в 1196 г.) и князю Владимиру (вернулся на

Русь в 1188 г.)⁶. Но и эту аргументацию следует признать неудовлетворительной, ибо автор литературного произведения о делах минувших не обязательно должен был учитывать, жив ли тот или иной герой в то время, когда он писал свою Песню.

Необходимы, следовательно, более прочные основы для датировки Слова концом XII в., а их, на поверку, не оказывается. Поэтому даже сторонники древности Слова постепенно начинают отказываться от саκραментальных датировок 1185 и 1187 годами. Так, О. В. Творогов уже не склонен придавать обращению к Ярославу хронологизирующего памятник значения. По его мнению, оно могло носить «в какой-то мере литературно-условный, риторический характер»⁷.

Раздавались голоса, которые относят Слово к началу XIII в. (вслед за О. Прицаком к этому времени склонился Р. О. Якобсон)⁸. Появляются попытки датировать Игореву песню серединой XIII в. (Л. Н. Гумилев, В. В. Мавродин)⁹. Высказана мысль о сложении памятника в конце XIII — начале XIV в. (И. Н. Голенищев-Кутузов)¹⁰. Наконец, В. В. Виноградов писал о происхождении «этого загадочного памятника, возникновение которого датируется XII—XV вв., а текст включает в себя элементы позднейших наслоений (до конца XVIII в.)»¹¹. Многослойным считает Слово О. Сулейменов, относя значительную часть его текста к XVI веку¹². О возможности позднейших вставок в текст Слова говорили В. Л. Янин и Н. Ф. Котляр¹³. В статьях Дж. Феннелла и А. Данти приводятся новые данные в пользу более раннего происхождения Краткой Задонщины¹⁴. Наконец, появляются и работы, в которых отстаивается тезис о возникновении Слова в XVIII веке¹⁵.

Для решения вопроса о времени создания Слова о полку Игореве исследователи привлекают содержание памятника, сопоставляя его с известиями об истории Руси X—XII вв., содержащимися в других источниках. В самом деле, очень важно установить, был ли автор Слова современником похода Игоря 1185 г. или брал сведения о нем из письменных источников. Сторонники древнего происхождения Слова считают, что автор этого произведения описывал события 1185 г. независимо от летописных записей. Если будет доказано, что автор основывал свой рассказ на сведениях летописей или других источников, то тогда следует поставить другой вопрос — когда он мог использовать тексты, привлеченные им для создания своей Песни. Второе. Следует установить также, с какими источниками по жанру и текстологически сходно Слово о полку Игореве, на какие памятники письменности влияло оно и какие в свою очередь находят отзвук в его тексте. Здесь в первую очередь встает вопрос о близости Слова к Задонщине и к приписке 1307 г. псковского Апостола. Сторонники древнего происхождения Слова считают, что оба памятника основаны на этой древнерусской Песне. Нужно тщательно взвесить все данные в пользу этого предположения. Наконец, важнейшим датировочным элементом в исследовании Слова является язык этого произведения. Поэтому необходимо разобрать основные языковые особенности памятника и его так называемые «темные», т. е. неясные места, по-разному толковавшиеся исследователями. Сторонники древнего происхождения Слова считают, что памятник в целом сохранил черты древнерусского языка XII в., хотя некоторые его элементы, возможно, восходят к поздним спискам (или списку) XV—XVI веков. Особенно они обращают внимание на слова восточного происхождения, ибо некоторые из них, по их мнению, сохранили черты половецкого языка.

В соответствии с этими тремя задачами и строится последующее изложение.

Слово о полку Игореве перекрещивается с несколькими дошедшими до нас литературными памятниками, время написания которых хорошо известно. Речь идет о Кенигсбергской и Ипатьевской летописях, Задонщине и некоторых других. Поэтому в первых четырех главах настоящей работы¹⁶ делается попытка определить текстологические взаимоотношения между Словом о полку Игореве и связанными с ним произведениями древнерусской литературы и фольклора, т. е. установить, влияли ли эти памятники на текст Слова о полку Игореве или нет. Ответ на этот вопрос дает прочные основы для определения времени написания Слова о полку Игореве. В третьей главе рассмотрена также сама возможность принадлежности рассказа о походе русских князей на половцев 1185 г. в Слово о полку Игореве современнику этих событий.

Большое значение для датировки и для определения автора любого литературного произведения имеет его язык. Поэтому в пятой главе работы содержится попытка изучения особенностей языкового строя и так называемых «темных мест»

Слова о полку Игореве с тем, чтобы выявить данные, говорящие о времени его составления и о предполагаемом авторе.

В следующих двух главах (шестой и седьмой) на основании известных ранее и новых сведений, почерпнутых из архивов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Чернигова и Ярославля, восстанавливается биография и творческий путь первого владельца рукописи Слова о полку Игореве Ивана (Иоилия) Быковского. Здесь же рассматриваются запутанные обстоятельства издания Слова о полку Игореве Мусиным-Пушкиным.

Наконец, в последней (восьмой) главе исследования автор рассказывает о судьбе Слова о полку Игореве в научной литературе XIX—XX вв. и стремится показать, как постепенно трудами многих поколений ученых накапливались данные для решения многих загадок, связанных с этим выдающимся памятником русской литературы.

К работе приложены реконструкции архетипов Краткой и Пространной редакций Задонщины и Слова о полку Игореве.

Советским историкам и литературоведам органически чуждо антинаучное деление ученых на «скептиков» (сторонников позднего происхождения Слова о полку Игореве) и «нескептиков» (защитников древнего происхождения памятника). Хорошо известно, что в 30—40-х гг. XIX в. царское правительство пыталось с помощью некоторых реакционных ученых, защищавших древность Слова о полку Игореве, противоборствовать представителям передового направления исторической и филологической наук.

Первый доклад с изложением своих взглядов на время создания Слова о полку Игореве автор сделал на заседании отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) в Ленинграде в феврале 1963 года. Через год (в мае 1964 г.) в Москве состоялось обсуждение первого (роталитного) варианта настоящей работы¹⁷. За истекшее десятилетие появилось много капитальных трудов по изучению Слова о полку Игореве. В частности, словарь-справочник¹⁸, сборник статей о взаимоотношениях Слова, Задонщины и Сказания о Мамаевом побоище¹⁹, монографии В. П. Адриановой-Перетц о фразеологии Слова²⁰, Б. А. Рыбакова о Слове как памятнике XII в.²¹, Д. С. Лихачева о Слове как памятнике древнерусской культуры²². Все они существенно продвинули вперед решение спорной проблемы. Однако автор только укрепился в своих представлениях о времени создания памятника. Поэтому ему пришлось значительно развить свою аргументацию и ответить на возражения и доводы оппонентов. В результате объем его монографии увеличился вдвое.

И все же настоящая работа не претендует на всестороннее рассмотрение Слова о полку Игореве. В ней содержится лишь попытка решения вопроса об источниках, времени и авторе на основании итогов более чем полутора столетнего изучения исследователями его исторического содержания, литературной формы и языкового строя.

Автор отдает себе полностью отчет в том, что многие стороны этой важнейшей проблемы не могут быть решены в рамках одной монографии и для этой цели необходимы совокупные усилия специалистов в разных областях науки. Но он считает, что изучение Слова о полку Игореве находится на такой стадии, что коренные интересы советской науки требуют постановки этих важнейших вопросов.

Пользуясь случаем, выражаю глубочайшую признательность акад. В. В. Виноградову, который взял на себя труд ознакомиться с текстом книги в рукописи и сделал автору много полезных замечаний. Дружескую помощь автору оказали в процессе создания этой работы Д. А. Авдусин, С. Н. Азбелев (Ленинград), С. И. Бернштейн, Е. Б. Бешенковский, М. Е. Бычкова, С. Н. Валк (Ленинград), Н. П. Визирь (Киев), В. Б. Вилинбахов (Ленинград), Л. Н. Гумилев (Ленинград), А. Грицкевич (Минск), А. П. Каждан, Т. Н. Каменева, С. М. Каштанов, А. И. Клибанов, В. Б. Кобрин, Б. А. Колчин, Н. Ф. Котляр (Киев), В. Д. Левин, Ю. А. Лимонов (Ленинград), В. В. Лукьянов (Ярославль), Я. С. Лурье (Ленинград), В. И. Малышев (Ленинград), А. Н. Мальцев, А. Ф. Медведев, В. С. Мингалев, А. Л. Монгайт, В. Н. Новопокровская (Орел), А. С. Орешников, В. Т. Пашуто, И. Плетнев (Чернигов), А. В. Позднеев, Б. Ф. Поршнев, В. Г. Смолицкий, И. Г. Спасский (Ленинград), Т. А. Сумникова, О. П. Суханова (Ленинград), Н. И. Толстой, А. В. Храбровицкий, Л. В. Черепнин, М. М. Штранге и многие другие коллеги, в их числе сотрудники

научной библиотеки Института истории АН СССР и архивов Москвы, Ленинграда, Киева и Чернигова. Всем им автор приносит искреннюю благодарность.

А. И. Мусин-Пушкин и Слово о полку Игореве

Теперь нам остается выяснить, как Слово о полку Игореве попало к А. И. Мусину-Пушкину и почему он выдал его за памятник XII века.

Сведения о жизни, служебной и научной деятельности Мусина-Пушкина очень скупы. Их сообщил прежде всего он сам в неподписанной автобиографии²³, а затем в несколько расширенном и исправленном виде К. Ф. Калайдович²⁴.

Родился Алексей Иванович Мусин-Пушкин в 1744 г. в старинной дворянской семье. В 1757 г. поступил в Петербургское артиллерийское училище. По выходе из него до 1772 г. служил в артиллерии адъютантом при любимце Екатерины графе Г. Г. Орлове. Уже в эти годы он проявлял интерес к русской литературе и литераторам²⁵. Во время длительного путешествия по Германии, Англии, Франции, Швейцарии, Голландии и Италии (1772—1775 гг.) собрал большую коллекцию картин, эстампов и бронзы. Сразу же по возвращении в Россию в 1775 г. получил придворный чин церемониймейстера, а в 1789 г. стал директором училища «чужестранных единоверцев». По представлению Е. Р. Дашковой ловкий царедворец в том же году (17 ноября 1789 г.) был избран членом Российской Академии наук²⁶. 26 июня 1791 г. Мусин-Пушкин был назначен обер-прокурором Синода²⁷. Хотя в дела Синода он не вмешивался, но свое пребывание на этой синекуре использовал с максимальной для себя выгодой. И дело не ограничивалось только бесконтрольной тратой штатных сумм ведомства. В эти годы Екатерина II проявляла большой интерес к российской истории. Предприимчивый вельможа решил использовать эту страсть императрицы для того, чтобы войти в фавор²⁸. Уже в августе 1791 г. он добился издания указа о присылке к нему в Синод рукописей исторического содержания из всех монастырей. Началась также бурная собирательская деятельность обер-прокурора. Источником ее были не только отдельные приобретения, но и тот фонд «летописцев», который образовался в Синоде²⁹. Почти одновременно Мусин-Пушкин с помощью И. Н. Болтина стал выпускать в свет одно за другим издания источников: первыми из них были «Правда Русская, или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха» и «Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства» (1792 г.). Деятельность Мусина-Пушкина получила высочайшее одобрение, и 22 сентября 1792 г. он был пожалован орденом Владимира второй степени. Одновременно в его распоряжение передали типографию Горного корпуса, где синодальный прокурор издал «Духовную в. кн. Владимира Мономаха детям своим» (1792 г.) и «Историческое исследование о местоположении Древнего Российского Тмутараканского княжения» (1794 г.). Отныне Мусин-Пушкин сделался как бы придворным консультантом по историческим вопросам. 11 марта 1794 г. по указу императрицы он стал ввиду длительной болезни И. И. Бецкого «преемником» президента Академии Художеств. Уже в декабре Мусин-Пушкин вступил в конфликт с советом Академии по поводу выбора директора и добился того, что императрица отменила определение совета «яко недельное»³⁰. 15 сентября следующего года любимец императрицы сделался окончательно президентом Академии Художеств, а незадолго до смерти своей высочайшей покровительницы был награжден орденом Александра Невского.

Сразу же после смерти императрицы звезда Мусина-Пушкина закатилась. Уже в 1796 г. Павел I ликвидировал училище «единоверцев», а в 1797 г. уволил Мусина-Пушкина с должностей президента Академии Художеств и обер-прокурора Синода, пожаловав ему титул графа и назначив сенатором. Умер граф 1 февраля 1817 года.

Для того чтобы разобраться в истории приобретения Слова о полку Игореве Мусиным-Пушкиным, нужно последовательно рассмотреть четыре вопроса: 1) был ли сборник, содержащий Слово, написанным единовременно или составным; 2) если он был составным, то кто был предшествующим владельцем хронографа, входившего в состав мусин-пушкинского сборника; 3) кому до Мусина-Пушкина принадлежала рукопись Слова; 4) находилось ли Слово в составе хронографа или всего мусин-пушкинского сборника в момент его приобретения синодальным обер-прокурором.

Начнем с первого вопроса. Его решение во многом зависит от того, был ли сборник написан одним почерком или содержал разновременные рукописи. Сами издатели сообщают очень глухо: «Подлинная рукопись по своему почерку весьма древняя»³¹.

Столь неопределенная характеристика показывает, что публикаторы колебались в более точной датировке рукописи «Хронографа». Но до нас дошли свидетельства пяти лиц, видевших рукопись сборника со Словом о полку Игореве. Первое из них принадлежит самому Мусину-Пушкину. В 1813 г. он писал Калайдовичу, что рукопись со Словом написана «довольно чистым письмом. По почерку и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века»³². Датировка Мусина-Пушкина резко противоречит показаниям других очевидцев и в литературе не была принята. Считалось, что мало сведущий в палеографии вельможа просто ошибся, определяя по почерку время создания рукописи со Словом.

Сборник видел и другой издатель Слова — А. Ф. Малиновский. Он действительно слабо разобрался в палеографии древних памятников и позднее дал себя обмануть А. И. Бардину, продавшему ему собственного изделия «список» Слова как древнерусскую рукопись. В 1815 г. Малиновский датировал рукопись Слова XVI веком («Сие произведение российской словесности XII столетия издано было... с рукописи XVI века»)³³, а незадолго до смерти рекомендовал выставить ту дату, которую давал граф³⁴. Противоречивость показаний Малиновского не позволяет нам признать их надежными свидетельствами³⁵. Зато гораздо более существенно сообщение Калайдовича, который записал в своем дневнике следующее: «Карамзин полагает, что Песнь Игорева написана не в конце XVI (очевидно, описка: вместо XIV. — А. З.) и не в начале XV века, но в исходе сего столетия»³⁶. Мнение Карамзина приведено Калайдовичем как контроверза Мусину-Пушкину.

Видел рукопись Слова и видный палеограф А. И. Ермолаев. Правда, остается неясным, насколько пристально он ознакомился с нею. Много позже А. Глаголев, ссылаясь на рассказ А. Х. Востокова, передавал, что Ермолаев датировал рукопись XV веком³⁷. В этом рассказе не вполне ясно, имел ли Ермолаев в виду всю рукопись сборника в целом или одно Слово о полку Игореве. Та же неясность сохраняется и в сообщении типографщика С. А. Селивановского, который печатал «Ироическую песнь». Он говорил Калайдовичу, что «видел в рукописи песнь Игореву. Она написана, точно, в книге, как сказано в предисловии, и белорусским письмом, не так древним, похожим на почерк Дмитрия Ростовского»³⁸. Вот и все показания лиц, непосредственно знакомившихся с мусин-пушкинским сборником³⁹.

Итак, с одной стороны, перед нами сведения о том, что рукопись Слова составлена где-то в XV в., с другой — рассказ Селивановского о почерке конца XVII — начала XVIII века. Уже одно это наводит на мысль о том, что сборник был составным. В этой мысли исследователь укрепляется, обращаясь к изучению отдельных статей сборника и прежде всего хронографа, занимавшего основную часть рукописи.

В сборнике со Словом о полку Игореве находился хронограф редакции 1617 года⁴⁰. В этом можно убедиться из следующего сопоставления заголовков:

Хронограф сборника
со Словом

Книга глаголемая Гранографъ, рекше начало писменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; прежде о Быттии, о сотворении мира, отъ книгъ Моисеовыхъ, и отъ Иисуса Навина, и отъ Судей Иудѣйскихъ, и отъ четырехъ Царствъ; такъ же и о асирийскихъ царехъ и отъ Александрия, и отъ римскихъ царей, еллинъ же благочестивыхъ, и отъ русскихъ лѣтописецъ, сербскихъ и болгарскихъ.

Хронограф 1617 г.
(первая четверть XVIII века)⁴¹

Книга, глаголемая Гранограф, рекше начало писменом царских родов, от многих летописец. Преже от Быттии о сотворении мира, от книг Моисеовых, и от Исуса Навина, и от Судей иудейских, и от четырех Царств, та же и о асирийских царех, и о Македонии, и о римских царех, еллин же и благочестивых и от русских летописец, и сербских, и болгарских⁴².

Судя по тому, что заголовок мусин-пушкинского списка хронографа 1617 г. совпадает с очень поздними списками этого памятника, то вряд ли его можно дати-

ровать временем ранее второй половины XVII века⁴³. Да и сообщение Селивановского о «белорусском письме» рукописи, сходном с почерком Дмитрия Ростовского, ведет нас к почерку конца XVII — начала XVIII века. И вместе с тем трудно просто отбросить наблюдение Карамзина и других очевидцев, датировавших рукопись Слова XV веком. Тогда совершенно естественно предположить, что сборник был составным и что почерком конца XVII — начала XVIII в. был написан хронограф 1617 года. О том, что свидетельство Селивановского относится именно к хронографу, можно судить по словам Евгения: «Мусин-Пушкин в 1795 году нашел сию Поэму при одном старинном Белорусского письма Хронографе»⁴⁴. Д. Н. Бантыш-Каменский также писал в биографии графа, что Песнь о полку Игореве «найдена им в одном белорусском сборнике»⁴⁵.

Итак, ответ на первый из поставленных вопросов будет совершенно четок: сборник со Словом о полку Игореве был составным⁴⁶.

Переходим теперь ко второму вопросу. Издатели «Ироической песни» ничего не сообщили читателям, как и откуда приобрел это произведение Мусин-Пушкин. Только в 1813 г. граф под настойчивым напором Калайдовича сообщил этому пытливному исследователю, что Слово о полку Игореве попало к нему от бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля.

Письмо Мусина-Пушкина полностью не сохранилось и известно лишь в извлечениях, приведенных Калайдовичем уже после смерти графа. Из него видно, как Мусин-Пушкин старается затемнить историю приобретения рукописи.

Он сообщает, в частности, что Слово в составе других рукописей Иоиля приобрел не он сам, а его комиссионер, причем тогда, когда бывший спасо-ярославский архимандрит впал в нужду⁴⁷. Однако, Иоиль получал большую пенсию (500 руб.)⁴⁸. Косвенное свидетельство того, что часть книг Иоиля попала синодальному обер-прокурору, можно усмотреть в том, что экземпляр «Великого зеркала» (изд. 1633 г.), некогда принадлежавший этому архимандриту Спасо-Ярославского монастыря, ныне находится среди книг библиотеки синодальной типографии⁴⁹.

Версию о покупке комиссионером Слова приводит также и Евгений Болховитинов: граф якобы купил рукопись «в числе многих старых книг и бумаг у Ивана Глазунова, все за 500 р., а Глазунов после какого-то старичка за 200 р.»⁵⁰. Сходную легенду сообщает и сын Н. Н. Бантыш-Каменского Д. Н. Бантыш-Каменский («все эти драгоценные хартии были куплены безграмотным книгопродавцом за двести рублей ассигнациями»)⁵¹.

Близость рассказов Евгения и Д. Н. Бантыш-Каменского очевидна. Последний был не только сын одного из издателей Слова, но и находился в постоянной переписке с графом. Поэтому его сведения о приобретении рукописи восходят скорее всего к самому Мусину-Пушкину. Это косвенно подтверждается и его автобиографией. В ней Мусин-Пушкин рассказывает о том, как он в 1792 г. купил у одного букиниста за 300 р. массу древних рукописей («на трех телегах»), принадлежавших некогда П. Н. Крекшину⁵². Среди этих рукописей он называл летописи Лаврентьевскую и кн. Кривоборского. Хотя Мусин-Пушкин о Слове умалчивал, но существо его рассказа было близко к сведениям Евгения и Д. Н. Бантыш-Каменского. Книгопродавец В. С. Сопиков, крайне раздосадованный, мягко выражаясь, неточностями этого рассказа, написал письмо Калайдовичу. В нем он сообщил, что рукописи Мусиным-Пушкиным были куплены у него не в 1792 г., а в 1791 г. и не содержали никаких древних материалов (среди них находились лишь печатные указы Анны Иоанновны и 37 книг журнала о деяниях Петра Великого). Все рукописи помещались «на одних обыкновенных роспусках»⁵³. Лаврентьевская летопись и летопись Кривоборского были приобретены графом совсем другим путем⁵⁴.

Основываясь на сообщении Н. М. Карамзина, Л. А. Дмитриев допускает, что рукопись Слова граф присвоил из монастырских книг, полученных им в качестве обер-прокурора Синода по указу Екатерины II 1791 года. Он склонен полагать, что Слово находилось в одном из хронографов, полученных Мусиным-Пушкиным из Ярославля, оставленных им у себя и погибших вместе со всем собранием⁵⁵. Действительно, обер-прокурор Святейшего Синода беззастенчиво пополнял свои книжные богатства за счет рукописей, попавших в Синод. Но в составе хронографов, отправленных Мусину-Пушкину из Ростовской консистории 20 ноября 1792 г., Слова, судя по их описанию, не было⁵⁶. В Ярославской консистории хранилось

всего пять хронографов и одна Степенная книга. Из их числа три хронографа и Степенная были отобраны для посылки в Синод по указу 1791 года. В опубликованном Л. А. Дмитриевым деле о высылке хронографов и Степенной книги обер-прокурору Синода эти рукописи перечислены в следующем порядке:

1. Хронограф, писанный скорописью на 570 лл.
2. Хронограф, писанный полууставом на 480 лл.
3. Хронограф, писанный полууставом на 429 лл.
4. Степенная на 752 лл.

В описи ярославских хронографов с перечисленными рукописями точно совпадает по размерам только Степенная книга (752 лл.), остальные размеры соответствуют лишь приблизительно (хронографы в 590, 492 и 432 листа)⁵⁷. Скорописный хронограф представлял собою редакцию 1617 года. Остальные два, очевидно, хронографы редакции 1512 года. Второй, по описанию, был «полууставного, а в некоторых местах и скорописного письма», а третий писан «полууставом новейшего письма». Никаких данных о других произведениях, которые входили бы в состав хронографов, это описание, сделанное компетентной комиссией из трех лиц, не сообщает. О. В. Творогов обратил внимание на то, что в хронографе № 3 содержались «описания времен княжения Московского, земель, нравов и обычаев разных народов, Россию населяющих». Он сопоставил это с тем, что в конволюте со Словом содержалась Новгородская I летопись, где говорилось о сходных сюжетах. Но если бы речь шла об этой летописи, то в первую очередь сказано было бы о новгородцах. К тому же под приведенную запись ни Девгениево деяние, ни Слово, ни Сказание об Индийском царстве подвести уже совсем нельзя. Поэтому из описания хронографа сделать вывод о наличии в одном из них Слова, конечно, нельзя. Да и объем хронографов, полученных из Ярославля, соответствует обычным рукописям подобного типа без каких-либо значительных пополнений текста. Следовательно, хронографы, полученные Мусиным-Пушкиным из Ярославской консистории, Слова о полку Игореве не содержали⁵⁸. К тому же они отправлены были в столицу и получены там позже появления первого сведения о Слове в печати. Но у нас есть и еще одна возможность удостовериться, что Мусин-Пушкин не присвоил хронограф со Словом из рукописей, поступивших в Синод: подобного хронографа нет в реестре не возвращенных графом монастырских рукописей из числа посланных в Синод по распоряжению Екатерины II 1791 года⁵⁹. Происхождение хронографа, где позднее оказалось Слово о полку Игореве, более или менее ясно.

Вряд ли следует особенно гадать, откуда Мусин-Пушкин получил хронограф: это был хронограф «в десть» Спасо-Ярославского монастыря (редакции 1617 г., судя по его отрывкам, приведенным Дмитрием Ростовским). Уже в описи 1788 г. на полях сделана весьма странная помета: «Оной хронограф за ветхостью и согнитием уничтожен». Тут же карандашом поставлено четыре вопросительных знака. «Значит, — пишет Е. М. Караваева, — кому-то показалось подозрительным такое «согнитие»⁶⁰. Под предлогом «согнития» Иоиль мог взять себе хронограф, который потом попал в руки Мусина-Пушкина. Сохранился экземпляр издания «Великого зеркала» (1633 г.)⁶¹. Он также принадлежал Дмитрию Ростовскому, а потом попал к Иоилею⁶².

Г. Н. Моисеева обнаружила еще одну опись рукописей Спасо-Ярославского монастыря (1787 г.), в которой против четырех рукописей помещена помета «отдан» (в описи 1788 г. пометы «за ветхостью и согнитием уничтожены»). Среди них были и «Хронограф в десть». Можно допустить, вслед за Моисеевой, что хронограф был присвоен Иоилем, а от него попал к Мусину-Пушкину⁶³. Но нет никаких оснований считать, что в нем уже содержалось Слово о полку Игореве.

Итак, на второй из поставленных вопросов можно дать также более или менее определенный ответ: хронограф 1617 г. был приобретен графом от Иоиля. У нас нет также никаких оснований отвергать сообщение Мусина-Пушкина о том, что и Слово он получил от архимандрита Спасо-Ярославского монастыря. Ответившая достоверность сведений Мусина-Пушкина о первом владельце Слова, Ф. Я. Прийма приводит еще следующие доводы: Сообщение Мусина-Пушкина носило частный характер и не рассчитано было на публикацию; Калайдович выдал его только через семь лет после смерти графа. К тому же Калайдович ни разу не подвергал его сомнению⁶⁴. Зная Калайдовича как дотошного исследователя, граф

вряд ли решился бы на заведомый обман, а видимость благожелательного отношения Калайдовича к Мусину-Пушкину и к Слову давала последнему надежду, что тот не злоупотребит его доверием. Признает достоверным сведение о приобретении Слова у Иоиля и Д. С. Лихачев⁶⁵. Отвергая предположение Л. А. Дмитриева, сделанное им в 1962 г., следует признать более убедительной его гипотезу 1960 г.: «Весьма вероятно, — писал он, — что хронографы в августе 1792 г. были посланы Мусину-Пушкину в то время, когда у него на руках уже был хронограф со «Словом о полку Игореве»⁶⁶. Дмитриев позднее писал, что «если бы Иоиль было известно «Слово о полку Игореве», то он или сам бы предпринял издание этого памятника, или сообщил бы о своей находке в печати»⁶⁷. Довод серьезный, при одном условии: Слово о полку Игореве — памятник XII века. Но если Слово находилось у Иоиля и он все-таки его не издавал, то остается предположение: Иоиль знал, что это произведение не было древним памятником. Если же считать Ивана (Иоиля) Быковского автором Слова, то невозможность для ярославского архимандрита издать это произведение, проникнутое передовыми рационалистическими идеями, наполненное «Дажьбожьими внуками», станет самоочевидной⁶⁸. Ведь «писатели XVIII века, — пишет П. Н. Берков, — очень строго отбирали материал и сознательно оставляли за пределами издания произведения, которые считали по разным причинам неудобным выпускать в свет под своим именем»⁶⁹.

Итак, ответ на третий вопрос также однозначен: Слово попало к Мусину-Пушкину от Иоиля Быковского.

О времени знакомства Мусина-Пушкина с Иоилем можно только догадываться. Скорее всего это произошло в Ярославле (в Ярославском уезде находилась основная вотчина Мусиных-Пушкиных). Здесь екатерининский вельможа бывал не раз. Архиепископ Арсений Верещагин, например, писал о своих встречах с Мусиным-Пушкиным в Ярославле в 1786 и 1797 годах⁷⁰. Между этими деятелями существовали прочные дружеские отношения⁷¹.

Текст Слова о полку Игореве Мусин-Пушкин получил от Быковского, очевидно, не ранее 1788 г. (когда Иоиль ушел «на покой») и не позднее как около 1791 года. Это видно из анализа работы Мусина-Пушкина над текстом памятника и первого сведения о нем в печати, появившегося в начале 1792 года.

Камнем преткновения для тех исследователей, которые относили составление Слова о полку Игореве к позднему времени, являлась переключка его с припиской к псковскому Апостолу 1307 года...

Примечания

1. Дата смерти кн. Владимира Глебовича в Лаврентьевской летописи дана по ультрамартовскому стилю — 18 марта 6696 г., т. е. 1187 г., в Ипатьевской летописи — 18 апреля мартовского 6695 (1187 г.) (см. БЕРЕЖКОВ Н. Г. Хронология русского летописания. М. 1963, с. 83).
2. Дату 1187 г. принимают: И. Н. Жданов (ЖДАНОВ И. Н. Сочинения. Т. 1. СПб. 1904, с. 442), В. Н. Перетц (ПЕРЕТЦ В. Н. Слово о полку Игоревім. Київ. 1926, с. 50), Д. С. Лихачев (ЛИХАЧЕВ Д. С. Слово о полку Игореве. М.—Л. 1955, с. 143) и многие другие.
3. ЛЯЩЕНКО А. И. Этюды о «Слове о полку Игореве». — Известия Отделения русского языка и словесности (ОРЯС). 1926, т. 31; ту же дату (лето 1185 г.) принимает и Б. А. Рыбаков (РЫБАКОВ Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М. 1971, с. 182).
4. СОБОЛЕВСКИЙ А. И. К «Слову о полку Игореве». — Известия ОРЯС. 1929, т. 2, кн. 1, с. 174—180.
5. НОВИКОВ И. А. «Слово о полку Игореве» и его автор. М. 1938, с. 76. О более поздней датировке см.: PRITSAK O. The Igor' Tale as a Historical Document. — The Annals of the Ukrainian Academy, Vol. 12 (1969—1972), № 1—2.
6. ДЕМКОВА Н. С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве». — Вестник Ленинградского университета, 1973, № 14, вып. 3.
7. ТВОРОГОВ О. В. Примечания. В кн.: Слово о полку Игореве. [Библиотека поэта. Большая серия]. Л. 1967, с. 509.
8. JAKOBSON R. Selected Writings. Vol. 4. The Hague — Paris. 1966, p. 689; ЯЩЕНКО Б. И. Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве». — Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 31. Л. 1976, с. 122.
9. ГУМИЛЕВ Л. Н. Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве». — Доклады и сообщения отделения

- этнографии, вып. 2. Л. 1966, с. 55—80; GUMILEV L. N. Les Mongols du XIII-e siècle et le «Slovo o polku Igorevé». — *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, 1966, т. 7, р. 37; е г о ж е. Поиски вымышленного царства. М. 1970, с. 305 сл.; е г о ж е. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? — *Русская литература*, 1972, № 1; БЕЛЯВСКИЙ В. А. По поводу извечного антагонизма между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы. В кн.: *Славяно-русская этнография*. Л. 1973, с. 101 сл.; МАВРОДИН В. В. К. Маркс и Киевская Русь. — *Вестник ЛГУ*, 1968, № 8, с. 9.
10. GOLENISHSCHEW-KUTUSOW I. Das Igorlied und seine Probleme. — *Sowjet Literatur*, 1965, № 3, S. 148.
  11. ВИНОГРАДОВ В. В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры. — *Вопросы языкознания*, 1968, № 1, с. 3.
  12. СУЛЕЙМЕНОВ О. Аз и Я. Алма-Ата. 1975, с. 21.
  13. ЯНИН В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. — *Вспомогательные исторические дисциплины*. Сб. 3. Л. 1970, с. 168—169; КОТЛЯР М. Ф. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? — *Український історичний журнал*, 1965, № 1, с. 117—120.
  14. FENNELL J. The Slovo o polku Igoreve: The Textological Triangle. — *Oxford Slavonic Papers*, 1968, № 1, pp. 126—127; e j u s d. The Recent Controversy in the Soviet Union over the Authenticity of the Slovo. In: *Russia: Essays in History and Literature*. Leiden. 1972; FENNELL J., STOKES A. *Early Russian Literature*. Lnd. 1974, pp. 191—206; DANTI A. Criteri e metodi nella edizione della «Zadonscina». — *Annali della Facolta di Lettere e Filosofia della Universita degli studi di Perugia*. Vol. 6 (1968—1969). Roma.
  15. MOSER Ch. The Problem of the Igor Tale. — *Canadian-American Slavic Studies*, 1973, Vol. 7, № 2; FREST K. Karamzin und das Igorlied. — *Anzeigen für Slavische Philologie*, 1974, Bd. 7.
  16. Речь идет о главах: «Краткая и пространная редакции Задонщины», «Задонщина и Слово о полку Игореве»; «Русские летописи и Слово о полку Игореве», «Слово о полку Игореве и литературное наследие XI—XVIII веков». — *Ред.*
  17. Неподписанная хроника этого обсуждения (Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве»), опубликованная в журнале «Вопросы истории» (1964, № 9, с. 121—140, авторы — В. А. Кучкин, О. В. Творогов) не дает достаточно точного представления ни о характере обсуждения, ни об аргументации, развивавшейся отдельными участниками. В частности, использовать ее, чтобы составить представление об аргументации автора, развернутой в его труде и его заключительном слове, совершенно недопустимо.
  18. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 1—5. М.—Л. 1965—1978.
  19. Слово о полку Игореве и памятники куликовского цикла. М.—Л. 1966.
  20. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л. 1968.
  21. РЫБАКОВ Б. А. Слово о полку Игореве и его современники. М. 1971; е г о ж е. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М. 1972.
  22. ЛИХАЧЕВ Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л. 1978.
  23. Записка для биографии е. с. графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — *Вестник Европы*, 1813, ч. 72, № 21—22. См. также: АКСЕНОВ А. И. А. И. Мусин-Пушкин — источниковед и археограф. М. 1969 (дипломная работа, защищенная в МГИАИ); е г о ж е. Из эпистолярного наследия А. И. Мусина-Пушкина. — *Археографический ежегодник за 1969 год*. М. 1971; *Материалы архива Мусиных-Пушкиных см.: Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) СССР, ф. 1270, оп. 1, ч. 1, д. 27—29.*
  24. КАЛАЙДОВИЧ К. Ф. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — *Записки и труды Общества истории и древностей российских (ОИДР)*. Ч. 2. М. 1824.
  25. См. его письмо 1769 г. А. П. Сумарокову о Вольтере (Отрывки из переписки А. П. Сумарокова (1755—1773 гг.). — *Отечественные записки*, 1858, т. 116, с. 584—585).
  26. СУХОМЛИНОВ М. И. История Российской академии. Вып. 7. СПб. 1885, с. 162 и др.
  27. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 797, 1791 г., д. 31; БЛАГОВИДОВ Ф. В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань. 1899, с. 272; БИРЮКОВ Н. А. Эпизод из жизни П. А. Словцова. — *Исторический вестник*, 1904, сентябрь, с. 883—884.
  28. Об интересе Мусина-Пушкина к собиранию редкостей сохранился рассказ японского капитана Кодаю, побывавшего в 1791 г. в Петербурге. «Мусин-Пушкин, — пишет он, — житель Петербурга, был человеком редкой любознательности. У него было много странных вещей. Среди них большой «элекитер» (?) в 2 кэн шириной и 3 кэн длиной... (КИМУРА С., НАКАМУРА Е. Изучение древнерусской литературы в Японии. — *ТОДРЛ*. Т. 18. М.—Л., 1962, с. 585).

29. См. возбужденное новым обер-прокурором Синода В. А. Хованским обвинение Мусина-Пушкина в присвоении монастырских рукописей (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 1, дело 1522). О нем см.: Ю. К. [БЕГУНОВ]. В секторе древнерусской литературы. — Русская литература, 1963, № 3, с. 232.
30. КОНДАКОВ С. Н. Юбилейный справочник императорской Академии Художеств 1764—1914. СПб. 1914, с. 19.
31. Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М. 1800, с. VII.
32. КАЛАЙДОВИЧ К. Ф. Ук. соч., с. 35.
33. ДМИТРИЕВ Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л. 1960, с. 155.
34. «Малиновский утвердил мнение, Мусиным-Пушкиным свету сообщенное, — именно, что подлинная рукопись... принадлежала к концу XIV в.» Он «горько жаловался на критиков и завещал (так случилось!) выставить этот самый век подлинной рукописи» (ДУБЕНСКИЙ Д. Слово о полку Игореве. М. 1844, с. VIII).
35. Впрочем, XVI веком датировал рукопись Слова, очевидно, не один Малиновский. Во всяком случае, в письме В. М. Перевошикову от 27 января 1829 г. митрополит Евгений писал: «Мусин-Пушкин, нашедший ее, уверял, что она найдена в книге письма XIV века, другие видевшие книгу уверяли, что она не старше XVI века» (Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, ф. 46, П. И. Бартенева, оп. 4, д. 2, л. 72 об.).
36. ПОЛЕВОЙ Н. Любопытные замечания к слову о полку Игореве. — Сын отечества, 1839, т. 8, с. 17.
37. ГЛАГОЛЕВ А. Умозрительные и опытные основания словесности. Ч. 4. СПб. 1834, с. 24—25. Сохранилась записка Востокова, написанная, очевидно, для Жуковского. В ней он писал: «Мне сказывал знаток (покойный А. И. Ермолаев), видевший рукопись до истребления ее в 1812 году, что почерк ее был полуустав XV века» (Рукою Пушкина. М.—Л. 1935, с. 385). В письме Г. И. Спасскому от 24 марта 1844 г. Востоков писал: «Что касается до Слова о полку Игореве, оно дошло до нас в списке XV века» (Государственный архив Красноярского края, ф. 805, оп. 1, д. 358, л. 14 об.).
38. ПОЛЕВОЙ Н. Любопытные замечания к слову о полку Игореве. — Сын отечества, 1839, т. 8, с. 17. Возможно, к этому рассказу восходит известие Д. Н. Бантыш-Каменского о том, что Мусин-Пушкин нашел Слово в «одном белорусском сборнике» (БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 2. СПб. 1847, с. 457—458). Об участии Селивановского в печатании Слова см.: КОНОНОВИЧ С. С. Типографщик Селивановский. — Книга. Сб. 23. М. 1972, с. 100—123.
39. М. Н. Тихомиров называет среди них и Р. Ф. Тимковского (ТИХОМИРОВ М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М. 1968, с. 66). Это ошибка.
40. Впервые этот вывод сформулирован еще Е. В. Барсовым (БАРСОВ Е. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1. М. 1887, с. 63—65). Позднее его повторил М. Н. Сперанский, «Гранограф — писал он, — название хронографа — ранее конца XVI в. встретиться не могло: это — название 2-й редакции Хронографа, возникшей не ранее этого времени и законченной в 1617 году» (СПЕРАНСКИЙ М. Н. История древней русской литературы. М. 1920, с. 353). Л. А. Творогов пишет, что заголовок хронографа в сборнике со Словом относился «к тексту Хронографа московской редакции 1508 года» (ТВОРОГОВ Л. А. Слово о полку Игореве. Новосибирск. 1942, с. 16). Но достаточно обратиться к хронографу 1512 г., сохранившему текст хронографа 1508 г., чтобы убедиться в том, что Л. А. Творогов заблуждается: заголовок хронографа 1512 г. не столь близок к заголовку в сборнике со Словом, как хронограф 1617 г. («Пролог, сиречь собрание от многих летописец, от Бытия о сотворении мира» и т. д. (Полное собрание русских летописей. Т. 22, Ч. 1. СПб. 1911, с. 21). По О. В. Творогову, в сборнике со Словом находился хронограф Распространенной редакции 1617 г. (или памятник с его заголовком), которая не могла быть создана ранее первой четверти XVII века (ТВОРОГОВ О. В. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве». — ТОДРЛ. Т. 31. Л. 1976, с. 139—140).
41. Библиотека Академии наук СССР (БАН), 45.10.16.
42. В другой рукописи хронографа 1617 г., относящейся к последней четверти XVII в. (БАН, Арханг., с. 132) заглавие то же, только вместо «о Македонии» — «от Александрии», а после «Гранограф» добавлено — «яже суть в книзе сей» (Описание рукописного отдела БАН. Т. 3, вып. 1. М.—Л. 1959, с. 182—183, 207).
43. Исходя из наличия в сборнике хронографа редакции 1617 г. и сведений Селивановского о почерке рукописи, С. Розанов склонен был датировать весь сборник второй половиной XVII века (РОЗАНОВ С. Рец. на кн.: ПЕРЕТЦ В. Слово о полку Игореве. — Известия ОРЯС, Л. 1927, т. 32, с. 294).
44. ЕВГЕНИЙ. Игорев песнопевец. Биографии российских писателей. — Сын отечества, 1821, ч. 71, № 27, с. 34—37.
45. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Д. Н. Ук. соч., с. 48.
46. Так отпадает одно из возражений Н. М. Дылевского против позднего происхождения Слова: Дылев-

- ский считал, что автор XVIII в. не мог имитировать почерк целого сборника (ДЫЛЕВСКИЙ Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным. В кн.: Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.—Л. 1962, с. 205—210). Но имитирован мог быть почерк не всего сборника, а одного Слова. А. С. Орлов полагал, что Хронограф и Временник со Словом могли составлять особую рукопись, которая лишь механически была присоединена ко второй половине сборника (ОРЛОВ А. С. Слово о полку Игореве. М.—Л. 1946, с. 51—52). К выводу о том, что сборник со Словом представлял собой конволют разновременных рукописей, пришел О. В. Творогов (ТВОРОГОВ О. В. К вопросу о датировке, с. 161). Однако тезис, что он был составлен в XVII в., им не доказан.
47. «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом, управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности. По уничтожении штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323 под названием Хронограф, в конце найдено Слово о полку Игореве» (КАЛАЙДОВИЧ К. Ф. Биографические сведения, с. 35—36).
  48. ПРИЙМА Ф. Я. К истории открытия «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ. Т. 12, М.—Л. 1956, с. 49. Интересно письмо Мусина-Пушкина П. И. Турчанинову о присылке списка духовных лиц, получавших «пенсион». В приложенном к письму списке от 27 апреля 1792 г. упоминается Иоиль (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 1, 1792 г., д. 1143, лл. 3—4).
  49. ЦГАДА СССР, собрание библиотеки Синодальной типографии, № 4115/3864, экз. «б».
  50. ДМИТРИЕВ Л. А. Ук. соч., с. 53.
  51. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Д. Н. Ук. соч., с. 453.
  52. Вестник Европы, 1813, ч. 72, № 21—22, с. 78—80.
  53. ДМИТРИЕВ Л. А. История открытия рукописи «Слова о полку Игореве». В кн.: Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.—Л. 1962, с. 416.
  54. Ссылаясь на предположение Евгения о том, что псковский Апостол взят из Пантелеймоновского монастыря при устье реки Черехи, Н. Полевой писал: «Не отсюда ли достался графу А. И. Мусину-Пушкину сборник, в котором нашел он Слово о полку Игоревом?» (Московский телеграф, 1833, ч. 50, № 7, апрель, с. 424). Мнение Полевого, следовательно, нельзя считать основанным на «слухах» (Слово о полку Игореве. М.—Л. 1950, с. 354), ибо оно было обычной для своего времени ученой гипотезой и только. К тому же Евгений говорил лишь в общей форме о том, что из Пантелеймонова монастыря «много книг харатейных 13 и начала 14-го столетия взято в Московскую патриаршую библиотеку», не называя прямо Апостола 1307 года (ЕВГЕНИЙ. История княжества Псковского. Ч. 3. Киев. 1831, с. 117).
  55. ДМИТРИЕВ Л. А. История открытия рукописи, с. 420. Сходную мысль см. в статье: ФИЛИППОВСКИЙ Г. Ю. Дневник Арсения Верещагина (к истории рукописи «Слова о полку Игореве»). — Вестник Московского университета. 1973. Серия филология, № 1.
  56. ДМИТРИЕВ Л. А. История открытия рукописи, с. 426—429. Книги Ростовского архиерейского дома (пять хронографов и одна Степенная) были предметом «наиприлежнейшего рассмотрения», в результате которого не было найдено по российской истории ничего, «что бы не было напечатано и вновь к изданию подходило» (ПРИЙМА Ф. Я. К спорам об открытии «Слова о полку Игореве». В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л. 1969, с. 256—257).
  57. Разнобой в описи мог объясняться наличием чистых листов в рукописях.
  58. Прийма также отмечает, что «рукописные книги из Ростовского архиерейского дома... были односоставными» в отличие от мусин-пушкинского сборника (ПРИЙМА Ф. Я. К спорам, с. 256). См. также: СОЛОВЬЕВ А. В. Ростовские хронографы и хронограф Спасо-Ярославского монастыря. — Летописи и хроники. 1973. М. 1974, с. 356.
  59. ЦГАДА СССР, ф. 796, оп. 78, д. 750.
  60. БАРСОВ Е. В. Слово о полку Игореве. Т. 1, с. 60—61; КАРАВАЕВА Е. М. Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 г. (К истории рукописи «Слова о полку Игореве»). — ТОДРЛ. Т. 16. М.—Л. 1960, с. 83.
  61. См. также: СОЛОВЬЕВ А. В. Ук. соч., с. 357—359.
  62. Ср. надпись: «Его царского пресветлого величества окольный господине Семен Феодорович Толочанов дарствова сию книгу архиерею Ростовскому Димитрию 166 году июня 30» (ЦГАДА СССР, ф. Библиотеки Синодальной типографии, № 4115/3864, экз. «б»).
  63. МОИСЕЕВА Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л. 1976, с. 54—59. Не доказано предположение и о том, что в сочинении В. Д. Крашенинникова «Описание земноводного круга» (где использован «Большой» Спасо-Ярославский хронограф) есть следы Слова о полку Игореве. Без каких-либо доказательств Соловьев считает, что хронограф, упомянутый в описи 1788 г., содержал Слово о полку Игореве (СОЛОВЬЕВ А. В. Ук. соч., с. 359).

64. ПРИЙМА Ф. Я. К истории открытия, с. 52—53.
65. ЛИХАЧЕВ Д. С. Слово о полку Игореве. М.—Л. 1955, с. 3; Слово о полку Игореве. М.—Л. 1950, с. 353.
66. ДМИТРИЕВ Л. А. История первого издания, с. 309.
67. ДМИТРИЕВ Л. А. История открытия рукописи, с. 411.
68. Прийма даже считает возможным допустить «на минуту, что он (Иоиль. — А. З.) мог, скажем, считать «Слово» любопытным чтением лишь для немногих и небезопасным и даже совратительным для широких читательских кругов» (ПРИЙМА Ф. Я. К спорам, с. 255).
69. БЕРКОВ П. Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII в. — Русская литература, 1958, № 2, с. 181.
70. ПРИЙМА Ф. Я. К истории открытия «Слова о полку Игореве», с. 48, 49.
71. ФИЛИППОВСКИЙ Г. Ю. Ук. соч.

Технология власти

А. Г. Авторханов

Часть третья

Падение Сталина

I. Подготовка новой чистки и загадка смерти Сталина

Подготовка к послевоенной чистке началась по испытанному в тридцатых годах методу — с идеологической войны. Начало этой войне положили два постановления ЦК ВКП(б): 1) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года; 2) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 года. Своему тогдашнему первому помощнику по партии — Жданову — Сталин предназначает роль главного ее организатора. Развернулась кампания по разоблачению «низкопоклонников», «космополитов», «перерожденцев» в литературе, искусстве, философии и истории. Основной дух всей кампании — удар по «западникам». Основной лозунг — возрождение небольшевистского «славянофильства» об «исключительности» и «приоритете» русских во всех науках. Но кампания вовсе не задумана во имя русскости и только для идеологического фронта. Вернее будет сказать, что она задумана не столько из-за мнимых «космополитов», сколько для создания общей психологической атмосферы в стране для большой чистки на верхах партии, армии и государства. Но пока чистка успела выйти из идеологической сферы, умер Жданов (1948 г.). Это самым серьезным образом расстроило планы Сталина, но не приостановило их. Кончается лишь первый, ждановский этап. Начинается второй этап (1949—1952 гг.), на котором Сталин роль Жданова в идеологии, по всей вероятности, предназначал Сулову (выступление Сулова в газете «Правда» в декабре 1952 года против Вознесенского, Федосеева и, косвенно, против Шепилова). На этом втором этапе раздвигаются и рамки идеологической чистки (в языковедении — поход против учеников акад. Марра, в физиологии — поход против учеников акад. Павлова, в политэкономии — поход против друзей Вознесенского, в агрономии — поход против врагов Лысенко). Тут Сталин открывает и первые карты — чистка переходит туда, куда она метит с самого начала: в области партийной, военной и административной жизни. Происходят снятия, переброски и аресты руководящих деятелей партии и армии. Укажем на наиболее яркие факты.

1. Арестовывается ленинградское партийное руководство, включая и члена Политбюро Вознесенского (кроме него, Кузнецов, Родионов и др.).
2. Сменяется московское партийное руководство (Попов и др.).
3. Снимают с ведущих постов известных военачальников второй мировой войны во главе с уже опальным к тому времени маршалом Жуковым: командующего военно-морскими силами адмирала Юмашева (назначается вице-адмирал Кузнецов); командующего военно-воздушными силами маршала авиации Новикова, потом маршала авиации Вершинина (назначается Жигарев); командующего бронетанковыми войсками маршала Богданова (назначается генерал-лейтенант Радзиевский); командующего артиллерией маршала Воронова (назначается маршал Неделин); начальника Главного политического управления генерала Шикина (назначается Желтов).

С начала 1949 года все члены Политбюро снимаются с самостоятельных министерских постов: Молотов (заменяется Вышинским), Булганин (заменяется Василевским), Каганович, Микоян, Косыгин заменяются второстепенными чиновниками. Берия освобожден от прямого руководства над НКВД еще в 1945 году. Ворошилов не занимал самостоятельного поста уже с 1940 года, замененный тогда Тимошенко. Хрущев и Маленков были членами Секретариата ЦК, Андреев был выведен из Секретариата ЦК еще в 1947 году и формально считался председателем Комиссии партийного контроля при ЦК. Но все они, кроме Хрущева, числились в почетном «институте заместителей» Сталина по Совету министров СССР, то есть были «министрами без портфелей».

В свете фактов, которые стали известны после смерти Сталина и расстрела Берии, уже не может быть никакого сомнения, что этот начавшийся второй этап подготовки к чистке был полон самой напряженной драматической борьбой в верхах Центрального Комитета. Напряжение объяснялось тем, что ученики Сталина, наконец, разгадали замыслы своего учителя: подготовку уничтожения членов Политбюро и генералитета армии. В этой борьбе Сталин уже не опирался на парт-аппарат и мало верил ему. Даже пленуму ЦК он не доверял. Так, с февраля 1947 года до середины 1952 года, то есть пять лет, не созывался пленум ЦК, тогда как по уставу он должен созываться не реже одного раза в четыре месяца. Нечего уже говорить о съезде. Сталин опирался лишь на свой секретариат в партии и на НКВД в стране. Физическая чистка на верхах партии началась с вышеуказанного «Ленинградского дела». Для нее Сталин нашел и нужного человека.

На место не оправдавшего ожидания Меркулова был назначен министром госбезопасности Абакумов. Из его биографии мало что известно, но как «инквизитор-массовик» во время войны он приводил в изумление даже Сталина. Он был тогда шефом знаменитого «Смерша» («Смерть шпионам»). Вот этот самый Абакумов должен был теперь играть роль второго Ежова. Первое задание Сталина он выполнил блестяще. Об этом довольно ясно говорит характеристика, данная ему «коллективным руководством» во время суда над ним в декабре 1954 года. В характеристике еще нет ссылок на Сталина, все дело в ней сводится к Берии (потом в секретном докладе Хрущев назвал и главного инициатора — Сталина). Характеристика такова¹: «Подсудимый Абакумов, будучи выдвинут Берией на пост министра госбезопасности, являлся прямым соучастником преступной заговорщической группы, выполнял вражеские задания Берии, направленные против Коммунистической партии и Советского правительства... Абакумов стал на путь авантюры и политических провокаций. Абакумов фабриковал дела отдельных работников партийного, советского аппарата и представителей советской интеллигенции, затем арестовывал этих лиц и, применяя запрещенные советским законом преступные методы следствия... добивался от арестованных вымышленных показаний с признанием вины... Таким путем Абакумов сфальсифицировал так называемое «Ленинградское дело», по которому был необоснованно арестован ряд партийных и советских работников, обвиненных в тягчайших государственных преступлениях».

Дело, конечно, не в методах, которые применялись Абакумовым. Они применялись до него, после него и будут применяться, пока существует чекистская система. Дело в том, что Абакумов точь-в-точь по рецептам тридцатых годов и по самой логике Сталина должен был готовить и новое дело — «Московское дело», куда на этот раз имел шансы попасть любой из членов Политбюро. «Ленинградское дело» было репетицией к московской драме. Репетиция удалась, но драма сорвалась.

В конце 1950 или в начале 1951 года Политбюро одержало над Сталиным первую и серьезную победу; человек, руками которого Сталин создал «Ленинградское дело» и расстрелял члена Политбюро Вознесенского и его друзей, Абакумов, снимается с должности шефа МГБ. Начальником МГБ назначается ученик Маленкова — Игнатъев, бывший до этого на партийной работе в Башкирии и в Средней Азии. Вторая, еще более значительная победа — назначение, наконец, летом 1952 года XIX съезда партии, которого Сталин ни в коем случае не хотел проводить до новой чистки. Объявление о съезде принесло и необычную сенсацию — политический отчет ЦК делает не генеральный секретарь ЦК Сталин, а Маленков. Был ли это добровольный отказ Сталина от «директивного, исторического доклада» в пользу своего лучшего ученика — «наследника»? В этом следует сомневаться, тем более, когда мы теперь знаем, что произошло на первом пленуме нового ЦК после XIX съезда партии. Кроме создания нового, расширенного, Президиума ЦК и Секретариата, Сталин ввел и «новшество» — из состава Президиума ЦК было выделено, вопреки уставу, узкое бюро, о существовании которого мы узнали из постановления ЦК от 6 марта 1953 года, но состав которого остается тайной до сих пор. Кто из «старой гвардии» туда входил? Во всяком случае, не все и даже не большинство. «Бюро Президиума ЦК» («Политбюро в Политбюро») было задумано именно против этой «старой гвардии». На том же пленуме, как рассказывает Хрущев, Сталин выступил открыто против членов Политбюро — Молотова и Микояна, и, может быть, не против них одних.

Однако историческое значение пленума состояло в том, что произошло событие, вероятность которого людям вне Кремля казалась абсолютно исключенной: Сталин был снят с поста генерального секретаря ЦК партии, а сама эта должность ликвидирована. В известном нам варианте секретного доклада Хрущева об этом ничего не говорится. Но зато в биографии Сталина, напечатанной в советском «Энциклопедическом словаре» за 1955 год, об этом сказано прямо и недвусмысленно. Там говорится²: «После XI съезда партии 3 апреля 1922 г. пленум ЦК, по предложению В. И. Ленина, избрал Сталина *генеральным секретарем* ЦК партии: на этом посту Сталин работал *до октября 1952 года*, а затем до конца своей жизни являлся *секретарем ЦК*» (курсив мой. — А. А.).

Последняя часть этой цитаты лишь подчеркивает первое утверждение, что «генеральным секретарем» ЦК Сталин работал лишь «до октября 1952 года» (то есть до первого пленума ЦК после XIX съезда), «а затем до конца своей жизни» являлся только секретарем ЦК». Да, в списке членов и Президиума и Секретариата имя Сталина стояло на первом месте (вне алфавита), но, в отличие от принятой практики предыдущих лет, уже не указывалось, что он избран генеральным секретарем. Оставил ли Сталин этот пост добровольно? Одно уже такое предположение свидетельствовало бы о полном незнании психики диктатора. Нет, Сталин его добровольно не оставил. Аппарат власти, созданный Сталиным, перерос его самого. Контроль Сталина над этим аппаратом уходил из его рук в той же мере, в какой аппарат начал если не контролировать, то саботировать сумасбродные действия бывшего учителя. Сталин игнорировал и закон взаимозависимости своей системы: своей карьерой члены Политбюро были обязаны Сталину, но и Сталин стал диктатором лишь по воле и поддержке этих же членов. В тот момент, когда Сталин пришел к убеждению, что надо, наконец, освободиться от этих «мавров», обозначилась роковая развязка. «Мы тебя родили, мы тебя и убьем», — могли сказать «ученики и соратники».

Теперь борьба между Сталиным и сталинцами вступает в третий, последний и самый драматический этап. Сталин арестовывает кремлевских лейб-врачей Политбюро. «Дело врачей» вовсе не было делом самих арестованных. Оно было, как и «Ленинградское дело», делом партийной олигархии Президиума ЦК и генералитета Советской армии. Его внешнее антисемитское острие служило одновременно и для целей отдушины (по адресу отсталой части народа, партии и армии) и для целей маскировки (по адресу олигархии и генералитета). Однако бывшие соратники Сталина не могли не знать (хотя бы по опыту тридцатых годов), куда метит диктатор: ведь арестованы были не просто врачи, а, по свидетельству Хрущева, долголетние лейб-врачи членов Политбюро и маршалов Советского Союза, причем арестованы без ведома Политбюро. Более того, члены Политбюро не имели права личного контакта с их бывшими врачами, а должны были, по свидетельству того же Хруще-

ва, ограничиться ознакомлением с письменными признаниями арестованных и именно теми признаниями, которые Сталин считал нужным показать им. Но как раз опыт тридцатых годов доказывал, во-первых, что ни один из членов ЦК и маршалов армии не арестовывался без того, чтобы этому не предшествовали аресты их личных сотрудников, во-вторых, показания этих арестованных предъявлялись членам Политбюро лишь после их собственных арестов (Косиор, Рудзутак, Эйхе, Чубарь, Постышев). Эти члены и кандидаты Политбюро, санкционируя аресты своих сотрудников, чтобы отвести всякие подозрения в отношении самих себя, и не догадывались, что они тем самым санкционируют свои собственные аресты в будущем.

Сталин допустил роковую для себя ошибку, когда решил повторить этот трафарет тридцатых годов; теперь около Сталина сидели не политически наивные люди тех лет, а утонченные мастера чисток, выученные самим же Сталиным. Эти мастера, вопреки всем заверениям Хрущева, не были в тридцатых годах простыми зрителями того, что делали Сталин, Ежов и Берия, а были активными соучастниками и организаторами «Великой чистки». Они настолько основательно овладели «техникой Сталина», что вполне успешно конкурировали с «главным мастером». Может быть, другая ошибка Сталина заключалась в том, что, не подумав о будущем, он выдал в свое время весь секрет своего феноменального мастерства в руки этих неблагодарных учеников, столь виртуозно овладевших им теперь. Правда, Сталин принял меры, чтобы собрать вокруг себя непосвященных и, прикрываясь ими, повторить ежовщину (расширение Президиума ЦК после XIX съезда). Но как раз эти меры еще больше заставили бывших «учеников» насторожиться. Хрущев так и заявил в своем докладе на закрытом заседании XX съезда, что Сталин собрал в Президиум ЦК «малоопытных» людей, чтобы легче разделаться со «старой гвардией».

Уже то, что Сталин сообщил внешнему миру о «деле врачей» (большего он не сообщал, по Хрущеву, и членам Президиума ЦК), должно было показать и для «неопытных» направление главного удара. В официальном сообщении по «делу врачей» Кремля от 13 января 1953 года говорилось, что эти «врачи ставили своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активных деятелей СССР» и что: 1) они убили Жданова и Щербакова (членов Политбюро); 2) хотели убить маршалов Василевского, Говорова, генерала армии Штеменко, адмирала Левченко и др. Причем в одной группе врачей оказались «замешанными» сразу две разведки — американская — через благотворительную еврейскую организацию «Джойнт» (врачи Вовси, М. Коган, Б. Клин, А. Фельдман, Я. Этингер, А. Гринштейн, Г. Майоров) — и английская, которая «завербовала», главным образом, русских (врачи Виноградов, Егоров). Сталину показалось неудобным записывать в «сионисты» чисто русских людей, почему и пришлось выделить их в отдельную разведку. Но, спрашивается, почему же врачи хотели умерщвлять только маршалов Василевского и Говорова, а не Жукова, Ворошилова и Булганина? Почему они утертвили Щербакова и Жданова, а не замышляли совершить то же над Хрущевым, Молотовым, Микояном, Кагановичем и даже над Маленковым? Хрущевские разоблачения дали нам ответ на эти вопросы, но сами Хрущевы этот ответ знали еще до смерти Сталина. «Если бы Сталин еще жил, то Молотов, Микоян не выступали бы на этом съезде», — говорил Хрущев. И это несомненная истина, хотя и неполная.

Сталин метил не только против этих двух, но и против всей олигархии и против той части генералитета, которая была связана с Жуковым. В свете последовавших событий после смерти Сталина ясен и смысл политической квалификации предстоявшей чистки. Уже в передовой статье «Правды» того же 13 января (№ 13), автором которой, несомненно, был сам Сталин, говорилось, что из факта строительства в СССР «социализма» и успехов после войны «некоторые люди делают вывод, что теперь уже снята опасность вредительства, шпионажа... Но так думать и рассуждать могут только *правые оппортунисты*, люди, стоящие на антимарксистской точке зрения затухания классово-борьбы. Они не понимают или не могут понять, что наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению борьбы, что чем усиленнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет борьба *врагов народа*».

Кто же такие эти безымянные «правые оппортунисты», которые завтра, по сталинской логике, могут быть объявлены «врагами народа»? С какими «правыми» Сталин полемизирует? После того, что Хрущев рассказал XX съезду об «ошибоч-

ной теории классовой борьбы Сталина» даже в 1937 году (на февральско-мартовском пленуме ЦК) и что пишут по этому поводу сейчас сами сталинцы против Сталина, ясно, что под «правыми» Сталин имел в виду именно Хрущевых и Молотовых. В передовой были и более конкретные намеки как на масштаб чистки, так и на ее первоочередные жертвы. В ней указывалось³: 1. Некоторые наши советские органы и их руководители потеряли бдительность, заразились ротозейством. 2. Органы госбезопасности не вскрыли вовремя вредительской, террористической организации среди врачей. 3. История уже знает примеры, когда под маской врачей действовали подлинные убийцы и изменники Родины, вроде врачей Левина, Плетнева, которые по заданию врагов СССР умертвили великого русского писателя Максима Горького, выдающихся деятелей советского государства Куйбышева и Менжинского.

Статья заканчивается грозным и многозначительным предупреждением по адресу «иностранных хозяев» врачей и их «вдохновителей» внутри страны: «Советский народ с гневом возмущения клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев. Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, он раздавит как омерзительную гадину. Что же касается вдохновителей этих наймитов — убийц, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них и найдет дорогу к ним, чтобы сказать им свое веское слово».

Это самый совершенный язык ежовщины, во время которой Сталин «нашел дорогу» к «вдохновителям» Левина и Плетнева, когда более 70% членов ЦК 1934—1938 годов были расстреляны после расстрела тех врачей! Хрущевы и Булганины, Молотовы и Кагановичи знали и этот язык и свою обреченность, если Сталин останется у власти. Об этом Хрущев прямо говорит в своем докладе от 25 февраля. Вот соответствующее место⁴: «Вспомним о первом пленуме Центрального Комитета после XIX съезда партии, когда в своем выступлении Сталин, охарактеризовав Вячеслава Михайловича Молотова и Анастаса Ивановича Микояна, высказал мысль, что эти два старые работника нашей партии повинны в каких-то совершенно не доказанных поступках. Не исключена возможность, что если бы Сталин оставался у руля еще несколько месяцев, товарищи Молотов и Микоян, вероятно, не могли бы выступить с речами на сегодняшнем съезде. Сталин, очевидно, намеревался покончить со всеми старыми членами Политбюро. Он часто говорил, что члены Политбюро должны быть заменены новыми людьми. Его предложение после XIX съезда об избрании 25 человек в Президиум Центрального Комитета было направлено на то, чтобы устранить всех старых членов из Политбюро и ввести в него людей, обладающих меньшим опытом, которые бы всячески превозносили Сталина. Можно предположить, что это было также намерением в будущем ликвидировать старых членов Политбюро и таким образом скрыть все те постыдные действия Сталина, которые мы теперь рассматриваем» (весь курсив в цитате мой. — А. А.).

Нельзя думать, что такие «предположения» о «намерениях» Сталина пришли в голову «старым членам Политбюро» лишь после смерти Сталина. План Сталина по новой чистке им стал ясен, как видно из речи Хрущева, уже на первом пленуме ЦК после XIX съезда (октябрь 1952 г.). Но более конкретно он начал вырисовываться лишь после ареста врачей (после примечания «Правды» к статье Ю. Денниса от 18 июня 1956 года стало известно, что были арестованы и украинские врачи, то есть лейб-врачи самого Хрущева). Когда же были арестованы врачи, неизвестно. Официальное сообщение гласило, что они арестованы «некоторое время тому назад». Однако судя по тому, что к 13 января 1953 года не только врачи успели «признаться», но и так называемая «экспертиза» по делу закончила свою «работу», надо полагать, что к этому времени врачи сидели в НКВД, по крайней мере, месяца три, то есть они были арестованы сейчас же после XIX съезда, когда Сталин уже создал себе надежный тыл в лице «малоопытных» членов Президиума ЦК из 25 человек, среди которых старые члены оказались в явном меньшинстве (8 человек). Арестовать этих врачей Сталину удалось, но не судить.

Врачи в своем несчастье имели, однако, и великое счастье — Сталину меньше всего нужна была их смерть, ему нужна была смерть их «покровителей» и «вдохновителей» из старого Политбюро. «Вдохновители» это знали точно. Поэтому «вдохновители» боролись за жизнь врачей, чтобы не умереть самим. Когда-нибудь время докажет, что начиная с 13 января 1953 года и составил тот заговор против Стали-

на, который называется теперь «борьбой против культа личности Сталина». Именно с тех пор, когда «старые члены Политбюро» убедились, что Сталин решил довести дело врачей до его логического конца, им ничего не оставалось, как бороться за свою жизнь: Сталин или мы. Никаких идейных убеждений, никаких программных разногласий, никакой политической оппозиции мнимого «ленинского ядра», а просто отчаянная борьба за существование. Вот чем может быть охарактеризован весь период от января до марта 1953 года.

Сообщение 13 января заканчивалось указанием: «Следствие будет закончено в ближайшее время». Если судить по практике тридцатых годов, это означало, что «обвинительное заключение» будет опубликовано, и, стало быть, объявлен срок судебного процесса через неделю, максимум — две недели. Однако прошла неделя, прошли две, прошло семь недель, но объявили не о суде над врачами, а о смертельной болезни Сталина.

В чем дело? Где разгадка? Хрущев, до некоторой степени, помог нам разгадать и эту тайну⁵: «Вскоре после ареста врачей, — рассказывает он, — мы, — члены Политбюро — получили протоколы, в которых врачи сознавались в своей вине... Дело было поставлено таким образом, что никто не мог проверить тех фактов, на которых было основано следствие. Не было возможности попытаться проверить факты, связавшись с теми, кто признался в вине. Мы чувствовали, однако, что дело арестованных врачей было сомнительным. Мы лично знали некоторых из этих людей, так как в свое время они нас лечили. Когда мы пересмотрели это «дело» после смерти Сталина, мы пришли к заключению, что оно было сфабриковано от начала до конца. Это позорное «дело» было создано Сталиным. У него не хватило времени, однако, довести его до конца (так, как он себе представлял этот конец)» (курсив мой. — А. А.).

Вот этого времени «у него не хватило» потому, что ученики Сталина слишком хорошо себе «представляли», к какому «концу» стремится учитель. Конечно, невозможно ожидать от людей, которые решились на разоблачение преступлений Сталина лишь через три года после его смерти, чтобы они открыто рассказали, как прошли «последние дни» Сталина. Однако объективные факты, особенно в свете доклада Хрущева, говорят за то, что ко времени смерти Сталина (независимо от того, какой он смертью умер), внутри ЦК существовал уже *заговор против Сталина*. Об этом заговоре прямо говорит и известное постановление ЦК о «культе личности» от 30 июня 1956 года, хотя суть и характер заговора завуалированы апелляцией к имени Ленина. Соответствующее место названного «постановления» утверждает⁶: «XX съезд партии и вся политика ЦК после смерти Сталина ярко свидетельствуют о том, что *внутри ЦК имелось сложившееся ленинское ядро руководителей*».

Из-за того, что заговорщики объявляют себя «ленинским ядром руководителей», суть дела не меняется. Так как в этом ядре не числился Сталин, то оно могло быть направлено только против него и оставшихся ему верными людей из ЦК, которых, впрочем, оказалось очень мало. Вот на руках (или от рук) этого-то «ядра» Сталин и умер. Уже первое правительственное сообщение о болезни Сталина от 4 марта 1953 года считает нужным доложить стране сразу три вещи: 1. Кровоизлияние в мозг у Сталина произошло в ночь на 2 марта, «*когда он находился в Москве на своей квартире*» (почему это важно, что это произошло «в Москве» и «на своей квартире»?); 2. «Лечение т. Сталина ведется под постоянным наблюдением ЦК и советского правительства» (то есть «ленинского ядра!»); 3. «Тяжкая болезнь Сталина повлечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности» (подготовка населения к отсутствию Сталина).

Дальнейшие «бюллетени» о болезни Сталина последовательно «ухудшаются», явно подготавливая народ к его неизбежной смерти. Под бюллетенями имеются подписи членов комиссии из медицинских знаменитостей страны во главе с министром здравоохранения СССР Третьяковым и начальником Лечебно-санитарного управления Кремля Купериным. 5 марта Сталин умирает, но «ЦК и советское правительство» прибегают к тому, к чему они не прибегали даже после смерти Ленина, — они создают новую «медицинскую комиссию» из совершенно новых лиц, чтобы эта комиссия подтвердила: 1) верность диагноза, поставленного первой комиссией, и правильность лечения, которое происходило «под непосредственным руководством ЦК и советского правительства»; 2) неизбежность смерти Сталина. Вторая

комиссия из девяти профессоров во главе с теми же Третьяковым и Купериным выносит «заключение», которое не допускает мысли о «вредительском лечении» Сталина. Оно говорит⁷: «Результат патолого-анатомического исследования *полностью* подтвердил диагноз, поставленный профессорами — врачами, лечившими И. В. Сталина. Данные патолого-анатомического исследования установили неотвратимый характер болезни И. В. Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительного результата и предотвратить роковой исход».

Словом, Сталина мы лечили правильно, но его смерть с самого начала была неизбежна, что и подтверждают медицинские светила двух «независимых» друг от друга комиссий! Но как этому поверить после всего того, что нам рассказал Хрущев? Неужели «ленинское ядро» и всерьез было озабочено выздоровлением Сталина для своей же собственной смерти? Допустим, что Сталин умер своей смертью на заботливых руках своих старых учеников и соратников, но чем объяснить тогда следующие факты: На второй же день после смерти Сталина 6 марта 1953 г. распускается Президиум ЦК из 25 членов и 11 кандидатов, созданный Сталиным после XIX съезда, и восстанавливается старое Политбюро в составе восьми его членов плюс Сабуров и Первухин (из новых). В день смерти Сталина «умирают» (исчезают) все члены его «Внутреннего кабинета» во главе с Поскребышевым. В день смерти Сталина «умирают» (исчезают): комендант Кремля генерал-лейтенант Спиридонов (назначается генерал-лейтенант Веденин); комендант г. Москвы генерал-лейтенант Синилов (назначается генерал-лейтенант Колесников); командующий Московским военным округом генерал-полковник Артемьев (назначается генерал армии — теперь маршал — Москаленко). Исчезают бывшие члены «Секретариата т. Сталина» — члены Президиума ЦК Чесноков и Андрианов. Исчезает даже сын Сталина — генерал-лейтенант Василий Сталин. Исчезает сейчас же после «оформления» сталинских «бюллетеней» министр здравоохранения СССР Третьяков (назначается Ковригина). Полностью ликвидируется Лечебно-санитарное управление Кремля во главе с Купериним (в составе Министерства здравоохранения создается новый специальный отдел для обслуживания кремлевских вельмож).

Все эти факты находятся в прямой и логической связи с главным событием — со смертью Сталина. Если бы смерть диктатора последовала в нормальных условиях, как нас хотят заверить врачебные «бюллетени», то не было бы нужды в столь радикальной и быстрой расправе не только с «Секретариатом т. Сталина», но и с его военно-полицейской охраной внутри Кремля и верным Сталину штабом Московского военного округа во главе с генералами Артемьевым, Синиловым и Василием Сталиным. Та же самая расправа происходит и во внешнем НКВД (МГБ), хотя об аресте заместителя министра госбезопасности Рюмина объявляется лишь позднее в связи с реабилитацией «группы врачей» (4 апреля 1953 г.).

Сейчас же снимаются и возглавители политического управления Военно-морского министерства СССР (личные ставленники Сталина). Зато расправа не коснулась всего старого состава Политбюро, включая и Берия, аппарата ЦК КПСС, Московского Комитета КПСС и редакции газеты «Правда». Судя по последующим событиям, становится более чем вероятно, что в этих органах и были сосредоточены ведущие организационно-политические силы заговорщиков — в Президиуме ЦК (все старые члены Политбюро, может быть, при нейтралитете Ворошилова и Молотова), в ЦК КПСС (Маленков, Суслов), в МК КПСС (Хрущев и Фурцева), в редакции «Правды» (Шепилов, Сатюков). Подозрительная роль тогдашнего министра госбезопасности Игнатьева стала ясной после доклада Хрущева. Когда Берия был назначен министром объединенного МГБ и МВД, Игнатьев не был просто снят — он получил пост секретаря ЦК КПСС, но после освобождения врачей и ареста Рюмина его выводят из Секретариата ЦК за «политическую слепоту» по отношению к Рюмину⁸. Однако и на этот раз его не ликвидируют, а назначают первым секретарем Башкирского обкома КПСС (где он работал до назначения в МГБ). Чем объяснить такую снисходительность по отношению к человеку, на котором лежала главная ответственность за успех «дела врачей» и всей предстоящей чистки, которому, по свидетельству Хрущева, Сталин давал личные инструкции по делу врачей?

Хрущев рассказывает⁹: «На этом съезде присутствует в качестве делегата бывший министр государственной безопасности товарищ Игнатьев. Сталин ему резко

заявил: «Если ты не добьешься признаний врачей, мы тебя укоротим на голову». Сталин лично вызвал к себе следователя... рекомендовал ему методы, которые следовало применять при ведении следствия. Эти методы были просты — бить, бить и еще раз бить».

Этот рассказ Хрущева дает довольно убедительный ответ на поставленный выше вопрос. Игнатьев, убедившись, что даже при успехе дела не столько против врачей, сколько против старых членов Политбюро, его неминуемо ждет судьба Ягоды и Ежова, выдал сталинский заговор сталинским ученикам. Продолжая выполнять приказ Сталина и «бить» врачей, Игнатьев раскрыл план Сталина его соратникам. В ответ на этот заговор Сталина и образовался контрзаговор сталинцев. В этом заговоре, несомненно, участвовал и Л. Берия. Объявление о деле врачей прямо указывало на ответственность МГБ в то время, когда его непосредственно возглавлял сам Берия (группа врачей из английской «разведки» — Виноградов, Егоров, Коган — назывались в том объявлении «давнишними агентами» англичан, а Л. Берия всегда считался в партии бывшим английским шпионом на Кавказе). В этом была и новая роковая ошибка Сталина — поссорившись с Политбюро и с генералитетом армии, он толкнул в объятия заговорщиков и кадры своей единственной «непогрешимой» опоры — НКВД (Берия, Серов, Круглов, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гогоберидзе и др.). Однако антисталинские заговорщики, принимая в свои ряды Л. Берия и его группу, имели в виду поступить с ними опять-таки по-сталински — использовать их как временных союзников против главного врага — Сталина, с тем, чтобы уничтожить и их, когда главная цель будет достигнута. Отсюда — внутри большого заговора против Сталина уже тогда обозначился маленький заговор против Л. Берии и его группы за редким исключением (Серов). Причин для этого «маленького заговора» было больше, чем достаточно. Доклад Хрущева убедительно доказывает то, что нам известно давным-давно — власть Сталина более двадцати лет держалась на аппарате Берии.

Вполне может быть, что правы и Хрущевы, когда они, ликвидируя Берия, приписывали ему организацию с его стороны заговора или контрзаговора против Политбюро, так как этот чекистский Фуше не мог не знать, что Сталин, в конечном счете, расплатился за совместные дела Сталина — Берии, и теперь на очереди он сам. Серьезным возражением против данного тезиса служит назначение Берии на пост министра внутренних дел, да еще в качестве второго человека в государстве (первый из «первых заместителей» Маленкова). Ведь фактическая власть опять сосредоточивается в его руках, делая потенциального заговорщика исключительно опасным конкурентом для «коллективных руководителей». Почему на это пошло Политбюро, если оно составило заранее заговор и против Берии? При нынешнем состоянии информации о советских делах трудно ответить на этот вопрос. Теоретически можно предположить следующее: в заговоре против Сталина Л. Берия сыграл ведущую роль, может быть, более ведущую, чем Маленков, Хрущев, Булганин и другие, что, естественно, выдвигало его в первые ряды новых правителей. Но заговорщики могли окружить его своими собственными людьми, чтобы быстро предупредить возможное выступление с его стороны против Президиума ЦК.

В руках Берии были и вооруженные силы МВД, но и тут имелся надежный противовес — Московский гарнизон во главе с новым человеком от «коллективистов» (генерал Москаленко) и Советская армия во главе с Булганиным и Жуковым. Добавьте ко всему этому, что внутренний НКВД Кремля (разведка, охрана и войска), как и при Сталине, по всей вероятности, остались вне царства Берии, по-прежнему подчиняясь прямо Секретариату ЦК КПСС. В этих условиях Берия не мог действовать, хотя все еще мог саботировать волю ЦК. Саботаж сводился к тому, что, охотно освободив врачей и арестовав Рюмина, Берия объявил акцию против НКВД законченной. В его расчеты не входило разоблачение преступлений Сталина до ареста врачей. Последний этап «Великой чистки» (1938—1940 гг.) и «Ленинградское дело» 1949 года, то есть те самые дела, которые сейчас реабилитированы «коллективным руководством», были совместными делами Сталина — Берии. Л. Берия знал, что, идя на реабилитацию по этим делам, он похоронит самого себя. После XX съезда мы убедились, что этого именно и требовало от него «коллективное руководство».

В передовой статье газеты «Правда», посвященной снятию Берии, недвусмысленно отмечался этот факт саботажа Берии¹⁰: «Будучи вынужденным, — гово-

рится там, — выполнять прямые указания ЦК партии и советского правительства об укреплении советской законности и ликвидации некоторых факторов беззакония и произвола, Берия *умышленно тормозил* осуществление таких указаний, а в ряде случаев пытался их извратить». Сегодня уже ясно, что, оставляя Берия в составе своего руководства, Кремль не мог пойти на разоблачения Сталина, а Берия, оставаясь в Кремле, не мог не сопротивляться такому разоблачению и саморазоблачению.

Таковы обстоятельства, при которых происходили смерть Сталина и гибель Берии. Разумеется, сама причина смерти Сталина — законы природы или законы политики — остается и надолго останется одной из величайших тайн Кремля. Он находился в таком возрасте и в такой обстановке, при которых смерть нельзя считать «противоестественной», хотя сами ученики Сталина жалуются на его необыкновенную активность (значит, работоспособность, бодрость и хорошее здоровье) именно перед смертью. Эта «активность» была настолько велика, что центральный тезис антисталинской кампании в СССР гласит, что один лишь Сталин стал «в последние годы своей жизни тормозом продвижения СССР вперед!» Как же поступают разумные и знающие свое дело пассажиры, когда главный рулевой упорно отказывается снять ногу с тормоза, да еще при движении вперед по «крутому подъему» и при далеко не безупречной работе мотора? Они бесцеремонно снимают главного рулевого и берут руль в свои собственные, «коллективные» руки. Так, по всей вероятности, поступили и со Сталиным.

Никакие соображения морального порядка или чувство долга перед Сталиным за его былые заслуги не могли удержать сталинцев, когда речь шла об их смерти или жизни, а ведь так и обстояло дело, по рассказу Хрущева. Причем «моральный кодекс» учеников Сталина тоже был выработан самим Сталиным. Сталин учил их десятилетиями на чудовищных примерах собственного поведения самому высокому классу абсолютной аморальности. «Сталин применял порою в этой борьбе недостойные методы», признаются теперь и сами ученики Сталина в цитированном выше постановлении ЦК от 30 июня 1956 года. Когда эти «недостойные методы» Сталин применял в борьбе с троцкистами и бухаринцами, ученики только восхищались, когда же Сталин хотел применить их на этот раз против своих же воспитанников, они ответили ему по-сталински: какова школа, таково и воспитание.

Таким образом, существование заговора против Сталина накануне его смерти надо считать фактом бесспорным, а его подробности — великой тайной. В связи с этим я хочу привести здесь приписываемый Илье Эренбургу рассказ о «последних часах Сталина». Я это делаю не потому, что считаю его подлинным, а потому, что психологически и политически «версия Эренбурга» вполне могла бы соответствовать действительности. Более того, она могла бы быть подброшена самим Кремлем в западные руки, как и секретный доклад Хрущева. Вот его краткое содержание, которое я воспроизвожу по немецкой прессе¹¹.

Во время одной из последних своих поездок в Париж Илья Эренбург поделился с писателем Жан-Полем Сартром информацией о последнем дне жизни Сталина, которая немедленно появилась во французской прессе. По этой информации, 1 марта 1953 года происходило заседание Президиума ЦК КПСС. На этом заседании Л. Каганович выступил с экстренным заявлением, в котором потребовал от Сталина: 1. Создания особой комиссии по объективному расследованию «дела врачей». 2. Отмены отданного Сталиным распоряжения о депортации всех евреев в отдаленную зону СССР (новая «черта оседлости»).

Это заявление Кагановича поддержали все члены старого Политбюро, кроме Берии (?). Это необычное и небывалое единодушие членов Политбюро показало Сталину, что он имеет дело с заранее организованным заговором своих соратников. Потеряв всякое самообладание, Сталин не только разразился площадной руганью по их адресу, но и начал угрожать самой жестокой расправой с бунтовщиками. Однако подобную реакцию на ультиматум Кагановича и Политбюро заговорщики предвидели заранее. Знали они и то, что после такого ультиматума им не выйти живыми из Кремля, если на то будет власть Сталина. Поэтому были приняты и соответствующие меры. Об этих мерах бушующему Сталину заговорщики заявили устами Микояна: «Если через полчаса мы не выйдем свободными из этой комнаты, армия займет Кремль!» После этого заявления Микояна Берия тоже отошел от Сталина, сказав, что он также не возражает против создания комиссии по

делу врачей. Предательство Берии окончательно вывело Сталина из равновесия, а Каганович, вдобавок, тут же, на глазах Сталина, с великим негодованием изорвал на мелкие клочки свой членский билет Президиума ЦК и швырнул его прямо в лицо Сталину. Пока Сталин успел осуществить свое намерение — вызвать охрану Кремля, его поразил удар: он упал без сознания на пол. Только в шесть часов утра 2 марта к Сталину были допущены врачи, которые констатировали смерть Сталина в результате кровоизлияния в мозг.

Этот рассказ, если даже он и не исходит от Кремля (через Эренбурга), вполне укладывается в желательные для его пропаганды рамки. В нем сразу убиваются три «зайца» — во-первых, мы не трусы и не сидели, сложа руки, а боролись против преступлений Сталина еще при его жизни; во-вторых, заодно со Сталиным был и Берия, который как «предатель» перешел на нашу сторону; в-третьих, мы Сталина не убили, а он сам умер от удара, хотя и полученного не без нашего «искусственного» содействия. Если бы не существовал заговор против Сталина «уже сложившегося ленинского ядра в ЦК», то не были ли бы понятными и причины разоблачения «культа» Сталина. Если бы смерть Сталина не вызвала всеобщего, хотя и тайного, ликования народа, не были бы понятны и мотивы разоблачений сталинских преступлений против человечности.

Рассуждения Стефана Цвейга о мотивах поведения термидорианцев после казни Робеспьера целиком напрашиваются в «коллективную биографию» сталинских диадохов, Цвейг писал¹²: «Как только голова Робеспьера покатила в корзину, огромная площадь загремела торжествующим криком. Заговорщики удивляются: почему народ торжествует так страстно по поводу казни этого человека, которого еще вчера Париж, Франция чтили как Бога? Еще больше они удивляются, когда у входа в Конвент народная толпа с восхищением приветствует Тальена и Барраса как тираноубийц, как борцов против террора. Они удивляются, так как, ликвидируя этого превосходящего их человека, они ведь ничего иного не добивались, как освободиться от неугодного лица. Однако дать гильотине поржаветь и кончить террор — об этом никто из них не думал. Но теперь, когда они увидели, насколько непопулярны массовые казни и как они сами могут добиться народной любви, обосновав свою частную месть, задним числом, мотивом человечности, они быстро решают использовать это недоразумение. Весь произвол насилия лежит на совести одного Робеспьера, будут утверждать они отныне (тогда как мертвые молчат), а себя начнут выдавать за апостолов мягкости и гуманности против всяких жестокостей и крайностей. Не казнь Робеспьера, а только эта трусливая и лживая позиция его наследников придает девятому термидору его всемирно-исторический смысл. До этого дня революция присваивала себе все права, спокойно брала на себя любую ответственность. Начиная с этого дня она боязливо признается, что совершала и несправедливости, и ее вожди начинают отрекаться от них, разоблачать их. Всякая духовная вера, всякое мировоззрение уже погибло во внутренней своей силе, как только оно начало отрицать свое безусловное право, свою «непогрешимость». Проницательный повествователь истории термидора, «прогрессивный» друг Советского Союза — Стефан Цвейг, наверное, и не сомневался, что после смерти Сталина советские термидорианцы будут вести себя точно так же.

Но изумленный внешний мир спрашивал и спрашивает поныне: почему же идеалисты «коммунизма», уступая мелкому обывательскому чувству своей частной мести, пошли на самое рискованное преступление перед своими же собственными идеалами: на отрицание «безусловного права революции» творить преступления и на признание «погрешимости» ее правопорядка? Если же не только месть, но и общественные соображения этого потребовали, то почему же понадобилось объявить Сталина великим грешником, чтобы возвести Ленина в сан «непогрешимости»? Как не вспомнить по этому поводу слов гениального пророка тоталитаризма — Ницше¹³: «Спрашивали ли вы самих себя, как дорого обходилось на земле создание каждого идеала? Сколько раз клеветали и не признавали действительности; сколько совести растоптали, сколько раз приходилось пожертвовать Богом? Чтобы соорудить святыню — *надо уничтожить святыню*, таков закон. Пусть укажут мне случай, где бы он не существовал». Сама относительная легкость, с которой «идеалисты коммунизма» оторвались (конечно, лишь символически!) от Сталина и вернулись (опять-таки символически!) к Ленину, легкость, которая не свидетельствует ни о мучениях совести, ни о великих сомнениях («быть или не быть»),

объясняется очень просто: на воротах «великого здания коммунизма», почти по Данте, красуется незримый лозунг — «кто сюда вступает — да оставляет вне этих ворот моральный кодекс людей и идейный хлам фанатиков».

В чем же тогда сила этих строителей «нового общества» — строителей без морали, без веры, без убеждений, столь легко завоевавших четверть земной суши, треть ее населения? *В том, что они именно таковы.* Тот же Ницше писал¹⁴: «Не давайте ввести себя в заблуждение: «великие умы» являются скептиками. Мощь, свобода, вырастающие из силы и сверхсилы ума, доказываются через скепсис. Для фундаментальных дел (в отношении ценности и не-ценности) люди, убеждения не могут быть даже приняты в расчет. *Убеждения являются тюрьмами.* Чтобы можно было судить о ценности и не-ценности, надо видеть пятьсот убеждений *под собою — за собою.* Свобода от всякого рода убеждений принадлежит сильной стороне. Всякая страсть — основа и власть бытия — еще яснее, еще деспотичнее, чем он сам есть, берет весь его интеллект на службу (дела). Она делает его неразборчивым, дает ему мужество к применению недозволенных средств; убеждения же при определенных обстоятельствах оберегают его от этого... Многое достигается лишь путем убеждения. Великая страсть нуждается в использовании убеждения, но она не подчиняется ему — она умеет быть суверенной. Наоборот, потребность в вере в отношении безусловного «да» или «нет» есть потребность слабости... «Человек веры», «верующий» всякого рода необходимым образом является зависимым человеком, таким человеком, который не может ставить цель... «Верующий» не принадлежит самому себе, он может быть только средством... он нуждается в ком-то, кто его использует. Его инстинкт оказывает величайшую честь морали самоотрицания. Любая вера есть самоотрицание, самоотчуждение. «Верующий» не свободен иметь суждение о том, что «истинно» и что «неистинно» — суждения и оправдания на этот счет повлекли бы за собою его немедленную гибель. Патологическая обусловленность его оптики делает из убежденных людей фанатиков — Савонарола, Лютер, Руссо, Робеспьер, Сен-Симон — антиподы сильного, ставшего свободным духа, хотя великая позиция этих больных умов, этих эпилептиков понятия, действует на массу».

Ницше — этот великий скептик, злой демон и оракул ужасных предвидений — предвещал человечеству «Антихриста», «победителей Бога». Даже больше. Он предвидел на службе «победителей Бога» свою собственную философию¹⁵: «Я знаю свой жребий. Будет время, когда с моим именем будут связывать нечто чудовищное — кризис, подобного которому не было на земле, глубочайшую коллизию совести, решение, направленное против всего того, во что до сих пор верили, требовали, считали священным... Все понятие политики превратится тогда в духовную (идеологическую?) войну, все образования власти старого общества будут взорваны на воздух — они всегда основывались на лжи: будут войны, доселе неслыханные на земле. Начиная с меня, на земле будет *большая политика*». Без Макиавелли нельзя понять преступлений Сталина, без Ницше — философии сталинцев, а без знания «школы сталинизма» — падения Сталина.

II. Хрущев против Сталина

В подлинности «специального доклада Хрущева» против Сталина на закрытом заседании XX съезда КПСС сомневаться не приходится. Все основные политические тезисы этого доклада уже изложены в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий»¹⁶. Статья председателя Национального комитета КП США Ю. Денниса, перепечатанная в «Правде» 27 июня 1956 года, тоже говорит об этом «специальном докладе» как документе, действительно существующем. Наконец, в стенографическом отчете XX съезда имеется не только указание о том, что Хрущев сделал на заключительном заседании съезда специальный доклад о «культе личности»¹⁷, но приводится и постановление по этому докладу. Правда, есть основание думать, что текст, опубликованный Государственным департаментом, который лежит в основе нашего рассмотрения, является все еще подцензурным и неполным¹⁸ (о чем говорит и существование дополнительных вариантов «докладов»), но подлинность его косвенно подтверждена вышеуказанными документами, не говоря уже о других публикациях в совет-

ской прессе. Нет никакой возможности проанализировать весь доклад Хрущева. Ответ на него по существу представляет собой все предыдущее изложение. Здесь я остановлюсь лишь на некоторых вопросах.

Хрущев изложил свой собственный вариант нового «Краткого курса» истории сталинизма. При этом Хрущев меньше всего преследовал цели научно-исторические. Его цели — политические, даже больше — конъюнктурно-политические. Конкретно они сводятся к следующему: 1. Представить преступления сталинского режима как «ошибки» Сталина и только его одного. 2. Оторвать сталинскую партию от самого Сталина. 3. Наметить схему новой «научной» истории КПСС.

Чтобы обосновать эти цели, Хрущеву приходится начать с того, с чего начинал сам Сталин: с фальсификации истории. Поставленные цели, собственно, и не допускают другого, объективного подхода. Тем не менее доклад Хрущева — документ исторического значения. Его главная ценность не в том, что из него мы узнаем что-нибудь принципиально новое из истории становления единоличной диктатуры Сталина и сталинских преступлений. Все новое, что говорил Хрущев в этой области, относится лишь к деталям и иллюстрациям того, что писали и говорили во внешнем мире еще тогда, когда Хрущевы числились в «верных соратниках и учениках Сталина». Историческое значение документа лежит в области политики: устами Хрущева «коллективное руководство» признало, что партией и правительством в СССР в течение двадцати лет единолично руководил величайший из преступников в истории народов и государств.

Такое признание, пусть даже сделанное со многими оговорками, чревато такими глубокими потрясениями замедленного действия, что трудно предвидеть их объективные последствия.

а) *Источник сталинских преступлений.* Главный источник сталинских преступлений Хрущев видит: 1) в «культе личности Сталина», в культе, «который вызвал целый ряд чрезвычайно серьезных и грубых извращений партийных принципов, партийной демократии и революционной законности»; 2) в личных качествах Сталина, «абсолютно правильную характеристику которых дал Ленин, указав при этом на необходимость устранения Сталина с поста генерального секретаря»¹⁹. Таким образом, на наших глазах создается новая легенда о «культе», которая, по мнению «коллективного руководства», объясняет все преступления существующего режима. Не чекистская система, не монопартийная диктатура, ни даже сам Сталин, а «культ личности» Сталина и «отрицательные черты в характере Сталина» (Ленин: «грубость, нелояльность, капризность») — вот где, оказывается, заложены причины преступлений Сталина. Другими словами, «культ личности» объясняет преступления, а преступления объясняют «культ личности».

В этом заколдованном кругу Хрущев вертится на протяжении всего своего доклада, чем он и озадачил своих зарубежных соратников (Тольятти, Тореза и др.). Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года явилось запоздалой попыткой вырваться из этого круга, но она оказалась столь же неубедительной, сколь и безнадёжной. Желая объяснить исторический процесс объективными фактами, при помощи антиволюнтаристского «марксистского анализа», ЦК пришел к тем же субъективным выводам, что и Хрущев, — «во всем виноват культ личности Сталина»! С точки зрения ортодоксального марксиста или, как выражался Плеханов, с точки зрения «монистического взгляда на историю», это и есть самый злокачественный идеализм в истории.

Но в чем же источник самого «культа личности» Сталина? Этому вопросу Хрущев в своем докладе и не ставит, ограничившись замечаниями, что он «культивировался среди нас в течение многих лет». Названное постановление ЦК видит его источник в том, что 1) существовало «капиталистическое окружение», 2) происходила «классовая борьба», 3) Сталин обладал отрицательными чертами характера²⁰. Видя очевидную несостоятельность таких аргументов, постановление спешит оговорить: «Все это объясняет, но не оправдывает культа личности». Вот именно: «не оправдывает» (и, конечно, «не объясняет»). Что же его оправдывает? ЦК КПСС даже не пытался ответить на этот вопрос, хотя и сослался на ответ, который уже дан в свободном мире²¹: «Наши враги, — говорит постановление, — утверждают, что культ личности Сталина порожден не определенными историческими условиями, которые ушли уже в прошлое, а *самой системой*, ее, с их точки зрения, недемократичностью и т. д.».

Этот ответ Хрущев и его ЦК отводят как «клеветнический», прибегая к помощи Ленина. Хрущев заявляет, что Сталин применял террор и массовые репрессии вопреки Ленину. Однако при ближайшем рассмотрении «помощь» Ленина оказывается иллюзорной²²: «Научное понятие диктатуры, — писал Ленин, — означает не что иное, как ничем неограниченную, никакими законами, абсолютно никакими правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». Хрущевы возразят, что тут речь идет о «диктатуре класса», а Сталин установил «диктатуру вождя» в своем собственном лице. И на этот счет у Ленина есть недвусмысленное указание²³: «Одна уже постановка вопроса — диктатура партии или диктатура масс — свидетельствует о невероятной путанице мыслей... Договориться до противоположения диктатуры массы диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость».

Хрущев приводит одно из пропагандных высказываний Ленина 1920 года, в котором Ленин оправдывал массовый красный террор интервенцией Антанты и к концу гражданской войны обещал прекратить террор и отменить смертную казнь, а «Сталин уклонился от ясных и простых предписаний Ленина». «Сталин заставил партию и НКВД пользоваться массовым террором, когда не было больше признаков эксплуататорских классов в нашей стране», — сообщает Хрущев. И здесь рассуждения Хрущева находятся в противоречии с историческими фактами: 1) нынешний режим политической полиции (Чека — ГПУ — ОГПУ — МГБ — МВД — КГБ) был создан личным декретом Ленина через месяц-полтора после октябрьского переворота (20.XII.1917), то есть до начала гражданской войны и интервенции; 2) смертная казнь никогда не отменялась при Ленине (коллегия ГПУ пользовалась теми же «чрезвычайными правами» внесудебных расстрелов, как и Чека); 3) к концу гражданской войны террор принял наиболее широкий характер даже по отношению к бывшим «советским партиям» (меньшевикам и левым эсерам), которые в гражданской войне выступали против Белого движения²⁴.

Но самое главное — Хрущев, процитировав пропагандную речь Ленина на сессии ЦИКа в феврале 1920 года (в котором, заметим, как партия оппозиции все еще находилась РСДРП во главе с Мартовым), забыл другой, директивный документ Ленина, написанный через два года. Это письмо Ленина от 17 мая 1922 года к тогдашнему наркому юстиции Дмитрию Курскому. В этом письме Ленин предложил²⁵: «Тов. Курский. В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа уголовного кодекса. Основная мысль, надеюсь, ясна: *открыто выставить принципиальное и политически правдивое положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость. Суд должен не устранять террор, — обещать это было бы самообманом и обманом, — а объяснить и узаконить его принципиально ясно, без фальши и без прикрас*». Редакция «Собраний сочинений Ленина» сделала к этому письму Ленина следующее примечание²⁶: «Письмо Д. И. Курскому о терроре написано Лениным в связи с разработкой первого УК РСФСР. Ленин сам предложил набросать проект статьи... Этот проект и лег в основу статьи 57 УК РСФСР» (очевидно, речь идет о статье 58 УК. — А. А.).

«Узаконенной системы» террора Сталин не создавал, не отменял и, конечно, не нарушал. Он ее, выражаясь по-советски, поднял лишь «на высшую ступень» всеобщей инквизиции. Единственное, что Сталин внес нового в эту систему, заключалось в том, что он ликвидировал ее ленинский «дуализм»: вместо партии и НКВД отныне правила страной одна сила — политическая полиция.

Поэтому лидер итальянских коммунистов Тольятти — и с научно-социологической точки зрения и с точки зрения пресловутого «истмата» — подошел к самой истине, когда в своей известной беседе с редактором итальянского журнала «Нуови аргументи» (июнь 1956 г.) поставил далеко не приятный «коллективному руководству» вопрос: «Раньше все хорошее приписывалось сверхчеловеческим качествам одного человека, теперь все плохое объясняется его не менее необыкновенными пороками... Однако до тех пор пока все объясняется деятельностью одного человека и культом личности, основная проблема остается неразрешенной: как и почему советское государство могло допустить и фактически допустило такое нарушение законности, отступление от демократических норм и даже *дегенерацию общественной жизни*».

ЦК КПСС, назвав беседу Тольятти «интересной, содержательной», отвел как раз этот ее основной аргумент: «Нельзя согласиться, — говорит постановление ЦК

КПСС, — с постановкой вопроса о том, не пришло ли советское общество «к некоторым формам перерождения». Однако на открыто поставленный уж не «врагами», а друзьями вопрос о возможности возникновения культа личности при «социализме» и путях дегенерации советской системы надо было дать открытый ответ. Но участники «коллективного руководства» не стали ломать себе голову над «софистикой» коммунистического «философа» из Рима. Наивный по своему существу ответ ЦК оказался «потрясающим» и по форме²⁷: «Думать, что отдельные личности, даже такая сильная, как Сталин, могли изменить наш общественно-политический строй, значит впасть в глубокое противоречие с фактами, с марксизмом, с истиной, впасть в идеализм... Весь мир знает, что в нашей стране в результате Октябрьской революции и победы социализма утвердился социалистический способ производства, что вот уже почти сорок лет власть находится в руках рабочего класса и крестьянства».

В этом ответе выделены два тезиса: 1) Сталин не мог изменить социальную природу СССР («социалистический способ производства»); 2) власть в СССР «почти сорок лет находится в руках рабочих и крестьян». Второй тезис рассчитан на наивных людей, а первый тезис лишь поясняет сущность дела. В этом и заключается «специфическая» особенность коммунистической тоталитарной системы, отличающая ее от других типов тоталитаризма (фашизма, национал-социализма), что при коммунизме узурпация средств производства, источников накопления капитала и права личной хозяйственной инициативы («социалистический способ производства») является основой закрепления уже узурпированных гражданских прав и политических свобод.

Политическая диктатура, вынужденная считаться с экономической независимостью народа от государственного аппарата управления, всегда уязвима. Это особенно относилось к такой мелкособственнической стране, как Россия, с ее абсолютно подавляющим крестьянским населением. Ленин это понимал с первых дней революции. Чтобы нейтрализовать оппозицию этого основного класса, Ленин и принял эсеровский проект о земле («социализация» вместо большевистской «национализации»). Национализация крупной промышленности тоже не была объявлена сразу. Тут пришлось пройти через этап так называемого «государственного контроля над производством». Мелкая и частично средняя промышленность вообще считались вне «национализации». Пришлось согласиться и на допущение «государственного капитализма» (аренда, концессии) для привлечения иностранного и своего частного капитала. В результате получилось целых пять «способов производства» или, как говорил Ленин, «пять укладов хозяйства»: 1. «Патриархальная форма» хозяйства. 2. Мелкое производство (большинство крестьян, торгующих хлебом). 3. Частный капитализм. 4. Государственный капитализм. 5. «Социализм».

Но Ленин понимал и другое, а именно: чтобы большевики удержались у власти, в стране надо иметь лишь один всеобщий «уклад» — «государственно-социалистический». В этом смысле «военный коммунизм» был не только сугубо военным мероприятием, но и первым хозяйственным экспериментом. Но эксперимент провалился — Кронштадт был последним предупреждением²⁸. Ленин и большевики предупреждение приняли единогласно (редкий случай в те годы) и ввели нэп (1921 г.). Все пять «способов» получили и легальный статус и физические возможности «мирного соревнования», конечно, при условии нахождения «командных высот в руках диктатуры пролетариата». Но в этом «соревновании» «мелкотоварное производство» (крестьяне) и «частный капитализм» (мелкая, кустарная и средняя промышленность, торговля) настолько наглядно показали преимущество частной инициативы, что через год Ленин начал бить отбой — «отступление кончилось, начинается перегруппировка сил», — говорил Ленин на XI съезде партии (1922 г.).

Особенно хорошо преуспевало сельское хозяйство. Хлеб в стране оказался не только в изобилии, но XII съезд партии (1923 г.) решил²⁹: «Целесообразная постановка экспорта излишков русского хлеба за границу стала первостепенной важности задачей». Так была разрешена «зерновая проблема» к тому времени, когда Сталин встал у руля партийного управления. Такое разрешение имело, однако, свою отрицательную сторону для режима. Хлеба было много, но он принадлежал крестьянству, а не правительству, не партии. Так как сельское хозяйство было тогда основой народного хозяйства страны, коммунистическая диктатура оказалась в экономической зависимости от крестьянства. Создалось такое положение, которое

Сталин охарактеризовал в апреле 1929 года в следующих словах³⁰: «Состоятельные слои деревни, имеющие в своих руках значительные хлебные излишки и играющие на хлебном рынке командную роль, не хотят нам давать добровольно нужное количество хлеба по ценам, определенным советской властью».

Где выход из этого положения? Сталин видел один выход и радикально его провел: коллективизация крестьянского имущества и национализация крестьянского труда. Отныне крестьяне зависели от государства. «Военный коммунизм» получил новый псевдоним — «колхозное производство». Во время создания этого «социалистического способа производства» погибло, даже по признанию Сталина (в беседе с Черчиллем), около 10 млн. крестьян. Но только этим беспримерным в истории антинародным актом и была окончательно заложена основа единоличной диктатуры Сталина. При этом, конечно, «хлебная проблема» так же, как и животноводческая проблема, не была разрешена (хотя они при Сталине десятки раз объявлялись «разрешенными»), но зато политическая диктатура партии над страной нашла свое завершение в экономической диктатуре над народом. В этом и заключалась стратегия Сталина. Что же касается узурпации власти у самой партии для установления личной диктатуры, то это уже было вопросом не стратегии, а простой техники партийного аппарата. Рассмотрим его в свете изложения самого Хрущева.

б) *Узурпация власти партии.* Большевики настолько же охотно употребляют термины «диктатура рабочего класса», «власть рабочих и крестьян», «советская демократия», насколько они избегают говорить о «диктатуре партии», «диктатуре вождей». Правда, Ленин был смелее. «Когда нас упрекают, — заявлял он³¹, — в диктатуре партии, мы говорим: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем». В полном согласии с Лениным XII съезд партии (1923 г.) внес этот тезис прямо в резолюцию³²: «Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его авангарда, то есть коммунистической партии».

В период своего восхождения к власти Сталин страшно «возмущался» такой постановкой вопроса. Он считал, что это есть искажение духа ленинизма и что в резолюцию XII съезда (еще при жизни Ленина) формула «диктатура партии» попала «по оплошности»³³. «Идя по этому пути, — говорил он³⁴, — мы должны были бы сказать, что «диктатура пролетариата есть диктатура наших вождей». А ведь к этой именно глупости и ведет политика отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата».

«Возмущение» Сталина преследовало «политику дальнего прицела». Ленин, основоположник большевизма, который на посту лидера партии не обладал и десятой долей той фактической власти, которой овладел потом Сталин, был откровенен: «Да, у нас диктатура партии». Вот эта самая диктатура партии, вернее диктатура ЦК, которая у Хрущева называется «коллективным руководством», прошла в своей истории со времен октябрьского переворота через пять этапов: первый этап — диктатура партии во главе с Лениным (1917—1922 гг.); второй этап — «диктатура тройки» — Зиновьев — Каменев — Сталин во время болезни и после смерти Ленина (1922—1925 гг.); третий этап — диктатура «право-сталинского блока» во главе со Сталиным, Бухариным и Рыковым (1925—1929 гг.); четвертый этап — диктатура сталинцев во главе со Сталиным: Молотов, Каганович, Киров, Ворошилов (1929—1934 гг.); пятый этап — единоличная диктатура Сталина при номинальном Политбюро (1934—1953 гг.).

Свой рассказ о путях становления единовластия Сталина Хрущев начинает со второго этапа (1922—1925 гг.), что исторически совершенно правильно. Уже оглашенное Хрущевым «завещание Ленина» показывает, какой громадной силой стал Сталин еще при жизни Ленина (оскорбление Крупской, игнорирование Ленина, репрессии против грузинских ленинцев и т. д.). ЦК партии, в котором Ленин числился председателем Политбюро, фактически находился в руках Оргбюро, где председательствовал Сталин. Больной Ленин чувствовал, что власть над партией явно выходит из его рук. Авторитет аппарата «генерального секретаря» — эластичного тактика — начинает перевешивать моральный авторитет больного Ленина. По-своему хитроумные Зиновьев и Каменев видят в аппаратчике Сталине надежное орудие в борьбе с главным претендентом на трон Ленина — с Троцким.

Сталин видит в «старых соратниках Ленина» собственное орудие в борьбе с тем

же Троцким. Но мотор «тройки» и хозяин аппарата партии — Сталин, стремящийся к «неограниченной власти». Это понимали только два человека: Ленин и Троцкий. Они же и решают заключить блок против Сталина. Блок Ленина — Троцкого против Сталина! Такой силой Сталин стал еще до своего «культа», в то еще время, когда, по словам Хрущева, 99% делегатского состава XII съезда даже не слышали имени Сталина. О создании этого блока Лев Троцкий рассказывает³⁵: «Чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром: — Вы, значит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК? Я рассмеялся от неожиданности: Оргбюро ЦК означало самое средоточие сталинского аппарата. — Пожалуй, выходит так. — Ну, что ж, — продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса, — я предлагаю вам блок: против бюрократизма вообще, против Оргбюро в частности. — С хорошим человеком лестно заключить общий блок, — ответил я. Мы условились встретиться снова. Ленин предлагал обдумать организационную сторону дела. Он намечал создание комиссии ЦК». «Мы оба должны были войти туда. По существу эта комиссия должна была стать рычагом разрушения сталинской фракции... и для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя Совнаркома»³⁶.

Отсюда, свидетельствует Троцкий³⁷, возникло и «завещание Ленина», чтобы подготовить снятие Сталина на XII съезде и тем самым нанести удар «самоуправству, произволу и грубости». Троцкий продолжает³⁸: «Совместное наше выступление против ЦК в начале 1923 года обеспечивало бы победу наверняка. Более того, я не сомневаюсь, что если бы я выступил накануне XII съезда в духе «блока Ленина — Троцкого» против сталинского бюрократизма, я одержал бы победу и без прямого участия Ленина в борьбе».

Но не спит и Сталин³⁹: «Сталин снова обманул доверие Ленина: чтобы обеспечить себе опору в Грузии, он за спиной Ленина и всего ЦК совершил там при помощи Орджоникидзе и не без поддержки Дзержинского организованный переворот против лучшей части партии, ложно прикрываясь авторитетом ЦК. Пользуясь тем, что больному Ленину недоступны были свидания с друзьями, Сталин пытался окружить его фальшивой информацией... Сталин всячески старался изолировать Ленина от источников информации и проявлял в этом смысле исключительную грубость по отношению к Надежде Константиновне».

Такова была обстановка вокруг ЦК, когда Ленин писал цитируемое Хрущевым письмо о разрыве личных отношений со Сталиным и решил выступить с «бомбой» против него на XII съезде. Но Сталину повезло и на этот раз: по совету того же Троцкого, переданному через Каменева, Сталин написал требуемое Лениным извинительное письмо его жене Крупской, а Ленина, не успевшего прочесть это письмо, поразила новый удар — он перестал говорить и писать. Храбрости Троцкого тоже хватило ненадолго — он заявил тому же Каменеву, что стоит «за сохранение статус-кво. Я против ликвидации Сталина, против исключения Орджоникидзе, против снятия Дзержинского. Но я согласен с Лениным по существу»⁴⁰. От последнего удара Ленин так и не оправился. Он умер как раз в тот момент, когда эта смерть была единственной гарантией политической жизни Сталина — 21 января 1924 года. Троцкий даже допускает, что Ленин, может быть, умер не без помощи Сталина. Чтобы избавиться от смертельных мук безнадежной болезни, Ленин просил, по свидетельству Троцкого, у Сталина яд. «Ленин знал, у кого просить яд», — замечает Троцкий⁴¹.

Троцкий не совсем точен, когда утверждает, что Сталин «тщательно скрывал в своем архиве от партии «завещание Ленина»⁴². По иронии судьбы это «завещание» сослужило службу не тем, для кого оно было составлено (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Пятаков), а тому, кто должен был быть «ликвидирован». Поэтому Сталин его «тщательно» хранил в своем архиве и вытаскивал каждый раз, когда приступал к ликвидации кого-нибудь из названных в нем лиц. Это тем более легко было сделать, что Ленин, рисуя положительные качества названных им лидеров партии (кроме Сталина), говорил одновременно и о качествах отрицательных. Сталин, смело опуская положительную часть характеристики, чтобы еще больше сгустить характеристику отрицательную, цитировал «завещание» Ленина против Троцкого во время «левой оппозиции» (1924 г.), против Зиновьева и Каменева во время «новой оппозиции» (1925—1926 гг.), против Бухарина во время «правой оппо-

зиции» (1928—1929 гг.). Таким образом, «завещание» Ленина оказалось опубликованным и в СССР, кроме части, которая касалась самого Сталина. Сталину пришлось не только это «завещание».

Приступая к овладению наследством Ленина и ликвидации самой «ленинской гвардии», он имел в руках тот волшебный ключ, умелое пользование которым обещало победу — это решение X съезда партии (1921 г.), ликвидировавшее последние остатки так называемой «внутрипартийной демократии» и ставившее аппарат над партией. Решения эти были следующие: «**О единстве партии**». В решении говорилось⁴³: а) «Съезд поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии». б) «Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает ЦК полномочия применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии». **О создании «контрольных комиссий»**: «В целях укрепления единства и авторитета партии»⁴⁴ (то есть, по существу, для той же борьбы против всякого проявления свободомыслия в рядах партии) создаются ЦКК и местные контрольные комиссии.

Когда принимались эти решения, Сталин еще не был генеральным секретарем. Их писал собственноручно Ленин, ногодились они именно Сталину, когда он стал генеральным секретарем (1922 г.). Сталин и его аппарат имели практически неограниченную возможность подводить под эти решения и под партийный суд (ЦКК) любого члена партии от рядовых коммунистов до Троцкого, Зиновьева, Бухарина включительно. Как решения съезда они считались «законами партии», как указания Ленина — не подлежащими дискуссии.

В борьбе по ликвидации внутрипартийных оппозиций — по существу, в борьбе по ликвидации ленинской партии и по созданию собственной партии — Сталин неизменно пользовался духом и буквой этих решений X съезда. Хрущев обходит это молчанием, но зато совершенно произвольно приписывает Сталину в качестве первородного греха концепцию «врага народа». Хрущев говорит: «Сталин создал концепцию «врага народа». Этот термин автоматически исключал необходимость доказательства идеологических ошибок, совершенных *отдельным человеком* или же *группой лиц*. Эта концепция сделала возможным применение жесточайших репрессий... против любого, кто не соглашался со Сталиным по безразлично какому вопросу... Концепция «враг народа», сама по себе, практически *исключала возможность возникновения какого-либо рода идеологической борьбы или же возможность выражения собственного мнения по тому или иному вопросу*» (весь курсив мой. — А. А.).

Стоит только сличить подчеркнутые слова с выдержками из резолюции X съезда, чтобы убедиться, что сама концепция «врага народа» применительно к России (родилась она, собственно, в эпоху Великой французской революции) вытекала из духа и сущности решений X съезда. В этих решениях была сделана попытка поставить внутрипартийные группы, несогласные с партией, в прямую связь с «контрреволюцией». Соответствующее место гласило⁴⁵: «Пропаганда должна выяснить также опыт предшествующих революций, когда контрреволюция поддерживала наиболее близкие к крайней революционной партии мелкобуржуазные группировки, чтобы поколебать и свергнуть революционную диктатуру, открывая тем дорогу для дальнейшей полной победы контрреволюции, капиталистов и помещиков».

Как известно, троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, которые в свое время, как и сталинцы, голосовали за эти ленинские решения, обвиняли Сталина потом в «необоснованных репрессиях» против «идеологически» не согласных с ним членов партии, хотя тогдашние репрессии носили гуманный характер (исключения, ссылки). Сталин уже тогда отвечал им вполне резонно⁴⁶: «В арсенале нашей партии репрессия никогда не считалась исключенной. Мы действуем тут на основе известной резолюции X съезда нашей партии, ... написанной и проведенной на X съезде тов. Лениным».

Вот где лежат истоки «концепции врага народа». Но рассуждения Хрущева о

том, что Сталин не терпел, в отличие от Ленина, свободы «идеологической борьбы» или «выражения собственного мнения по тому или иному вопросу», звучат фальшиво не только исторически, но и политически — разве «коллективное руководство» терпит свободу «идеологической борьбы» и «собственных мнений»? Ведь это уже после смерти Сталина ударили по «горе-экономистам» на основании... неопубликованных ученических «диссертаций». Ведь это уже после разоблачения Сталина объявили Ярошенко и компанию «перерожденцами» на основании... неопубликованных речей, содержания которых партия и страна не знают и до сих пор! Но так как, по Хрущеву, было «два Сталина» — Сталин-ленинец до XVII съезда (1934 г.) и Сталин-деспот до конца жизни, то следует рассмотреть и этот вопрос.

Прежде всего, чем объяснить такую теорию? Она служит для маскировки самих сталинцев. Насколько Хрущев беспощаден к личным порокам самого Сталина, настолько он осторожен в отношении сталинского окружения. По этой же причине он не ставит и самого главного вопроса: кто же стоит у истоков создания не только «культы», но и самого Сталина? Троцкий писал⁴⁷: «Сталин систематически подбирал вокруг себя либо людей, схожих с ним по типу, либо простаков, стремившихся жить, не мудрствуя лукаво, либо, наконец, обиженных. И тех, и других, и третьих было не мало». Эта характеристика Троцкого относится к первому Сталину, «доброму Сталину». Но вот и характеристика, даваемая Хрущевым «второму Сталину», «злому Сталину»: «Если до XVII съезда он (Сталин. — А. А.) еще считался с мнением коллектива, то после полной политической ликвидации троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев... Сталин начал все больше и больше пренебрегать мнением членов ЦК партии и даже членов Политбюро. Сталин думал, что теперь он может решать все один, и все, кто ему еще были нужны, — это *статисты* (курсив мой. — А. А.); со всеми остальными он обходился так, что им только оставалось слушаться и восхвалять его».

Эти свидетельства двух товарищей Сталина по Политбюро разделены лишь временем, но не сущностью. Их совпадения лишь подтверждают, что теория «двух Сталиных» нужна для реабилитации самих сталинцев. В цитированном месте из речи Хрущева есть и ответ, почему и как Сталин сумел превратить членов Политбюро в простых «статистов»: во-первых, потому, что Сталин подбирал только тех, кто «стремился жить, не мудрствуя лукаво», во-вторых, при помощи этих же «статистов» Сталин, ликвидировав начисто всю ленинскую элиту партии, достиг поставленной цели — установления личной диктатуры.

Борьбу опиравшегося на аппарат партии и НКВД Сталина против оппозиции Хрущев считает (или притворяется, что считает) борьбой за «социализм». Между тем «социализм», в смысле благоустроенного социального общежития людей, для Сталина никогда не был целью, а только демагогическим лозунгом для достижения личной диктатуры. Пока эта цель не была достигнута, пока основное препятствие к этой цели не было убрано (троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы), Сталин «считался с мнением коллектива». После достижения цели диктатор присвоил «коллективу» его новые функции: право «только слушаться Сталина и восхвалять его». Хрущев, вполне одобряя политическую ликвидацию оппозиций, не согласен со Сталиным лишь в том, что оппозиционеры (Зиновьев, Каменев, троцкисты, бухаринцы) были ликвидированы и физически. Хрущев говорит в связи с этим: «В дни, предшествовавшие Октябрьской революции, два члена ЦК партии большевиков — Каменев и Зиновьев — выступили против ленинского плана вооруженного восстания... Ленин поставил перед Центральным Комитетом вопрос об исключении Зиновьева и Каменева из партии. Однако после Октябрьской революции Зиновьеву и Каменеву, как известно, были предоставлены руководящие должности. Ленин назначил их на посты, где они руководили проведением в жизнь важнейших партийных решений... В своем завещании Ленин предупреждал, что «случай с Зиновьевым и Каменевым не был простой случайностью». Однако Ленин не ставил вопроса об их аресте и уж, конечно, о расстреле... Троцкий был окружен людьми, социальное происхождение которых ни в коем случае не может быть отнесено к категории буржуазии... эти люди принимали активное участие в рабочем движении до революции... а также в закреплении победы этой величайшей из революций. Многие из них порвали с троцкизмом и вновь примкнули к ленинским позициям. Была ли необходимость ликвидировать этих людей? Мы абсолютно убеждены, что

если бы Ленин жил, то такие чрезвычайные меры никогда бы не были применены по отношению к этим людям».

Здесь Хрущев продолжает те параллельные две линии, которые красной нитью проходят по всему докладу: 1. Искусственное «раздвоение» Сталина, противопоставление «раннего» Сталина Сталину «позднейшему». 2. Элиминация Ленина от Сталина.

С психологической и, в известном смысле, с исторической точки зрения, такой подход имеет некоторое условное оправдание в глазах партии и, отчасти, даже народа. Атаки всех оппозиций внутри партии против Сталина начинались и кончались под одним лозунгом: «Назад к Ленину». Народная молва в годы наибольшего разгула сталинской реакции тоже апеллировала к Ленину: «Если бы жил Ленин...» Но народная молва связывала имя Ленина не с политикой «военного коммунизма» и «комбедов», а с нэпом. Оппозиция же связывала это имя со свободой внутрипартийных дискуссий. Хрущев не может сделать ни того, ни другого. Поэтому Сталин периода ликвидации нэпа, насильственной коллективизации и интенсивной индустриализации остается в неприкосновенности, а Сталин периода физических репрессий сталинцев-чекистов против сталинцев-партийцев противопоставляется Ленину. Пресловутая амнистия физически ликвидированных сталинцев распространяется, правда, и на антисталинцев в партии, но условно и в весьма ограниченном смысле: их политическая изоляция была правильна («незачем устраивать внутрипартийные дискуссии и иметь собственное мнение, когда за всех может думать аппарат»), однако их не надо было расстреливать («мы убеждены, что Ленин так не поступил бы!»).

Конечно, трудно судить, как бы поступил Ленин. Политически Сталин лишь довел линию Ленина до логического конца. Недаром сами Хрущевы в течение тридцати лет учили партию: «Сталин — это Ленин сегодня». Психологически и интеллектуально Ленин был, конечно, человек другого типа, с большим грузом всяческих «буржуазных предрассудков» (наличие, хотя бы только в чисто партийном аспекте, морали, чести, чувства долга и лояльности). Сталин был абсолютно свободен от всех этих «предрассудков», и в этом было его величайшее преимущество как большевистского политика и перед Лениным. Но и Ленин, в силу своей доктрины, уходящей моральными корнями в макиавеллизм, не обладал внутренним иммунитетом против заражения «сталинизмом», если бы ему пришлось действовать в целях и условиях, в которых действовал Сталин. В этом отношении «убежденность» Хрущева малоубедительна. Ведь тот же Ленин писал⁴⁸: «История знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, на преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная».

Была между Лениным и Сталиным другая, уже фундаментальная разница — пусть это покажется парадоксом, но она существовала: Ленин был убежденным коммунистом, а Сталин им не был никогда. Для Ленина власть — средство к цели, к коммунизму. Для Сталина же сам коммунизм — средство для достижения власти. Поэтому Ленин, прежде чем приступить к уничтожению своих соратников, руководствовался бы интересами конечной цели: насколько эти «ошибающиеся» коммунисты являются все же убежденными коммунистами и насколько их уничтожение полезно или вредно для дела коммунизма. Сталину сама его цель — власть — диктовала другой подход: насколько полезны или вредны данные коммунисты в деле установления его единовластия. Поэтому как раз идейно-убежденные коммунисты были для Сталина наиболее опасной частью партии. Только они и могли противопоставить себя Сталину, если им казалось, что Сталин борется вовсе не за какие-то общественные идеалы, а только за личную и неограниченную власть. Тут мы подходим к вопросу, заставляющему Хрущева больше всего возмущаться практикой Сталина во время ежовщины.

в) *Сталин — Ежов — Политбюро*. Прежде чем приступить к рассмотрению истории ежовщины в изложении Хрущева, вспомним внутрипартийную обстановку и состав руководящих органов ЦК накануне «Великой чистки». В самых общих чертах эта обстановка характеризовалась следующим образом:

1. Основные кадры всех бывших оппозиций давно капитулировали перед сталинским аппаратом и не играли в жизни партии никакой роли. Их бывшие лидеры, напротив, находились на пропагандной службе Сталина и пели, как и вся партия, дифирамбы «великому и гениальному» (Зиновьев — в журнале «Большевик»,

Каменев — в издательстве «Академия», Бухарин — в газете «Известия», Радек — в газете «Правда», Томский — в ОГИЗе и т. д.).

2. В составе ЦК, избранного на XVII съезде (1934 г.), сидели самые правоверные коммунисты за все время истории партии, кроме трех членов из бывших, но разоружившихся троцкистов (Пятаков, Кл. Николаева и Крупская) и трех кандидатов из бывших, но также разоружившихся правых (Бухарин, Рыков, Томский). Абсолютное большинство членов и кандидатов ЦК — члены партии до революции.

3. Исполнительные органы ЦК, избранного на этом съезде, состояли из следующих лиц: Политбюро — члены: Сталин, Молотов, Л. Каганович, Ворошилов, Калинин, Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Андреев, Косиор, Микоян, Жданов. (Последние два — с 1935 г.) Кандидаты: Чубарь, Петровский, Постышев, Рудзутак. Оргбюро — члены: Сталин, Л. Каганович, Киров, Жданов, Ежов, Шверник, Косарев, Стецкий, Гамарник, Куйбышев. Кандидаты: Криницкий, М. Каганович. Секретариат: Сталин, Л. Каганович, Киров, Жданов.

Таким образом, ни в ЦК, ни в его высших руководящих органах Сталин не имел противников, если не считать вышеназванных бывших шести оппозиционеров. В ЦК, в составе его органов, во главе всех местных комитетов находились только те коммунисты, которые и словом и делом помогли Сталину разбить оппозицию в партии после Ленина, провести коллективизацию, выполнить первые пятилетки и окончательно закрепить за Сталиным официальное и моральное лидерство в партии. «Лидерство, но не диктатура», — таков мог быть лозунг ЦК 1934 года. Преданность этого ЦК идеалам коммунизма не вызывает сомнения. Зато его преданность идее единоличной диктатуры Сталина была весьма сомнительной. Первый тезис подтверждает и Хрущев, а второго тезиса он и не касается. Послушаем его:

«Сталинское своеобразие по отношению к партии и ее Центральному Комитету стало совершенно очевидным после XVII партийного съезда, состоявшегося в 1934 году. Имея в своем распоряжении многочисленные данные, доказывающие грубое своеволие по отношению к партийным кадрам, Центральный Комитет создал парткомиссию под контролем Президиума ЦК; ей было поручено расследование причин... массовых репрессий против большинства членов и кандидатов ЦК... Эта комиссия ознакомилась с большим количеством материалов из архивов НКВД, а также с другими документами, и установила много случаев фабрикации дел против коммунистов, ложных обвинений, вопиющих злоупотреблений социалистической законностью, результатом которых была смерть невинных людей. Стало очевидным, что многие (в другом месте Хрущев говорит: «десятки тысяч». — А. А.) партийные, советские и хозяйственные работники, которые были заклеены в 1937—1938 гг. как «враги», в действительности никогда не были ни врагами, ни шпионами, ни вредителями и т. д., а всегда были честными коммунистами; они были только оклеветаны, и часто, не будучи в состоянии выносить варварских пыток, обвиняли самих себя (по приказу следователей-фальсификаторов) во всех видах самых ужасных и неправдоподобных преступлений. Комиссия представила Президиуму ЦК обширные и обоснованные материалы... Было установлено, что из 139 членов и кандидатов ЦК партии, избранных на XVII съезде, 98 человек, то есть 70%, были арестованы и расстреляны... (Возгласы возмущения)».

Хрущев признается, что та же судьба постигла и самих делегатов XVII съезда. По данным Хрущева, 80 процентов делегатов этого съезда вступили в партию до революции и во время гражданской войны. По социальному происхождению 60 процентов делегатов были рабочими. И однако: «Из 1956 делегатов с правом решающего или совещательного голоса — 1108 были арестованы по обвинению в контрреволюционных преступлениях, то есть явно подавляющее большинство. Только сам по себе этот факт... показывает, насколько абсурдными, дикими и противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, выдвинутые против большинства участников XVII партийного съезда (Возгласы возмущения)».

В чем же причина, по Хрущеву, столь бесцеремонной расправы Сталина со своей партией? Хрущев дает ответ, который является всем, чем угодно, но только не ответом на этот главный и решающий вопрос. Хрущев говорит: «Единственной причиной, почему 70% членов ЦК и кандидатов, избранных на XVII съезде, были

заклеймены врагами партии и народа, было то, что честные коммунисты были оклеветаны на основании сфабрикованных против них обвинений». Вот и все. Этот незатейливый ответ вызывает сразу четыре вопроса: как были сфабрикованы, кем были эти фабрикация санкционированы, почему подобные, выражаясь по-хрущевски, «абсурдные и дикие» репрессии против партии стали возможными от имени той же партии? Были ли в составе ЦК партии люди, сопротивлявшиеся этим репрессиям?

На первые два вопроса Хрущев отвечает конкретно и убедительно: «При таком положении не было нужды в чьей-либо санкции; да и о каких санкциях могла идти речь, когда все решал Сталин. Он сам был главным прокурором во всех этих делах. Сталин не только соглашался на все эти аресты, но он сам, по своей инициативе, давал распоряжения об арестах».

Но были ли в верхах партии, в Политбюро, люди, которые сомневались в правильности курса Сталина на физическое уничтожение партии, если да, то осмеливались ли они высказать вслух эти сомнения? Хрущев, хотя бы ради оправдания самого себя и своих коллег по Политбюро, не допускает наличия таких людей. Он прямо заявляет: «Обладая неограниченной властью, он (Сталин. — А. А.) допускал большой произвол в деле морального и физического уничтожения людей. Создалось такое положение, что никто не мог выразить свою волю. Если Сталин говорил, что того или иного человека следует арестовать, то необходимо было принимать на веру, что это лицо является «врагом народа».

В этом заявлении Хрущева есть и косвенное признание в санкциях Политбюро — оно давало санкцию, «принимая на веру» действия Сталина. Впрочем, у Хрущева есть и более прямые утверждения на этот счет, которые довольно ясно указывают, на кого Сталин опирался, приступая к массовому террору, указания на роль самого Политбюро и его отдельных членов.

Первое заявление касается подготовки самой чистки. Вечером 1 декабря 1934 года, после убийства Кирова, президиум ЦИК СССР принял директивное указание (Хрущев говорит «за подписью Енукидзе», но совершенно очевидно, что без подписи председателя ЦИК СССР Калинина такое указание не могло иметь юридической силы) о следующем: «1. Следовательским отделам предписывается ускорить дела обвиняемых в подготовке или проведении террористических актов. 2. Судебным органам предписывается не задерживать исполнения смертных приговоров. 3. Органам Комиссариата внутренних дел (НКВД. — А. А.) предписывается приводить в исполнение смертные приговоры... немедленно после вынесения этих приговоров».

Хрущев комментирует это указание следующим образом: «Это указание послужило основой для многочисленных случаев злоупотребления против социалистической законности. В ходе многочисленных сфабрикованных судебных процессов подсудимые обвинялись в «подготовке» террористических актов. Уже только это делало невозможным пересмотр их дел, даже если они заявляли перед судом, что их «признания» были вынуждены силой, или если они убедительно доказывали ложность воздвигнутых против них обвинений».

Этот первый акт, узаконивающий все остальные преступления, был утвержден Политбюро. Правда, Хрущев говорит, что это утверждение последовало постфактум, но все-таки последовало: «Вечером 1 декабря 1934 года, по инициативе Сталина (без резолюции Политбюро, — которая последовала, между прочим, два дня спустя), секретарь президиума ЦИК Енукидзе подписал следующее директивное указание», и т. д. (весь курсив в цитате мой. — А. А.).

Это указание цитировалось выше. Из второго заявления Хрущева мы узнаем, что Ежов был назначен народным комиссаром внутренних дел СССР вместо Ягоды в отсутствие Сталина из Москвы, по одной лишь телеграмме Сталина из Сочи 25 сентября 1936 года. Прочитав эту телеграмму, Хрущев замечает: «Сталинская формулировка, что «ОГПУ отстаёт на четыре года» в применении массовых репрессий и что нужно «наверстать» запущенную работу, толкнула НКВД на путь массовых арестов и казней».

Если бы Хрущев в той же мере любил историческую правду, в какой он лично ненавидит Сталина, или если бы он был свободен от круговой поруки по совместным преступлениям, то он сделал бы и третье заявление в более откровенной форме, а именно: назначение Ежова и ежовская чистка были санкционированы Полит-

бюро в отсутствие Сталина, тем Политбюро, в состав которого входили Ворошилов, Микоян, Андреев, Молотов, Каганович.

Совершая любое преступление — малое или великое, Сталин с врожденным чувством профессионального преступника умел создавать себе алиби. Этим и объясняется, почему Сталин столь судьбоносный для него и для страны вопрос предлагал решать в свое отсутствие. В случае чего Сталин мог сказать (и, вероятно, сказал во время ликвидации Ежова): «Что вы, товарищи, я ведь только телеграфировал, так сказать, внес предложение, но ведь решали и голосовали вы сами, без меня. Вам было виднее». Объяснялось это далее еще и тем, что Сталин был абсолютно убежден, что предлагаемое им дело было «кровным делом», совместным делом всех «соратников и учеников».

Хрущев сознательно замалчивает эту сторону ежовщины. Но сказанного им уже достаточно, чтобы прийти к заключению, что Сталин действовал не только с ведома, но и с полного согласия тогдашних членов Политбюро — Молотова, Кагановича, Ворошилова, Микояна, Жданова, Андреева, Калинина, короче говоря, всех тех, кто уцелел от ежовщины. Хрущев это знает и поэтому не прочь отмежеваться от этого Политбюро, хотя и делает это косвенно. Рассказывая делегатам съезда, каким страшным пыткам подвергались в НКВД старые большевики и как эти большевики брали обратно свои вынужденные «признания» в письмах на имя Сталина, Хрущев как бы мимоходом напоминает: «В то же время Сталин, как нам было сообщено членами Политбюро *того времени* (курсив мой. — А. А.), не показывал им заявлений многих обвиняемых партийных активистов».

Конечно, Хрущев не был членом Политбюро, но чтобы Хрущев, Маленков, Булганин, Берия и другие вошли в его состав, Сталину — Молотову — Кагановичу пришлось убрать из Политбюро и ликвидировать из 16 членов и кандидатов его состава 9 человек, в том числе Кирова, Орджоникидзе, Куйбышева и самого Ежова. Из этих девяти в живых был оставлен лишь Петровский.

Что же касается заявлений членов Политбюро «того времени», что Сталин скрывал от них «письма» старых большевиков, то для Сталина едва ли было это необходимо. Ведь из 21 члена Совнаркома (Совет министрѳв), председателем которого был Молотов, на воле осталось лишь три наркома — Каганович, Ворошилов, Микоян. Все остальные наркомы, в том числе и прямые заместители Молотова — Рудзутак, Межлаук, Антипов, Чубарь — сидели в НКВД. Надо полагать, что эти люди писали не только секретарю партии, но и председателю своего правительства. Точно так же, надо полагать, хозяйственники писали Кагановичу и Микояну, партработники — Андрееву, Маленкову и Хрущеву, командиры армии — Ворошилову и Буденному. Спрашивается, от кого же тогда скрывали полученные ими письма эти соратники Сталина? Обо всем этом Хрущев «не осведомлен».

Рисуя Сталина как террориста и деспота, Хрущев ни разу не приводит примеров того, как Сталин и его партия уничтожали планомерно и систематически миллионы беспартийных крестьян, рабочих и интеллигенции. И это естественно. Если уничтожение верхнего слоя партии было делом Сталина и Политбюро, то уничтожение народа было делом всей сталинской партии. Сталина можно обвинить в утверждении персональных списков из высшего актива партии и государства, подлежащих физическому уничтожению («в 1937—38 году Сталину было направлено 383 таких списка с именами тысяч партийных, советских, военных, комсомольских и хозяйственных работников. Он утверждал эти списки». — Хрущев), но кто же утверждал списки миллионов, которые прошли через «чрезвычайные тройки» в областях и республиках? Сами же эти «тройки» в составе трех членов бюро местных комитетов партии — первого секретаря партийного комитета, прокурора и самого начальника местного управления НКВД.

Хрущев не установил статистики этих чудовищных злодеяний сталинской партии и составлять государственную комиссию (по аналогии с партийной) по их расследованию не собирается. В связи с 40-летием НКВД его шеф генерал Серов писал: «Нужно сказать, что в период 1937—1938 годов пробравшиеся в НКВД провокаторы, а также бессовестные карьеристы... а также порожденные культом личности крупные ошибки нанесли нам серьезный урон необоснованными репрессиями по отношению к советским и партийным кадрам, а в ряде случаев и к рядовым советским гражданам»⁴⁹ (курсив мой. — А. А.). «А в ряде случаев» пострадали и

рядовые советские граждане! Надо обладать неисчерпаемым запасом лицемерия, чтобы писать эти слова даже в газете «Правда».

Вопрос о количестве уничтоженных рядовых членов партии Хрущев обошел тоже полным молчанием. Между тем и это количество было весьма внушительным: 1 220 942 коммуниста было исключено (стало быть, и арестовано) за 1934—1939 годы, по моим данным, или 1 165 000 коммунистов за 1935—1938 годы — по другим⁵⁰. Почему же Хрущев не доложил об этом съезду и почему даже после разоблачения Сталина скрывается партийная статистика по стажу ее членов? Ответ ясен — тут уже действовали сами сталинцы: в центре — Маленков, Каганович и Андреев (секретари ЦК и члены комиссий Политбюро по госбезопасности), а Хрущев и Сулов — на своих участках (Москва, Украина, Ростов).

г) *Три характеристики.* К имевшимся до сих пор — из коммунистических источников — двум авторитетным характеристикам морально-политического облика Сталина прибавилась теперь третья, не менее авторитетная. Из двух первых одна исходила от учителя Сталина — Ленина, другая — от бывшего коллеги и соперника Сталина — Троцкого. Третья, и последняя, характеристика исходит от прямого и долголетнего ученика Сталина (а через него и от всех бывших его «учеников и соратников») — от Хрущева.

Несмотря на разное положение авторов этих характеристик по отношению к Сталину, они все сходятся в одном: Сталин жесток, неразборчив, аморален. Ленин характеризует Сталина в «завещании» как человека грубого, нелояльного, способного злоупотреблять властью, капризного, а в письме «К вопросу о национальностях, или об автономизации», имея в виду Сталина и осмеивая его обвинение грузинских ленинцев в «социал-национализме», Ленин возвращает Сталину его обвинение «с лихвой»⁵¹: «Он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой». Чтобы рассеять всякое недоразумение и показать, как грузин может быть «грубым великорусским держимордой», Ленин поясняет в другой части того же письма⁵²: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно-русского настроения».

Характеристика Л. Троцкого говорит о том же. Конечно, Троцкого могли обвинять и обвиняли в «субъективизме» как обиженного Сталиным человека. Однако «субъективизм» Троцкого намного беспристрастнее, чем «объективизм» Хрущева, обязанного своим нынешним положением лично Сталину. Троцкий пишет⁵³: «При огромной и завистливой амбициозности он (Сталин) не мог не чувствовать на каждом шагу своей интеллектуальной и моральной второсортности... он отталкивал меня теми чертами, которые составили впоследствии его силу на волне упадка: узостью интересов, эмпиризмом, психологической грубостью и особым цинизмом провинциала... По-настоящему Ленин узнал Сталина только после Октября. Он ценил его качества твердости и практического ума, состоящего на три четверти из хитрости. В то же время Ленин на каждом шагу наталкивался на невежество Сталина, крайнюю узость политического кругозора, на исключительную моральную грубость и неразборчивость. На пост генерального секретаря Сталин был выбран против воли Ленина, который мирился с этим, пока сам возглавлял партию».

Однако по сравнению с той обширной и практическими примерами иллюстрированной характеристикой, которую Хрущев дал Сталину как политику и человеку, характеристики Ленина и Троцкого — лишь бледные психологические эскизы. И это понятно: Ленин видел Сталина в эмбрионе, Троцкий — в отрочестве, а Хрущев — «во всем величии».

Хрущев начал рисовать портрет Сталина, воздав должное пророчеству Ленина: «В дополнение к великим заслугам В. И. Ленина, — говорит он, — ...его необычайный ум выразился также и в том, что он вовремя заметил в Сталине ряд отрицательных качеств, которые позднее привели к весьма печальным последствиям... отрицательные черты Сталина, которые при жизни Ленина были только в зачаточном состоянии... все время неуклонно развивались и в последние годы его жизни приобрели абсолютно нетерпимый характер».

В характеристике Сталина, даваемой Хрущевым, впервые нарисован более или менее точный морально-психологический облик Сталина как государственного деятеля и человека. Мы говорим «более или менее», потому что важнейшая часть

такого облика — Сталин в быту, Сталин в семье, «частный Сталин» — вовсе отсутствует у Хрущева. Отсутствует у Хрущева и другая, на наш взгляд, органическая и ведущая черта сталинского характера — абсолютный морально-этический нигилизм в политике. Вероломство и подлость родили Сталина, вероломство и подлость сопутствовали его карьере, вероломство и подлость вызвали его гибель. Об этих качествах Сталина Хрущев рассказывает как об «ошибках», которые заставили учеников пересмотреть миф о величии Сталина только тогда, когда эти ученики сами оказались в опасности (когда едешь к Сталину «как друг... — не знаешь куда попадешь после этого — домой или же в тюрьму», — Хрущев, со слов Булганина).

Вот это последнее обстоятельство заставляет относиться критически и к портрету Сталина, нарисованному Хрущевым. Хрущев сознательно умалчивает об этих качествах Сталина, когда речь идет о становлении сталинской диктатуры, но, вероятно, сгущает их, когда говорит о «последних годах жизни Сталина». Конечно, мы всегда были и остаемся самого высокого мнения об уголовных способностях Сталина. Никакие гиперболы Хрущева тут нас не удивят. Но обвинения Сталина в том, что он сам создал себе «культ» гениального (а это, по мнению Хрущева, главнейшая из ошибок Сталина), не может быть принято всерьез даже сталинскими врагами. Внешняя скромность Сталина всегда была поразительна. Он «делал рекламу», но не себе, не своей собственной личности, а Ленину, партии, ЦК и даже политическим ничтожествам из Политбюро, которые на гребне исторической волны оказались лишь по личной милости Сталина. Человек, который куда с большим основанием, чем Людовик XIV, мог сказать «государство — это я», в своих программных выступлениях не знал, не допускал не только малейшей — «лирики», но даже местоимения «я». «Мы, советские люди», «наша партия», «наш ЦК», «наш великий учитель Ленин», — эти выражения советского жаргона введены в русский язык не Хрущевым, а Сталиным. Да, Сталин создавал «культ партии» и «культ Ленина», а сталинцы создали культ самого Сталина — безвкусно, настойчиво, всюду и везде, соревнуясь между собой в восхвалениях Сталина, а потом, исчерпав все доступные земные прилагательные, существительные, метафоры и эпитеты, члены Политбюро переходили к категориям космическим⁵⁴.

Словом, создали даже не просто «культ Сталина», а «культ бога Сталина». Хрущев признает все это вредным, но адреса «вредителей» не дает: «Для марксизма-ленинизма является непозволительным и чуждым особо выделять какое-либо отдельное лицо, превращая его в сверхчеловека, наделенного сверхъестественными качествами, приближающими его к божеству... Вера в возможность существования такой личности, и, в особенности, такая вера по отношению к Сталину, культивировалась *среди нас* (курсив мой. — А. А.) в течение многих лет». Кто же культивировал? Сам Сталин и... кинорежиссеры — таков общий вывод Хрущева, в высшей степени несостоятельный и нелогичный.

Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года меланхолично констатирует⁵⁵: «Восхваления по адресу Сталина вскружили ему голову!» Значит, в конечном счете, источник сталинских злодеяний не в самом Сталине, а в сталинском окружении, то есть в сталинской системе. Тольятти был прав, когда он указал своим соратникам по сталинизму из Кремля, что виноват не только Сталин, но и его ученики, которые внушали Сталину, что он «гений», «сверхчеловек», «божество». «Почему вы не умили хотя бы пыл ваших восхвалений?» — упрекает их Тольятти. «Сам Сталин этого требовал», — гласит ответ Хрущева.

Этот ответ может быть опровергнут документально, если эти документы имеют какую-нибудь цену в глазах «коллективного руководства». Документ № 1⁵⁶: Письмо Ксенофонтову. «Ваше письмо и набросок статьи читал... Мои замечания: 1) Я против того, чтобы Вы называли себя «учеником Ленина и Сталина». У меня нет учеников. Называйте себя учеником Ленина, Вы имеете на это право... Но у Вас нет оснований называть себя учеником ученика Ленина. Это неверно, это лишнее». Документ № 2⁵⁷: «Я никогда не считал себя и не считаю безгрешным. Я никогда не скрывал не только своих ошибок, но и мимолетных колебаний». Документ № 3⁵⁸: «16 февраля 1938 г. (в Детиздат). Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблужде-

ние охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные брехуны»), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом. Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности вождей, непогрешимых героев. Это опасно вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу. Советую сжечь книжку. И. Сталин».

Было бы, конечно, рискованно настаивать на том, что Сталин в этих случаях был абсолютно искренен. Но нынешний секретарь ЦК КПСС и лейб-биограф Сталина Пospelов («Краткая биография Сталина») еще в октябре 1953 года уверял партию в безусловной искренности Сталина⁵⁹. Теперь Пospelов как секретарь ЦК по пропаганде уверяет нас вместе с Хрущевым в безусловной неискренности Сталина, причем все это происходит после смерти последнего. Спрашивается, какой Пospelов клеветает на Сталина: Пospelов — автор доклада в Академии наук в октябре 1953 года или Пospelов — автор постановления 30 июня 1956 года? На этот наивный вопрос нельзя ждать серьезного ответа. Но важно следующее: если бы даже Сталин был неискренен, отвергая свой собственный культ, то члены Политбюро имели основание, даже прямое указание от самого Сталина «сбавить тон» и соблюсти меру. Но этого не случилось, и не случилось по весьма прозаическим причинам: во-первых, превознесение Сталина было непременным условием карьеры, во-вторых, оно же гарантировало и сохранение жизни (до поры до времени).

Изумительными по своему нравственному цинизму надо считать действия Сталина с его «Краткой биографией», о которых Хрущев доложил съезду. Желая окончательно похоронить вчерашнего бога перед его вернейшими фанатическими поклонниками, Хрущев продемонстрировал моральную низкопробность диктатора на примерах низости, которые больше всего и вернее всего могут возмутить чувство представителей так называемой «коммунистической этики».

«Скромность украшает большевика» — этот афоризм Сталина знал каждый коммунист. А тут Хрущев вдруг привел съезд в изумление: Сталин собственно-ручно писал о себе: «Сталин — гений!» Это действительно было ошибкой Сталина, которой Хрущев воспользовался. Сталин, не обеспечив себе путей отступления, единственный раз изменяет собственному закону: оставляет письменное свидетельство о своей мании величия. И оно теперь пригодилось неблагодарным ученикам. Что Хрущев взял при этом верный психологический прицел, зафиксировал и протоколист ЦК: только в двух местах стенографического отчета доклада Хрущева отмечены «волнение и возмущение в зале»; там, где речь идет о расстреле старых большевиков и о «саморекламе» Сталина.

Наиболее скандальными документами «самокульта» Сталина Хрущев считает «Краткий курс истории ВКП(б)» и «Краткую биографию» Сталина. Примеры, приводимые Хрущевым в связи с этим, говорят, однако, о большем, чем просто о самовосхвалении диктатора. Они говорят не только о том, каким аморальным человеком был сам Сталин, но одновременно и о том, какого низкого мнения он был и о морали своих «соратников». Догола может раздеться человек лишь среди представителей своего пола. Сталин и Хрущев были представителями одного «морального пола», но теперь Хрущев, стараясь прикрыться довольно прозрачным фиговым листком, выставляет нам напоказ своего бывшего владыку во всей его отвратительной политико-моральной наготе. Незачем ссылаться на все примеры, остановимся лишь на некоторых.

«Культ личности, — говорит Хрущев, — принял такие чудовищные размеры главным образом потому, что сам Сталин, применяя все возможные методы, поддерживал прославление своей собственной личности... Одним из наиболее характерных примеров самопрославления Сталина и отсутствия у него самого элементарного чувства скромности может служить его «Краткая биография...» Эта книга представляет собою выражение самой отвратительной лести... Нет нужды приводить здесь примеры того отвратительного идолопоклонства, которыми полна эта книга. Достаточно указать, что все эти выражения были одобрены и отредактированы самим Сталиным, а некоторые даже дописаны его рукой на корректуре книги... Желал ли он умерить пыл тех льстецов, которые составляли

его «Краткую биографию»? Нет! Он отмечал те самые места, в которых, по его мнению, восхваление его заслуг было недостаточным» (весь курсив в цитате мой. — А. А.).

Кто же были эти «льстецы»? На титульном листе книги (И. В. Сталин. Краткая биография. Москва, 1951 г.) авторами названы: М. Б. Митин и П. Н. Поспелов. Кто же они такие? Митин — член ЦК и член его комиссии по иностранным делам, Поспелов — секретарь ЦК КПСС, избранный на эту должность уже после смерти Сталина. Вот кто, оказывается, «льстецы», авторы «книги самой отвратительной лести». Выходит, что даже и эти авторы, основной профессией которых на протяжении всех этих тридцати лет было «отвратительное идолопоклонство», не справились со своей задачей, и поэтому Сталину пришлось превратить «биографию» в «автобиографию». Что же писал Сталин сам о себе? Хрущев приводит оригинал поправок, внесенных рукой Сталина: «Руководителем этого ядра (речь идет о нынешних учениках Сталина. — А. А.) и *ведущей силой партии и государства* был т. Сталин. *Мастерски* выполняя задачи вождя партии и государства и имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования». Хрущев: «Где и когда бывало, чтобы вождь так сам себя хвалил?» Сталин: «Сталин достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии: Сталин — это Ленин сегодня». Хрущев: «Вы видите, как хорошо это сказано, но не народом, а самим Сталиным». Сталин: «Товарищ Сталин развил дальше передовую советскую военную науку... На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки... Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их...» Хрущев: «Так Сталин восхвалял себя как стратега. Кто делал все это? Сам Сталин, но не как стратег, а как автор-редактор... Таковы факты, товарищи. Следует, пожалуй, сказать — позорные факты».

Дальше Хрущев переходит к разбору пресловутого «Краткого курса истории ВКП(б)». Хрущев подтверждает, что «Краткий курс» «был написан комиссией ЦК... книга была написана выделенной для этой работы группой авторов». В проекте «Краткой биографии» это обстоятельство было отражено так: «Комиссия ЦК ВКП(б) под руководством товарища Сталина и при его активнейшем личном участии разработала «Краткий курс истории ВКП(б)». «Но и эта фраза не удовлетворила Сталина; она была заменена следующей фразой в окончательном тексте «Краткой биографии»: «В 1938 году вышла в свет книга «История ВКП(б). Краткий курс», написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией ЦК ВКП(б)».

Сообщив, таким образом, как Сталин открыто совершил плагиат, Хрущев саркастически спрашивает: «Нужно ли к этому еще что-либо добавить? Как видите, поразительная метаморфоза превратила труд, созданный группой людей, в книгу, написанную Сталиным». Литературный агент Сталина во Франции, Анри Барбюс, когда-то писал: «Сталин — это человек с лицом рабочего, головой ученого и в шинели простого солдата». Политический соратник Сталина — Хрущев — снял эту «рабочую» маску с лица преступника, через весьма маленькую щель показал нам функцию его мыслительного аппарата и довольно грубо скинул с него мундир «генералиссимуса». В результате получился эскизный портрет давно нам знакомого лица: инквизитора, деспота, фарисея, маньяка и литературного воришки мелкого масштаба.

(Продолжение следует)

Примечания

1. «Правда», 24.12.1954, № 358.
2. Энциклопедический словарь, изд. БСЭ, т. III. Москва, 1955, стр. 310.
3. «Правда», 13.1.1953, № 13.
4. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 54.
5. Там же, стр. 45.

6. «Правда», № 184, 2.7.1956.
7. «Правда», № 66, 7.3.1953.
8. «Известия», № 82, 7.6.1953.
9. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 44.
10. «Правда», 10.7.1953, № 191.
11. «Die Welt», № 205, 1.9.1956.
12. Stefan Zweig. Joseph Fouché. Frankfurt/M., 1956, S. 74.
13. Fr. Nietzsche. Zeitgemässes und Unzeitgemässes. Fischer-Bücherei, Frankfurt/Main — Hamburg, S. 182.
14. Ibid., S. S. 215, 216.
15. Ibid., S. S. 233, 234.
16. «Правда», 2.7.1956, № 184.
17. XX съезд КПСС. Стенографический отчет, ч. II, стр. 402, Москва, 1956.
18. «New York Times», 5.6.1956, интернациональное издание.
19. Речь идет о знаменитом «завещании Ленина», опубликованном в «Коммунисте» № 9, 1956.
20. «Правда», 2.7.1956, № 184.
21. Там же.
22. Ленин. Соч., 3 изд., т. XXV, стр. 441.
23. Там же, стр. 188.
24. Б. Николаевский. К предыстории «Социалистического вестника»; Р. Абрамович. Идеологическая линия «Социалистического вестника». «Соц. вестник», № 2—3, 1956.
25. Ленин. Соч., т. XXVII, 3 изд., стр. 297.
26. Там же, стр. 544, примечание 141.
27. «Правда», 2.7.1956, № 184.
28. «В феврале 1920 года под влиянием своих наблюдений над жизнью крестьянства на Урале я настойчиво добивался перехода к новой экономической политике. Ленин был в то время против. Переход к нэпу совершен был лишь через год, правда, единогласно, но зато под грохот кронштадтского восстания и в атмосфере угрожающих настроений всей армии» (Л. Троцкий. Моя жизнь, ч. II, 1930, стр. 168).
29. КПСС в резолюциях, ч. I. 1953, стр. 628.
30. И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 258.
31. Ленин. Соч., 3 изд., т. XXIV, стр. 423.
32. КПСС в резолюциях, ч. I. 1953, стр. 683.
33. И. Сталин. Соч., т. 6, стр. 258.
34. И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 133.
35. Л. Троцкий. Моя жизнь, ч. II, Берлин, 1930, стр. 216—217.
36. Там же, стр. 217.
37. Там же, стр. 218.
38. Там же, стр. 219.
39. Там же, стр. 223.
40. Там же, стр. 224.
41. Л. Троцкий. Сталин.
42. Там же, стр. 205.
43. КПСС в резолюциях, ч. I. 1953, стр. 529.
44. Там же, стр. 533.
45. КПСС в резолюциях, ч. I. 1953, стр. 528—529.
46. И. Сталин. Соч., т. 10, стр. 83.
47. Л. Троцкий. Цит. соч., стр. 214.
48. Ленин. Соч., 3 изд., т. XXVII, стр. 243.
49. «Правда», 21.12.1957.
50. Z. K. Brzezinski. The Permanent Purge. Цитирую по «Ost-Probleme», 1956, № 23, S. 798.
51. «Коммунист», № 9, стр. 15.
52. Там же, стр. 23.
53. Л. Троцкий. Моя жизнь, ч. II. 1930, стр. 213—214, 217—218.
54. Ворошилов. «Правда», 21.12.1949.
55. «Правда», 2.7.1956.
56. И. Сталин. Соч., т. 9. 1948, стр. 152—154.
57. И. Сталин. Соч., т. 10. 1949, стр. 61.
58. «Вопросы истории», 1953, № 11, стр. 21, доклад секретаря ЦК КПСС Поспелова, 19 октября 1953 г.
59. Там же, стр. 21.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том третий. Белое движение и борьба Добровольческой армии.
Май — октябрь 1918 года

Глава IX. Дон: внешняя политика

«Внешние сношения вел сам атаман. Я был простым исполнителем его указаний». Так говорил управляющий отделом иностр. дел ген. Богаевский. Вряд ли история с точки зрения русской национальной идеи осудит ген. Краснова за то, что он в 1918 г. признал Дон «не воюющей» против Германии стороной, воспользовался обеспечением немцами западных рубежей области и приобретал через их посредство военные запасы бывшего русского Юго-западного фронта. В тогдашнем положении Дона другого выхода не было, а силы и военно-политическое положение Германии вынуждало ее удовлетвориться вполне таким односторонним нейтралитетом и экономическими выгодами своеобразного товарообмена — русских патронов на русский хлеб.

Но ген. Краснов пошел гораздо дальше, исходя из двух предпосылок, оказавшихся глубоко ошибочными: предвидения победы немцев в мировой войне и возможности существования самостоятельного «Донского государства» среди бурного русского океана, заливающего со всех сторон красной волной Донскую землю. На другой же день после своего избрания атаман Краснов обратился с письмом «как равный к равному» — к императору Вильгельму. Текст этого первого письма не был известен командованию Добровольческой армии, но вскоре мы получили копию инструкции, данной атаманом послу своему ген. Черячукину, посланному в начале июня на Украину, а также второго письма, отправленного 5 июля германскому императору. Сущность последних двух документов, почти тождественных по содержанию и определявших основы всей донской политики, сводилась к следующим положениям.

Вильгельм должен был: 1. «Признать право Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения... и всей федерации, под именем Доно-Кавказского союза»¹. На создание его «согласие всех держав имеется(?), и вновь образуемое государство... решило не допускать, чтобы земли его стали ареной кровавых столкновений». 2. Включить в границы войска по соображениям «географическим и этнографическим» Таганрогский округ и «по стратегическим» — Лиски, Воронеж, Поворино, Камышин и Царицын. 3. «Оказать давле-

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12, 1991, №№ 1—12, 1992, №№ 1—5.

ние на советские власти Москвы и заставить их своим приказом очистить пределы Всевеликого войска Донского и других держав, имеющих войти в Доно-Кавказский союз, от разбойничьих отрядов красной гвардии и дать возможность восстановить нормальные мирные отношения между Москвою и войском Донским. 4. Помочь «молодому государству» орудиями, ружьями, боевыми припасами и инженерным имуществом и... устроить в пределах войска Донского заводы для боевого снабжения.

За услуги «Его Императорского Величества» ген. Краснов обязался: 5. «Всевеликое войско Донское (будет) соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы, на что дали свое согласие и атаман Астраханского войска, и Кубанское правительство, а по присоединении (?) и остальные части союза». 6. Предоставить Германии «право преимущественного вывоза» в обмен на немецкие фабрикатy и «особые льготы на помещение (германских) капиталов» в донские предприятия.

Все письмо было составлено в тоне вернопреданности, глубоко обидном для русского национального самолюбия — в отношении державы, продолжавшей с необыкновенным цинизмом играть судьбами России. А одна его фраза ударила особенно сильно по чувствам офицерства русской армии: «Тесный договор сулит взаимные выгоды, и дружба, спаянная кровью на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми нашими врагами»...

Прежде всего нас удивило обращение атамана от имени «Доно-Кавказского союза», которого фактически никогда не существовало². Идея этого союза пришла одновременно с двух сторон — из верхов казачества и от немецких властей Киева.

В заключенном еще между 9 и 24 мая «соглашении» между Доном и Кубанью ближайшей задачей обеих сторон признана была борьба с большевиками, имевшая целью «восстановление на территориях Дона и Кубани твердого государственного порядка» и дальнейшей — «обеспечение на будущие времена политической и экономической свободы и независимости народов, населяющих Донскую и Кубанскую области». «Дабы ныне разрозненные части России могли явить более могущественную политическую силу», признано было также необходимым «создание на юге России прочного государственного образования на федеративных началах». Этот договор заключал еще одно удивительное положение, нарушавшее все принципы военного дела, возвращавшее нас к австрийскому «гофкригсрату» и косвенно ставившее Добровольческую армию в невозможное положение. «Правительства (Дона и Кубани) учреждают совместные советы, которым предоставляется право разработки плана борьбы с большевиками и анархией на территории Дона, Кубани и смежных с ними областей и губерний, а также общее руководство военными операциями в смысле определения общих и даже частных заданий для отдельных армий»...

Это был единственный договор Кубани с Доном. Заявления ген. Краснова императору Вильгельму о «согласии всех держав» на бытие «Доно-Кавказского союза» и о решении «не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы, на что дало свое согласие Кубанское правительство», оказались неправдой. После опубликования знаменитого письма к Вильгельму, Кубанское правительство сочло себя вынужденным издать официальное сообщение (2 сентября), которое по первому вопросу устанавливало, что «никаких других договоров (кроме заключенного 9—24 мая) ни письменных, ни словесных заключено не было» и что поэтому «Доно-Кавказский союз» не может считаться существующим». По второму вопросу — что «никаких обязательств на себя Кубанское правительство не принимало и никого не уполномочивало от его имени делать какие-нибудь заявления»...

11 июня в Новочеркасск прибыли из Киева с особой миссией герцог Н. Лейхтенбергский — одно время выставлявшийся немцами в качестве кандидата на русский престол; известный по «корниловскому делу» Иван Добрынский, состоявший в особых отношениях с немецкой контрразведкой³; некто полковник князь Тундутов — человек крайне ограниченного развития, объявивший себя атаманом Астраханского войска на том основании, что состоял раньше помощником Астраханского атамана.

Тундутов добился какими-то путями приема у императора Вильгельма и, вернувшись из Берлина, стал распространять слухи о своем большом влиянии, которым он пользуется у немцев. Поделился и беседой своей с императором, который между прочим сказал ему следующее: «Славянский вопрос нам надоел. Поэтому знайте, что никакой «Единой России» не будет, а будет четыре царства: Украина, Юго-Восточный союз, Великороссия и Сибирь. Мы отлично знаем, что у вас в Киеве думают, что вы присоедините к Киеву все остальное и, таким образом, объедините Россию. Пожалуйста, передайте там, что мы это знаем, что мы этого не желаем и не допустим».

Эта тирада получила широкое распространение, попала в печать, но немецкое командование, вообще очень ревниво относившееся ко всем сведениям, касавшимся Германии, не опровергло ни факта приема Тундутова императором, ни заявлений последнего. Это произвело на Юге большое впечатление⁴. Позднее, в августе, существование немецкого плана «реконструкции» Российской державы подтвердилось и официально: «Лизогуб⁵, побывав в Берлине, получил уверения от министра иностр. дел Гинце, что Германия «благожелательно рассматривает перспективы федерации государств, расположенных на Востоке», и что «Украина, составляя часть русской федерации, будет гарантирована в смысле ненарушимости верховных прав и свободы государства»⁶...

Тундутов и Добрынский предъявили донскому атаману ноту германского командования в Киеве 1) об образовании Юго-Восточного союза, 2) об удалении Добровольческой армии с территории Дона, разоружении ее или удалении германофобского командного состава, 3) о поддержке немцев на «Восточном фронте» против союзников. За выполнение этих требований немцы обещали военно-политическую и экономическую поддержку. Посетивший в тот же день Краснова ген. Алексеев писал мне, что атаман весьма расстроен этим ультиматумом и заявил, что «на началах, изложенных в ноте, он не может допустить образование Юго-Восточного союза со вхождением в него Донской области».

В отношении Добровольческой армии вопрос остался открытым. Обострение его, по-видимому, для всех заинтересованных лиц представлялось слишком опасным. Другие условия ноты оказались не столь неприемлемыми. По крайней мере Краснов писал тогда же генералу Эйхгорну: «В настоящее время я занят подготовкой общественного мнения к активной борьбе с чехо-словаками, если бы последние вздумали перейти границы земли войска Донского... Если бы Вы помогли Донскому войску окрепнуть в полной мере, дав при этом определенное заверение, что по достижении сего германские войска будут выведены из пределов Донской области, тогда Вы могли бы быть уверены, что Донское войско и за ним и весь Доно-Кавказский союз Вам преданы, Вам благодарны и Вам никогда не изменят. Вы могли бы быть спокойны за Ваш тыл на Украине (?) и за Ваш правый фланг в том случае, если бы державы Согласия восстановили «Восточный фронт». Мы угрожали бы их левому флангу»⁷.

Достоин внимания, что в то же время ген. Краснов всемерно старался повернуть Добровольческую армию на север: «С 15 мая я тщетно зову Добровольческую армию идти вместе с Донскими казаками на север, к Царицыну, Саратову и Воронежу на соединение с чехо-словаками, если только они не миф, но Добровольческая армия или не хочет или не может идти к сердцу России»⁸...

Обсуждение организации союза между тем продолжалось — и у атамана с немецкими офицерами, и в заседаниях представителей Дона, Астрахани (?) и Кубани, под председательством ген. Краснова. Был составлен и проект «правительственной декларации Доно-Кавказского союза», в состав которого теоретически включали не только Черноморскую, Ставропольскую губ. и Терек, но и горцев Северного Кавказа, Сухумский и Закатальский округа, с которыми не было никакой связи и о судьбе которых на Дону ничего не было известно.

21 июня в сел. Песчанокопском, при подходе Добровольческой армии к пределам Кубани, на панихиду по убитом ген. Маркове собрались следовавшие при армии кубанский атаман и правительство. Атаман сообщил мне, что его и председателя правительства ген. Краснов дважды телеграфно вызывал для подписания договора о Доно-Кавказском союзе. Я ответил: «Против Доно-Кубанского единения и Доно-Кавказского союза в принципе ничего не имею. Но освободить Кубань, чтобы она стала в вассальную зависимость от Германии, я не согласен.

Если угодно, — поезжайте. Но тогда завтра же я сверну Добровольческую армию с екатеринодарского направления на Царицын».

С тех пор заседания ген. Краснова с двумя «правительствами» без «народов» хотя и продолжались, но не привели ни к каким результатам. По свидетельству кубанского представителя в Новочеркасске П. Макаренко, кубанцы под всякими предложениями уклонялись от окончательного решения вопроса и «вели двойную игру» — в Новочеркасске (П. Макаренко) и в Киеве (Рябовол) о федерации с Украиной и Доно-Кавказским союзом, используя в своих интересах и Украину и Дон.

Отношения Дона с Украиной сильно портил вопрос о Таганроге. В округе имелась всего лишь одна донская станица, но он давал угля вчетверо больше, чем вся Донская область (81%). Поэтому — как докладывал впоследствии Кругу генерал Богаевский — «Дон в этом уступить не мог... Представителям германского командования было твердо заявлено, что дело может дойти до войны (с Украиной)»⁹. Украина, в свою очередь, была заинтересована Таганрогом и Ростовом еще и как «мостом» на Кубань, где в кругах черноморских политиканов сильны были украинские течения. Под давлением немцев спор был разрешен в пользу Дона, и после этого между ним и Украиной завязались тесные политические и экономические отношения. Характерно, что и в этих «международных» договорах Дон обязывался не заключать союзов, могущих вредить Украине и Центральным державам, и не оказывать помощи чехо-словакам.

Совершенно безнадежно обстоял вопрос о «примирении» Дона с большевиками. Немцы, к которым обращался атаман по этому вопросу, помочь Дону в этом отношении не могли и, как увидим ниже, не хотели. Два письма, посланные ген. Красновым к одному из большевистских «главковерхов», Иозефовичу, по поводу прекращения «братоубийственной» борьбы, заключения торгового договора и т. д., не попали по назначению¹⁰. В Киеве «пан гетман обещал оказать всякое содействие к признанию (большевиками) самостоятельности войска Донского»¹¹, но на украино-большевистской конференции товарищ Раковский заявил категорически, что советское правительство рассматривает Дон как «восставшую область, входящую в состав советской республики, и считает ведение прямых переговоров с Доном оскорблением республики».

Наконец, союзники Дона, немцы, также не склонны были в споре между советами и Доном становиться на сторону последнего. Мин. ин. дел Гинце в сентябре заявил в рейхстаге: «Мы деловым образом разрешили вопросы (Донецкий уголь)... Но из этого не следует, что мы признали войско Донское как самостоятельную единицу»... Эти бесплодные переговоры в русском обществе и в Добровольческой армии были поняты, однако, как уклонение от борьбы за Россию ценой спасения Дона.

Внутренняя и внешняя политика атамана создали ему сильную оппозицию в самых разнообразных кругах организованной общественности и личных врагов среди неудовлетворенных идейно или обойденных персонально верхов казачества. В рядах оппозиции нашли место социалистические думы Ростова, Нахичевани, Таганрога, профессиональные союзы, рабочая печать, к.-д. партия и вся многочисленная русская интеллигенция, не разделявшая германофильской политики ген. Краснова или оскорбленная ее внешними проявлениями. На заднем плане донской оппозиции стояла вся масса иногородних — рабочих и крестьян, из которых первые только бурлили, вторые поднимали местные восстания, подавляемые казаками.

В среде казачества у атамана были восторженные поклонники и ярые враги. Маятник колеблющегося отношения к нему раскачивался то в одну, то в другую сторону, главным образом, в зависимости от большего или меньшего успеха борьбы на фронте.

Показателем общественных настроений того времени могут служить отклики с разных сторон по поводу того злополучного письма императору Вильгельму, которое определило основные вехи донской политики.

На совещании 26 июня донского атамана с представителями германского командования майор Кофенгаузен заявил, что «после того, что он слышал из уст атамана, германское правительство будет всячески поддерживать атамана, содействовать укреплению его власти в области... как путем морального воздействия на население, так и в смысле поддержки таковой реальной силой — оружием и войсками, во всем идя навстречу личным пожеланиям атамана»¹².

Кадеты на Дону в вопросе о «неизбежности государственной самостоятельности»

сти областей и участия немцев» первоначально стали на точку зрения Милюкова... «Я лично употребил все усилия, — писал он 25 мая в главный комитет партии, — чтобы побудить наших партийных товарищей в Ростове и в Новочеркасске стать на эту точку зрения. Соответственная декларация была сделана партией народной свободы в заседании Ростовской городской думы»... Под влиянием дальнейших событий взгляд кадетов круто изменился, найдя некоторое отражение в переписке, веденной в июле между их «политическим другом справа» Родзянко и Красновым. Родзянко ставил атаману в вину признание им себя и областей «Доно-Кавказского союза» «вассалами германского императора», в «дележе исконных русских областей», в «способствовании дроблению отечества на части», в «предательстве Добровольческой армии», которая «никогда дружественной к немцам не будет и кровь которой проливается для упрочения какого-то нелепого самостоятельного союзного государства»¹³.

Ген. Алексеев отнесся к донской политике также с суровым осуждением. По поводу инструкции Черячукину он писал мне 26 июня (№ 59): «В лице ген. Краснова немецкие притязания нашли отзывчивого исполнителя... Побуждения этой инструкции слишком ясны... из рук немцев получить право называть себя «самостоятельным государством» и воспользоваться случаем округлить границы будущего «государства» за счет Великороссии... За эту измену Родине — позволяю себе так назвать эту инструкцию — немцы должны снабжать войско боевыми припасами, принадлежащими всей России»... Ген. Алексеев высказывал опасение, что «в скором будущем Донское и Кубанское войска могут рассматривать Добровольческую армию в виде «вражеской силы», и наше положение может сделаться в стратегическом отношении невыносимым».

Наконец, кн. Г. Трубецкой¹, делегат «Правого центра», стоявшего за связь с Германией и проводившего начала «реальной» политики в отношении к немцам, в своем послании в Центр 28 августа писал: «При (создавшихся) условиях политика Краснова в общем своем направлении не нуждается в оправдании... В сущности — чего стоят все эти обязательства? Как только обстоятельства изменятся и появится иная сила, так полетят и обязательства... Но форма, им усвоенная, невозможна. Он перестарался... Самый факт письма его к императору Вильгельму хуже его содержания»¹⁴...

По существу вопрос донской политики расчленился на явления двоякого порядка. Все эти уверения в преданности германскому императору; все символы суверенной государственности в виде «послов», гимна, флага, герба; все торжественные декларативные заявления от имени «государства», «народов», «демократической республики» о независимости от России не только в годы смуты, но и «на будущие времена»¹⁵ — казались только бутафорией, которая могла раздражать или волновать национально мыслящие элементы Юга. Но за нею скрывались реальные возможности действительно серьезного характера. Тесное сотрудничество с немцами укрепляло положение последних, содействовало политике расчленения России и в случае продолжения войны разделяло противобольшевистские силы на два враждебных друг другу лагеря.

«Независимость» имела естественным следствием переговоры о «мире с Москвой» и возбуждала в казачестве иллюзии о возможности локализации борьбы с большевиками в пределах одного Дона — иллюзии, которые шли снизу, но находили отклик и нравственное обоснование в атаманских приказах, подрывавших импульс к борьбе за Россию и потворствовавших казачьему шовинизму. Так, в приказе от 30 сентября было сказано: «Защита границ Всевеликого войска Донского от натиска красногвардейских банд и освобождение Российского государства от кошмарного кровавого большевизма вынуждают меня вынести борьбу за пределы земли войска Донского... Принимая во внимание труды и кровавые жертвы, которые понесло Донское казачество... и обязанность его заняться строительством своей разоренной родины, я не считаю возможным привлекать к этой работе казаков». Задача эта возлагалась на формируемую из «русских» людей «Южную армию». Я не касаюсь внутренних побуждений, руководивших ген. Красновым в его кипучей работе по управлению краем. Но во всем, что он писал и говорил, была одна чисто индивидуальная особенность характера и стиля, которая тогда, в дни кровавой борьбы, приводила многих к полной невозможности отнестись с доверием к его деятельности...

Немцам он говорил о своей и «Союза» преданности им и о совместной борьбе против держав Согласия и чехо-словаков¹⁶. Союзникам — что «Дон никогда не отпадал от них и что германофильство (Дона) — вынужденное для спасения себя и Добровольческой армии, которая ничего не смогла бы получить, если бы не самопожертвование Дона в смысле внешнего германофильства»¹⁷. Добровольцев звал идти вместе с Донскими казаками на север, на соединение с чехо-словаками¹⁸. Донским казакам говорил, что за пределы войска они не пойдут¹⁹. Наконец, большевикам писал о мире²⁰...

Такая политика была или слишком хитрой или слишком беспринципной; во всяком случае, для современников событий — не вполне понятной. Нам не пришлось увидеть и конечных достижений ее, ибо в октябре книга бытия внезапно оборвала свое повествование и перешла к новой главе, изменившей карту мира, перевернувшей все внешние декорации южно-русской борьбы, но не принесшей все же России желанного освобождения.

Глава X. Противобольшевистские организации внутри России: «Правый центр», «Национальный центр», «Союз возрождения России», «Союз защиты Родины и свободы» (Савинков)

Со времени октябрьского переворота «русский вопрос» более, чем когда-либо в истории, потерял свое самодовлеющее значение в мировой политике, став производной в борьбе центральных держав с державами Согласия. Способом, средством, источником материальных и военных ресурсов. И только. Везде в доступных нам документах прямо или косвенно доминирует взгляд на Россию — исключительно как фактор международной борьбы.

Германия стремилась к незамерзающему порту на Ледовитом океане, к невывезенным запасам Мурмана, Архангельска, Владивостока, к эксплуатации Запада и Юга России, к возвращению из Сибири и использованию 300—400 тысяч австро-германских пленных... Державы Согласия противодействовали ей путем оккупации Владивостока и сибирской линии, поддержанием чехо-словацкого движения, созданием Северного фронта и подготовкой Восточного.

Кроме известного уже нам воззвания союзных дипломатов в Вологде, и другие заявления их носили тот же двойственный характер, в котором доминировали цели международной борьбы. Так, на Дальнем Востоке, осенью 18 года, английская декларация, упоминая об «экономической помощи вашей разоренной и страждущей родине», объясняла цель предполагавшейся и неосуществленной интервенции желанием «помочь вам спастись от раздела и гибели, грозящих от рук Германии, которая старается поработить ваш народ и использовать неисчислимые богатства вашей страны». Французская декларация говорила также о помощи «здоровым элементам русского народа», но непосредственной причиной выступления называла «необходимость оказать помощь нашим союзникам, чехо-словакам». Резким диссонансом в союзническом аккорде прозвучало тогда только заявление Америки: «Вмешательство в дела России для нанесения удара Германии может скорее всего явиться способом использования России, нежели оказанием ей помощи». Со свойственной им прямолинейностью американцы заявили: «Главная забота Соединенных Штатов состоит в охране военного имущества, проданного Америкой России и находящегося в портах Владивостока, Мурмана и Архангельска».

Германия привлекала в свою орбиту явно Финляндию, Польшу, Украину, Румынию; тайно — русские противобольшевистские организации... Державы Согласия соперничали с ней в этом отношении, нисколько не считаясь с интересами России. Был даже такой период с ноября 17 года по 19 февраля 18-го — день заключения Брест-Литовского мира — когда союзники готовы были признать фактически советское правительство, предлагая ему финансовую и техническую помощь — даже офицерским составом — для продолжения войны с немцами²¹.

Немцы в этой игре победили. И союзные правительства решительно и тогда только окончательно²² перестали смотреть на советскую власть как на возможное «средство» борьбы против Центральных держав. Отнюдь не побуждениями альтруизма, а стечением обстоятельств союзники были отброшены в противобольшевистский стан, тогда как Германия, невзирая на внешние противоречия ее политики, до

конца вооруженной борьбы поддерживала большевизм как благоприятный для себя фактор в политике и стратегии.

Ряд откровений германских и австрийских государственных деятелей в полной мере подтверждает это положение. Между ними идет спор о характере и степени виновности отдельных лиц, о большем или меньшем их даре предвидения, об истинных мотивах тех или иных дипломатических шагов. Но синтез всех этих откровений ясен и бесспорен:

1. В германском народе, правительстве, рейхстаге, прессе, командовании — существовало два взгляда на роль России: одни в распадающейся великой стране видели неограниченные положительные возможности для германской нации; другие, наоборот, «усиление англосаксонского мирового владычества» и угрозу бытию Германии.

2. С начала войны, в особенности же в 17 году, исторические перспективы значительно ступали под влиянием интересов момента, и германская мысль единодушно работала в пользу всемерного ослабления России как влиятельного фактора борьбы, результатом чего явилась финансовая поддержка большевизма и Брест-Литовский мир.

3. В дальнейший период, когда психология «победителей» все больше и больше стала омрачаться тревожными предчувствиями, общественные и политические круги Германии вновь вернулись к историческому трактованию вопроса. Между правительством, говорившим об умеренности, и главной квартирой, настаивавшей по военным соображениям на политическом и экономическом разгроме России, возникли серьезные разногласия уже при заключении Брестского договора и особенно обострились при выработке «дополнительных (к нему) условий».

4. С весны 18 года, когда уже и на верхах германского командования повеяло дыханием катастрофы, когда обнаружилась ясно смертельная опасность большевизма и для Германии, роли переменялись: германское командование на Востоке, поддержанное Мирбахом и затем Гельферихом, начало говорить о необходимости «более определенного отношения к советскому правительству», вплоть до его свержения. Хотя такой переворот в 1918 г. представлялся немецким военным и государственным деятелям — и был в действительности — необыкновенно легким, он не нашел сочувствия в правительстве и поддержки в ставке. По словам ген. Людендорфа, разделявшего будто бы всецело этот взгляд, «правительство уверило его в том, что русская политика его отвечает настроению Германии»..., и он, «к несчастью, принужден был этому поверить».

Брест-Литовский мир со всеми вытекавшими из него временными последствиями дали немцам большевики. Ни одна политическая группа, никакая иная русская власть не могли предоставить Германии более выгодных для данного момента условий. Исходя из этого близорукое в историческом смысле положение, от начала и до конца, до своего падения, Германия твердо, определенно и без колебаний проводила в жизнь политику расчленения и разрушения России, поддерживая советскую власть во всем, что не противоречило ошибочно понимаемым германским интересам.

В то же время ответственные представители немецкой власти в Москве, Пскове, Киеве, Ростове входили в сношения с противобольшевистскими вождями и организациями и давали им неопределенные надежды... Эта двойственность — я не вхожу в обсуждение искренности отдельных немецких деятелей — приносила и приносит немецкому делу серьезные выгоды в моральном и практическом отношении. В моральном — умеряя одним жестокую немецкую политику и создавая теории о «двух Германиях», подобно тому, как впоследствии южно-русская действительность выдвинула легенду о «двух Англиях» — Ллойд Джорджа и Черчилля... В практическом — создавая иллюзии в определенных кругах русской общественности и расколов противобольшевистский фронт на две мешавших друг другу, иногда враждебных, «ориентации».

Вскоре после большевистского переворота в Москве образовалась конспиративная организация, под названием «девятки». В нее вошли по три члена от к.-д. партии, Торгово-промышленного союза^{II} и Совета общественных деятелей. Впоследствии организация разрослась, получив характер коалиции консервативных и либеральных общественных групп, с явным преобладанием первых, и приняв наименование Московского или Правого центра²³.

Целью организации было объединение несоциалистических элементов страны для борьбы с большевизмом. Такая широкая постановка вопроса, некоторое «полевение» и чувство одиночества и оторванности, испытанное правой общественностью в первый период революции, с одной стороны, «поправение», вызванное разочарованием и озлоблением либеральных кругов в отношении революционной демократии — с другой; наконец, присущий многим из членов центра страх за судьбы Родины — заставляли идти вместе политически разнородные элементы организации. Но глубокие противоречия в политической и социальной идеологии, тем не менее, сказывались постоянно: и в неожиданно откровенных речах некоторых членов на общих заседаниях, и в работе комиссий, где подготавливались проекты государственного устройства, социальных реформ и экономического возрождения страны. Эти противоречия, сглаживаемые и смягчаемые при общих заседаниях, вполне ясно и откровенно раскрывались на частных собраниях членов центра совместно с группами, им близкими, хотя и стоявшими официально вне организации.

Фактическим вдохновителем Правого центра был А. В. Кривошеин^{III}, хотя он и не посещал общих заседаний, соблюдая крайнюю конспирацию и «по свойству своего характера избегая всего, что могло бы его связать и чем-либо компрометировать». Позднее такую же закулисную и весьма влиятельную роль он играл, переехав в Киев, в местных правых кругах.

Правый центр имел в своем составе небольшой военный отдел, возглавлявшийся ген. Д. — человек 700—800, по преимуществу офицеров. За полным отсутствием средств эта организация фактически числилась только на бумаге.

В начале 18 года в Москве делались попытки объединения и левого крыла русской общественности. Но все переговоры между центральными органами к.-д., н.-с. и с.-р. относительно общей платформы и объединенных действий не привели ни к чему. Тогда некоторые лица приступили к созданию путем персонального участия внепартийной, с преобладающим, однако, социалистическим составом, организации, которая и начала функционировать в апреле 18 года под именем «Союза возрождения России»²⁴.

Союз ставил себе целью «воссоздание русской государственной власти, воссоединение с Россией насильственно отторгнутых областей и защиту ее от внешних врагов» при помощи союзников. Хотя, таким образом, основные цели Союза и Центра совпадали, но соглашения между ними не произошло. Главные причины расхождения социалисты видели в непримиримом отношении Центра к идее Учредительного собрания²⁵, к народоправству и к выдвигаемому ими преобладающему значению местных самоуправлений. Что касается организации временной власти, то разница во взглядах была лишь в формах и источнике ее происхождения. Если Правый центр мыслил ее в виде единоличной военной диктатуры, им подготовленной, то и Союз возрождения, по существу не отрицая диктатуры (вместо единоличной — трехчленная директория), «в условиях того момента не видел возможности создания власти сколько-нибудь правильным демократическим путем»²⁶. Власть должна была явиться «сама собой, путем образования сильной группы лиц, которая и могла бы выделить из себя такую власть»²⁷.

Некоторая связь между Союзом и Центром, тем не менее, существовала. В состав обеих организаций с их ведома входили к.-д. Астров, Степанов и Н. Щепкин^{IV}, с целью, кроме взаимного осведомления, «насколько возможно согласовать действия той и другой в наиболее ответственные минуты»²⁸; кроме того, существовала соединенная коллегия генералов (от Правого центра ген. Цихович и адм. Немитц; от Союза — ген. Болдырев) для согласования «военных мероприятий» организаций.

Крупная буржуазия и торговопромышленники, участвуя персонально в составе центров, отказывались, однако, нести какие-либо жертвы ради борьбы с большевизмом, предпочитая сберечь свое достояние для... советской экспроприации. Это обстоятельство сильно отразилось на организациях. Без средств, без взаимного доверия и ясности во взаимоотношениях, а главное, без реальной силы, — работа их протекала вначале вяло, не принося каких-либо результатов.

В начале июня в московских организациях произошел окончательный раскол на почве внешней «ориентации». Еще в апреле в среде членов Правого центра наметилось сильное германофильское течение²⁹, находившее благодарную почву в

полной пассивности союзников; начались частые встречи и деятельные сношения членов Центра, сначала по собственной инициативе, потом по поручению президиума, с второстепенными представителями германского посольства. Официально эти собеседования имели целью «выяснить, каковы действительные намерения Германии в отношении России; является ли Брестский договор окончательной основой, на которой Германия имела в виду и в дальнейшем построить свои взаимоотношения с Россией, или же этот договор есть только тактический шаг со стороны Германии, путем которого она обеспечивала себе возможность использовать то положение, которое создалось в результате захвата власти большевиками»³⁰.

В основу официальных переговоров были положены три условия: «1) восстановление единства России, нарушенное в результате отторжения губерний юго-западного края, 2) создание национальной государственной власти, независимой (?) от Германии и 3) коренной пересмотр Брестского договора»³⁰. Взамен этого немцам предлагался нейтралитет и «экономические преимущества».

Большинство Центра стояло на той точке зрения, что «немцы, завладевшие значительной частью России и распространяющие свое влияние на новые области, представляют столь реальную и мощную силу, что не считаться с ними вовсе, значило бы не признавать фактов... Этот фактор будет определять в ближайшее время ход событий в России... между тем как разобщенность с союзниками делала затруднительной или прямо невозможной их помощь России»³⁰.

Самый факт переговоров с немцами был облечен большою таинственностью, и результаты их не выносились на общие заседания. Германофобское меньшинство узнавало о них лишь случайно. Но, помимо официальной идеологии, большинство Правого центра обладало еще другой, не выносившейся на общие заседания и в декларации. «Разница была в том, — говорит кн. Г. Трубецкой, — что для меня каждое из этих (трех) условий³¹ было *conditio sine qua non* (условие, без которого невозможно что-либо. — *Ред.*), между тем (как) большинство из тех, кто стоял на желательности переговоров с немцами, заранее уже готово было идти на уступки. Это были люди, которые так мрачно смотрели на положение, так разуверились в возможности для нас предпринять что-либо без посторонней помощи, что они готовы были всем пожертвовать, лишь бы немцы освободили нас от большевиков».

Еще резче определял настроение Центра командированный ген. Алексеевым в Москву А. Ладыженский (правый): «В победе Германии (они) почти не сомневаются. Считают, что лучше сейчас войти в переговоры, чем после завершения событий на Западе. Полная неосведомленность о том, что там происходит. Предположения построены отчасти на шкурных классовых интересах, жажде власти, монархии во что бы то ни стало, отчасти на неверных сведениях, которыми питается сейчас Москва берлинским агентством»³²...

Вскоре вопрос о Восточном фронте заставил все группировки окончательно выяснить свои «ориентации». Двумя телеграммами из Парижа В. Маклаков сообщал в Москву, что союзники решили восстановить Восточный фронт путем высадки союзных войск, преимущественно японских, во Владивостоке и продвижения их к Уралу и Волге. Маклаков горячо убеждал Центр, что это — «единственный способ спасти Россию от власти, созданной Германией, и от окончательного расчленения»... «Японцы не потребуют территориальных уступок... союзники никаких новых тягот на Россию не наложат»... Наконец, что цель предстоящей интервенции исключительно «защитить Россию от наложившей на нее руку Германии, дать ей свободно сорганизоваться и оказать ей экономическую поддержку». Из других источников стало известным, что на конференции союзников, при уклончивом отношении Америки, постановлено было послать в Сибирь общесоюзную армию в 100 тысяч человек, из которых 60 тысяч японцев.

Почти в то же время, в конце мая, прибыл в Москву ген. Казанович, сделал Центру доклад о судьбе Добровольческой армии и от имени ген. Алексеева и моего заявил в резкой и категорической форме о неприемлемости для армии какой бы то ни было совместной с немцами работы.

2 июня по этим вопросам состоялось заседание Правого центра. Представители большинства доказывали возможность воссоздания России немецкими руками, гибельность для интересов страны японской интервенции, практическую неосуществимость создания в серьезном масштабе Восточного фронта; наконец, указывали

на новые «тяжелые бедствия, которые выпадут на долю России в результате столкновения двух армий на линии Волги»... Меньшинство, учитывая все трудности, считало, что Восточный фронт облегчит объединение и восстановление русских сил, между тем как «соглашение с Германией грозит России полным порабощением и угнетением национального духа»... И обе стороны не договаривали о своих затаенных надеждах на победу: одни — германцев, другие — союзников.

Нет сомнения, что на решение вопроса повлияла и та общая концепция, которая связывала с Германией идею реакции или, во всяком случае, монархической реставрации, с Согласием — торжество либерализма или республиканского строя. Наконец, идейное расхождение двух групп Центра, по мере усиления его правого крыла, становилось все более резким и отношения все более неискренними.

8 июня группа кадетов и примыкавших к ним³³ вышла из состава Правого центра. Раскол не вызвал вражды, скорее — сожаление. На последнем совместном заседании представители среднего течения «свободных рук», князья Трубецкие (Г. Н. и Е. Н.), особенно ярко переживавшие события, горячо убеждали кадетов, что не настало еще время ставить вопрос на окончательное решение, призывали к терпимости... «Я еще не хочу выходить ни на тот, ни на другой берег, — говорил, волнуясь, Е. Н. Трубецкой^V. — Для России еще не ясно, где ее спасение»³⁴...

Раскол Правого центра имел существенные последствия, произведя резкую дифференциацию сил, внося еще большую ясность и определенность в политический облик организаций. Правый центр пополнил свой состав представителями Союза земельных собственников, церковноприходских и крайних правых московских организаций³⁵. Его лозунгами стали — монархия (для меньшинства — конституционная), реакция (для меньшинства — «социальные реформы») и союз с немцами. Существовала, между прочим, идея обращения к патриарху, который «при помощи созванного на персональных началах Земского собора» должен был провозгласить царем вел. кн. Михаила Александровича.

Интересно, что в вопросе о союзе с немцами тактика Центра допускала известную двойственность. Так, в послании своем в Киев и на Юг³⁶ Центр подчеркивал, что «предположенные разговоры с представителями Германии не должны влиять... на отношения Центра к союзникам, с которыми, несомненно, должно поддерживать связи»... В ответе на телеграмму Маклакова, предназначенном для союзников³⁷, говорилось о тяжелой необходимости совместной работы с немцами, но тем не менее... «мы остаемся верными нашим союзникам, каковыми мы всегда и были... Ужели можно допустить, что мы виновны в симпатии к немцам?»...

В этом направлении делались и более реальные шаги: делегация Центра³⁸ обратилась к французскому генеральному консулу в Москве Гренару, убеждая его в том, что Россия бесповоротно вышла из войны, что без согласия немцев немыслима перемена положения, что национальная власть, которая возникнет, не будет германофильской, и что самим союзникам выгодно вывести Россию из состояния хаоса... «Этого у нас не поймут, — ответил консул. — И всякое правительство, которое образуется при содействии Германии, не будет нами признано»...

Группа, отколовшаяся от Правого центра, создала новую организацию — Национальный центр^{VI}. Это был типичный союз русских либералов, по составу и политической программе почти однородный — кадетский³⁹, по «ориентации» — ярко германофобский и союзнический.

Национальный центр порвал сношения с Правым центром, вступил в тесную связь с Союзом возрождения и обратился к ген. Алексееву с просьбой принять звание своего председателя. В комиссиях Национального центра шла большая подготовительная работа по восстановлению государственно-правовой жизни — по схемам, принятым на предыдущих кадетских съездах. В частности, в основание разработки двух важнейших вопросов — аграрного и рабочего, положены были следующие общие начала: первого — частная собственность и «разрыв с народническими реминисценциями»; по второму — «денационализация, десоциализация, но бережное обращение с правами рабочих организаций и союзов». Вообще же все эти вопросы не становились общественным достоянием, не выносились из заседаний комиссий обеих групп и не влияли поэтому на их взаимоотношения.

Вопрос же о создании временной национальной власти встретил крупные разногласия и в результате длительных споров привел к компромиссу: Союз согласился на созыв нового Учредительного собрания, а Центр принял предложенную

Союзом форму временной власти в виде трехчленной директории. Уступка эта со стороны Центра имела чисто тактическое значение — «чтобы раньше времени не порывать с ними», тем более, что, как откровенно писал на Юг член бюро Центра Степанов, не было сомнения, что «директория сама собой превратится в единоличную власть». В состав директории по предположению организаций должны были войти один генерал, один социалист и один несоциалист. Союз возрождения намечал для этой цели из несоциалистов Астрова, Милюкова или Набокова, из социалистов Авксентьева. Национальный центр воздержался от обсуждения этого вопроса, вызывавшего принципиальное сомнение, «стоит ли давать в эту неустойчивую комбинацию имена сколько-нибудь ценные, а тем более столь ценные, как те, что ими называются»...

Окончательной формы правления в России обе организации не предрешили, но «носили в сердце своем». По этому вопросу Национальный центр писал В. Шульгину: «Ваши друзья близки Вам в своем отношении к вопросу о монархии... Но... провозглашение монархической идеи при настоящих настроениях было бы преждевременным. Движение на Волге, движение масс в больших центрах не были бы увлечены и подняты теперь провозглашением монархии»...

Уклонявшиеся до тех пор от каких-либо обязательств союзники, настаивавшие на согласовании действий Национального центра и Союза возрождения, теперь оказали им крупную денежную помощь, оживившую сильно деятельность организаций; союзнические миллионы пошли на политическую работу центров, открытие провинциальных отделений и отчасти на образование каждым из них вооруженной силы, преимущественно офицерского состава. Распределение сумм делалось по соглашению между президиумами, причем последние относились крайне ревниво к своему приоритету, препятствуя, между прочим, непосредственному субсидированию союзниками Добровольческой армии. Большие союзнические деньги через центры или, может быть, непосредственно шли на содержание всяких контрразведок, которые, как выяснилось впоследствии, работали одновременно на союзников, на немцев, давали сведения и московским центрам, и армии. В списках агентов я, к своему удивлению, нашел имена лиц, принимавших сомнительное участие в корниловском выступлении.

В официальном своем сообщении, адресованном объединенным организациям, московские представители союзников торжественно подтверждали принцип неприкосновенности русской территории, укрепляли надежды на скорое создание Восточного фронта, обещали экономическую помощь России, обязывались не вмешиваться во внутреннюю русскую политику и не оказывать давление на осуществление той или другой формы правления. Восточный фронт, однако, оставался только миражем. Манящим для одних и тревожным для других. Японская армия, «готовая уже в феврале, ожидала окончания переговоров союзников, чтобы выступить»⁴⁰, но переговоры сильно затягивались, благодаря подозрительности Америки и колебаниям прочих членов Согласия. Они выжидали.

«Вторая Марна» (июль 18 года) и затем отступление в августе обескровленных германских армий открыло новые радужные перспективы державам Согласия, отвратив их внимание от бесконечно удаленного Восточного фронта. Но, подобно тому, как это делали немцы, представители союзников — одни сознательно, другие по неосведомленности — долго еще гальванизировали в русском обществе идею союзнической интервенции и помощи просто только в противовес германфильским влияниям.

Нужно заметить, что меньше всего иллюзий возбуждало образование Восточного фронта в командовании Добровольческой армии. И генерал Алексеев, и я относились скептически к серьезности и искренности желания союзников помочь нам живой силой. В самый разгар переговоров об интервенции, в конце июня, ген. Алексеев писал мне о своих сомнениях — о том, что у союзников «сознания безусловной необходимости этого фронта не существует, .. что между (ними) не только нет искреннего доверия друг к другу, но напротив — политическая подозрительность поставлена выше стратегических соображений». «Для нас, — продолжал он, — более важны пока не будущие войска, а чехо-словаки, ополчения Сибири, Оренбурга, Урала»...

Отдельно от политических центров стоял Б. Савинков. Приехав в Москву в качестве члена при «донском триумvirате», снабженный удостоверениями ген.

Алексеева, он широко использовал свое новое положение. Вместо «привлечения на Дон некоторых известных демократических деятелей», как формулирует Савинков данное ему поручение, он предпринял самостоятельную организацию в Москве, прикрываясь именами генералов Корнилова и Алексеева и отвлекая тем силы от Добровольческой армии.

Его неукротимая энергия, его кипучая деятельность и безграничное дерзание сопровождалось явным успехом. Ему удалось найти доступ к союзникам — до тех пор глухим ко всем призывам Правого центра и Союза возрождения — и, что еще важнее, получить первоначально от Масарика, потом и от союзников серьезную денежную поддержку. Офицеры шли в организацию — не к Савинкову, а «на зов» генералов Корнилова и Алексеева. Без большого труда Савинкову удалось вызвать раскол в военной организации Правого центра ген. Д., смущенной германофильством своих руководителей, и привлечь часть их на свою сторону.

Пополненная, таким образом, почти исключительно офицерством, Савинковская организация приняла название «Союза защиты Родины и Свободы» и к концу мая, по его словам, насчитывала до 5 1/2 тысяч человек⁴¹, разбросанных, однако, в Москве и в 34 провинциальных городах.

Такая численность была очевидно слишком ничтожной; но это была единственная реальная сила в центре страны, и Савинков умел импонировать ею и союзникам, и политическим организациям. До такой степени, что когда в середине апреля прибыл в Москву представитель ген. Алексеева полковник Лебедев и сделал попытку объединить вокруг имени его и Добровольческой армии московское движение, он встретил категорическое требование союзников «равного участия Савинкова не только в политической, но и в чисто военной стороне предприятия». Лебедев вынужден был поэтому устраниваться от участия в работе.

Однако политическое одиночество Савинкова препятствовало широкому развитию дела, тяготило его и смущало союзников. Так как с Правым центром у Савинкова не могло быть ничего общего, а левый (Союз возрождения) не говорил о нем иначе, как «со скрежетом зубным», естественным было его обращение в Национальный центр, который встретил сочувственно предложение и возглавил Савинковскую организацию.

Савинков, по несчастью, счел возможным взять на себя и роль полководца⁴², проявив при этом совершенно неожиданные стратегические соображения. Одновременно с организованным им покушением на Ленина и Троцкого в Москве, предполагалось выступить в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Владимире и Калуге, «окружив столицу восставшими городами и пользуясь поддержкой союзников на севере и чехо-словаков, занявших Самару (8 июня), на Волге... Союзники, высадившись в Архангельске, могли без труда занять Вологду и, опираясь на взятый нами Ярославль, угрожать Москве»⁴³.

Выступление было назначено в ночь с 5 на 6 июля. Для характеристики этого плана нужно добавить, что Савинков имел тесную связь с союзными посольствами, своих разведчиков в большевистском штабе и германском посольстве, следовательно, был в курсе военной обстановки, «ежедневно получая сведения о передвижениях немецких и большевистских войск»; что высадка англичан в Архангельске произошла только 2 августа и что по железной дороге от Архангельска до Ярославля 787 верст, а от Москвы до Самары — 993!..

Национальный центр усомнился, правда, в целесообразности выступления, явно неподготовленного. Но Савинков ответил, что «конспирация не может оставаться в бездействии долее определенных сроков... Отсрочка поведет к разложению и провалу... Операция, правда, не совсем подготовлена, но французы торопят, а действия, раз начавшись, могут развиваться стихийно и восполнить пробелы»⁴⁴.

Так как Савинков уверил Национальный центр, что он действует с полного согласия ген. Алексеева, то Центр предложил ему при занятии той или иной местности распространять воззвания от имени «Северной Добровольческой армии, подчиненной ген. от инфантерии Алексееву»⁴⁵...

6 июля состоялся ряд выступлений в Ярославле, Рыбинске, Муроме, окончившихся кровавой расправой большевиков с беззащитным населением, гибелью множества офицеров и разрушением всей организации.

Когда в июле в Москву отправлялся полковник Новосильцев⁴⁶, ген. Алексеев, в числе других поручений, дал ему указание «предостеречь офицеров в Москве от

организации и советовать им из центра уезжать на Дон, на Волгу, в Сибирь, только не сидеть на месте и не ехать на Украину, ибо в центре их ожидает гибель или привлечение в красную армию». Обращение в этом духе, от имени ген. Алексеева, подписанное Новосильцевым и А. Ладыженским⁴⁷, появилось действительно, вызвав сильный гнев Национального центра. 22 июля Центр писал ген. Алексееву: «Мы считаем это (обращение) вредным и способным породить недоразумения. В нем говорится, что всякая организация офицерства помимо Добровольческой армии является авантюрой. Это не так. Нам на Севере необходимо иметь наши русские отряды (Савинкова?), которые действовали бы в общем согласованном с союзниками плане, были бы опорой для Севера и составляли бы часть армии, находящейся под Вашим общим руководством».

Тем не менее легенда о сотрудничестве Савинкова с ген. Алексеевым пустила глубокие корни, попадая часто в печать и сильно нервирова генерала. Чтобы положить конец этим слухам, ген. Алексеев по поводу одной довольно безобидной газетной заметки составил собственноручное опровержение, носящее следы большого раздражения: «Никакого представителя Б. В. Савинкова в Екатеринодаре не было, а потому... никакой беседы быть не могло. Сам Савинков, по многим обстоятельствам, в район Добровольческой армии прибыть не может, и прибытия его никто не ожидает... Помещение подобных заметок может нанести неисправимый вред Добровольческой армии»⁴⁸.

Савинков после неудачного выступления побывал в Сибири и, не встретив там признания, уехал в Париж.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Кубанское, Астраханское, Терское войска, калмыки Ставропольской губ. и народы Северного Кавказа.
2. Образованный при Каледине «Юго-Восточный союз», как известно, в начале 1918 г. распался. См. т. II, гл. 15.
3. В 1920 г., оставшись на Кавказе после эвакуации белых, продолжал свою карьеру под фамилиями «Пшеславского» и «Святогора» — в качестве платного провокатора Екатеринодарской «чрезвычайки» («Че-ка», издание центрального бюро с. -р.).
4. В своих воспоминаниях император Вильгельм подтверждает факт аудиенции, данной Тундугову, и придает серьезное значение его нелепым разговорам.
5. Председатель совета министров Украины.
6. Телеграмма Лизогуба гетману от 22 авг. о результатах императорской конференции в ставке.
7. Письмо было оглашено упр. отд. иностр. дел в закрытом заседании Круга и сообщено одним из официальных лиц командованию Добровольческой армии.
8. Письмо ген. Алексееву 8 сентября 18 года № 172.
9. Доклад 17 августа 18 года.
10. Атаман смешал его с ген. Юзефовичем, который жил на Кавказе и впоследствии поступил в Добровольческую армию.
11. Доклад ген. Краснова Кругу 17 сентября.
12. Выдержка из секретного протокола совещания, представленного на Круг управл. иностр. дел.
13. Письмо атаману Краснову 28 июля и ген. Алексееву 29 июля.
14. Герцог Лейхтенбергский привез письмо в немецкую главную квартиру, но к императору допущен не был «по политическим соображениям».
15. Акт «Соглашения Дона с Кубанью».
16. Письмо Эйхгорну.
17. Миссия ген. барона Майделя в Яссы в начале августа 18 года. Доклад его от 4 ноября.
18. Письмо к ген. Алексееву 8 сент. и друг.
19. Приказ от 13 сент. и др.
20. Письмо ген. Иозефовичу.
21. Обращение франц. посла Нуланса к Бронштейну. См. т. II, гл. XVIII.
22. Впрочем, и позднейшие взаимоотношения с советской властью Локкарта (Англия), Садуля (Франция), Робинса (Америка) вызывали впечатление двойственной игры.

23. В этом очерке я избегаю, где нет прямой необходимости, называть имена.
24. Вначале союз этот называли «Левым центром».
25. Союз не считал возможным главенство старого Учредительного собрания.
26. Мякотин.
27. Доклад Титова 21 июня 1918 года. И среди кадетов были течения в пользу коллективной власти, избранной на собрании представителей партий и общественных организаций.
28. Записка Астрова.
29. В том числе Кривошеин.
30. Доклад Правого центра от 14 июня 18 года.
31. См. выше. Трубецкой считал необходимым при помощи Германии собрать на Украине русские силы, «ибо освобождение Москвы и России могло быть сделано только русскими руками».
32. Доклад без даты от начала июня.
33. Кадеты Федоров, Астров, Степанов и др.; Струве^{VII}, Белоруссов и друг.
34. Записка Астрова.
35. Ширинский-Шахматов, Рогович, Нейдгарт, Трепов... Крайние правые делали попытки самостоятельных переговоров с немцами, но встретили отрицательное к себе отношение.
36. От 12 июня.
37. От 7 июня.
38. Кн. Г. Трубецкой.
39. По определению одного из учредителей, «вездесущие кадеты, левые октябристы, правые торгово-промышленники и прозревшие социалисты» (Онипко, Алексинский, Савинков...).
40. Из того же официального сообщения.
41. По сведениям штаба Добровольческой армии, фактически было 2—3 тыс.
42. В брошюре Савинкова «Борьба с большевиками» он подчеркивает свою роль как руководителя операции в рассуждениях, чрезвычайно наивных с военной точки зрения.
43. «Ярославль держался 17 дней, — добавляет Савинков, — время, более чем достаточное для того, чтобы союзники могли подойти из Архангельска».
44. Записка Астрова. Те же мотивы приведены были ближайшим соучастником Савинкова, Дикгоф-Деренталем в «Отечественных Ведомостях».
45. Доклад Белоруссова.
46. Б [ывш.] председатель офицерского союза.
47. Командирован одновременно с ген. Казановичем.
48. Отзыв редактору «Кубанского Края» 31 августа 18 года № 312.

Примечания редакции

- I. *Трубецкой Григорий Николаевич*, князь — общественно-политический деятель; брат философов и общественно-политических деятелей С. Н. и Е. Н. Трубецких.
- II. *Торгово-промышленный комитет* — объединение крупных промышленников, финансистов, торговцев; образован на торгово-промышленных съездах, проходивших после Февральской революции. В дальнейшем финансировал многие антисоветские организации и белогвардейские правительства. Лидеры: И. А. Бурьшкин, А. О. Гукасов, А. И. Гучков, А. И. Коновалов, С. Г. Лианозов, С. А. Морозов, С. Н. Третьяков и другие. С 1920 г. — в Париже.
- III. *Кривошеин Александр Васильевич* (1857—1921) — государственный деятель, министр земледелия Российской империи (1908—1915 гг.), управляющий Дворянским и Крестьянским банками. Руководил проведением Столыпинской реформы. После Октябрьской революции один из организаторов контрреволюции. В 1920 г. глава «Правительства Юга России». В дальнейшем эмигрировал.
- IV. *Щепкин Николай Николаевич* (1854—1919) — предприниматель, общественно-политический деятель. Долголетний гласный Московской городской думы; в 1890-е годы товарищ городского головы. Участник земско-городского движения; один из основателей партии кадетов в Москве и руководителей московской группы левых кадетов, член ЦК партии. Принимал участие в разработке основ конституционного строя. Депутат IV Государственной думы. Во время первой мировой войны один из учредителей Всероссийского союза городов, член его Главного комитета и особоуполномоченный на Западном фронте. После Февральской революции член Комитета общественных организаций в Москве, с 7 апреля председатель Туркестанского комитета, осуществлявшего власть

Временного правительства на территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства, а также в Бухаре и Хиве. С весны 1918 г. один из организаторов и руководителей «Союза возрождения России» и «Национального центра»; с начала 1919 г. председатель «Национального центра». Арестован 27 или 28 августа 1919 г., в конце сентября расстрелян без суда во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК.

- V. *Трубецкой Евгений Николаевич*, князь (1863—1920) — философ, общественно-политический деятель. Приват-доцент Демидовского Ярославского лицея, позже преподавал в Киеве и Москве. Главный философский труд — «Миросозерцание Владимира Соловьева» (Тт. 1, 2), автор воспоминаний «Из прошлого» (1917) и «Из путевых заметок беженца» (Архив русской революции, № 18, Берлин, 1926). После революции 1905 г. один из основателей «партии мирного обновления», не получившей влияния (орган — «Московский еженедельник»). Большинство мирообновленцев, в том числе и Трубецкой, вошло в партию Народной свободы. Был редактором и автором (более 300 статей) «Московского еженедельника» (1906—1910 гг.); активно участвовал в работе Калужского земства. После Февральской революции был избран товарищем председателя Всероссийского Поместного Собора по восстановлению патриаршества. В сентябре 1918 г. переехал из Москвы на юг России, в Добровольческую армию. Скончался от тифа в Новороссийске.
- VI. «*Национальный центр*» — создан в Москве в мае—июне 1918 г., имел отделения в других городах. Финансировался Антантой. Претендовал на роль главного штаба сил, боровшихся против Советской власти, за воссоздание «единой и неделимой России», установление военно-буржуазной диктатуры. Был тесно связан с Колчаком, Деникиным, Юденичем. Лидеры: октябрист Д. Н. Шипов, затем кадеты М. М. Федоров и Н. Н. Щепкин.
- VII. *Струве Петр Бернгардович* (1870—1944) — русский экономист, философ, историк, публицист. Теоретик «легального марксизма», один из лидеров кадетов, редактор журналов «Освобождение», «Русская мысль». Участвовал в сборнике «Вехи» (1909 г.). Эмигрировал.

Секретная советско-югославская переписка 1948 года

№ 6

Письмо Й. Броз Тито и Э. Карделя И. В. Сталину и В. М. Молотову

Товарищам И. В. Сталину, В. М. Молотову

Отвечая на ваше письмо от 27 марта 1948 года, мы должны прежде всего подчеркнуть, что нас страшно поразили тон и содержание письма. Мы считаем, что причиной такого содержания письма, соответственно — обвинений и позиций по отдельным вопросам, является недостаточное знание положения у нас. Для нас невозможно объяснить ваши выводы ничем другим, кроме как тем, что Правительство СССР получает неточные и тенденциозные сведения от своих органов, которые из-за неосведомленности могут черпать такие сведения от разных людей — то ли от известных антипартийных элементов, то ли от разных недовольных. На Пленуме ЦК КПЮ ясно обнаружилось и подтвердилось, что члены ЦК КПЮ С. Жуйович и А. Хебранг являются главными виновниками передачи советским представителям в Югославии неверных и клеветнических сведений как о якобы заявлениях руководящих лиц, так и о нашей партии вообще¹. Они хотели такими неверными, клеветническими сведениями прикрыть свою антипартийную деятельность и проявившиеся уже намного раньше тенденции и попытки разбить единство руководства и вообще партии². Кроме того сведения от таких людей не могут быть ни объективными, ни доброжелательными, ни точными, а обычно имеют определенную цель. В данном конкретном случае эти сведения имеют целью напакостить руководству нашей партии, т. е. новой Югославии, затруднить и без того тяжелую работу по строительству страны, воспрепятствовать пятилетнему плану, а тем самым и осуществлению социализма в нашей стране. Нам непонятно, зачем представительство СССР вплоть до сегодняшнего дня не постаралось такие сведения прежде всего проверить у ответственных лиц в нашей стране, соответственно — попросить информацию по таким вопросам либо от ЦК КПЮ, либо от Правительства. Передачу таких сведений мы считаем антипартийной деятельностью, а также и антигосударственной, так как это портит отношения между нашими двумя странами.

Как бы ни любил кто-либо из нас страну социализма — СССР, он ни в коем случае не смеет меньше любить свою страну, также строящую социализм, в данном конкретном случае — Федеративную Народную Республику Югославию, за которую пали сотни тысяч ее самых передовых людей. Мы очень хорошо знаем, что это так понимается и в Советском Союзе.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1992, № 5.

Нас особенно удивляет, что все это не обсуждалось, когда Кардель, Джилас, Бакарнич как делегаты нашей партии и правительства были в Москве³. Как видно из вашего письма, упомянутые и подобные сведения ваше правительство имело еще до прибытия нашей делегации в Москву. Нам кажется, что тогда перед нашей делегацией могли быть поставлены как вопрос о поведении по отношению к военным и гражданским специалистам, так и остальные вопросы.

Мы считаем, что необходимо было через эту делегацию и даже до того каким угодно образом известить наше правительство о том, что Советское правительство недовольно отношением наших людей к советским специалистам и что в этом так или иначе нужно навести порядок. А так дело дошло до того, что своим решением об отзыве военных и гражданских специалистов без официального информирования Правительство СССР ставит нас перед совершившимся фактом и таким образом нам причиняются лишние трудности.

Когда речь идет об отзыве советских военных специалистов, мы в качестве причины, по которой Правительство СССР отзывает своих специалистов из Югославии, не видим ничего другого, кроме того, что мы решили сократить их число до самой необходимой степени из-за финансовых трудностей. Еще в 1946 г. председатель Союзного правительства Тито официально сообщил послу Советского правительства Лаврентьеву, что по многим причинам для нас почти невозможно платить столь высокие оклады советским военным специалистам, и попросил передать это Правительству СССР вместе с нашим пожеланием, чтобы оно смягчило условия оплаты специалистов. Посол Лаврентьев доставил ответ Советского правительства, что оклады не могут быть снижены и чтобы мы поступили, как знаем. Тито сразу сказал Лаврентьеву, что мы из-за этого должны будем уменьшить число названных специалистов как только это можно будет сделать без большого вреда для обучения нашей Армии. Оклады советских специалистов были в четыре раза больше, чем оклады наших командующих армиями, и в три раза больше, чем оклады наших союзных министров. Командующий каждой из наших армий в чине генерал-лейтенанта или генерал-полковника получал тогда 9—11 тыс. динаров в месяц, а советский военный специалист в чине подполковника, полковника и генерала получал 30—40 тыс. динаров. В то же время наш союзный министр получал зарплату 12 тысяч динаров в месяц. Разумеется, мы ощущали это не только как финансовый груз, но и как политически неверное [положение], так как это трудно было объяснить нашим людям. Таким образом, наше решение уменьшить число советских военных специалистов обусловлено только приведенными нами причинами, а не какими-либо иными. С другой стороны, мы не исключаем возможности того, что кто-то из наших людей делал какие-то неуместные замечания. В таких случаях нужно представить нам проверенный материал об этом, и мы, без сомнения, приняли бы меры к тому, чтобы этого больше не происходило. Здесь нужно упомянуть и о том, что и некоторые советские специалисты не всегда вели себя так, как было бы нужно, и это создавало у наших людей нехорошее впечатление, вследствие чего и против нашей воли дело могло дойти до каких-нибудь замечаний, которые позднее искажались и в таком искаженном виде сообщались командованию Советской Армии. Но мы считаем, что это столь незначительные вещи, что они не должны были бы играть какую-либо роль в ухудшении наших [меж]государственных отношений.

Нас особенно поразило то место в письме, где поднимаются старые вопросы по поводу Джиласа. Там говорится: «В свете этих фактов становится вполне понятным оскорбительное для Советской Армии известное заявление Джиласа на одном из заседаний ЦК КПЮ⁴ о том, что советские офицеры стоят в моральном отношении ниже английских офицеров»⁵. Джилас никогда не делал такого заявления в таком виде. Тито объяснил это письменно и устно еще в 1945 году. С этим объяснением тогда согласились как товарищ Сталин, так и остальные члены Политбюро ЦК ВКП (б)⁶, и мы не можем понять, почему снова в качестве аргумента вы упоминаете об этом, как уже было доказано, случае, получившем искаженную, неверную трактовку. Подчеркиваем еще раз, что такого взгляда на советских офицеров нет ни у Джиласа, ни у кого-либо из наших руководящих лиц. Такое мнение может иметь лишь человек, являющийся не только врагом СССР, но и врагом Югославии.

В наших торговых отношениях есть проблемы, которые следовало бы устранить, чтобы эти отношения могли правильно развиваться. Мы в связи с этим не отрицаем того, что с нашей стороны были упущения в ведении торговых дел, но мы не можем поверить, чтобы это могло быть достаточной причиной для какого-либо ослабления нашего торгового сотрудничества. Мы не можем поверить в то, что случай с Крутиковым и представителями нашей внешней торговли действительно является только недоразумением. Крутиков ясно сказал нашим представителям, что наша торговая делегация, уже ждавшая в Белграде отбытия в Москву, не должна приезжать, ибо Правительство СССР не сможет подписать протокол о

дальнейшем товарообмене на 1948 г., и что только под конец 1948 г. будет возможно снова беседовать по этому вопросу. Крутиков сказал это нашему заместителю министра внешней торговли товарищу Црнобрне и нашему торговому атташе в Москве. На вопрос наших торговых представителей, является ли это позицией Советского правительства, Крутиков ответил утвердительно.

Мы думаем, что если были какие-то неправильности со стороны наших торговых органов, — а мы верим, что такие случаи могли быть в отношении поставки товаров и вообще торговых отношений, — то мог быть найден способ, чтобы договориться и устранить все то, что мешает правильному развитию торговых отношений между нашими двумя странами.

Мы считаем, что все то, что мешает правильному функционированию хозяйственного сотрудничества между двумя странами, требовалось бы совместно изучить и устранить.

Ссылки в вашем письме на то, что наши органы государственной безопасности следят за советскими специалистами и другими советскими людьми, не соответствуют действительности. Никто никогда не принимал такого решения, и неправда, что за советскими людьми следят. Это чья-то произвольная информация. Еще меньше верно то, что такой слежке подвергнуты и органы Советского правительства и товарищ Юдин из Коминформбюро⁷.

Нам непонятно, кому была нужна такая клевета, с помощью которой вводится в заблуждение Правительство СССР. И мы хотели бы, чтобы по этому случаю нам сообщили конкретные факты.

Из вашего письма от 27 марта следует, что у нас ведется антисоветская критика, соответственно — критика ВКП(б). Содержится ссылка на то, что эта критика имеет место среди руководящих лиц КПЮ. Далее, что эта критика ведется за спиной масс, членов партии, что эта критика нечестная, закулисная, лицемерная и т. д. При этом приводятся и имена — Джиласа, Вукмановича, Кидрича, Ранковича и других. Следовательно, приведены имена нескольких самых известных и самых популярных руководителей новой Югославии, проверенных во многих ситуациях, тяжелых для нашей партии.

Нам очень трудно понять, как могут предъявляться столь тяжелые обвинения и не указываться источники этих обвинений. Далее, еще более удивительно сравнение приведенных заявлений наших руководящих лиц с заявлениями, сделанными когда-то Троцким. В письме цитируются какие-то якобы заявления, как, например: «ВКП(б) перерождается», «СССР стремится экономически захватить Югославию», «в СССР господствует великодержавный шовинизм», «Коминформбюро является средством захвата других партий со стороны ВКП(б)». Далее: «Эти антисоветские высказывания обычно прикрываются левыми фразами о том, что „социализм в СССР перестал быть революционным“, что только Югославия является подлинным носителем „революционного социализма“».

На основе этих и подобных им сведений, которые собраны в течение длительного периода из разных сомнительных источников, тенденциозно приписаны руководящим лицам новой Югославии как принадлежащие им и так преподнесены руководству СССР, без сомнения можно сделать ошибочные выводы и охарактеризовать это как антисоветские заявления. Но мы считаем, что неправильно на основе сомнительных сведений от непроверенных людей делать выводы и выдвигать обвинения, приведенные в письме, в отношении людей, имеющих большие заслуги в популяризации СССР в Югославии и имеющих неоценимые заслуги в Освободительной войне. Можно ли поверить, что люди, сидевшие по 6, 8, 10 и более лет на каторгах (помимо прочего и из-за своей деятельности по популяризации СССР), могут быть такими, какими они изображены в письме от 27 марта? Нельзя. А это большинство сегодняшних высших руководителей новой Югославии, которые 27 марта 1941 г. повели массы на улицы против антинародного режима Цветковича — Мачека, подписавшего антикоминтерновский пакт и хотевшего впрячь Югославию в телегу фашистской оси⁸. Это те же самые люди, которые в 1941 г. организовали восстание против фашистских захватчиков, глубоко веря в Советский Союз⁹. Это те же самые люди, которые во главе восставших народов Югославии с винтовкой в руках боролись в тяжелейших условиях на стороне Советского Союза как единственно искренние союзники, в самые черные дни веря в победу СССР именно потому, что верили и сегодня верят в советскую систему, в социализм.

Такие люди не могут своими действиями «развенчать советский строй», так как это значило бы предать свои убеждения, свое прошлое. Мы считаем, что этих людей нужно было бы оценивать не на основе некой информации, а на основе их многолетней революционной деятельности.

Называть таких людей двуличными за то, что они — как это говорится в письме — превозносят ВКП(б) «до небес», поистине страшно и оскорбительно. В письме далее говорится: «Мы не сомневаемся, что югославские партийные массы с негодованием отвергли бы эту

антисоветскую критику как чуждую им и враждебную, если бы они знали об ее существовании». Да, и мы уверены в этом, если бы было так, как изображено в письме. «Мы думаем, что именно поэтому указанные югославские деятели стараются вести эту критику скрытно, за кулисами, за спиной масс». Между тем никакого сокрытия от масс не могло быть по той простой причине, что не было и не могло быть такой или какой-то подобной критики Советского Союза или ВКП(б)¹⁰.

Противопоставить здесь руководство массам неправильно, неправильно потому, что нынешние руководители Югославии и массы — одно целое, что они неразрывно связаны борьбой против антинародных режимов до войны, борьбой во время великой Освободительной войны, а сегодня — огромными трудовыми усилиями в строительстве страны и осуществлении социализма.

У многих советских людей существует ошибочное представление, что симпатии широких народных масс в Югославии по отношению к СССР пришли сами по себе, на основе каких-то традиций, берущих свое начало еще со времени царской России. Это не так. Любовь к СССР не пришла сама по себе, ее упорно вносили в массы партии и вообще народа нынешние руководители новой Югославии, включая в первую очередь и тех, кто подвергается в письме столь тяжким обвинениям. Нынешние руководители Югославии являются теми, кто задолго до войны, не щадя ни сил, ни жертв, настойчиво раскрывали народу правду о Советском Союзе, насаждая в массах людей Югославии любовь к стране социализма.

Товарищ Молотов, например, сказал, что Джилас дал директиву, чтобы в партийных школах и на курсах не изучалась «История ВКП(б)»¹¹. Это совершенно неверно — такой директивы не существует и ее никто не давал, а «История ВКП(б)» и сейчас изучается во всех наших партийных школах и на многих курсах. Из всего этого верно только то, что Джилас много раз говорил на партийных собраниях, что в первичных партийных организациях малообразованные члены партии ошибочно понимают отдельные проблемы из «Истории ВКП(б)» и механически сравнивают их с развитием в Югославии. Например, вопрос о двух этапах революции, вопрос о военном коммунизме, вопрос о нэпе и т. д. И что этим членам партии лучше сначала дать для изучения «Основы ленинизма» Сталина¹².

Необходимо в связи с этим подчеркнуть, что «История ВКП(б)» 4 раза издавалась в нелегальных условиях до и во время войны, а после войны напечатана на всех национальных языках [тиражом] в 250 тыс. экземпляров. Аналогичный случай и с другими сочинениями Ленина и Сталина — например, «Вопросы ленинизма»¹³ изданы [тиражом] в 125 тыс. экземпляров.

Из вашего письма видно, что вы получили совершенно неверную информацию и неправильную картину по вопросу внутренней жизни КПЮ. Таким образом, мы не могли согласиться с оценкой нашей партии.

В ЦК КПЮ большинство составляют не кооптированные члены, а дело обстоит так: на пятой партийной конференции — состоявшейся в декабре 1940 г. в глубоком подполье, — на которой присутствовало 110 делегатов из всей Югославии и которая по решению Коминтерна обладала всеми правами съезда, был избран ЦК КПЮ из 31 члена и 10 кандидатов¹⁴. Из этого числа погибло в ходе войны 10 членов ЦК и 6 кандидатов. Из 7 членов Политбюро, избранных в 1940 г., остались в живых и работают и сейчас 5 членов¹⁵. На свои заседания Политбюро приглашает тех членов ЦК КПЮ, которые находятся в Белграде. В ЦК КПЮ кооптировано всего 7 новых членов, причем из кандидатов и самых лучших руководителей партии. Наконец, из ЦК КПЮ были исключены в ходе войны два члена, так что сегодня существуют и работают 19 членов ЦК КПЮ, избранных на конференции, и 7 кооптированных членов, и таким образом, ЦК КПЮ состоит из 26 человек. Так обстоит дело и никак иначе.

Что касается замечаний о том, что не был проведен партийный съезд, то здесь нужно упомянуть, что Политбюро ЦК КПЮ уже в течение года проводит подготовку к съезду КПЮ¹⁶. Мы считаем, что этот съезд нужно подготовить так, чтобы он носил не только манифестационный характер, но и был съездом, на котором будут приняты устав и программа партии, а эту программу позднее примет и Народный фронт на своем съезде.

На основе чего в письме утверждается, что в нашей партии нет демократии? Может быть, на основе сведений Лаврентьева? Откуда у него такие сведения? Мы считаем, что он как посол не имеет права обращаться к кому бы то ни было за информацией о работе нашей партии — это не его дело. Такие сведения может получить ЦК ВКП(б) от ЦК КПЮ.

Тот факт, что организационный секретарь КПЮ является одновременно и министром государственной безопасности¹⁷, ни в коем случае не мешает самоинициативе партийных организаций. Соответственно, партия не отдана под контроль органов государственной безопасности, а контроль осуществляется через ЦК КПЮ, членом которого является и министр

государственной безопасности. А кроме того нужно добавить, что начальником управления кадров ЦК КПЮ является Зекович, а не Ранкович.

Неверно, что у нас в партии нет свободы критики. В нашей партии есть свобода критики и самокритики, которая ведется на регулярных партийных собраниях и конференциях актива. Таким образом, эти неверные сведения кто-то выдумал и передал в качестве информации в ЦК ВКП(б).

Полностью неверна информация о том, что в КПЮ не чувствуется политика классовой борьбы, что в деревне и в городе усиливаются капиталистические элементы, и т. д. Откуда такая констатация, когда всему миру известно, что нигде на Земле, после Октябрьской революции, не осуществлены последовательно и столь фундаментально общественные перемены, как в Югославии? Это факт, который никто не может оспорить. Таким образом, непонятно, как можно в связи с нашей партией говорить о Бернштейне, Фольмаре, Бухарине и гнилом оппортунизме. Мы не можем не оградить себя от таких неверных оценок и оскорблений нашей партии.

Далее в письме говорится о докладе товарища Тито на втором съезде Народного фронта Югославии, выдергивается из этого доклада одна маленькая цитата и делается сравнение с попыткой меньшевиков 40 лет тому назад растворить социал-демократическую партию.

Во-первых, это было 40 лет тому назад, при царизме, а сегодня мы в Югославии имеем в руках власть, то есть КПЮ играет руководящую роль. Исходя из процесса общественного развития, неминуемо должны в известной мере меняться и организационные формы, меняются методы работы и формы руководства массами, чтобы легче достичь определенных целей.

Во-вторых, Народный фронт Югославии по своему качеству не только равен некоторым другим компартиям, принимающим в свои ряды всякого, кто хочет, но и лучше по своей организованности и активности. В Народный фронт Югославии не может войти любой, хотя сегодня он насчитывает около 7 миллионов членов.

В-третьих, КПЮ полностью принадлежит обеспеченное руководство в Народном фронте, ибо КПЮ является ядром Народного фронта. Таким образом, нет никакой опасности того, что она в нем утонет, как говорится в письме. Через Народный фронт КПЮ постепенно осуществляет свою программу, которую Народный фронт добровольно принимает, считая ее одновременно своей программой. Вот то, на основе чего Тито сказал, что у КПЮ нет другой программы.

Нам жаль, что так пишется о нас, и мы напоминаем факты, когда в некоторых странах некоторые компартии меняют не только формы работы, но и название партии, как это произошло в Болгарии, Польше¹⁸, и притом не без согласия ВКП(б). Конечно, в этих странах нужно, чтобы партии шли этим путем, но у нас комбинация Фронта во главе с КПЮ, прочно организованной, мощно объединяющей вокруг себя миллионные массы Народного фронта, проявила себя как наиболее правильная. И тем не менее те другие партии не укоряют в том, что они утонут в массах, хотя у них имеются и формы работы, и формы организации, приспособленные к данным, новым условиям в своей стране.

Почему же тогда в отношении нас ставят под сомнение факты, являющиеся неоспоримыми и уже давно известными? Мы глубоко уверены в том, что результаты, достигнутые нашей партией в ходе войны и после войны, говорят сами за себя, говорят, что КПЮ сильна, монолитна, способна вести страну к социализму, способна вести народы Югославии в любой ситуации, какой бы трудной она ни была.

Наша партия не полулегальна, как это говорится в письме, а совершенно легальна, известна каждому человеку в Югославии как руководящая сила. Дело состоит как раз в том, что, к сожалению, вы не знакомы с характером Фронта в Югославии и критикуете нас за то, что мы не публикуем отчетов о партийных собраниях и конференциях. Все более важные решения — от союзного правительства и дальше — по всем вопросам общественной и государственной жизни являются решениями партии или приняты по инициативе партии, и народ их понимает и принимает в качестве таковых. Таким образом, мы считаем ненужным подчеркивать, что такое-то и такое-то решение принято на такой-то и такой-то партийной конференции.

Огромный престиж, которого наша партия на основе завоеванных результатов достигла на сегодняшний день не только в нашей стране, но и вообще в мире, говорит о том, какова наша партия. Кроме того, мы здесь подчеркиваем, что наша партия достигла всего этого благодаря тому, что использовала науку Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, что использовала опыт ВКП(б), применяя этот опыт в соответствии с данными условиями. Таким образом, нам непонятно ваше утверждение, что наши руководители лицемерно, «фарисейски

хвалят и превозносят ВКП(б) до небес», а в то же время действуют против нее, как говорится в письме.

Мы не можем поверить в то, чтобы ЦК ВКП(б) мог оспорить заслуги и достигнутые на сегодняшний день результаты нашей партии, так как мы помним, что такое признание отдавалось нам много раз не только многими руководящими лицами СССР, но и самим товарищем Сталиным. Точно так же мы стоим на той позиции, что в общественном преобразовании в Югославии есть много специфических черт, которые с пользой могут использоваться в революционном развитии в других странах и уже используются. Это не значит, что мы этим затмеваем роль ВКП(б), затмеваем общественную систему СССР. Напротив, мы изучаем и берем советскую систему в качестве примера, а речь идет только о том, что мы строим социализм в нашей стране отчасти в других формах. Мы на данном этапе в специфических условиях, которые существуют в нашей стране, учитывая международные обстоятельства, созданные после Освободительной войны, стремимся применить наиболее подходящие формы работы по осуществлению социализма. Мы делаем это не для того, чтобы доказать, что наш путь лучше того, которым шел Советский Союз, что мы выдумываем что-то новое, а потому, что это нам каждодневно навязывает жизнь.

Что касается Велебита и вопроса, почему он еще и сегодня находится в Министерстве иностранных дел, то дело обстоит так: Кардель и Джилас однажды сказали товарищу Молотову, что нам не все ясно с Велебитом. Никаких конкретных доказательств мы тогда еще не имели, да и сегодня их не имеем, а дело это все еще в состоянии проверки, и мы бы не хотели на основе сомнения смещать и погубить человека. Что требует от нас в случае с Велебитом того, чтобы мы не слишком спешили? Во-первых, Велебит является членом партии с 1939 г., а до этого оказывал большие услуги партии. Он в 1940 г. получил от Тито секретное задание нанять в Загребе на свое имя виллу, в которой была размещена радиостанция Коминтерна и в которой кроме того жил Вальдес со своей женой в качестве радистки¹⁹. Велебит при этом осуществлял и курьерскую службу. Все это продолжалось некоторое время и после оккупации и представляло собой, разумеется, опасность для жизни. В 1942 г. Велебит по решению партии перешел в партизаны и хорошо держался. Позднее он получил задание за границей и хорошо его выполнил. Мы сейчас проверяем все его прошлое. Если у Советского правительства есть о нем что-нибудь конкретное, мы просим передать нам эти данные. Но независимо от этого мы его немедленно снимем с этого поста в министерстве²⁰.

Таким образом, ваши обвинения в письме в связи с этим поистине поразительны и оскорбительны как для ЦК КПЮ, так и для всего правительства. Вы сравниваете нас с некоторыми буржуазными государствами, терпимо относящимися к шпионам, чтобы услужить каким-то великим державам. Вот что содержится в письме и что мы считаем недопустимым по отношению к правительству, являющемуся более чем дружественным и союзническим: «Возможно, что Югославское правительство думает использовать Велебита как английского шпиона. Как известно, буржуазные правительства считают вполне допустимым иметь в своем составе шпионов великих империалистических держав, милость которых они хотят себе обеспечить, и согласны, таким образом, поставить себя под контроль этих держав». Так это написано в письме. Человек не может читать это и не быть глубоко огорчен и изумлен таким приемом в письме правительству, представляющему шестнадцатимиллионный народ, который в Освободительной войне, на стороне СССР, принес наибольшие жертвы и который впредь, если это потребует, будет самым верным союзником в борьбе.

Если бы нас спросили, есть ли что-нибудь, чем мы недовольны с вашей стороны, то мы должны были бы откровенно сказать, что есть много причин, по которым мы недовольны. Какие это причины? Все эти причины невозможно привести в этом письме, но все же приведем несколько из них. Во-первых, мы считаем неправильным, что органы советской разведки вербуют у нас, в стране, которая идет к социализму, наших граждан для своей разведки, это мы не можем понять иначе, как дело, направленное против интересов нашей страны. Это делается вопреки тому, что наши руководящие лица и органы государственной безопасности протестовали против этого и доводили до вашего сведения, что мы не можем этого позволить. Вербуются наши офицеры, вербуются различные руководители, вербуются те, кто враждебно настроен по отношению к новой Югославии.

У нас есть доказательства, что некоторые органы советской разведки, вербуя наших членов партии, подвергают сомнению наших руководителей, разрушают их авторитет, представляют их как неспособных и сомнительных. Например, полковник Степанов не стеснялся еще в 1945 г., вербуя одного нашего хорошего товарища, работавшего в центральном отделе по зашифровыванию и расшифровыванию в нашем аппарате государственной безопасности, очернить и подвергнуть сомнению всех наших руководящих лиц, сочтя допустимым заявить,

«что пока маршал Тито работает как нужно». Такие случаи продолжают и до сегодняшнего дня. Это в то же время значит, что такая вербовка ведется не с целью борьбы против какой-то капиталистической страны, мы должны неизбежно прийти к выводу, что эта вербовка разрушает наше внутреннее единство, убивает доверие к руководству, деморализует людей, ведет к компрометации руководящих лиц и становится источником сбора повседневной ложной информации. Такая работа органов советской разведки не может называться лояльной и дружественной по отношению к нашей стране, идущей к социализму и являющейся самым верным союзником СССР.

Мы не можем согласиться с тем, что советская разведка создает свою сеть в Югославии. У нас есть [органы] государственной безопасности и своя разведка для борьбы против разных иностранных капиталистических элементов и классового врага внутри страны, и если советским разведывательным органам требуется какая-то информация или помощь в этом направлении, то они могут получить ее, как только потребуется, что с нашей стороны делалось и до сих пор. Такие и подобные вещи, которыми мы недовольны, есть и еще, но может ли это быть причиной, чтобы из-за этого ухудшались наши взаимные отношения? Не может. Это вопросы, которые могут быть устранены и объяснены.

Очевидно, что СССР и Югославия жизненно заинтересованы в том, чтобы быть еще теснее связанными. Но для этого нужно абсолютное взаимное доверие, без которого не могут существовать устойчивые и прочные отношения между нашими двумя странами. Советские люди, и в первую очередь руководители, должны верить в то, что новая Югославия, со своим нынешним руководством, непоколебимо идет к социализму. Далее, нужно верить в то, что СССР имеет в лице сегодняшней Югославии, с нынешним руководством, самого верного друга и союзника, готового в случае тяжелых испытаний разделить хорошее и плохое с народами СССР. Наконец, хотя мы знаем, что СССР испытывает огромные трудности в связи с восстановлением разрушенной страны, мы по праву ожидаем помощи СССР в строительстве нашей страны и осуществлении пятилетнего плана, без материального ущерба для народов СССР, ибо считаем, что в интересах СССР, чтобы новая Югославия была как можно более сильной, поскольку стоит лицом к лицу с капиталистическим миром, угрожающим не только ее мирному развитию, но и развитию остальных стран народной демократии, да и развитию СССР.

На основе всего изложенного пленарное заседание ЦК КПЮ не может принять как оправданную ту оценку, которую вы в вашем письме дали работе нашей партии и ее руководителей. Наша самая глубокая уверенность состоит в том, что имеет место тяжелое недоразумение, которого нельзя было допустить и которое должно быть как можно скорее ликвидировано в интересах дела, которому наши партии служат.

Нашим единственным желанием является то, чтобы было исключено любое сомнение и недоверие относительно чистоты товарищеских и братских чувств верности нашего ЦК КПЮ Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), которой мы всегда останемся благодарны за марксистско-ленинскую науку, руководившую нами до сих пор и путеводную для нас и в будущем, верности Советскому Союзу, который служил и дальше будет служить нам великим примером и помощь которого нашим народам мы так высоко ценим.

Мы уверены, что это недоразумение может быть ликвидировано единственно всесторонним взаимным объяснением между нашими двумя Центральными Комитетами на месте, т. е. здесь у нас. Поэтому мы предлагаем, чтобы ЦК ВКП(б) послал одного или нескольких своих членов, которые будут здесь иметь все возможности основательно изучить любой вопрос.

В надежде, что вы примите наше предложение, посылаем вам наши товарищеские приветствия.

По поручению ЦК КПЮ Тито, Кардель²¹

13 апреля 1948 г. Белград

Писма ЦК КП и писма ЦК СКП(б). Београд. 1948, с. 18—27.

№ 7

Сообщение ЦК КПЮ ЦК ВКП(б) о пленуме ЦК КПЮ 12—13 апреля 1948 года²²

ЦК ВКП(б)

12 и 13 э[того] м[есяца] состоялся в Белграде Пленум ЦК КПЮ в полном составе, за исключением двух человек, из которых один (Бакарич) отсутствовал по болезни, по уважительной причине, а другой (Хебранг) находится под следствием. Всего присутствовали 25 чле-

нов ЦК. Пленум исчерпывающе²³ рассмотрел письмо ЦК ВКП(б) от 27. 3.²⁴, а также и обстоятельства, которые привели к нему, и единогласно²⁵, за исключением Жуйовича, пришел к следующим выводам:

1. Пленум выражает глубокое сожаление, что между ВКП(б) и КПЮ дело дошло до расхождений, которые могут нанести²⁶ серьезный ущерб совместному делу обеих партий.

2. Пленум констатирует, что в работе КПЮ существуют ошибки и недостатки, но не такого значения, чтобы на их основе можно было сделать такие выводы, которые излагаются в письме ЦК ВКП(б).

3. Пленум констатирует, что такие выводы можно было сделать только на основе недостаточной и²⁷ неправильной осведомленности ЦК ВКП(б), которая является в первую очередь результатом [того] факта, что отдельные антипартийные²⁸ нездоровые элементы в нашей стране давали советским органам ложную, клеветническую или тенденциозную информацию.

4. Пленум констатирует, что главную ответственность за такую осведомленность советских органов несут члены ЦК КПЮ Сретен Жуйович и Андрия Хебранг. Эта антипартийная группа²⁹, которая несколько раз получала взыскания за свои ошибки³⁰, пытается³¹ таким путем свою антипартийную работу, направленную на раскол единства между руководством и партией, прикрыть клеветой, что руководство³² нашей партии делает антисоветские заявления, в то время как себя [они] хотят показать в качестве защитников СССР, и притом [защитников] от нашего руководства и нашей партии, которая многолетней работой доказала свою верность принципам марксизма-ленинизма, свою верность и любовь к ВКП(б) и СССР.

5. Пленум констатирует, что антипартийная работа группы Жуйович — Хебранг имеет целью подорвать единство КПЮ и народов Югославии в борьбе за построение социализма и омрачить³³ и ослабить отношения самого тесного³⁴ сотрудничества, взаимной помощи и братской верности между Югославией и СССР, чем она показала себя враждебной как по отношению к Югославии, так и по отношению к СССР.

На основе всего этого [и] имея в виду его антипартийную работу в прошлом, Пленум решил исключить Жуйовича из ЦК КПЮ и вместе с Хебрангом подвергнуть дальнейшему партийному следствию³⁵.

6. Пленум выражает твердую³⁶ уверенность, что все то, что мешает дальнейшему развитию и укреплению братских и союзнических³⁷ отношений³⁸ между КПЮ и ВКП(б), а также между Югославией и СССР³⁹, будет устранено.

7. Пленум поручает Политбюро ЦК принять все меры, чтобы искоренить в партии и Народном фронте все проявления⁴⁰, которые могли бы омрачить⁴¹ братские отношения между КПЮ и ВКП(б), а также⁴² между Югославией и СССР.

Пленум одобрил меры, предложенные Политбюро ЦК для ликвидации⁴³ остатков капитализма в стране.

Пленум одобрил меры, предложенные Политбюро ЦК для⁴⁴ ускорения подготовки съезда⁴⁵ КПЮ, который должен состояться осенью этого года.

8. Пленум одобряет приложенное письмо Центральному Комитету ВКП(б) и выражает свое желание и свою уверенность, чтобы дело дошло⁴⁶ как можно скорее до необходимого личного контакта между представителями ЦК КПЮ и ЦК ВКП(б), по возможности здесь, в Югославии, где можно все факты практически проверить, для того, чтобы ликвидировать полностью все источники настоящих недоразумений⁴⁷.

Arhiv Josipa Broza Tita, Kabinet Maršala Jugoslavije, I—3—b/655, II. 144—146.

№ 8

Письмо А. А. Жданова Й. Броз Тито

Сов. секретно

Секретарю ЦК Компартии Югославии товарищу Тито

Согласно пожеланиям Политбюро компартии Венгрии сообщаем вам в порядке информации письмо Политбюро КП Венгрии Центральному Комитету ВКП(б) от 8 апреля с[его] г[ода].

Секретарь ЦК ВКП(б) А. Жданов

14 апреля 1948 г.⁴⁸

Arhiv CK SKJ, IX, Peg. бр. I—1/20, 1.

Письмо Политбюро ЦК КПЮ А. А. Жданову⁴⁹

ЦК ВКП(б) — Товарищу Жданову

16 апреля э[того] г[ода] товарищ Юдин передал Генеральному секретарю ЦК КПЮ товарищу Тито письмо товарища Жданова с приложенной резолюцией ЦК КП Венгрии от 8 апреля э[того] г[ода]. Из этих документов вытекает, что ЦК ВКП(б) послал копию своего письма ЦК КПЮ от 27 марта руководящим органам других партий⁵⁰. Мы поражены таким поступком ЦК ВКП(б) по следующим причинам:

Во-первых, ЦК ВКП(б) сделал это без согласия ЦК КПЮ, не подождя ответа ЦК КПЮ и вообще не проверив у ЦК КПЮ доводы, которые он (ЦК ВКП(б). — Л. Г.) изложил в своем письме от 27 марта э[того] года⁵¹.

Во-вторых, братские компартии тем самым извещены односторонне⁵², вообще не зная мнения ЦК КПЮ, и поэтому ЦК КПЮ подвергнут широкой критике таким образом, что вообще не может защищаться от неправильных доводов этой критики.

По всем этим причинам Политбюро ЦК КПЮ не может согласиться с таким поступком ЦК ВКП(б) и считает, что такой поступок не может способствовать устранению и разъяснению причин, приведших к расхождениям между ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ⁵³.

Arhiv Josipa Broza Tita, Kabinet Maršala Jugoslavije, I—3—b/654, l. 4.

№ 10

Из телеграммы В. М. Молотова А. И. Лаврентьеву для передачи заместителю министра иностранных дел Югославии А. Беблеру

от 23 апреля 1948 г.

[...] Югославское правительство нарушило недавно заключенное соглашение о взаимной консультации по важным международным вопросам⁵⁴ с того времени, как оно обратилось к американцам и англичанам с изложением своей позиции по вопросу о Триесте⁵⁵, не консультируясь с СССР. Ввиду этого Советское правительство не считает себя связанным указанным соглашением о консультациях и не сможет сообщить югославскому правительству своей точки зрения по вопросу о югославо-австрийской границе, а изложит свою позицию по этому вопросу на совещании представителей четырех правительств в Лондоне.

[...] Сообщите также югославскому правительству, что посол Попович не информировал Советское правительство о том, что американский посол в Белграде несколько недель назад сделал югославскому правительству заявление, что США не поддержат мероприятия греческого правительства по изменению албано-греческой границы с применением силы⁵⁶. [...]

Вестник Министерства иностранных дел СССР, 1990, № 6, с. 60—61.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Письмо было принято на состоявшемся 12—13 апреля 1948 г. пленуме ЦК КПЮ (док. 7), на котором Тито ознакомил членов ЦК КПЮ с письмом ЦК ВКП(б) от 27 марта и зачитал написанный им проект ответного письма. Выступившие на пленуме, проходившем тайно, выразили согласие с точкой зрения Тито. Лишь Жуйович был против того, чтобы направлять такой ответ в ЦК ВКП(б). Как записано в протоколах пленума, он заявил о невозможности вступить в противостояние Сталину, ВКП(б), СССР, говорил о необходимости прислушиваться к советской критике, иметь в виду, что без опоры на СССР нельзя строить социализм в Югославии, что не следует бояться зависимости от СССР, ибо целью является то, чтобы Югославия была в составе Советского Союза. Жуйович выразил мнение, что даже когда по отдельным моментам югославская сторона права, нужно учитывать переплетение международной политики и считаться с планами СССР (Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. Beograd. 1984, s. 370—373, 377—378). Позиция Жуйовича была осуждена на пленуме. Его обвинили в том, что он тайно давал Лаврентьеву информацию, искажающую и очерняющую политику КПЮ, в том числе сведения о заседании Политбюро 1 марта 1948 г., действовал за спиной Политбюро и ЦК КПЮ, нанося ущерб партии.

Деятельность Жуйовича увязывалась на пленуме с деятельностью А. Хебранга, являвшегося в 1943—1946 гг. членом Политбюро ЦК КПЮ и занимавшего в первые послевоенные годы ведущие посты в

правительстве Югославии — министра промышленности, председателя Экономического совета, председателя Союзной плановой комиссии. Еще в апреле 1946 г. он без какого-либо официального и даже внутрипартийного сообщения был выведен из состава Политбюро, но остался членом ЦК. В июне 1946 г. Хебранг был смещен с постов министра промышленности и председателя Экономического совета (заменен Кидричем), однако оставался председателем Союзной плановой комиссии до января 1948 г., когда и на этом посту был заменен Кидричем, и назначен министром легкой промышленности. На пленуме ЦК КПЮ 12—13 апреля 1948 г. Хебранг отсутствовал, ибо с марта находился под домашним арестом и следствием (в связи с тем, что в 1942 г., во время фашистской оккупации Югославии, он попал в руки полиции квислинговского усташского режима в Хорватии). Об этом на пленуме Тито оповестил членов ЦК. Как зафиксировано в протоколе, Тито также обвинил Хебранга в том, что тот «является главным виновником всего недоверия (советской стороны. — Л. Г.) к нашему ЦК». Из протокола не видно, чтобы при этом приводились какие-либо аргументы, отмечены лишь слова Тито, что «они (советские руководители. — Л. Г.) начали посылать депеши на [имя] Хебранга» (Dedijer V. Op. cit., s. 383). В югославской литературе существует не подкрепленная реальными доказательствами версия, что Хебранг был связан с советскими спецслужбами и давал негативную информацию о югославском руководстве, в частности во время своего пребывания в Москве в январе 1945 г. во главе делегации Национального комитета освобождения Югославии, когда он встречался со Сталиным и Молотовым. После этого визита от советского руководства действительно поступали некоторые послания, адресованные не Тито или Тито и Карделю, как это делалось раньше, а Тито, Карделю и Хебрангу (АЖВТ, КМЈ, I—3—b/592). Это было воспринято в Белграде как показатель того, что Москва считает Хебранга одним из югославских лидеров.

2. На этом пленуме ЦК КПЮ Тито говорил, что по экономическим вопросам Хебранг «проводил линию, противоположную позиции ЦК, и с ним соглашался и Жуйович» (Dedijer V. Op. cit., s. 383). В выступлениях Карделя и некоторых других участников пленума есть упоминания о том, что вопрос о Хебранге и Жуйовиче рассматривался в апреле 1946 г. на заседании ЦК (в действительности — на заседании Политбюро, ибо до пленума 12—13 апреля ЦК КПЮ на пленарные заседания не собирался). Из хранящихся в архиве протоколов следует, что 19 апреля 1946 г. на заседании Политбюро обсуждался вопрос о «внутренних отношениях в ЦК» в связи с письмом Хебранга Карделю.

Само письмо, также сохранившееся в архиве, датировано 17 апреля 1946 г. и связано с предстоявшими тогда экономическими переговорами между СССР и Югославией. Предполагалось, что югославскую делегацию, которая должна была отправиться в Москву, будет возглавлять Хебранг. Было известно, что он является сторонником скорейшего принятия намечавшихся югославским руководством мер по более тесному экономическому сотрудничеству двух стран, в частности по созданию совместных советско-югославских обществ в ряде отраслей народного хозяйства. Но конкретное решение данных проблем Тито и некоторыми другими югославскими руководителями затягивалось. Было решено, что югославская делегация будет вести в Москве переговоры лишь о соглашении о товарообороте на 1946 год.

Об этом от Карделя узнал Лаврентьев, незадолго перед тем назначенный послом в Белграде, и, посетив 17 апреля Хебранга, спросил, почему так происходит и не означает ли это, что позиция правительства Югославии относительно тесного экономического сотрудничества и образования смешанных обществ изменилась. Лаврентьев не скрывал, что советская сторона проявляет интерес к решению указанных вопросов. Между тем Хебранг уже знал, что Тито решил поставить во главе делегации не его, а министра внешней торговли Н. Петровича. Более того, накануне ему стало известно, что Тито сказал одному из собеседников, что «Андрия (Хебранг. — Л. Г.) не может [ехать] в Москву, он проводит ошибочную экономическую политику. Он проводит политику государственного капитализма».

Изложив все это в письме Карделю, Хебранг делал вывод, что Тито ему не доверяет и что дело не в экономической политике. «Я догадываюсь, почему не могу [ехать] в Москву. Я имел то «несчастье», что после моего пребывания в Москве (в 1945 г. — Л. Г.) на некоторых депешах упоминалось мое имя». Хебранг обращался к Карделю с двумя конкретными предложениями. Во-первых, независимо от того, кто возглавит делегацию, он считал, что «и в интересах нашего хозяйственного развития, и чтобы было устранено сомнение (советской стороны относительно югославских намерений. — Л. Г.), нужно было бы расширить характер переговоров (в Москве. — Л. Г.) и решить основные вопросы». Во-вторых, «нужно поговорить о том, что Старик (Тито. — Л. Г.) сказал», так как, учитывая его недоверие, «нет никакого смысла, чтобы я и дальше занимал нынешний пост» (АЖВТ, КМЈ, I—3—b/623).

Хотя письмо Карделю носило исключительно доверительный характер, два дня спустя, 19 апреля 1946 г., оно фигурировало на заседании Политбюро как документ для обвинения Хебранга в «особой линии». Утверждалось даже, что в ЦК КПЮ было две политики по экономическим вопросам, то есть что Хебранг занимал позицию, отличную от «основной». Из протокола заседания не ясно, чем это

аргументировалось. Досталось и Жуйовичу, который на том же заседании критиковал деятельность ЦК КПЮ по хозяйственным вопросам, что было расценено как поддержка Хебранга. Политбюро сформировало специальную комиссию по расследованию «дела» Хебранга, а заодно и Жуйовича, которая доложила о результатах работы на состоявшемся 24 апреля заседании Политбюро, утвердившем ее выводы. Хебранга вывели из Политбюро и решили снять с поста председателя Экономического совета. Было вынесено партийное взыскание Жуйовичу (Arhiv SK SKJ, f, SK SKJ, III/17, III/18). Решения эти имели секретный характер.

3. Имеется в виду пребывание в Москве югославской делегации, участвовавшей в секретной советско-югославно-болгарской встрече 10 февраля 1948 года.
4. В советском письме — «ЦК югославской компартии».
5. В советском письме — «офицеров английской армии».
6. В мемуарах Джиласа излагается иная версия улаживания этого инцидента. Он не упоминал ни о каких объяснениях Тито Сталину, а писал, что в апреле 1945 г. во время пребывания в Москве югославской правительственной делегации во главе с Тито Джилас на одной из встреч со Сталиным пояснил в ответ на вопрос советского руководителя, что именно он говорил Корнееву в октябре 1944 г., и в итоге инцидент был исчерпан (Djilas M. Razgovori sa Staljinom. Beograd. 1990, s. 72—73).
7. Информбюро коммунистических партий.
8. 25 марта 1941 г. под давлением гитлеровской Германии правительство Королевства Югославии, возглавлявшееся Д. Цветковичем, подписало протокол о присоединении страны к Тройственному пакту. В ответ во многих городах Югославии начались массовые демонстрации протеста, в них участвовали антигитлеровские и патриотические силы различных направлений, активную роль играла и КПЮ, руководство которой еще 22 марта получило директиву Исполкома Коминтерна о необходимости занять решительную позицию против капитуляции перед Германией.
9. Имеется в виду начатая в июле 1941 г. вооруженная народно-освободительная борьба, организованная и возглавленная КПЮ и охватившая в течение лета — осени 1941 г. всю Югославию. В обращениях к народу КПЮ подчеркивала, что борьба, которую ведет против фашистских агрессоров Советский Союз, «это и наша борьба».
10. См. Вопросы истории, 1992, № 3, прим. 25.
11. Ссылка на слова Молотова в беседе с югославским послом В. Поповичем 6 апреля 1948 г., о чем посол известил Тито по приезде в Белград, где он участвовал в работе пленума ЦК КПЮ 12—13 апреля. Речь идет о книге «История ВКП(б). Краткий курс».
12. Очевидно, речь идет о работе Сталина «Об основах ленинизма».
13. Известный сборник работ Сталина «Вопросы ленинизма».
14. Согласно радиограмме об итогах V конференции КПЮ, которую Тито направил Генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г. Димитрову, в ЦК КПЮ было избрано 22 члена и 16 кандидатов. Из более позднего документа, датированного 1942 г., следует, что в это число входили лишь члены пленума ЦК, без учета еще 7 человек, избранных в Политбюро (Peta zemaljska konferencija KPJ (19—23 oktobar 1940). Beograd, 1980, s. 218, 264—265).
15. Из членов Политбюро, избранных в 1940 г., в состав этого органа в 1948 г. входили Тито, Кардель, Ранкович, Джилас и Лескошек. Во время войны погибли Р. Кончар и И. Милутинович.
16. На пленуме ЦК КПЮ, состоявшемся 12—13 апреля 1948 г., было решено созвать в ближайшее время V съезд КПЮ. На пленуме ЦК КПЮ 20 мая 1948 г. была определена точная дата — 21 июля.
17. Имеется в виду Ранкович.
18. В Польше компартия, распущенная решением руководства Коминтерна в 1938 г., была воссоздана в 1942 г. под названием Польская рабочая партия, а в Болгарии с осени 1944 г. компартия стала называться Болгарская рабочая партия (коммунистов).
19. Вальдес — псевдоним Й. Копинича, члена КПЮ, находившегося во второй половине 30-х годов в СССР, где у него установились тесные связи с Тито, который тогда в течение некоторого времени также жил в Советском Союзе или часто приезжал сюда по партийным делам. Копинич вместе с радисткой Стеллой, гречанкой, ставшей его женой, был отправлен по линии Коминтерна в Югославию, где до конца второй мировой войны работал на нелегальной радиостанции в Загребе, осуществлявшей связь с Исполкомом Коминтерна, а после официального роспуска Коминтерна в 1943 г. — связь ЦК ВКП(б) с компартиями ряда стран (Югославии, Италии, Австрии и некоторых других).
20. Велебит был отстранен от работы в МИД Югославии под предлогом того, что ему необходим длительный отпуск для лечения. Позднее, после открытого советско-югославского разрыва, он был возвращен на прежний пост в МИД.
21. Письмо от 13 апреля вместе с сообщением о решениях пленума ЦК КПЮ (док. 7) были доставлены в Москву югославским послом в СССР В. Поповичем, вернувшимся из Белграда, где он принимал участие в работе пленума ЦК КПЮ. 19 апреля посол посетил Молотова и вручил ему привезенные документы. В шифротелеграмме Поповича, полученной в Белграде 20 апреля, говорилось:

«Лично маршалу. В субботу (17 апреля. — Л. Г.) в восемь часов, то есть сразу по прибытии, я поставил в известность Молотова. Мне было отвечено, что он занят и может принять меня лишь в понедельник. Сегодня (19 апреля. — Л. Г.) в три часа у меня была встреча с ним. Я передал ему все три письма (неясно, о каком «третьем» письме идет речь; возможно, имеется в виду письмо, направленное от имени Политбюро ЦК КПЮ в адрес ЦК ВКП(б) А. А. Жданову (док. 9). — Л. Г.). Он сказал, что они познакомятся с содержанием и дадут ответ, какой сочтут нужным. Он явно был заранее извещен о содержании нашего ответа. Я информировал его о ходе заседания, о единодушии пленума ЦК, о враждебной деятельности Жуйовича, Хебранга, Густинича, одним словом, изложил ему весь ход заседания и выводы. У меня сложилось впечатление, что он вообще меня не слушал. Ни одного вопроса он мне не задал. Когда я закончил, он сказал, что то, о чем я ему рассказал, не соответствует тому, что я ему сказал, когда он мне передал письмо перед моим отбытием в Белград (имеется в виду посещение Молотова Поповичем перед его отъездом в Белград на пленум ЦК КПЮ, когда Молотов ознакомил его с советским письмом от 27 марта. — Л. Г.). Когда я спросил его, что он при этом имеет в виду, он ответил, что точно не помнит, но то, что я ему тогда сказал, говорило о том, что явления, приведенные в их письме, у нас были; но я предложил, что повторю ему ход бесед, которые у меня с ним были, однако он не хотел даже слушать, а встал и так закончил беседу.

О ходе упомянутых (Молотовым. — Л. Г.) бесед с Молотовым я Вас известил устно. Но поскольку Молотов к моему большому изумлению ставит дело таким образом, я считаю нужным повторить дословно ход двух бесед, которые у меня были с ним в день накануне отъезда. Молотов принял меня в среду 6 апреля в 4 часа дня. Он сказал мне, что по решению ЦК ВКП(б) направлено письмо нашему ЦК, которое подписали он и Сталин. Затем он добавил, что они приняли решение познакомить меня с содержанием письма, ибо они считают, что могут это сделать, хотя, судя по всему, я обо всех этих вещах не извещен, что им нечего скрывать, и т. д.

Он мне вкратце изложил содержание письма. При этом он говорил и о некоторых вещах, которые не изложены в письме, напр[имер] о том, что ему сказали венгры, что Джидо (М. Джилас. — Л. Г.) заявил, что у нас не нужно изучать Историю ВКП(б), далее — что раньше они осудили наше заявление о том, что Югославия не позволит, чтобы она была разменной монетой великих держав. Он меня тогда спросил, сколько членов имеет наш ЦК, регулярно ли собирается, и т. д. После того, как изложил свое, он спросил меня, имею ли я что сказать. Я сказал, что все то, что он сказал, является для нас настоящим приговором, что ни до чего худшего мы дожить не могли, что никогда ни я, ни кто-либо из наших руководителей не могли и подумать, что может дойти до этого. Я верю, что они приняли такое решение без точного знания. Но как бы это ни было тяжело для нас, я уверен, что наше руководство, наша партия сумеют преодолеть все трудности и наказать виновных, которые довели до такого положения. Молотов затем сказал, что они радовались нашим успехам, писали об этом, а оказалось, что они должны были быть осторожнее; что они верили Джиласу, но убедились в том, что с его стороны это была игра. В конце он пожелал нам успехов, и так мы расстались.

В 12 часов ночи Молотов вновь пригласил меня. Он сказал, что они решили передать мне текст письма. При этом я спросил его, что они думают о том, чтобы приехала наша делегация, с которой были бы обсуждены и выяснены все спорные вопросы, так как я считаю, что нет ничего, что при непосредственной встрече и взаимных беседах не могло бы быть правильно решено между нами. Он на это не дал никакого ответа. Когда я его спросил, могут ли, по их мнению, после такого письма остаться в ЦК товарищи, упомянутые в нем, он задумался, а затем сказал: «Мы верим не словам, а делам». Этот вопрос мы не обсуждали. Затем я поставил ему вопрос о том, как, по его мнению, нужно поступить с письмом. Он определенно не ответил, но спросил меня, когда был наш последний партийный съезд и когда было избрано нынешнее руководство. Когда я информировал его о решениях по этому поводу пятой конференции (т. е. V конференции КПЮ в октябре 1940 г. — Л. Г.), он сказал, что это было давно, что прошло три года после освобождения (имеется в виду полное освобождение Югославии от фашистских оккупантов, начавшееся в сентябре 1944 г. и завершившееся в мае 1945 г. — Л. Г.) и недопустимо, что за это время не состоялся парт[ийный] съезд. Затем он добавил, что о наших руководителях и их работе думают так не только они, но и другие. Привел то, что им сказали венгры, как в Железнице многочисленная парт[ийная] ячейка проводит собрания нелегально, что они считают недопустимым и совершенно ошибочным. Далее он сказал, что они знают, что у нас нет никаких партийных решений, которые бы передавались членам партии в письменном виде, и они это считают совершенно ошибочным...

Так протекали наши беседы и никак иначе. Если бы я был уверен в том, что дело будет решено успешно для нашей партии и нашего народа, я был бы готов и к самому тяжкому приговору. Совершенно сознательно и со спокойной совестью я прошу Вас вынести решение, какое Вы найдете нужным, не принимая меня во внимание, если это в наших общих интересах. После этого случая я с трудом смогу успешно выполнять свои обязанности, и прошу Вас принять это во внимание. Попович» (АЖВТ, КМЖ, I—3—b/655, II. 170—172).

В тот же день, 19 апреля, об этой беседе с Поповичем Молотов направил информацию Лаврентьеву в Белград для сведения. Согласно материалам АВП СССР, в информации говорилось: «19 апреля я принял Поповича, который передал мне ответ ЦК Компартии Югославии на наше письмо, а также сообщение о решении Пленума ЦК КПЮ в связи с этим. Попович заявил, что ЦК Компартии Югославии провел расследование по тем вопросам, которые были поставлены в письме ЦК ВКП(б). Пленум ЦК югославской Компартии единогласно, за исключением одного человека, пришел к выводу о том, что таких заявлений, которые упоминаются в письме ЦК ВКП(б), никто в Югославии никогда не делал. Попович вообще заявил, что письмо ЦК ВКП(б) основано якобы на тенденциозных и «неточных» сведениях, которые получены от клеветников и врагов Компартии Югославии и советско-югославских дружественных отношений. В связи с этим, мол, письмо ЦК ВКП(б) является не дружеской критикой, а осуждением Компартии Югославии и ее руководителей, и ЦК Компартии Югославии такую критику принять не может.

Я ответил, что мы ознакомимся в ЦК с этими письмами и свое мнение выскажем, когда сочтем это нужным. Я заметил Поповичу, что то, что он сегодня сказал, находится в противоречии с тем, что он говорил мне в прошлой беседе, когда он заявлял, что такие настроения в ЦК Компартии Югославии, на которые указано в нашем письме, имеются».

К тому времени советское руководство уже располагало сведениями о пленуме ЦК КПЮ 12—13 апреля 1948 г., о выступлениях его участников и о принятых решениях. Эти сведения сообщил в Москву из Белграда Лаврентьев, получивший информацию от Жуйовича. Еще до пленума ЦК КПЮ Лаврентьев по согласованию с Молотовым ознакомил Жуйовича с советским письмом от 27 марта и тот, как говорилось в донесении посла, выразил «глубокое удовлетворение тем, что все вопросы поставлены принципиально и марксистски обоснованно», но высказал мнение, что «внутренними силами в ЦК (КПЮ. — Л. Г.) этот вопрос разрешить невозможно. Все попытки к выправлению положения будут задушены. Поэтому потребуются дальнейшее вмешательство ВКП(б)».

Видимо, такой позицией и объяснялось то обстоятельство, что Жуйович, который в шифропереписке между советским посольством и Москвой именовался Филатовым, счел необходимым подробно известить посольство обо всем, что происходило на пленуме 12—13 апреля. А с советской стороны считали нужным всячески поощрять и укреплять его в этой позиции. 15 апреля Молотовым было дано Лаврентьеву поручение в связи с сообщенной посольством информацией Жуйовича, согласно которой Джилас заявил на пленуме, что его, Жуйовича, «нужно рассматривать как шпиона Советского Союза», и, в частности, указал на посещение им посольства СССР 6 апреля. Лаврентьев должен был разъяснить Жуйовичу, что «посещение советского коммунистического посольства коммунистом, а тем более членом ЦК Компартии Югославии не только совершенно естественно, но при случае даже обязательно и соответствует интересам обоих государств, народов и компартий. Если Джилас думает, что такое посещение является шпионажем, это значит, что Джилас стал врагом СССР, ориентирующимся не на Советский Союз как очаг социализма, а на западные государства, то есть на капитализм». Согласно указанию Молотова, Лаврентьев должен был дать понять Жуйовичу, «что он не должен бояться ни обвинений, ни репрессий по случаю того, что у него есть дружеские отношения с советским послом, что, наоборот, он должен гордиться этим».

22. Документ, хранящийся в Архиве Йосипа Броз Тито, представляет собой машинописный текст на русском языке — перевод с оригинала на сербскохорватском, написанного Карделем и правленного, судя по почерку, Джиласом (рукописный оригинал хранится там же. — АЖВТ, КМЖ, I—3—b/655, II. 135—143). Перевод, который и был направлен в ЦК ВКП(б), выполнен югославской стороной; в нем имеется ряд погрешностей грамматического и стилистического характера, сербизмов, при публикации в ряде случаев исправленных нами. Перевод отдельных слов уточнен по сербскохорватскому оригиналу, что каждый раз оговорено в примечаниях.
23. Так в оригинале; в переводе ошибочно употреблено слово «основательно».
24. В оригинале далее слова «направленное ЦК КПЮ».
25. В оригинале сначала написано «единогласно», затем исправлено на «единодушно».
26. Так в оригинале; в переводе ошибочно употреблено слово «принести».
27. В оригинале «или».
28. В оригинале «антипартийные и нездоровые».
29. Так в оригинале; в переводе — «незначительная антипартийная группа».
30. В переводе — «ради своих ошибок».
31. В переводе — «пробует».
32. В переводе — «руководители».
33. В переводе — «помутить».
34. В переводе — «крепкого».
35. В оригинале этот абзац добавлен позже как пункт «5 а».
36. В переводе — «крепкую».

37. В оригинале «братских и союзнических» вписано сверху.
38. Так в оригинале; в переводе — «союзных».
39. В оригинале наоборот — «между Югославией и СССР, а также между КПЮ и ВКП(б)».
40. Так в оригинале; в переводе обратный порядок слов, придающий иной, неверный смысл — «все проявления в партии и Народном фронте, которые могли бы...».
41. См. прим. 33.
42. В оригинале «соответственно».
43. В оригинале — «для дальнейшей ликвидации».
44. В оригинале — «с целью».
45. В переводе употреблен сербизм — «конгресса».
46. В переводе — «пришло».
47. В оригинале — «нынешнего недоразумения».
48. Вместе с этим письмом представитель ВКП(б) в Информбюро Юдин передал Тито упомянутое письмо Политбюро ЦК КП Венгрии — ответ на посланное ему 31 марта 1948 г. письмо ЦК ВКП(б) с уведомлением о советском письме югославам от 27 марта и с приложением копии последнего. Такие же письма-уведомления с приложением копии советского письма руководству КПЮ от 27 марта были разосланы от имени ЦК ВКП(б) руководящим органам других партий — членов Информбюро. Венгерский ответ от 8 апреля был первым среди начавших затем поступать в ЦК ВКП(б) ответов от этих партий. Он был оформлен как решение Политбюро ЦК КПВ, выразившее полную солидарность с советским письмом югославам от 27 марта. В переводе на сербскохорватский язык венгерский ответ опубликован В. Дедиером (*Dedijer V. Op. cit., s. 388—389*). Направляя его в Москву, М. Ракоши писал о целесообразности сообщить о венгерской позиции другим партиям, получившим советское письмо от 27 марта по югославскому вопросу, в том числе КПЮ (*Arhiv SK SKJ, IX, Reg. br. I—1/20, l. 2*). Руководство ВКП(б) послало решение Политбюро ЦК КПВ не только в адрес ЦК КПЮ, но и другим партиям — членам Информбюро, которые к тому времени еще не прислали своих ответов в Москву (*AJBT, KMJ, I—3—b/142, l. 1*).
49. Документ представляет собой машинописный текст (2-й экземпляр) на сербскохорватском языке (латиницей) без указания даты. В архиве хранится также рукописный текст этого документа, написанный, судя по почерку, Карделем (*AJBT, KMJ, I—3—b/654, ll. 1—3*).
50. В рукописном тексте было — «компартий».
51. Почти одновременно с письмом Жданову, 19 апреля, ЦК КПЮ направил письмо ЦК КП Венгрии, в котором обвинения по адресу югославского руководства, содержащиеся в решении венгерского Политбюро (см. прим. 48), отвергались как необоснованные (*AJBT, KMJ, I-3-b/420*). Аналогичные ответы были посланы и другим партиям, которые в середине апреля 1948 г. направили в ЦК ВКП(б) свои решения в связи с советским письмом югославам от 27 марта. Все они с большей или меньшей жесткостью заняли позицию, в целом сходную с той, которая была выражена венгерским руководством: они поддержали советскую «критику» югославских «ошибок», основываясь исключительно на обвинениях, выдвинутых в письме ЦК ВКП(б) от 27 марта. Из Москвы эти решения компартий с осуждением югославов пересылали в Белград в адрес ЦК КПЮ (*AJBT, KMJ, I—3—b/142, l. 1—4; I—3—b/184; I—3—b/513; I-3-b/548*).
52. В машинописном тексте ошибка — «просто».
53. В машинописном документе внизу, под текстом, написана черными чернилами заглавная латинская буква «Т». В рукописи документа содержался еще один, заключительный, абзац, который затем был вычеркнут и в машинописном тексте отсутствует. В нем говорилось: «С другой стороны, принимая во внимание такой поступок ЦК ВКП(б), ЦК КП Югославии считает нужным и со своей стороны известить братские компартии о своей точке зрения по вопросам, рассматриваемым в письме ЦК ВКП(б) ЦК КП Югославии».
54. Имеется в виду протокол о консультациях от 11 февраля 1948 г., предусматривавший взаимное обязательство СССР и Югославии консультировать друг друга «по важным международным вопросам, касающимся обеих стран» (*AJBT, KMJ, I—3—b/651, l. 47*).
55. 20 марта 1948 г. правительства США, Великобритании и Франции опубликовали совместное заявление о том, что они обратились к правительствам СССР и Италии с предложением пересмотреть мирный договор с Италией таким образом, чтобы Свободная территория Триест (СТТ) вновь была поставлена под итальянский суверенитет. Этим заявлением, имевшим целью повлиять на результаты предстоящих парламентских выборов в Италии, ослабить позиции Итальянской компартии, провозглашалась необходимость ликвидации югославской зоны СТТ, которая, как говорилось в документе, «практически присоединена к Югославии процедурами, не уважающими выраженные великими державами пожелания дать территории независимое и демократическое положение». Причем Югославия как участник мирного договора с Италией в заявлении игнорировалась (*Dokumenti o spoljnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije 1948. Beograd. 1989, s.595*).

Правительство Югославии 22 марта направило США, Великобритании и Франции ноту протеста. В тот же день югославский министр иностранных дел С. Симич предложил начать прямые югославо-итальянские переговоры для решения вопроса о СТТ на взаимоприемлемой и дружественной основе, в духе позиций, высказанных во время переговоров по триестской проблеме между Тито и Генеральным секретарем Итальянской компартии П. Тольятти в 1946 г. (*ibid.*, s. 68—71).

56. 17 апреля 1948 г. заместитель министра иностранных дел Югославии А. Беблер уведомил Лаврентьева о новых югославских предложениях по поводу возможного югославо-австрийского разграничения в районе Каринтии (Корушки), где югославская сторона претендовала на территории со значительным словенским населением, находившиеся в составе Австрии. Предложения эти имелось в виду внести на очередное заседание заместителей министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции, созываемое в рамках Совета министров иностранных дел. Беблер высказал пожелание югославской стороны узнать мнение Советского правительства по данному вопросу (АЖВТ, КМЈ, I—3—b/659, l. 13).

Изложение советской позиции, содержащееся в телеграмме Молотова, было утром 23 апреля передано Лаврентьевым Беблеру. В тот же день к вечеру министр иностранных дел Югославии Симич пригласил Лаврентьева, чтобы, как зафиксировано в сделанной Симичем записи беседы, «передать ему ответ югославского правительства». Советский посол прибыл вместе с советником Армяниновым. Симич зачитал им следующий текст:

«Югославское правительство известило Советское правительство на 24 часа раньше о своем ответе, который оно намеревалось дать западным державам по поводу их предложения о ревизии мирного договора с Италией, соответственно, о принадлежности СТТ Италии. Оно (югославское правительство. — Л. Г.) ожидало, что Советское правительство по столь важному и срочному вопросу сможет дать свое мнение. Поскольку Советское правительство не дало никакого мнения, югославское правительство дало ответ, который оно считало нужным и полезным для демократических сил в Италии. Югославское правительство считает, что этот случай не может быть причиной для аннулирования соглашения о консультациях».

В записи беседы, сделанной Симичем, далее говорится: «Он (Лаврентьев. — Л. Г.) взял запись (заявления, прочитанного Симичем. — Л. Г.). Тут же он сделал следующее замечание: Текст ответа, который вы мне передали, я доставлю своему правительству, хочу только подчеркнуть, что он не отвечает действительным фактам, которые я вам изложу, и на что я обращу также внимание моего правительства. Неверно, что заместитель Беблер просил мнения Советского правительства, когда 21 марта 1948 г. разговаривал с поверенным в делах (Армяниновым. — Л. Г.). Он только передал ему копию текста, подготовленного в качестве ответа западным державам, и говорил о намерении предложить Италии договор о дружбе. Все, что излагал Беблер, поверенный в делах записал и в конце прочитал (Беблеру. — Л. Г.). Там не отмечено, что запрашивается мнение или согласие Советского правительства. Это была только информация».

При возвращении из Москвы (Лаврентьев вернулся в Белград 22 марта. — Л. Г.) он обратил мое внимание на то, что и не ожидает из Москвы никакого ответа по этому сообщению (подчеркнуто в документе. — Л. Г.). Однако поскольку уже была назначена пресс-конференция, а ноты переданы представителям западных держав, он обратил мое внимание на то, что это очень важный вопрос, о котором нам нужно было бы посоветоваться с Москвой, что это, в сущности, позиция для ревизии мирного договора, а также на то, что до выборов еще имелось время, если мы согласимся с потребностью в каком-то нашем заявлении по вопросу, который нам сообщен «для сведения», а на деле направлен только Советскому Союзу.

- ✓ На мое замечание, что это слишком формальный взгляд и что промах товарища Беблера в том, что он не подчеркнул поверенному в делах насчет запроса о мнении Советского правительства после того, как уже была сообщена вся суть проблемы, он (Лаврентьев. — Л. Г.) ответил, что Советское правительство не высказывает мнения, когда его об этом не спрашивают, а кроме того, соглашение о консультациях намного шире по сравнению с обычным сообщением об уже занятых позициях.

В конце этой части беседы я вновь подчеркнул, что, возможно, это технический промах, но суть остается — наша большая заинтересованность в вопросе о Триесте и Италии, еще больше усиленная близостью итальянских выборов. Наконец, по чисто внутривнутриполитическим причинам нужно было дать быстрый ответ на провокационное предложение западных держав по вопросу ревизии мирного договора с Италией... В конце концов в сравнении с эффектом этой нашей позиции, ни на сколько не усложнившей проблему Триеста и способствовавшей разрушению предвыборной провокации западных держав, несоизмеримо утверждение, что мы нарушили соглашение о консультациях» (Arhiva Saveznog sekretarijata za inostrane poslove SFRJ, Politička arhiva, F-IX, 1948 god., Str. Pov. 353).

Советское правительство 13 апреля ограничилось кратким заявлением, что считает западное предложение неприемлемым (Внешняя политика Советского Союза. 1948 год. Док. и м-лы. Ч. 1. М. 1950, с. 188—189).

Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х годов)

А. Н. АКИНЬШИН

В годы репрессий советская историческая наука понесла невосполнимые потери. Безвинно погибли многие крупные и признанные специалисты. Но безнравственность и беспощадность сталинщины, быть может, всего обнаженнее проявились в отношении к краеведам — людям, далеким от политики, не пользовавшимся никакими особыми социальными привилегиями. Однако резон в действиях властей был: работа сотен и тысяч энтузиастов, разбросанных по всем уголкам огромной страны, не поддавалась контролю тоталитарной системы; трудно было рассчитывать и на то, что эти люди, преимущественно представители дореволюционной интеллигенции, примут установки на идеологизацию краеведения. Наилучшим выходом из положения была признана радикальная мера пресечения — разгром краеведческого движения и физическое устранение причастных к нему лиц.

В. С. Брачев рассказал о мифическом «Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России», организаторами которого якобы были ученые-историки во главе с академиками С. Ф. Платоновым и М. М. Богословским (ко времени возникновения «дела» уже покойным). В 1929 — 1930 гг. по этому «делу» было арестовано 115 человек¹, но оно не закончилось событиями в Москве и Ленинграде, отзвуки его докатились до провинции, был нанесен ущерб не только изучению русской истории, но и развитию краеведения.

В чем же причина того, что репрессии конца 20-х — начала 30-х годов вышли за пределы сравнительно узкой академической среды и обрушились на представителей массового краеведческого движения? 20-е годы нередко именуют золотым десятилетием советского краеведения. Оно могло успешно развиваться и далее, если бы не одно из преступлений сталинского режима, развязавшего настоящую войну со скромными подвижниками местной культуры.

Механизм террора, развернутого против краеведов России, хорошо прослеживается на материалах фальсифицированного воронежскими чекистами по указке свыше дела, нити которого протянулись ко всем крупным городам огромной Центрально-Черноземной области (ЦЧО). К концу 20-х годов здесь активно действовали, поддерживая между собой тесные контакты, кружки и общества по изучению родного края, располагавшие своими печатными изданиями. Однако в феврале 1929 г. губернские краеведческие общества как самостоятельные организации были распущены, и создан единый руководящий орган — Областное бюро краеведения (ОБК) Центрально-Черноземной области².

Большинство исследователей именно с 1929 годом связывает начало перемен в отношении властей к старым русским интеллигентам. К руководству Центральным бюро краеведения вместо С. Ф. Ольденбурга, ученого с мировым именем, приходят «краеведы-марксисты».

Акиньшин Александр Николаевич — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры отечественной дореволюционной истории Воронежского университета.

Прекращается издание журнала «Краеведение». С января 1930 г. начинает выходить «Советское краеведение», многие номера которого пестрят статьями типа «За большевистскую бдительность в краеведении». Краеведение, как и историческая наука в целом, превращается в арену идеологической борьбы, и старым ученым быстро наклеивают антисоветские ярлыки.

Воронеж в этом отношении мало чем отличался от столицы. В течение трех июньских дней 1929 г. перед широкой аудиторией отчитывались о своей работе ученые местного университета. Они должны были показать, насколько учебная и научно-исследовательская работа кафедр приспособлена к задачам «социалистической стройки». 4 июня настала очередь профессоров педагогического факультета М. Н. Крашенинникова и Г. А. Замятина³. Заведующий кафедрой общего языкознания и западной литературы Крашенинников откровенно сказал, что он не марксист, ибо марксистских работ в области общего языкознания не существует, а теория развития языка, предложенная академиком Н. Я. Марром, ложна; что в курсе зарубежной литературы он в равной мере использует дореволюционные работы и труды марксистов А. В. Луначарского, П. С. Когана, В. М. Фриче. Требование увязать научную и учебную работу с общественными и хозяйственными организациями ставило профессора, по его признанию, в тупик. «Я долго думал и не мог связать мою кафедру с хозяйственными организациями. Я нашел только один пример. Некогда, по просьбе проф. Якушкина, я перевел с итальянского языка брошюру о сахарной свекле. Может быть, это — связь с хозяйственными организациями?» — так передавал безымянный автор газетного отчета слова ученого, называя их ехидными⁴. Позиция его была подвергнута жестокой критике. Ректор университета П. Ф. Сапожников наградил Крашенинникова эпитетами «идеалист», «реакционер». В защиту своего учителя выступил только студент Никита Пруцков⁵.

Профессору Г. А. Замятину при обсуждении ставили в вину то, что его работы посвящены борьбе за московский престол в 1611—1613 гг. и избранию на царство Михаила Романова, то есть весьма далеки от современности; что у него «отсутствует достаточное освещение марксистских явлений».

Борьба с «узким академизмом», провозглашенная на собрании, прямо повлияла на судьбу ученых: летом 1929 г. Крашенинников и Замятин были уволены из университета.

Первый камень в воронежских гуманитариев был брошен. Развитие событий не заставило себя ждать. Осенью появилась статья музейного работника Ф. Шемякина⁶, направленная против доцента ВГУ, ученого секретаря ОБК С. Н. Введенского⁷. Его научные публикации автор статьи объявлял «равными нулю», а самого ученого называл «активным врагом науки», «классовым врагом», настаивая на необходимости «самоосвобождения» советских краеведов от засилья лжекраеведов и лжеученых, подобных Введенскому.

Лишь почти месяц спустя ученому удалось опубликовать «Ответ суровому критику»⁸. Он писал, что своего происхождения из духовной среды и своего образования никогда не скрывал, но называть его церковником, а тем более мракобесом нет оснований: «Еще студентом я дважды был у Толстого, беседовал с ним по вопросам критики догматического богословия и вообще искал истины вне стен церковных». Пытаясь защитить себя, Введенский указывал, что еще в 1922 г. начал читать в университете лекции по историческому материализму. Доказывая научную состоятельность своих опубликованных работ, он сослался на авторитет академика Платонова, процитировав его отзыв: «У автора нет объемистых книг типа диссертаций, но его многочисленные статьи по русской истории составят в общей сложности несколько томов значительной научной ценности».

Ответ Введенского газета снабдила комментариями Шемякина под характерным заголовком «Низкопробное двурушничество доцента Введенского». «Лжеученый, лжекраевед, человек, пытавшийся симулировать свой отход от прежнего мракобесия», — такой вердикт вынесен был ученому в конце статьи Шемякина. Итогом полемики стало отстранение Введенского в начале ноября 1929 г. от преподавания⁹. Ему, правда, пока доверили заведование университетской библиотекой.

В конце января 1930 г. в Воронеже прошел Съезд краеведов ЦЧО, где были публично «разоблачены» «лжекраеведы, вредительские элементы, такие, как двурушник Введенский, земский начальник Поликарпов, церковник Булгаков». Съезд переименовал общество краеведения в «Общество по изучению местного края в целях социалистического переустройства страны»¹⁰. Теперь на пленуме ЦБК в Москве представитель Воронежа А. А. Комаров с полным основанием мог рапортовать о заслугах «организации ЦЧО в деле решительного поворота краеведения к проблемам социалистического строительства и самоочищения краеведных организаций от чуждых нашим задачам элементов»¹¹. От таких заявлений прямой путь вел к арестам. Оставалось лишь подождать, узнать, как в центре развернется «академическое дело».

5 ноября 1930 г. заместитель полномочного представителя ОГПУ по ЦЧО С. С. Дукельский подписал ордера на обыск и арест воронежцев А. Н. Аверина, Н. М. Беззубцева, С. Н. Введенского, Г. А. Замятина, М. Н. Крашенинникова, В. В. Литвинова, Т. М. Олейникова и А. М. Путинцева¹², которые якобы «организованными действиями подготовляли свержение Советской власти». Неделю спустя в камерах внутренней тюрьмы ОГПУ к ним присоединились С. Н. Шестова и В. А. Долгополов¹³.

Первый шаг чекистов был обдуманым и подготовленным. Они сразу взяли людей, хорошо известных в Воронеже своей общественной или научной деятельностью. Все арестованные (кроме Крашенинникова и Аверина, бывшего редактора газеты «Воронежский телеграф») были активными участниками краеведческого движения в 20-е годы. До революции они входили в состав Статистического комитета, Воронежской ученой архивной комиссии, Церковного историко-археологического комитета, а Олейников был последним председателем общества церковной археологии и редактором «Воронежской старины». Имена новоявленных «врагов Советской власти» до революции регулярно появлялись на страницах местных изданий. Позже без их статей не выходил ни один выпуск «Воронежского историко-археологического вестника», «Воронежского краеведческого сборника», «Известий краеведческого общества».

Протоколы допросов с ноября 1930 г. до середины января 1931 г. довольно однообразны. Все последственные отрицают предъявленные им нелепые обвинения: ни к какой враждебной деятельности они не причастны, сфера их интересов сугубо гуманитарная. Однако убедить следователей невозможно, допросы идут один за другим. Правда, к некоторым арестованным чекисты быстро потеряли интерес. Так, всего трижды допрашивали профессора Крашенинникова. Последний протокол, написанный его рукой 22 ноября 1930 г. (лишь в уголке подпись: «допрашивал Иванов»), представляет собой изложение его позиции на упомянутом выше июньском 1929 г. отчете университетских ученых. Вновь он подтвердил, что не является марксистом, ибо «в области общего языкознания не могло быть и речи о марксистском преподавании этой науки уже потому, что до сих пор не имеется марксистских обработок общего языкознания»¹⁴.

Из вопросов, которые задавали арестованным следователи, видно, что ОГПУ вознамерилось «раскрыть» в Воронеже крупную монархическую организацию, имеющую выходы на столичные центры. К этому времени в Ленинграде полным ходом шли допросы академиков, и кому-то из следователей ОГПУ пришла в голову мысль «привязать» воронежских краеведов к «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России». Платонову и Введенскому (они были знакомы) задают одинаковые вопросы. 26 января 1931 г. Введенский на допросе (его проводил следователь секретно-политического отдела А. Ф. Кушнир) подтвердил: «Академик Платонов, имея данные о насыщенности краеведческих обществ в ЦЧО контрреволюционными элементами, через меня как руководителя филиала «Всенародного Союза» и Воронежского краеведческого общества в ЦЧО проводил идеи Союза»¹⁵. Не выдержал многомесячных допросов и 70-летний Платонов, назвал Введенского «представителем монархической организации в Воронеже». В показаниях академика, присланных в Воронеж, упоминаются крупные ученые, будто бы вступившие во «Всенародный союз борьбы» в 1928 г.: академики В. В. Бартольд, Е. Ф. Карский, И. Ю. Крачковский, П. А. Лавров. Некоторые из них к 1930 г. уже умерли, остальные еще не были арестованы, но компрометирующие их материалы накапливались впрок.

Руководство ОГПУ в ЦЧО посчитало, что для организации, ставившей целью свержение Советской власти и реставрацию монархии, 10 человек, арестованных в начале ноября 1930 г., слишком мало. В феврале — апреле 1931 г. были проведены дополнительные аресты в Воронеже, Тамбове, Курске, Липецке, Орле, Старом Осколе, Задонске, Острогожске, Ельце. Там, где оставались на свободе краеведы, взяли их, а в Воронеже арестовали большую группу бывших чиновников, купцов, дворян, преподавателей вузов и техникумов. Всех их объявили членами «Воронежской областной контрреволюционной монархической организации «Краеведы».

Среди арестованных было немало энтузиастов, страстных любителей местной старины — работников музеев, архивов, преподавателей школ и училищ. В Тамбове были лишены свободы В. Ф. Силин, В. П. Субботин, С. И. Соколов, П. П. Аносова, А. А. Щеголев. В Курске и Старом Осколе арестовали М. А. Рязанцева, Т. А. Горохова, братьев Д. М. и Н. М. Рождественских. В Орле та же участь постигла П. С. Ткачевского¹⁶, И. И. Лебедева, П. В. Малашенко, В. В. Петикова, В. М. Викторovu-Оболенскую. В Острогожске за решеткой оказались практически все члены местного общества краеведов — И. К. Головинский, Г. П. Еременко, Г. Н. Яковлев¹⁷. Руководители Тамбовского краеведческого общества

П. Н. Черменский и Курского — Г. И. Булгаков¹⁸ тщетно надеялись «затеряться» в Воронеже — чекисты настигли их и тут. Воронежских краеведов Ф. И. Поликарпова, ставшего священником, и Ф. К. Рындина¹⁹, работавшего консультантом в ВСНХ, тоже не спасла перемена места жительства: к концу расследования спецконвой доставил их в Воронеж. Здесь названы лишь некоторые из подвижников культуры, которым суждено было пройти по «делу краеведов». Всего же в ЦЧО по нему было привлечено 92 человека.

«Руководителем монархической организации» решено было сделать Введенского (наверное, в этом немаловажную роль сыграл факт его знакомства с Платоновым). Его допрашивали чуть ли не ежедневно, требовали показаний против тех профессоров Воронежского университета, которые еще были на свободе. Не выдержавший истязаний бессонницей, моральных пыток, угроз наказать близких, он называет имена многих своих коллег. Карательные органы интересовались даже деятельностью бывшего ректора, историка-медиевиста В. Э. Регеля, к тому времени уехавшего в Латвию, и преподавателя искусствоведения, краеведа М. К. Паренаго, умершего в 1929 году.

О методах допросов можно только догадываться. В 1956 г., добиваясь реабилитации, елецкий краевед Ф. Ф. Руднев писал, что оговорил себя под давлением следователя, который угрожал расстрелять его и всю его семью. Надо думать, подобные методы следствия применялись не только в отношении Руднева. Нравственно ли сегодня в чем-либо упрекать людей, чья вина состоит лишь в том, что они не выдержали бесчеловечного обращения?

Показания по университету не были использованы в тот момент. Аресты среди крупных ученых не проводились, они коснулись только нескольких преподавателей рабфака. На полях протоколов иногда видны начальственные пометы «старик», «стар, более 70 лет», определявшие судьбу человека. Конечно, диктовалось это не милосердием, а мыслью, что подпольная организация должна состоять из людей помоложе, еще не потерявших способности к активным действиям.

Примечателен протокол допроса П. Н. Черменского от 25 апреля 1931 года. Признав существование «тайной организации», он пояснил, в чем заключалась ее конкретная работа: она «ставила себе задачу направить деятельность Облбюро краеведения в антисоветскую сторону с тем, чтобы краеведческая работа не могла быть использована для социалистического строительства. С этой целью издавалась ненужная литература, проводились бесполезные экспедиции, весьма неудачно была организована краеведческая областная конференция, нерационально расходовались средства, тормозилось создание периферийных организаций, особенно фабрично-заводских и колхозных». Характеризуя людей, с которыми он был знаком (все они тоже были арестованы), Черменский стремился найти слова, чтобы не навредить коллегам, и практически опровергал первую часть своих показаний: «Проф. Путинцев А. М. — интересы в прошлом, современностью не интересовался... Проф. Замятин Г. А. — социалистическое строительство искренне стремился понять, может быть весьма лояльным и добросовестным работником... Трунов М. П. — липецкий краевед, был на плохом счету у царского правительства, организовал недурной музей, в настоящее время занимается только врачебной практикой... Гребенник И. Е. — хороший статистик и экономист... Головинский И. К. — острогожский краевед, тип обычного низового историка, собирателя древностей, произведений народного творчества, но не лишеного интереса к современному строительству»²⁰. Показывая с лучшей стороны самого Черменского, эти признания, однако, уже не могли изменить ход событий.

Следствие завершилось в мае 1931 года. Восьмой том дела № 8662 составляет обвинительное заключение, сформулированное по нескольким пунктам 58-й статьи: пропаганда монархических идей среди населения, создание контрреволюционных групп, использование научных учреждений как легального прикрытия для группировки контрреволюционных сил, захват в этих учреждениях руководящих постов с антисоветскими целями, связь со «Всенародным союзом борьбы за возрождение свободной России». Трудно сказать, намечалась ли передача «дела» краеведов в суд. Оно было решено коллегией ОГПУ в Москве, без вызова обвиняемых, 5 июня 1931 года. Два месяца спустя та же коллегия заочно вынесла приговор по делу 115 ученых, причисленных к «Союзу». Кстати, академик АН БССР В. И. Пичета, сосланный сначала в Вятку, в 1934 г. был переведен в Воронеж и работал в педагогическом институте, восполняя дефицит местных кадров²¹.

Расправа с воронежскими краеведами поражает своей масштабностью и жестокостью. Пятеро — В. А. Бекенев, Г. П. Еременко, А. П. Назаров, В. В. Петиков и Ф. И. Поликарпов — были расстреляны. П. Г. Немейко и В. И. Шапошников умерли после вынесения приговора в воронежской тюрьме. Остальные отправлены в лагерь на срок от 3 до 10 лет, несколько человек высланы в Северный край, Западную Сибирь и Казахстан. 5 лет ссылки в

Казахстан получил и М. Н. Крашенинников, там и оборвалась жизнь этого крупного ученого. В 1937 г., уже в лагере, был расстрелян И. И. Лебедев; А. М. Девицкий получил повторно 10 лет. В 1938 г. вновь арестован и теперь уже приговорен к расстрелу И. И. Дедюрин.

Вернувшиеся из лагерей обращались с требованием о пересмотре дела в 1956 и 1962 гг., но безрезультатно. Неправый приговор был отменен только в 1978 году. Все 92 человека реабилитированы, но лишь двое — И. М. Иванов и Ф. Ф. Руднев — дожили до этого дня. А сколько их, знатоков и ценителей провинциальной старины, было погублено в других городах и весях! Гражданский и научный долг историков — поведать, ничего не скрывая, о трагической участи целого поколения краеведов, вернуть России их имена.

Трагедия 1931 г. обескровила краеведение в ЦЧО. Формально в Воронеже Областное бюро краеведения продолжало существовать. 15 ноября 1934 г. его работники обратились в обком партии с докладной запиской о том, что огосударствленная система краеведения (ОБК теперь не избиралось, а назначалось из 5 человек, имело штатный аппарат на зарплате) не дает эффекта, реальной работы на местах почти нет, хотя в ячейках числится 861 человек. Вновь ставился вопрос о создании добровольного общества с выборностью руководства, но на новой, как подчеркивало ОБК, социалистической основе. Оргбюро во главе с А. А. Комаровым предлагало созвать 5—10 декабря 1934 г. областную конференцию краеведов в Воронеже. Областные власти предложение отклонили, поскольку не имели распоряжений на этот счет из центра²², а после убийства Кирова 1 декабря 1934 г. вопрос о добровольных обществах, видимо, не ставился. В 1937 г. решением Совнаркома СССР все краеведческие организации были упразднены. Традиционное изучение местной культуры и истории прервалось до середины 50-х годов.

Примечания

1. БРАЧЕВ В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова. — Вопросы истории, 1989, № 5, с. 129. Публикации об отдельных участниках этих событий, академиков Е. В. Тарле и М. К. Любавском, см.: ЧЕРНЕЦОВСКИЙ Ю. Как Сталин спас Наполеона. — Советская культура, 5. XII. 1989; ДЕГТЯРЕВ А. Неотправленное письмо. — Там же. 1. IX. 1990. См. также: ГОРЯИНОВ А. Н. Еще раз об «академической истории». — Вопросы истории, 1990, № 1.
2. О формировании и деятельности губернских краеведческих обществ см.: Трагедия краеведов: По следам архива КГБ. В сб.: Русская провинция. Воронеж. 1991.
3. Крашенинников Михаил Никитич (1865 — после 1931) — один из крупнейших русских специалистов по древним языкам и античной литературе. Автор работ «Римские муниципальные жрецы и жрицы», «Эпиграфические этюды» и др. С 1896 г. — профессор Юрьевского университета, с 1918 г. — Воронежского. Замятин Герман Андреевич (1882—1953) — историк и краевед, занимался изучением общественно-политической истории России начала XVII века. Работал в Юрьевском университете, затем переехал в Воронеж. С 1938 г. — профессор Пермского педагогического института. Подробнее о нем см.: МОСКАЛЕНКО А. Е., СТЕПАНОВА С. В. О научном наследии профессора ВГУ Г. А. Замятина (1882—1953). В кн.: Из истории Воронежского края. Вып. 4. Воронеж. 1972.
4. «Лебединая песнь» реакционной профессуры. — Коммуна, Воронеж, 9. VI. 1929.
5. Пруцков Никита Иванович (1910—1979) — в 1931 г. окончил Воронежский университет; позднее известный литературовед, сотрудник Института русской литературы АН СССР.
6. ШЕМЯКИН Ф. Богослов в роли доцента университета. — Коммуна, 22. IX. 1929.
7. Введенский Сергей Николаевич (1867 — после 1931) — историк и краевед, специалист по гражданской и церковной истории воронежского и тамбовского краев. В 1924—1929 гг. — руководитель Воронежского краеведческого общества. Автор работ: «Основные черты философских воззрений Ю. Ф. Самарина». Казань. 1899; «Религиозные идеалы А. С. Пушкина». Казань. 1899; «Вопрос о существовании г. Воронежа в XII веке». — Труды Воронежской ученой архивной комиссии, 1904, вып. 2; «Из истории волшебства и суеверий в Тамбовском крае XVII века». — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, 1906, вып. 51; «Еще о древнем Воронеже». — Труды Воронежской ученой архивной комиссии, 1908, вып. 4; и др.
8. Коммуна, 17. X. 1929.
9. См. АШУРКОВ Е. Звание советского ученого несовместимо с поповскими убеждениями. — Красный университет, 19. XI. 1929.
10. Коммуна, 2. II. 1930.
11. Советское краеведение, 1931, № 4, с. 7.
12. Путинцев Алексей Михайлович (1880—1937) — литературовед и этнограф, специалист по творчеству А. В. Кольцова и И. С. Никитина. Профессор кафедры русской литературы ВГУ, одновременно, с

- 1924 г., директор Дома-музея И. С. Никитина. Подробнее о нем см.: ЛАСУНСКИЙ О. А. М. Путинцев — историк литературы, этнограф и фольклорист. Воронеж. 1969.
13. Архив УКГБ по Воронежской области, д. 8662, т. 1, лл. 10—19.
  14. Там же, т. 3, лл. 392—394.
  15. Там же, т. 1, л. 162.
  16. *Ткачевский Петр Сергеевич* (1880 — после 1950-го) — художник, директор Орловского государственного музея. Один из руководителей Орловской краеведческой организации. В соавторстве с И. И. Лебедевым им написаны книги «Город Орел» (1927 г.) и «Город Орел и Орловская губерния» (1928 г.).
  17. *Яковлев Глеб Николаевич* (1876—1945) — музейный работник и краевед. В 1907 г. принял активное участие в создании на родине И. Н. Крамского в Острогожске картинной галереи и стал ее первым директором. В 1919 г. спас от разграбления исторические и художественные ценности Острогожского музея. До 1929 г. заведовал музеем краеведения и картинной галереей, одновременно был секретарем краеведческого общества. Приговорен к пяти годам лагерей. В конце 30-х годов вернулся из заключения и вновь стал директором музея. В 1942 г. ему опять пришлось вывозить экспонаты из Острогожска, спасти их от немецких оккупантов. Его подвижническая деятельность нашла отражение в очерке Е. Кончина «Все ценности немедленно препроводить...» (КОНЧИН Е. Сохраненные сокровища. М. 1985).
  18. *Черменский Петр Николаевич* (1884—1973) — один из крупнейших тамбовских краеведов. До революции преподавал в гимназии, в советское время — в пединституте. В 1928—1931 гг. жил в Воронеже, работал в Облплане. Приговорен к 10 годам лагерей, по возвращении продолжил краеведческую работу. Им написаны книги «Город Лебедянь и его уезд в XVII веке» (СПб. 1913), «1905 год. Хроника революционных событий в Тамбовской губернии» (Тамбов. 1925), «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии» (Тамбов. 1926), «От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии» (Тамбов. 1928), «Прошлое Тамбовского края» (Тамбов. 1961), «Лебедянь» (Тамбов. 1962). *Булгаков Георгий Ильич* (1883—1945) — ученый секретарь Курского краеведческого общества. До революции — преподаватель духовной семинарии и одновременно хранитель музея Курского епархиального историко-археологического общества. Автор книг «Заветы древнего церковного зодчества и иконографии» (Курск. 1910), «Природа и экономика Центрально-Черноземной области» (Курск. 1927), многих статей в «Известиях Курского губернского общества краеведения» (1927—1929 гг.). В материалах дела упоминается о его знакомстве с историком Г. И. Габаевым, сосланным в конце 20-х годов в Курск. В 1930 г. Габаев был вновь арестован по «делу» Платонова. *Поликарпов Федор Иванович* (1882—1931) — краевед и этнограф. В годы первой мировой войны служил в армии подпоручиком, земский начальник Острогожского уезда. В 1920—1921 гг. был в заключении в лагере. В 1925—1929 гг. заведовал этнографическим отделом Воронежского губернского музея. После увольнения из музея стал священником в с. Кирсановка Средневожского края. См. его работы: «Заселение и образование Нижнедевицкого уезда». Воронеж. 1908; «Нижнедевицкий уезд: Этнографическая характеристика». СПб. 1912; «Материалы для изучения южно-великорусских говоров; Нижнедевицкий словарь». Воронеж. 1913. Под ред. Ф. Н. Поликарпова издан сб. «Новый быт: Материалы и исследования по этнографии Воронежского края» (Воронеж. 1927).
  19. *Рындин Федор Константинович* (1873 — после 1932) — экономист и статистик. Участник революционного движения с середины 1890-х годов. Под его редакцией вышел справочник «Наш край» (Воронеж. 1921). Приговорен к трем годам лагерей, но в феврале 1932 г. по решению коллегии ОГПУ досрочно освобожден. Отец известного театрального художника В. Ф. Рындина.
  20. Архив УКГБ по Воронежской области, д. 8662, т. 7, лл. 211—213.
  21. БРАЧЕВ В. С. Ук. соч., с. 125, 129.
  22. Государственный архив Воронежской области, ф. 1439, оп. 7, д. 26, лл. 243—250.

Партия социалистов-революционеров после Октября 1917 года

Г. Д. Алексеева, А. В. Манькин

Институтом социальной истории в Амстердаме издана публикация документов партии эсеров за период после Октября 1917 года¹. Это было время, когда она после прихода к власти большевиков и под грузом внутренних разногласий и ошибок явно клонилась к закату. Рубеж, 1925 год², взят составителем и комментатором издания потому, что тогда прекратилась ее организованная деятельность в России, и она превратилась в партию, «преимущественно эмигрантскую» (с. 1).

Составитель не ограничился документами, хранящимися в амстердамском Институте социальной истории, но использовал личные фонды В. М. Чернова и Ч. Раппопорта, а также материалы из архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США), главным образом из коллекции известного меньшевистского лидера Б. И. Николаевского. Приведены и извлечения из советской прессы, в той мере, в которой они входят в названные фонды.

Публикация содержит 149 документов: от официальных постановлений ЦК партии эсеров до личных писем, которые отражают ее деятельность в различные периоды (главы II—VII), в разных регионах (главы IX—XIII), показывают ее отношение к отдельным, наиболее важным общественно-политическим проблемам (главы VIII и XIV).

Не все главы одинаково содержательны в источниковом отношении. Достаточно подробен материал по таким проблемам, как эсеры в первые месяцы после Октябрьского переворота 1917 г. или их деятельность в Восточной Сибири в 1920—1922 годах. В других главах (VIII — «Комуч» или XII — «Тамбовское восстание») приводятся только по два документа, и они не дают полного представления о реальной деятельности эсеров. На веру приходится принимать, например, заявления эсеров в том, что они не имели никакого отношения к Тамбовскому мятежу (приведенному в публикации заявлению на этот счет Ю. Н. Подбельского можно доверять, но оно не исключает участия других представителей этой партии как в самом восстании, так и их косвенного влияния на него).

Историческому пути партии эсеров посвящены набросок В. М. Чернова «История П. С.-Р.», написанный в Праге примерно в 1930 г. и повествующий о деятельности ее с февраля 1917 г., а также очерк М. Янсена «Социалисты-революционеры в эмиграции с 1925 г.». Каждой главе предпослано краткое введение с общей характеристикой деятельности эсеров в соответствующий период или в конкретном регионе. Совокупность публикуемых документов и вводных справок дает достаточно целостное представление об истории этой партии.

Алексеева Галина Дмитриевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории России Российской АН; *Манькин Александр Владимирович* — историк.

В книге содержатся ссылки на другие публикации, например, «Че-ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий» (Берлин, издание ЦК П. С.-Р., 1922), на официальные решения и постановления партийных съездов и заседаний совета партии эсеров, документы, опубликованные в периодической печати, главным образом в газетах «Дело народа», «Революционная Россия» и др., мемуары виднейших лидеров и отдельные исследования, в которых имеется информация источникового характера.

Отбирая документы для публикации, составитель отдавал предпочтение ранее нигде не публиковавшимся и особенно важным. Из-за большого объема, к сожалению, не увидели свет некоторые рукописи Чернова. Ряд документов дан в извлечениях, что привело к тому, что эти материалы приобрели сугубо официальный характер, лишились личностного колорита. Именным указателем и подстрочными комментариями ограничивается весь справочный аппарат. Думается, что публикация намного бы выиграла, если бы она была снабжена предметным указателем.

Публикация позволяет точнее определить место и роль эсеров в общественных движениях России. 25 октября 1919 г. ЦК партии эсеров призвал к развертыванию самой интенсивной борьбы против все усиливающейся контрреволюции и участию в этой борьбе трудовых масс «в качестве самостоятельной третьей силы, а отнюдь не в союзе или под ферулой большев[истской] власти» (с. 209). А в сопроводительном письме к тезисам от 5 апреля 1919 г. говорилось, что их руководящая идея — «идея о демократии как третьей силе, которая должна вести обязательную борьбу на два фронта против всякой диктатуры за подлинное народовластие» (с. 161). Отсюда двойственность политики эсеров и, по признанию их же ЦК, трудовая демократия «в этом метании из стороны в сторону утрачивает самостоятельность своей тактики, идет на подрывающие ее авторитет и силу компромиссы, деморализуется сама и, потеряв необходимое организационное единство и выдержанность тактики, терпит поражения и уступает позиции либо контрреволюции справа, либо анархии слева» (с. 148).

Две основные идеи были положены в основу политики эсеров: демократия и социализм. Они решительно выступали против большевистской интерпретации социализма. Чернов в начале 1918 г. писал, что политика РКП(б) «пытается перескочить путем декретов через естественные органические процессы роста пролетариата в политическом, культурном и социальном отношениях, представляя собой какой-то своеобразный, самобытный, истинно русский „декретный социализм“ или „социалистический декретинизм“» (с. 72). По мнению ЦК П. С.-Р., «в таком положении социализм превращается в карикатуру, сводясь к системе уравнивания всех к нижнему и даже все понижающемуся уровню... всей культуры и контрабандному возрождению примитивнейших форм хозяйственной жизни», поэтому «большевистский коммунизм ничего общего с социализмом не имеет и потому может компрометировать лишь самого себя» (с. 155).

Вместе с тем эсеры признавали объективную обусловленность социализма, заявляя, в частности, что «великий мировой сдвиг», который завершит мировую войну, «приблизит человечество к воплощению на земле социалистического строя» (с. 147), отстаивали политику «создания единого социалистического фронта» (с. 473) (разумеется, без большевиков), призывали «способствовать восстановлению единства и солидарности международного социалистического движения во имя раскрепощения человека и его труда и обеспечения мира народов» (с. 626).

Но все-таки главной для эсеров оставалась идея демократии. В публикуемых документах дан широкий спектр теоретических обобщений и практических выводов относительно необходимости развития демократии в процессе революционного обновления российского общества. В инструкции фракциям эсеров в земствах и городских муниципалитетах (1918 г.?) ЦК призывал вести борьбу с большевизмом «прежде всего под лозунгом защиты народовластия в его чистом виде... В утверждении в России действительного демократического строя П. С.-Р. видит реализацию величайшего из завоеваний революции и вместе с тем единственный путь к возрождению страны, спасению ее независимости и сохранению основ социальных приобретений трудовых масс» (с. 41).

Ради спасения демократии эсеровские организации считали необходимым «приложить все усилия к созданию единой социалистической власти, положив в основу ее деловую программу» (с. 563). Главное направление развития демократического процесса они видели в развертывании самостоятельности масс, творческих сил народа, самой революционной демократии (см. с. 391) и в этой связи отстаивали «принцип народного суверенитета» (с. 653). Вместе с тем ЦК партии эсеров в своих инструкциях подчеркивал, что «органы местного самоуправления при демократическом строе являются и органами государствен-

ного управления, и верховная власть в стране... может функционировать только опираясь на них» (с. 41).

Эсеры отмечали, что в условиях революционных потрясений «мыслимы два пути установления правопорядка в России. Первый путь — это воскрешение старых методов управления... Другой путь — есть путь пробуждения народных масс к политической самостоятельности, нарастание в них воли, под давлением их социальных нужд, к действенной борьбе с большевизмом и к ниспровержению советской власти во имя народовластия». Эсеры прилагали усилия к развитию второй тенденции до тех пор, «пока не образуется демократическая власть, стоящая на высоте понимания социальных нужд трудящихся классов» (с. 355—356). В борьбе за достижение этой цели эсеры пытались опереться на «демократию союзных стран» (с. 346), стремились так вести свою политику, чтобы «не оттолкнуть от партии и от идеи чистого народовластия... социалистические партии Запада» (с. 663), рассматривали себя как неотъемлемую часть международного демократического движения.

С этих позиций они выступали за всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право (см. с. 35) и твердо отстаивали требование восстановления Учредительного собрания и устранения с исторической арены любого вида диктатуры как буржуазии, так и пролетариата, поэтому и боролись против Советской власти. Это требование проходит красной нитью через все вошедшие в публикацию материалы. За редким исключением нападки эсеров на советскую политическую систему велись весь охватываемый изданием период, при этом с различных позиций: то ее клеймили «как классовые организации временного характера» (с. 68), то заявляли после введения нэпа о том, что в России «имеет место все увеличивающееся обуржуазивание большевистского режима» (с. 228), то, вынужденные мириться с фактическим ее существованием, призывали рабочих, крестьян и солдат: «Добейтесь свободных Советов, добейтесь свободы для всех социалистических партий..., образуйте зарвавшихся „комиссародержцев“» (с. 181).

Публикация ценна и тем, что она позволяет проследить, как общие условия революции породили и у эсеров, и у большевиков если не идентичные, но близкие подходы к оценке нарождавшейся власти. Еще в начале 1918 г. ЦК партии эсеров определил, что «выпадающая на долю Советов роль имеет троякий характер: 1) быть будильниками классового самосознания рабочих масс., 2) создавать единство действий этих масс., 3)...стоять на страже всех завоеваний революции и мобилизовать массовый отпор всяким покушениям на них и всяким попыткам реставрационного характера» (с. 68). Эти тезисы Чернова в известной степени перекликаются с «тремя сторонами диктатуры пролетариата», сформулированными Сталиным в 1926 году. Среди эсеров выражалась готовность двигаться «к полной индустриальной демократии» (с. 153); провозглашалось, как и некоторыми большевиками, например Н. И. Бухариным, требование «производственной демократии», которое, как известно, подверглось резкому осуждению В. И. Лениным. Но и ЦК партии эсеров выступил против концепции «трудовластия» группы «Народ», критикуя ее со сходных с большевиками позиций. Эсеры видели несостоятельность «трудовластия» в том, что оно «отрекается от всеобщности и прямого голосования», ведет к сужению социальной базы революционной демократии (с. 206).

В отличие от других партий эсеры, желая последовательно реализовать демократические принципы, выступали, как об этом свидетельствуют материалы публикации, за широкое классовое сотрудничество. Правда, в некоторых из их документов проводится мысль о недопустимости коалиций с буржуазией («цензовыми элементами»), поскольку «коалирующие группы в понятие возрождения России включают диаметрально противоположные понятия», их «единый национальный фронт в условиях обострения классовых противоречий... конечно, утопия» (с. 390). В целом же эсеры исходили из того, что «фактически интересы трудящихся масс однородны» (с. 580), и задача состоит в том, чтобы «уйти с головой в народное революционное движение», несмотря на сопровождающие его эксцессы. Они заверяли: «Мы не сентиментальные идеализаторы народа... Мы верим в народ, как могут верить в него реальные политические деятели, для которых верить в народ значит уметь опираться на здоров[ые] стороны его психологии в борьбе против его слабости» (с. 535).

Партия социалистов-революционеров пыталась найти опору в рабочем классе, требовала реализации программных положений о рабочем законодательстве (с. 64), выступала за ликвидацию безработицы, которая «может быть вполне изжита лишь с введением нового строя, основанного на планомерной организации всей промышленной жизни, иначе говоря, с наступлением социализма». Считая, что причиной безработицы «является анар-

хия производственных отношений» при капитализме, эсеры отмечали и специфику России, где безработица «вызвана отнюдь не многовариетом, наоборот, у нас наблюдается полное отсутствие товаров, она порождена войной и хозяйственной разрухой страны» (с. 96).

Основной революционной силой эсеры и после октября 1917 г. продолжали считать крестьянство. Констатируя «систематическую дезорганизацию большевистской властью крестьянского хозяйства, последней опоры народного хозяйства России» (с. 236), они пытались использовать борьбу за демократию, Учредительное собрание и конституцию, чтобы возбудить недовольство крестьян (с. 380, 495). Они заявляли о «необходимости единения рабочего города и трудовой деревни. Но в то время, как у других социалистических партий это признание является тактическим приемом и носит характер компромисса, на который вынужден пойти революционный и социалистический пролетариат с якобы несоциалистическим крестьянством, мы его рассматриваем как естественный союз двух отрядов единой трудовой армии, одинаково стремящихся к раскрепощению труда» (с. 541—542).

Эсеры в принципе не желали вступать в какие-либо коалиции с большевиками. Поэтому, стремясь объединить все силы трудовой демократии — рабочих, крестьян и интеллигенцию, — эсеры, в частности Чернов, предупреждали о возможной ущербности широких коалиций: «Чрезвычайно опасны тенденции общих демократических фронтов, скрывающих самый вредный общественный эклектизм. И все эти демократические группировки либерального демократизма скорее всего приведут к созданию безответственной власти, бонапартизма правого, на смену которого явится или может явиться бонапартизм левый, в виде, например, крестьянской диктатуры» (с. 302—303). Они пытались сформулировать принципиальную основу широких классовых союзов: «Поэтому мы стремимся не ко всякому объединению, а к объединению социалистического рабочего фронта; через голову этого социалистического объединения, этого рабочего фронта не может быть никаких других коалиций» (с. 303).

Из публикации видно, что эсеры, как впрочем и их оппоненты большевики, исходили в своей социальной политике из анализа экономического строя общества. Они подвергали критике экономическую политику большевиков, предлагаемые ими меры по выходу из промышленного кризиса и их аграрную программу. По их убеждению, провозглашенный большевиками контроль над производством «привел к развалу промышленности» (с. 92), «национализация банков, проведенная как мера социалистического строительства, привела к полному параличу денежного обращения в России» (с. 93), большевики «проявили полную импотентность в вопросах налоговой политики» (с. 94), большевизм «изуродовал программу социализации земли в духе ставки на сильных» (с. 105) и т. д.

В публикации представлена экономическая программа эсеров, которая имела «целью сохранить все организационные завоевания высшей фазы капиталистического развития, но при помощи завоеванной государственной власти поставить их на служение интересам труда» (с. 152). В промышленности эсеры допускали частную собственность, но предусматривали, чтобы были проведены: «локализация капитализма, т. е. ограничение его такими сферами», где он «проявляет в наибольшей мере свои творческие и в наименьшей — разрушительные стороны»; его «принудительное синдицирование и постановка под возрастающий контроль государства, с непосредственным участием крупных классовых организаций трудящихся»; «обеспечение за трудовым хозяйством пути к обобществлению снизу по мере того, как кооперация и муниципализация потребления, сбыта и снабжения средствами производства будут делать выгодным переход от мелкого хозяйства к все более крупному»; «прогрессивная кооператизация потребления и регулирование государственного снабжения и распределения»; «постоянное расширение государственного, земского и муниципального хозяйства за счет капиталистического по мере обеспечения необходимых условий успеха» и т. д. (там же).

Для подъема экономики эсеры допускали возможность привлечения «иностранных капиталов, создав в то же время гарантии того, чтобы эти капиталы не пошли целиком на усиление и укрепление предпринимателей, а на развитие и укрепление нашей промышленности» (с. 98).

Что касается аграрных отношений, эсеры последовательно отстаивали принцип социализации земли. Красной нитью через публикуемые документы проходит требование: «Никакого товарного оборота... ни права залога. Борьба с частной собственностью на землю, борьба с правом пускать землю в оборот. Эти положения должны оставаться незыблемыми, уступать их П. С.-Р. не может и не должна» (с. 695). За это требование выступали не только центристы, но даже и правые эсеры, как И. И. Бунаков-Фондаминский, которому и

принадлежат эти слова, М. В. Вишняк, доказывавший, что «право на землю есть право пользования общим народным достоянием» (с. 700).

Выдвинув требование передачи земли не в собственность, а лишь в пользование крестьянам, эсеры в то же время добивались «правовой защиты крестьянского труда», подчеркивали, что их «метод и заключается в создании невыгодности наемничества» (с. 697), что они «должны провести крестьянство через школу коллективного навыка», обеспечив широкое «развитие сельскохозяйственной кооперации» (с. 700), что «необходимо стремиться к интенсивной обработке земли» (с. 696), к «рациональной сельскохозяйственной культуре» (с. 704). По убеждению Бунакова, эсеры должны «пропагандировать наши идеи о необходимости кооперации, о преимуществе общинного землепользования над индивидуальным» (с. 695) и все силы сосредоточить на «точке противодействия втягиванию земли в товарный оборот», иначе «взбешенное сверхнадельное крестьянство пойдет против нас и станет на точку зрения полной частной собственности на землю, включая и товарный ее оборот» (с. 704).

Как следует из публикуемых в рецензируемом издании источников, экономическими интересами определялось и решение территориального и национального вопросов. Например, эсеры резко выступали против антинародных акций «цензовых элементов», т. е. буржуазии, которая, пытаясь сохранить капиталистический строй на Дальнем Востоке, «рассчитывала на помощь Японии, не останавливаясь перед ценой покупки ее», считала, что «спасение России стоит Камчатки, Сахалина и Вост[очно]-Кит[айской] ж[елезной] д[ороги]» (с. 403). В основе национальной программы эсеров лежала идея, что «расчленение России на самостоятельные и независимые друг от друга области и народы грозит неисчислимыми бедствиями их хозяйственному будущему», что отражающая этот процесс «проектируемая Советом Народных Комиссаров «Федерация национальных республик» противоречит ходу и смыслу развития международной демократии, как внутри, так и вне России» (с. 85).

Эсеры считали, что «федерация республик и федеративная республика — два различных и по существу непримиримых типа государственных образований. Федерация республик — это союз государств. Федеративная республика — это союзное государство... Федерация республик исходит из формального равенства... государств... Федеративная республика исходит из общности интересов всех народов республики» (с. 84). Эсеры были убеждены, что «в пределах многоплеменной России должен образоваться свой внутригосударственный интернационал — социалистическое представительство отдельных областей и народов, составляющих демократическую федеративную российскую республику» (с. 86).

Вместе с тем в эсеровских документах подчеркивалось, что «социалисты-революционеры являются убежденными сторонниками права каждого народа устраивать свою судьбу самостоятельно» (с. 581). Эсеры провозгласили «право на самоопределение всех народов, входящих в состав нашего государства» (с. 57), но предупреждали против такого его применения, когда выдаются «головой народным массам господствующим группам» (с. 574). С этой позиции эсеры выступили против требования «самостийной Украины» за то, чтобы «была предоставлена возможность укр[аинскому] народу выявить свою волю» (с. 595), сокрушались, что «в итоге закавказских независимостей мы имеем полное поражение революции, торжество реакции в худшем ее проявлении — национализм и сепаратизм» (с. 574), расценивали «независимость Грузии» как «не самоопределение, а самоотделение, не спасение революции и демократии, а утверждение реакции и содействие победе империалистов» (с. 568—569), призывали предотвратить «гонение на крестьянскую демократию Карабаха в угоду бекской олигархии, турецких пашей» (с. 563) и т. д.

Одно из главных направлений своей деятельности эсеры видели «в установлении единого международного социалистического фронта партий, стоящих на платформе революционного социализма» (с. 601), надеялись, что «русским партиям с.-р. и с.-д. надлежит сыграть большую роль в деле воссоздания Интернационала и выпрямления его принципиальной и тактической линии поведения» (с. 594—595). Они считали, что «коммунисты своей сектантской политикой вносят раскол в рабочее движение, разлагают Интернационал» (с. 597).

От мирового сообщества эсеры требовали утверждения начал «мирного существования и общения наций и их культуры» (с. 76). Но «демократический мир может быть достигнут только самой демократией и ее общими усилиями» (с. 62). В своих документах эсеры подчеркивали, что «логическим выводом из содержания нашей революции» является «формула мира без победителей и побежденных, мира без аннексий и контрибуций и на основе самоопределения наций» (с. 58) при том, конечно, условии, что «трудовые массы

всех воюющих стран должны покончить с межклассовым «гражданским миром» у себя, внутри каждого государства» (с. 60).

Эсеры осуждали интервенцию и иностранную «помощь», которые «есть уничтожение самостоятельного бытия и раздел России» (с. 650). Они бичевали Версальский мир, «протестуя со всей решительностью против этого нового акта международного насилия» (с. 182), но с еще большей резкостью осуждали Брестский мирный договор, который «сводит на нет не только завоевание нашей революции, но и просто отдает победителю народы России на поток и разграбление» (с. 75). Поэтому эсеры призывали к продолжению «совместных, союзнических, военных действий против Германии» (с. 655) с тем, чтобы лишить союзников «формальных доводов считать Россию вышедшей из войны» (с. 656). Исходя из общих начал демократии, они требовали также обеспечить и «правовую защиту русских беженцев», т. е. решить задачу, за которую «никогда ни одна партийная организация даже и не пыталась взяться» (с. 679).

Резко отрицательно отнеслись эсеры к Октябрьской революции. Захват большевиками власти они рассматривали как противоправный переворот в развитии революционного процесса, начавшегося в феврале 1917 года. Поэтому они считали, что «завоевания революции частью похищены, частью изуродованы большев[истской] властью» (с. 212), что «этот переворот» вызвал «ожесточенную гражданскую войну во всей стране» (с. 64); «без Бреста и Октябрьского переворота и Россия уже вкушала бы блага мира», а так «наша несчастная Россия по-прежнему охвачена неразмыкаемым огненным кольцом братоубийственной войны» (с. 174); ставка большевиков на мировую революцию означает только то, что они «изверились в собственные силы» и ждут «спасения только извне» (с. 176).

Эсеры полагали, что «обусловить возрождение России и окончание гражданской войны» может «только сохранение политических и социальных завоеваний нашей февральской революции и в первую очередь созыв Учредительного собрания» (с. 653), а «практической боевой программой» в этом направлении «должно быть создание переходного строя трудовой демократии», способной положить «предел капиталистическому развитию» и поставить общество «на новые рельсы, по которым развитие трудового строя естественно дойдет до водворения полностью социалистического порядка жизни» (с. 169).

Из публикации видно, что отношение эсеров к большевикам коренным образом отличалось от подхода меньшевиков: «В то время как мы стоим на принципиально непримиримой позиции создания третьей силы между большевистской охлократией и военно-буржуазной контрреволюцией», политика меньшевиков «ставит их по отношению к большевистской власти в положение не непримиримого врага, а лишь оппозиции» (с. 185—186). Непримируемость эсеров определялась не только тем, что «весь внутренний смысл большевизма не позволяет ему... вступить на путь демократии,.. так необходимой России и ее трудящимся массам» (с. 143—144), что он «все более вырождался в контрреволюционную по своему существу силу, все глубже разрушал социальными экспериментами экономическую жизнь страны и воскрешал средневековые формы политического деспотизма и несправия» (с. 142), но прежде всего тем, что «большевики, отвергнув основные принципы социализма — свободу и народовластие — и заменив их диктатурой и произволом ничтожного меньшинства над большинством, тем самым вычеркнули себя из рядов социализма» (с. 168).

Всякие соглашения с коммунистами эсеры исключали «уже по одному тому, что они погубили бы нас в глазах крестьянства» (с. 186—187). С их точки зрения, бессмысленно «припрягать себя к тонущей больш[евистской] колеснице», поскольку «этот акт политический самоубийственный для Партии, был бы убийственным для будущих судеб социализма и революции» (с. 212). «В борьбе обретая право свое», партия социалистов-революционеров предусматривала различные средства сопротивления с большевизмом, вначале «с оружием в руках» (с. 198), а затем эти меры стали смягчаться, особенно со стороны местных организаций и работников, решавших конкретные проблемы.

Уже в 1919 г. эсеры признали, что «вооруженную борьбу против большевиков на время следует отложить» (с. 140), а группа «Народ» стала даже защищать «тактику единого фронта с большевиками против реакции» (там же). Даже правый эсер Бунаков заявлял, что «для правильной тактики мы должны правильно учитывать действительность, а не исходить из огульного отрицания всего, что делают большевики, только потому, что они это делают» (с. 703). В 1919 г. партийные организации эсеров признали, что «теперь ликвидация большевиков по существу означает ликвидацию революции и торжество реакции»

(с. 573). А в период Мюнхена главный теоретик эсеров Чернов стал «сторонником народного фронта» и даже более тесного „единого фронта с социалистами“» (с. 748).

Рецензируемой публикацией впервые вводится в научный оборот значительный корпус источников, ранее нам недоступных. Но, думается, она имеет не только чисто академическое, но и в определенной степени практическое значение. Это касается по крайней мере трех моментов. Во-первых, она помогает определить свое отношение к различным современным популистским движениям. Во-вторых, ее могут использовать преподаватели общественных наук. В-третьих, она представляет собой хороший пример того, как надо издавать источники по истории политических партий и общественных движений.

Примечания

1. Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П. С.-Р. Собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в послереволюционный период Марк Янсен. Amsterdam. Stichting Beheer IISG. 1989. 772 S.
2. В советской исторической науке этот период определяется 1923—1924 годами (см. ГУСЕВ К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. 1975, с. 370—374).

К. С. ГАДЖИЕВ. *Американская нация: национальное самосознание и культура.* М. Наука. 1990, 240 с.

Что же представляет собой одна из самых крупных в мире наций — американская? Какой путь она прошла в своем развитии и каков ее сегодняшний облик? Эти вопросы поднимаются в монографии доктора исторических наук К. С. Гаджиева. Приступая к исследованию, автор неизбежно должен был столкнуться с необходимостью высказать свое мнение по таким дискуссионным проблемам, как «нация» и «национальное самосознание». В книге нет развернутых суждений по этому вопросу. И тем не менее предложенный Гаджиевым тезис о характеризующей национальное самосознание устойчивой, исторически сложившейся совокупности социально-психологических, социокультурных, национально-исторических и идейно-политических принципов, ориентиров и установок (с. 4, 6, 7) может составить основу для дальнейших размышлений.

Автор поднимает вопрос о соотношении национального и идеологического, системообразующего начал в общей ткани национального самосознания (с. 7). Он исходит из того, что национальные традиции способны оказывать долговременное и устойчивое воздействие на общественные процессы, на выбор нацией той или иной исторической альтернативы. Однако мировая история знает и такие ситуации, когда гипертрофированное классовое чувство может на какой-то, порой сравнительно долгий период заглушить, снивелировать национальный рефлекс, подавить общецивилизационные начала в массовом сознании.

Исследуя историю формирования американского национального самосознания, Гаджиев

основное внимание уделяет иммиграционным волнам, процессу американизации, интерграции новоприбывших иммигрантов в структуру американского общества. К сожалению, эта часть монографии не несет в себе новой информации. Предложенная автором периодизация иммиграционных волн (с. 15—16) практически не отличается от принятой в советской историографии¹. Неоднократно уже отмечалось и несовпадение в темпах и степени интеграции различных этно-расовых групп. Куда более назревшим и до сих пор слабо разработанным, в том числе и в рассматриваемой книге, является вопрос о взаимодействии основных культурных слоев — аборигенов, белых европейских поселенцев и черного населения, без разрешения которого невозможно составить достаточно полное и адекватное представление об этнокультурных процессах в стране, оформлении этнического самосознания американцев.

Иммиграционными волнами не исчерпывается, конечно, процесс формирования американского национального самосознания. Не менее значимую роль здесь сыграли крупные экономические и социально-политические сдвиги, наблюдавшиеся в истории США. К сожалению, эта роль прослежена в работе очень фрагментарно. Между тем, такие события и процессы, как «просперити» 20-х годов, «новый курс» Ф. Рузвельта, вторая мировая война, послевоенные экономический подъем и последующие «либеральные» 60-е, наконец, «консервативная революция» 80-х, внесли весьма существенные коррективы в представления американцев о стержневом биноме

общественного развития — «государство — личность», в американские понятия о свободе, равенстве, справедливости, а также о месте «богом избранной» Америки в мировом сообществе.

Было бы весьма поучительно проследить, сколь отзывчиво оказалось американское национальное самосознание к таким проявлениям современного мирового развития, как научно-техническая революция, обострение глобальных проблем, развитие международной интеграции. Прояснение этого вопроса, опирающееся, в частности, на материалы последних социологических опросов, проведенных в США, существенно обогатило бы нарисованный автором портрет современного американского общества.

Одним из наиболее спорных в теме о становлении американской нации вот уже почти столетие остается вопрос о роли границы. Гаджиев в принципе разделяет суждения, неоднократно высказывавшиеся в этой связи в советской и зарубежной литературе: продвижение на Запад и освоение «свободных» земель способствовало «переплавке» прибывающих иммигрантов в единую американскую нацию, воспитывало у них всеобщее романтическое отношение к Западу, формировало идеал мелкого независимого фермера (с. 21—24). Однако автор не формулирует ясно своего отношения к концепции «предохранительного клапана», принадлежащей Дж. Тернеру и заслуживающей, думается, большего доверия, в сравнении с тем, какое ей до сих пор оказывалось в советской историографии.

Нельзя не упомянуть и о значительной роли пограничья в становлении на Западе и Северо-Западе достаточно развитых традиций общинного, коммуналистского движения. Стоит подчеркнуть также, что отмеченное Гаджиевым, вслед за У. Э. Уильямсом, усиление к моменту исчерпания «свободных» земель экспансионистских ориентаций правящих кругов США (с. 30) имело под собой вполне определенную психологическую подготовку на уровне массового сознания: освоение бескрайних просторов пограничья стимулировало в переселенцах ощущение отсутствия пределов в свободном развитии и процветании американской нации.

К факторам, предопределившим формирование и дальнейшую эволюцию американского национального сознания, автор не без основания отнес ускорившийся в XIX в. процесс урбанизации и индустриализации (с. 27—28). Стоит вспомнить в данной связи и другие факторы более фундаментального порядка, лишь обозначенные в монографии: относительную слабость феодальных пережитков в североамериканских колониях, своеобразное геополитическое положение последних, разнородность присоединяемых земель, социальный и культурный плюрализм американской федерации, эволюционный характер развития США и некоторые другие.

Гаджиев исходит из того, что совокупность ключевых ценностей и идей, охваченных понятием «американизм», составила основу, фундамент американского национального самосознания. Стоило бы отметить, что многие из описываемых им ценностных аспектов уже были рассмотрены в литературе².

Американский индивидуализм рассматривается автором как стержневая черта национального характера жителей США. Но и здесь он практически не отходит от устоявшихся в советской литературе клише и стереотипов. Индивидуализм американцев, означающий опору на собственные силы в достижении делового успеха, в представлении автора сопряжен почти исключительно с утилитаризмом, приобретательством, эгоцентризмом, узкокорыстным прагматизмом. А как быть с такими чертами, как самоуважение и уважение к личности другого человека, сочетание личной инициативы и личной ответственности, укоренившееся в массовом сознании понимание личности как первоосновы всех общественных отношений?

Автор особенно подчеркивает противоречивость американского менталитета. Вера американца в прогресс сочетается с преданностью общественно-политическим институтам США, с убежденностью в нежелательности изменения существующих политических институтов; приверженность идеалам равенства — с чуть ли не обожествлением миллиардеров; индивидуализм — с конформизмом; ярко выраженный религиозный морализм — с жестким прагматизмом (с. 56). И все же, надо полагать, эти противоречия — кажущиеся. Думается, здесь не учитывается присущий американцам элементарный здравый смысл, трезвый расчет: зачем менять то, что успешно функционирует? Кроме того, они изначально привержены принципу политического равенства, «равенства возможностей» и т. д.

Значительное место в книге отведено политической культуре, которую Гаджиев понимает как систему исторически сложившихся принципиальных политических идей, ценностей, установок, норм политической практики, оказывающих значительное влияние на функционирование и развитие политических институтов (с. 177—179). Автор справедливо различает понятия «политическая культура» и «политическая система», указывая при этом на их очевидную взаимосвязь (с. 180, 192). Можно только сожалеть, что богатство американской политической культуры, во всяком случае той ее части, которая связана с политическими институтами и формами политической жизни в США, в значительной степени сведено автором к двухпартийной системе.

В реальной американской истории (в отличие от западноевропейской) партии были электоральными в основе своей деятельности и не играли столь существенной роли в политическом

процессе, который в условиях США отличается усиливающимся прагматизмом и возрастанием роли политических лидеров. Гаджиев убедительно раскрывает устойчивость и прочность американской двухпартийной системы, сочетающей принципы консенсуса и альтернативы и опирающейся на широкую социальную базу (с. 208). В книге, однако, мало использован обширный материал, накопленный по этой теме американцами МГУ.

Гаджиев справедливо подчеркивает отсутствие жесткой корреляции между двумя ведущими в американской истории идеологическими течениями — либерализмом и консерватизмом — и их носителями — демократической и республиканской партиями. Можно было бы, однако, острее подчеркнуть, что либерально-демократические идеалы, на которых сформировалась американская нация, составили субстрат практически всех крупных идеологических течений и спектров политического сознания в США.

Куда сложнее обстоит дело с американским консерватизмом, справедливо утверждает автор. Вопрос о роли и месте консервативной идеологии применительно к такой «либеральной нации» как США и по сей день оживленно обсуждается историками. Гаджиев склонен отводить консерватизму, который он понимает широко (как идеологию, тип политического сознания и поведения, разновидность социальной психологии), самостоятельное место в американской истории (с. 198—199). Думается, автору все же не удалось четко разграничить эти два течения, равно как раскрыть обозначившуюся в 80-е годы тенденцию к интеграции и диффузии различных направлений политической мысли.

Анализируя американскую избирательную систему и роль средств массовой информации, автор описывает, правда, в самых общих чертах, практику лоббирования. Однако он проходит мимо богатейшей практики местного самоуправления, сохраняющихся и по сей день коммуналистских традиций и лежащей в их основе идеи «прямой демократии». Здесь автор ограничивается буквально несколькими фразами (с. 17).

Существенную роль в мировоззрении и

социальном поведении американцев традиционно играет вера в исключительность своей нации, тесно связанная с убеждением в ее «богоизбранности» и «явном предначертании». Как резонно замечает Гаджиев, мотив «богоизбранности» и исключительности не является специфическим для США, он типичен скорее для любой восходящей в своем развитии нации (с. 102—103).

Роли национальной символики, как известно, глубоко чтимой в США и серьезно влияющей на процесс национальной самоидентификации, Гаджиев уделяет особое место. Он, пожалуй, впервые в советской литературе столь подробно повествует о символах американской нации и государственности. Не все авторские оценки в данном случае бесспорны. Так, исследователь свел значение американской Конституции к исключительно символической роли (с. 33), недооценив содержащиеся в ней правовые нормы и гуманитарные ценности.

Сформировалась ли, в конце концов, американская нация? Оправдано ли сравнение США с «плавильным тиглем»? Эти вопросы закономерно встают по прочтении книги, но остаются без прямого и внятного ответа. Если суммировать наблюдения как самого автора, так и наши собственные, можно сделать вывод, что процесс интеграции различных этнорасовых групп в единое американское общество еще не достиг завершения. Современные США напоминают конгломерат сравнительно автономных этнических культур, которые тем не менее находят, по крайней мере, одну общую точку пересечения — американский идеал свободной, суверенной личности, наделенной равными возможностями для самореализации, самостоятельного движения к успеху и процветанию.

Дальнейшая разработка указанной проблематики потребует, по-видимому, анализа диалектики этнических и культурных процессов в США, комплексного исследования американской культуры в целом, ее взаимосвязи с европейскими традициями, более детального изучения политического сознания американцев, а также роли государства в решении национального вопроса.

И. Д. ГУСЕВА

Примечания

1. См., напр., Национальные процессы в США. М. 1973, гл. 1, 2.
2. См., напр., Bellah R. N. e. o. Habits of the Heart. Indivi-

dualism and Commitment in American Life. N. Y. 1986; ЗАМОШКИН Ю. А. Личность в современной Америке. М. 1980.

M. Schatz. *Jan Waclaw Machajski. A Radical Critic of Russian Intelligentsia and Socialism.* University of Pittsburg Press. Pittsburg. 1989. XIV + 251 p.

М. ШАТЦ. *Ян Вацлав Махайский. Радикальный критик русской интеллигенции и социализма.*

Автор рецензируемой книги — профессор Массачусетского университета — специалист по истории анархизма. В деятельности Махайского он выделяет ряд моментов: поначалу национализм, затем отрицание борьбы за политическую независимость Польши, наконец, острую критику интеллигенции и развенчание ее роли в политической жизни России. «Одной из основ его социальной и политической теории был марксизм, но он пришел к рассмотрению марксистского движения как величайшей угрозы будущему благополучию рабочего класса. Другая основа... анархизм, особенно в варианте Бакунина... Однако он никогда не признавал влияния Михаила Бакунина и разоблачал анархистов так же резко, как и марксистов. Не принадлежа ни к какой партии, он пытался, хотя и с малым успехом, создать свое революционное движение, которое он называл «рабочей конспирацией (заговором)» (с. XI).

В России, замечает Шатц, махаевщина пользовалась дурной славой. Для того чтобы четче выделить взгляды собственно Махайского, Шатц предпочитает другой термин — «махаевизм». Автор полагает, что это даст возможность избежать нарочито отрицательных ассоциаций и исторических аллюзий. Думается, однако, что махаевщина — в первую очередь все же сознательно культивируемый стереотип, стремление во что бы то ни стало столкнуть рабочий класс и интеллигенцию — и махаевизм — некое подобие «теории» — связаны сущностно, неразрывно. И не было противостояния между «хорошей» теорией и «плохой» практикой, как это представляется Шатцу, хотя жизни Махайского и присущи элементы «революционной романтики».

В работе изложена история жизни Махайского, которого, как считает автор, лишь по неведению часто представляют громилкой и хулиганом, что, конечно, не соответствует действительности. Шатц использовал неопубликованную работу супруги Махайского В. Д. Гурари «Краткая история группы Махайского», «Незаконченный очерк о природе критики социализма», принадлежащий перу Махайского, а также архив М. Номада, который помогает лучше понять атмосферу революционных споров в странах Восточной Европы в первые десятилетия XX века.

Автор устанавливает точную дату и место рождения Махайского — 15 ноября 1866 г. в деревне Буско Келецкой губернии в семье польского мелкого чиновника. В книге повествуется о деятельности Махайского в Лиге польской радикально ориентированной молодежной поли-

тической группировке, ставившей целью борьбу за независимость и социализм и допускавшей террористические методы. Два с половиной года провел он в Варшавской цитадели и в «Крестах» (Петербург), а затем был отправлен в 5-летнюю ссылку в Вилюйск, где, собственно, и начинается история идей махаевизма (по Шатцу). В книге изложены перипетии его основного труда «Умственный рабочий», первые выпуски которого вызвали большой интерес в разных политических кругах. Критика социал-демократизма привлекла внимание и народников и анархистов, не оставила она равнодушными социал-демократов (о чем писал, к примеру, Л. Троцкий в книге «Моя жизнь»; знал о Махайском и В. И. Ленин).

Первая группа махаевцев сложилась в 1902 г. в Иркутске, но вскоре прекратила свое существование в результате арестов и преследований. Затем Махайский оказался в Женеве, где жил до 1906 г., нелегально выезжая в Варшаву и Петербург. Германских, польских и российских социал-демократов он критиковал за нежелание брать власть, опираясь на стихийную «рабочую революцию». Говоря о невозможности союза с либералами, он пытался опереться на авторитет К. Маркса и использовать его лозунг «перманентной революции», которая должна была иметь международный характер. Махайский сумел, в частности, уловить момент отхода Маркса от этой идеи и осудил его за «предательство» интересов рабочих.

Уже в своем первом эссе, «Эволюция социал-демократии», Махайский намекал, что к числу врагов пролетариата относится не только «правящий класс буржуазии», но и привилегированные служащие капиталистического государства: политики, журналисты, ученые, представители свободных профессий. В дальнейшем он стал изображать марксизм как попытку оправдания претензий растущего «нового класса» — интеллигенции, в большинстве своем заинтересованной скорее в приспособлении к капиталистическим порядкам, чем в их свержении и именно с этой целью борющейся за власть. Махайский утверждал, что интеллигент обладает и использует для эксплуатации других людей свою специфическую форму собственности — образование, знания, ведя при этом «паразитическое» существование.

По словам Шатца, фундаментальный классовый конфликт современного капиталистического общества — между собственниками и несобственниками средств производства — Махайский подменял «конфликтом между теми, кто рабо-

тает, и теми, кто не работает руками, между образованными и необразованными» (с. 35). Поэтому, утверждал Махайский, нельзя допускать союза рабочих и интеллигенции; цель последней — всего лишь сохранение монополии на образование. Автор считает, что критика экономизма и стихийности в книге «Что делать?» направлена была и против «махаевизма».

Шатц показывает, как Махайский упрощал многие сложные проблемы общественного развития, например определение интеллигенции и характеристику ее социально-политической роли. По логике Шатца, признание «умственных рабочих» движителем современного (то есть капиталистического) социально-экономического развития отразилось во взглядах Махайского в крайне извращенном виде, определило тональность его антисоциализма.

Затем автор рассматривает, как Махайским был сделан следующий шаг: сформулирован тезис, что «социализм воплощает интересы не классов трудящихся..., но интеллигенции, которая его создала и пропагандирует» (с. 68). Однако Махайский, как полагает Шатц, все же не отказался от «марксистских методов социального анализа» (автор сводит их к экономическому материализму).

Призывая к немедленному удовлетворению потребностей трудящихся классов, Махайский не останавливался перед оправданием преступного начала в революционном движении. Правда, такой вывод, считает Шатц, применим скорее в отношении радикальных последователей Махайского, чем его самого, но он соответствовал и духу времени (апология бродяг у М. Горького, ненависть Л. Андреева к мещанству). Дух нетерпимости пронизывал русскую культуру XX в. с ее неприятием покоя и устроенности.

В книге рассмотрены основные формы «махаевской революции» — рабочий заговор, всеобщая забастовка, стихийная «ликвидация монополии на знание». В ходе первой русской революции они были проверены практикой. Фактически не создав своих групп, приверженцы Махайского быстро нашли общий язык с анархистами и крайними эсерами (группы «Непримиримые», «Безначалие» и др.). Идейная близость махаевщины с зубатовцами дискредитировала и тех и других (хотя тесные связи между ними не обнаружены). «И все же число приверженцев махаевских доктрин, — отмечает автор, — было довольно значительным, независимо от того, придерживались ли соответствующих взглядов отдельные лица или собранные в группы» (с. 128).

Февральскую революцию Махайский называл «еще не своей». После Октября махаевское движение пришло в упадок. Сам Махайский, приветствуя «переворот» как более радикальный по сравнению с буржуазной революцией, затем подвергал критике ленинские работы, особенно «Очередные задачи Советской власти». Предложенные в ней меры он рассматривал как первые шаги интеллигенции по пути к власти. Признание же государственного капитализма, даже при условии рабочего контроля, являлось, по его мнению, свидетельством справедливости его предсказаний относительно того, что социалистическая революция вовсе не стремится разрушить капиталистическую систему, но просто представляет собой стадию для замещения капиталистов интеллигентами как новыми правителями. Махайский одобрял ограничение большевиками привилегий старой интеллигенции, но одновременно отмечал, что они создали новый класс управленцев.

Экспроприация буржуазии, а затем интеллигенции, считал Махайский, должна обеспечить «полное освобождение рабочих, которое наступает лишь тогда, когда появляется новое поколение равно образованных людей, неизбежно вырастающее, раз завоевана равная оплата ручного и умственного труда, раз интеллигент и рабочий обладают одинаковыми средствами на воспитание своих детей» (с. 10).

Умер Махайский в Москве 19 февраля 1926 года. Последние годы он был корректором. «По иронии судьбы, — замечает Шатц, — он закончил свои дни как один из тех умственных рабочих, против которых была направлена вся его политическая деятельность» (с. 159). Его память почтили «Известия» и «Правда», резко порицая при этом махаевщину, на Новодевичьем кладбище ему был поставлен памятник.

Книга о Махайском и его идейном облике, о махаевщине, этом — увы! — неизбежном продукте антиинтеллигентских настроений (вытекающих из логики нетерпения, нетерпимости и предубеждений), актуальна. Ведь наш опыт доказывает, что прогресс и процветание всех слоев общества требует продуктивно работающей, самостоятельной, социально активной интеллигенции. Эксперименты же над ней — мысленные, идейные, в духе Махайского, или реальные, имевшие место в политике 20—40-х годов, да и в дальнейшем, — носили гибельный для общества характер. Книга Шатца — об этом.

И. Е. ЗАДОРЖНИК

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

«Проблема Грибоедова» (к вопросу о дворянской революционности и просветительстве)

К началу 50-х годов в нашей литературе существовало два подхода к «проблеме А. С. Грибоедова», то есть определению его места в русском общественном движении. Первый, наиболее последовательно аргументированный М. В. Нечкиной, состоит в отождествлении позиций декабристов и Грибоедова¹. Ее оппоненты Н. М. Дружинин и Н. К. Пиксанов обращали внимание на различия во взглядах дворянских революционеров и Грибоедова². Фактически же эти споры затрагивали более широкую проблему — общую оценку общественного движения в России в первой трети XIX века.

В 30—50-е годы в отечественной историографии преобладало рассмотрение истории освободительного движения в России как прямой преемственности от А. Н. Радищева к декабристам, а затем к революционерам-демократам 60-х годов XIX века. Деятели, которых невозможно было зачислять в реакционно-консервативный лагерь, относились (с неизбежными оговорками) к числу дворянских революционеров. В их число, помимо Грибоедова, включали А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева, Д. В. Давыдова, П. А. Вяземского и многих других. Этот односторонний и упрощенный подход не давал возможности объяснить многие явления общественной жизни России первой трети XIX века.

Новый подход к проблеме был изложен в появившихся в последние десятилетия трудах Ю. М. Лотмана, А. Г. Тартаковского, В. В. Пугачева, С. С. Ланды, Н. В. Минаевой, А. В. Семенова и других³, которые доказывают, что круг носителей антифеодальной идеологии того времени не исчерпывался одними только дворянскими революционерами. Многие общественные деятели выступали за ликвидацию крепостного права, ограничение самодержавия и создание представительных органов, разделение властей, законодательную охрану политических и гражданских

свобод и в то же время не разделяли стремлений к созданию тайных антиправительственных организаций и вооруженному выступлению, преследующему цель уничтожения существующей в стране системы правления.

В современной литературе нет еще достаточно устоявшегося термина для обозначения этого общественного течения первой четверти XIX века. Первоначально большое распространение получил термин «дворянские либералы», с обязательной оговоркой об отличии их от либералов второй половины XIX в., но затем его стал вытеснять более подходящий — дворянские просветители. К их числу можно отнести и Грибоедова. Это течение, которое существовало параллельно с движением декабристов и не исчезло с общественной арены и после 1825 г., стало основой для развития идеологии и практики дворянской революционности, представители которой начинали с радикальной трактовки просветительских идей.

Опубликованная в сборнике «А. С. Грибоедов. Материалы к биографии» (Л. 1989) статья Ю. П. Фесенко «Тема «Грибоедов и декабристы» в работах последних лет (некоторые итоги)» написана сторонником традиционного подхода. Автор считает выделение в освободительном движении первой четверти XIX в. помимо декабристов еще и просветительского течения «перехваткой» (с. 105) и попыткой низвести декабристов до уровня «дворцовых заговорщиков» (с. 104). Однако вместо анализа аргументов своих оппонентов он ограничивается тем, что обрушивается на них с упреками за то, что они не хотят принять разделяемую им концепцию. Даже Нечкиной, чью концепцию Фесенко как будто бы разделяет, достался упрек в том, что она-де «излишне прямолинейно усматривала в образе Репетилова критическое отношение Грибоедова к тактике ранних декабристских обществ» (с. 98).

Думается, полемика касается принципиального вопроса, и мнение Фесенко требует серьезного разбора. Главная его претензия к своим научным противникам сводится к тому, что «в конце концов за всеми этими рассуждениями о диаметрально противоположном (либо частичном) несовпадении взглядов Грибоедова и декабристов вырисовывается допущение того, что в русской литературе, вершинные достижения которой были всегда связаны с передовой общественной мыслью, могло появиться произведение общенационального масштаба, начисто игнорирующее (либо только поверхностно учитывающее) наиболее прогрессивные устремления своей эпохи» (с. 100).

Догматическая тенденция в подходе Фесенко здесь очевидна. Но именно это обстоятельство побуждает нас еще раз вернуться к характеристике общественного движения в России первой половины XIX в., одной из ярчайших страниц которого было движение декабристов. Но дворянскую оппозиционность невозможно свести только к неприятию деспотизма и крепостного права. Еще в предшествующие декабристам десятилетия получило распространение неприятие многих отрицательных сторон российской действительности и убеждение в необходимости преобразований. Этим настроениям не были чужды и правительственные круги, что отразилось и в реформаторских планах Александра I.

Но признание необходимости преобразований вовсе не означало, что их сторонники придерживались совпадающих, тождественных позиций. Они расходились, когда начинали отвечать на вопрос: какие преобразования нужны и как их следует проводить? Дворянских революционеров отчетливо выделяло из общего числа поборников преобразований стремление к созданию тайной организации и захвату власти. Либеральные же просветители, к числу которых следует отнести и Грибоедова (а также Вяземского, Давыдова, не говоря уже о Пушкине), не считали насильственное низвержение существующей власти необходимым условием успешных преобразований.

Отсюда и вытекало их двойственное отношение к декабристам. Они вполне разделяли мысли о необходимости изменений, но не могли согласиться с попыткой осуществить их посредством вооруженного выступления части армии. Если же, напротив, попытаться свести их общественную позицию к «околодекабристскому окружению», то исчезнет само понятие — «дворянская революционность», а общественно-политическая жизнь первой четверти XIX в. сведется к двухцветному изображению борьбы революционеров с крепостниками и самодержавием. Но такой подход мало что дает для адекватного понимания реальной истории общественного движения той эпохи.

П. В. АКУЛЬШИН

Примечания

1. НЕЧКИНА М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. М. 1977. См. также: НЕЧКИНА М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова. М. 1982.
2. ДРУЖИНИН Н. М. Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. — Вопросы истории, 1947, № 12; ПИКСАНОВ Н. К. Творческая история «Горе от ума». М. 1971; в то же время. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». В кн.: ГРИБОЕДОВ А. С. Горе от ума. М. 1969.
3. ЛОТМАН Ю. М. Вяземский и движение декабристов. — Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту. 1960. Вып. 98;

ТАРТАКОВСКИЙ А. Г. Военная публистика 1812 г. М. 1967; ПУГАЧЕВ В. В. О специфике декабристской революционности (некоторые спорные вопросы). — Освободительное движение в России. Вып. 1, 2. Саратов. 1971; ЛАНДА С. С. Дух революционных преобразований. М. 1975; МИНАЕВА Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в нач. XIX в. Саратов. 1982; СЕМЕНОВА А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М. 1982; и т. д.

Contents

The Political Archives of the 20th Century. Materials of the March-February 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: V. Kostylev. Lev Tikhomirov's Choice. New Approach to the History of Soviet Society: S. Esikov, L. Protasov. The Antonov Revolt: New Approaches. Historical Profiles: L. Zakharova. Alexander II. Reminiscences: Memoirs of Nikita Khrushchev. From a Historian's Archives. A. Zimin. «The Lay of Igor's Host» (fragments from a book), introduced by A. Formozov. Historical Journalism: A. Avtorkhanov. The Technology of Power. History and Lives. General A. Denikin. From the History of Troubled Times in Russia. Publications. Secret Correspondence Between the USSR and Yugoslavia in 1948. People. Events. Facts. A. Akinshin. The Fates of Specialists in Local Lore (Late 20s-Early 30s). Historiography: G. Alekseyeva, A. Manykin. The Party of the Socialist Revolutionaries after October 1917; K. Gadzhiev. The American Nation: National Awareness and Culture; M. Shatz. Yan Vaclaw Machajski. The Radical Critic of the Russian Intelligentsia and Socialism. Letters to the Editor.

Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»,
Российская Академия наук,
Издательство «Прогресс»

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Б. В. Орешин, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» № 6—7, 1992, 192 стр.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор И. В. Малюхина.

Сдано в набор 8.01.92. Подписано в печать 25.03.92. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 33,6. Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 15 846. Заказ 2914. С-081. Индекс 70145.

Акционерное общество «Издательская группа „Прогресс“». 119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bul., 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

**Издательство «Образование»
(Санкт-Петербург)
ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ В 1992—1993 гг.
следующие книги:**

А. Е. КУДРЯВЦЕВ. Записки о войне 1917 г. СПб. 1992. 110 с. с илл. (Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. А. Андреевской, А. Л. Трухина.)

В публикуемом впервые военном дневнике поручика Алексея Евгеньевича Кудрявцева (1894—1918) описываются события, которые происходили в частях русской армии на Румынском фронте с мая по конец декабря 1917 года. Литературный талант в сочетании с большой наблюдательностью помогли автору увлекательно рассказать о боевых действиях русских войск на заключительном этапе первой мировой войны, сжато, но емко обрисовать жизнь населения Румынии и живописные места Карпат.

Человек в истории. Методические материалы по истории Отечества для VIII—IX классов. СПб. 1992. 240 с. с илл. (Сост. Н. А. Сырейщикова, Н. Н. Лазукова, М. Е. Жукова.)

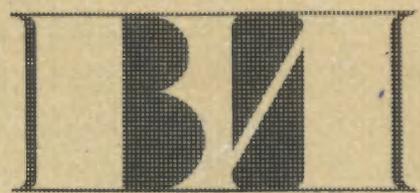
В сборнике даются исторические портреты выдающихся людей X—XIX веков: великих князей и царей, государственных деятелей и духовных лиц, полководцев и представителей русской культуры. Приводятся фрагменты из трудов отечественных историков и произведений художественной литературы, содержащие альтернативные оценки жизни и деятельности этих личностей. Материалы сборника позволяют воссоздать собирательный образ человека той или иной эпохи, его внешний облик, образ мыслей, условия жизни, духовные ценности.

А. Е. КУДРЯВЦЕВ. Публицистика 1917—1918 гг. Избранное. СПб. 1993. 150 с. (Сост. и авторы вступ. ст. Е. А. Андреевская, А. Л. Трухин.)

В сборник вошли наиболее яркие и интересные публицистические произведения видного советского историка профессора Александра Евгеньевича Кудрявцева (1880—1941), появившиеся в 1917—1918 гг. на страницах журнала «Летопись» и газеты «Новая жизнь». В дальнейшем эти материалы, не вписывавшиеся в рамки господствующей идеологии, оказались недоступны для широкого круга читателей.

Заявки на книги просим присылать по адресу:
191186. г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48.
Издательство «Образование».

Индекс 70145

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**